

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 16 № 1 / 2026

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 16 № 1 / 2026

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются: тренды мировой и национальной экономики; модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики; управление в социально-экономических системах; экономическая политика и механизмы ее реализации; государство и бизнес на пути цифровой трансформации; актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем; экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов; приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности; социально-экономическое прогнозирование и моделирование; институциональные факторы развития экономических систем; проблемы и перспективы развития финансового сектора; трудовые ресурсы и образование; социально-экономические проблемы современного общества; философские исследования природы, общества, человека; научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Философские науки: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Социологические науки: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Волохова Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Каменева Татьяна Николаевна, д-р социол. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кнященко Лариса Павловна, д-р филос. наук, профессор, Института философии РАН, (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Проняева Людмила Ивановна, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал (Орел, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Стефановская Наталия Александровна, д-р социол. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Тен Юлия Павловна, д-р филос. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Трещевский Юрий Игоревич, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, Независимое агентство аккредитации и рейтинга (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Юго-Западный государственный университет, 2025

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен О. А. Леоновой

Подписано в печать 27.02.2026. Формат 60х84/8.

Дата выхода в свет 30.03.2026.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,6.

Тираж 1000 экз. Заказ 6.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: Economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are: trends of the world and national economy; modernisation and innovative technological development of economy; management in socio-economic systems; economic policy and mechanisms of its realization; the government and business on the path of the digital transformation; actual problems of regional socio-economic systems development; economics and organization of enterprises, industries, complexes; development priorities of marketing and logistics activities; socio-economic forecasting and modelling; institutional factors of economic systems development; problems and prospects of the financial sector development; human resources and education; socio-economic problems of modern society; philosophical study of nature, society and human; scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Philosophical sciences: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Sociological sciences: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana N. Kameneva, Doctor of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Larisa P. Kiyashchenko, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russia)

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economics, Ulan Bator Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Roman V. Obodets, Doctor of Economics, Associate Professor, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Lyudmila I. Pronyaeva, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – Branch (Orel, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Natalia A. Stefanovskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia)

Sergey A. Shelkovnikov, Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuri I. Treshchevsky, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, Independent Agency of Accreditation and Rating (Nursultan, Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editoriat Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Southwest State University, 2025

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: O. A. Leonova

Sent to the printer 27.02.2026. Format 60x84/8.

Release date 30.03.2026.

Offset paper. Printer's sheets: 34,6.

Circulation 1000 copies. Order 6.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Основные мероприятия по развитию экспортной деятельности в России	10
<i>Букреева Т. Н., Алябьева К. В., Лозовский И. И.</i>	
Внедрение инновационных технологий для решения структурных проблем сельскохозяйственного производства стран Африки	27
<i>Кузьмина В. М., Гаврилова А. Р.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	41
Анализ динамики и структуры затрат производства сахарной свеклы в регионе	41
<i>Болохонцева Ю. И., Жиликов Д. И.</i>	
Пространственно-экономическая дифференциация цифрового развития в регионах России	54
<i>Попова Л. А., Жахов Н. В.</i>	
Трансформация цифровой экономики региона: динамика развития, отраслевые эффекты и институциональные меры поддержки.....	66
<i>Алтухов В. Н., Медведева Д. С., Святова О. В.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ	80
Мониторинг исполнения заданий государственного оборонного заказа промышленными предприятиями	80
<i>Федотова Г. В., Терюхов Я. И., Сосков М. Н.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ	93
Эмерджентные феномены и социально-экономические метаморфозы в контексте развития искусственного интеллекта.....	93
<i>Черкашнев Р. Ю.</i>	
Исследование экономической безопасности регионов (на примере субъектов Центрального федерального округа).....	111
<i>Барinov М. А.</i>	
Оценка причинности в социально-экономическом и научно-инновационном развитии территорий с помощью теста казуальности Грейнджера.....	123
<i>Грачев С. А., Быкова М. Л.</i>	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	138
Оценка уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики	138
<i>Кондратьев Л. Н., Плотников В. А.</i>	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА	150
Трансмиссия внешних рисков на российский рынок ценных бумаг: эмпирический анализ.....	150
<i>Колмыкова Т. С., Субботин Н. А.</i>	
Оценка эффективности контрольной деятельности Федеральной налоговой службы России в условиях цифровой трансформации налогового администрирования	160
<i>Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю.</i>	
Оценка влияния социодемографических факторов на инвестиционные решения	178
<i>Баянсан Пурэв, Энхбаяр Чойжил, Энх-Амгалан Бямбажав</i>	
Чат-боты в банковской сфере: перспективы внедрения и эффективность использования	191
<i>Пьянова Н. В., Алекса Е. А., Даровых Д. Д., Пьянов Р. Р.</i>	
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ.....	201
Анализ концепции «Обучение на протяжении всей жизни».....	201
<i>Шманёв С. В., Морковкин Д. Е.</i>	

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.....	214
«Культурный поворот» в стратегии взаимодействия армии США с социальными науками	214
<i>Абрамов А. П.</i>	
Социально-экономическое самочувствие жителей Приволжья после введения санкций.....	226
<i>Рогач О. В.</i>	
Роль потребительского поведения в формировании социальной идентичности студенческой молодежи	236
<i>Каменева Т. Н., Рожко А. И.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	247
Концепция К. Поппера «трёх миров» в зеркале советского мультфильма «Полигон» (1977)	247
<i>Немцев А. Д., Панищев А. Л.</i>	
Страх смерти и духовное пробуждение: экзистенциальная трансформация личности в религиозной философии Л. Н. Толстого.....	259
<i>Волохова Н. В., Воробьев Н. В.</i>	
Цифровое искусство как механизм сохранения традиционных ценностей	270
<i>Попов Е. В., Комарова О. В., Осипенко А. А.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....	282
Способы обеспечения конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности в условиях неопределенности: стратегия и тактика	282
<i>Забродина В. Ю.</i>	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	298

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY	10
The key measures for developing export activities in Russia	10
<i>Tatyana N. Bukreeva, Ksenia V. Alyabyeva, Ilia I. Lozovskyi</i>	
Introduction of innovative technologies to solve structural problems of agricultural production in African countries	27
<i>Violetta M. Kuzmina, Anastasia R. Gavrilova</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	41
Analysis of the dynamics and cost structure of sugar beet production in the region	41
<i>Yuliya I. Bolokhontseva, Dmitrii I. Zhilyakov</i>	
Spatial and economic differentiation of digital development in the regions of Russia	54
<i>Lyudmila A. Popova, Nikolai V. Zhakhov</i>	
Transformation of the digital economy of the region: dynamics of development, sectoral effects and institutional support measures	66
<i>Vladislav N. Altukhov, Daria S. Medvedeva, Olga V. Svyatova</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES SYSTEMS	80
Monitoring the implementation of state defense order tasks by industrial enterprises	80
<i>Gilian V. Fedotova, Yaroslav I. Teryukhov, Mikhail N. Soskov</i>	
SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING	93
Emergent phenomena and socio-economic metamorphoses in the context of artificial intelligence development	93
<i>Roman Yu. Cherkashnev</i>	
A study of regional economic security (using the Central Federal District as an example)	111
<i>Mikhail A. Barinov</i>	
Assessment of causality in socio-economic, scientific and innovative development of territories using the Granger causality test	123
<i>Sergey A. Grachev, Margarita L. Bykova</i>	
INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	138
Assessment of the real sector of the national economy economic security level	138
<i>Leonid N. Kondratiev, Vladimir A. Plotnikov</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT	150
Transmission of external risks to the Russian securities market: an empirical analysis	150
<i>Tatyana S. Kolmykova, Nikolai A. Subbotin</i>	
Assessment of the effectiveness of the control activities of the Federal Tax Service of Russia in the context of the digital transformation of tax administration	160
<i>Yulia F. Anoshina, Sergey Yu. Simonov</i>	
The impact of socio-demographic factors on investment decisions	178
<i>Bayansan Purev, Enkhbayar Chojil, Enkh-Amgalan Byambajav</i>	
Chatbots in banking: implementation prospects and usage effectiveness	191
<i>Natalia V. Pyanova, Elizaveta A. Aleksa, Darov D. Darovykh, Ruslan R. Pyanov</i>	
HUMAN RESOURCES AND EDUCATION	201
Analyzing the concept of „Lifelong learning“	201
<i>Sergey V. Shmanev, Dmitry E. Morkovkin</i>	
SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT	214
The "Cultural Turn" in the U.S. Army's strategy for engaging with social sciences	214
<i>Alexander P. Abramov</i>	

Socioeconomic well-being of residents of the Volga region after the introduction of sanctions.....	226
<i>Olga V. Rogach</i>	
The role of consumer behavior in shaping the social identity of student youth	236
<i>Tatyana N. Kameneva, Anastasia I. Rozhko</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN.....	247
Karl Popper's concept of "three worlds" in the mirror of the Soviet cartoon "Polygon" (1977).....	247
<i>Alexander D. Nemtsev, Aleksey L. Panishchev</i>	
Ontological crisis and epistemological reflection: cognitive practices of the precariat in conditions of fragmentation	259
<i>Natalia V. Volokhova, Nikita V. Vorobyov</i>	
Digital art as a mechanism for preserving traditional values	270
<i>Evgeny V. Popov, Oksana V. Komarova, Alexey A. Osipenko</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS	282
Ways to ensure the competitiveness of the food industry in the face of uncertainty: strategy and tactics	282
<i>Valentina Yu. Zabrodina</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS.....	298

Основные мероприятия по развитию экспортной деятельности в России

Т. Н. Букреева¹ ✉, К. В. Алябьева¹, И. И. Лозовский¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tnbinchina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Экспортная деятельность является предметом государственного регулирования в контексте обеспечения реализации национальных интересов и стимулирования производства технологической продукции с высокой долей добавленной стоимости, а также эффективным средством продвижения политических интересов. В России результаты экспортной деятельности нельзя считать удовлетворительными ввиду ее товарной структуры, в которой преобладает продукция сырьевого характера. В импорте преобладают товары переработки с более высокой добавленной стоимостью.

Цель работы – сформулировать мероприятия по развитию экспортной деятельности в России.

Задачи: рассмотреть состояние экспортной деятельности России в условиях санкционных ограничений; определить ключевые факторы, ограничивающие экспортную деятельность в России; проанализировать основные нормативно-правовые акты, оказывающие непосредственное влияние на развитие экспорта; сформулировать предложения по развитию экспортной деятельности в России.

Методология. Проведен анализ нормативно-правовой документации, регулирующей ключевые аспекты экспортной деятельности в России. Методами индукции и дедукции предпринята попытка оценить перспективы реализации Россией логистического потенциала.

Результаты. Анализ данных Банка России, наряду с оценками авторов, позволил выявить внутренние факторы, ограничивающие экспорт. Первая группа факторов относится к проблемам в реализации таможенной процедуры экспорта. Вторая группа факторов связана с развитием транспортно-логистического комплекса России и участия в международных потоках товародвижения. В результате были систематизированы проблемные аспекты и предложены направления развития экспортной деятельности.

Вывод. С целью развития экспортной деятельности в России необходимо направить усилия на трансформацию структуры экономики с акцентом на продукцию высокого передела, реализовать возможности развития транспортно-логистического потенциала страны, расширить практику применения цифровых технологий в деятельности госорганов с целью снижения нагрузки на бизнес.

Ключевые слова: экспорт; логистика внешнеэкономической деятельности; товары высокой степени переработки; транспортная инфраструктура; таможенная декларация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Букреева Т. Н., Алябьева К. В., Лозовский И. И. Основные мероприятия по развитию экспортной деятельности в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 10–26. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-10-26>

Поступила в редакцию 15.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Опубликована 27.02.2026

The key measures for developing export activities in Russia

Tatyana N. Bukreeva¹✉, Ksenia V. Alyabyeva¹, Ilia I. Lozovsky¹

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tnbinchina@yandex.ru

Abstract

Relevance. Export activity is a subject to state regulation in the context of ensuring the realization of national interests and stimulating the production of technological products with high added value, as well as an effective means of advancing political interests. In Russia, export performance cannot be considered satisfactory due to its commodity structure, which is dominated by raw materials. Imports are dominated by processed goods with higher added value.

The purpose of the paper is to formulate measures for the development of export activities in Russia.

Objectives: to review the state of Russia's export activities in the context of sanctions restrictions; identify the key factors that limit export activities in Russia; analyze the main legal acts that have a direct impact on the development of exports; and formulate proposals for the development of export activities in Russia.

Methodology. It was conducted the analysis of regulatory documents governing key aspects of export activities in Russia. Using inductive and deductive methods, the authors have attempted to assess the prospects for Russia realizing its logistics potential.

Results. An analysis of Bank of Russia data, along with the authors' assessments, have allowed to identify internal factors limiting exports. The first group of factors relates to problems with implementing export customs procedures. The second group of factors relates to the development of Russia's transport and logistics complex and its participation in international trade flows. As a result, problematic aspects were systematized and directions for export development were proposed.

Conclusion. To develop export activity in Russia, efforts must be focused on transforming the economic structure with a focus on high-value-added products, realizing the potential for developing the country's transport and logistics potential, and expanding the use of digital technologies in government agencies to reduce the burden on businesses.

Keywords: export; foreign economic activity logistics; highly processed goods; transport infrastructure; customs declaration.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bukreeva T.N., Alyabyeva K.V., Lozovsky I.I. The key measures for developing export activities in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):10–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-10-26>

Received 15.12.2025

Accepted 12.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Экспортная деятельность, несмотря на кажущуюся однозначность процесса, представляет собой многоуровневую системную работу, оказывающую влияние

как на государство в целом (в т. ч. вопросы национальной безопасности и социально-экономического развития), так и на конкретных участников внешнеэкономической деятельности. Косвенным под-

тверждением определенной сложности экспортной деятельности является практика формирования институтов развития по стимулированию экспорта конкретных товарных групп, законодательная работа по подготовке мер поощрения и т. д. Россия не является исключением в вышеприведенной деятельности, в частности, в стране функционирует «Российский экспортный центр», а представители органов власти отмечают необходимость стимулирования экспорта инновационной продукции. Однако, несмотря на предпринимаемые государством усилия, объем экспорта, тем более его структура свидетельствуют, что значительную часть поставок России на внешние рынки составляет сырьевая продукция. Таким образом, можно предположить, что имеются сложности, сдерживающие экспортную деятельность.

Материалы и методы

Теоретическая часть статьи опирается на имеющиеся российские и зарубежные исследования в области внешнеэкономической деятельности, международной торговли в целом и мировой логистики в частности, а также базируется на материалах, посвященных межгосударственным торговым войнам и ограничениям экономического характера. С целью исследования современного состояния экспортной деятельности применялся комплекс методов научных исследований, включая методы статистического анализа, логического анализа, индукции и дедукции.

Анализ научной и деловой литературы позволил определить основные проблемы, с которыми сталкиваются экспортеры при осуществлении внешнеэкономической деятельности, при этом некоторые из сложностей базируются на внешних условиях (санкции, высокая степень неопределенности развития мировой торговли), другие могут быть решены на уровне национального государства. В свою очередь, полученные выводы в со-

вокупности с результатами анализа современного состояния экспортной деятельности позволили определить перспективные направления трансформации ряда отраслей экономики России с целью дальнейшего расширения экспорта продукции высокой степени переработки.

Информационной базой явились нормативно-правовые акты национального и международного значения, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ, Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешне-торговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ, Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, материалы интернет-изданий органов власти и официальных сайтов информационных агентств, материалы международных средств массовой информации, а также научные изыскания аналитических центров и отечественных исследователей по теме исследования.

Результаты и их обсуждение

В информационно-аналитическом комментарии Банка России за второй квартал 2025 г. отмечается стоимостное снижение экспорта вследствие снижения мировых цен на нефть и уголь, ограничений добычи нефти (в рамках договоренностей ОПЕК+), а также прекращения с начала 2025 г. транспортировки газа через территорию Украины¹. Характерной чертой ценообразования на нефть после

¹ Платежный баланс Российской Федерации: информационно-аналитический комментарий. № 2 (23). II квартал 2025 года. Информационно-аналитический комментарий URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57183/Balance_of_Payments_2025-2_23.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

введения санкций и возникновения угрозы попасть под вторичные санкции, отразившейся и на внешнеторговых потоках нефти, стал значительный рост дисконта российского сорта нефти Urals к бенчмарку Brent, начавшийся с марта 2022 г. [1]. Как отмечает Е. В. Оглоблина, в результате совокупности разнообразных мер в области вторичных санкций, по мнению экспертов, как у текущих, так и у новых торговых партнеров России может наблюдаться «избыточный комплаенс» – боязнь нарушения даже несуществующих санкций, осложняющая ведение бизнеса [2].

При этом следует отметить, что санкционное давление стимулировало двустороннюю торговлю между Россией и Китаем [3], что подтверждается политической активностью, выраженной во встречах на высшем уровне, представителей двух стран [4]. В перспективе изучение возможных сценариев дальнейшего развития экономических отношений России с КНР и в формате ЕАЭС-КНР, их преимуществ и вероятных рисков должно стать предметом пристального изучения и обсуждения в научном и экспертном сообществе [5].

Д. И. Ушкалова в своей работе пишет об эффекте «ловушка большой страны», который заключается в том, что в случае, если страна имеет высокий удельный вес в поставках на международные рынки («большая страна»), то ограничение (вследствие санкций) поставок неизменно приводит к росту мировых цен, что позволяет компенсировать сокращение объемов поставок в физических величинах и изменяет географию поставок [6]. В результате можно наблюдать при формальной эффективности санкций (ограничение физических объемов экспорта) их невысокую результативность, поскольку рост цен даже при снижении физических объемов может привести к стоимостному увеличению экспорта. Однако исследователь отмечает, что «ловушка большой страны» затрагивает не все статьи российского экспор-

та, а, прежде всего, углеводородное сырье, что в очередной раз подтверждает факт: для мировой экономической системы Россия главным образом является поставщиком сырьевой продукции (из технологичного экспорта можно отметить поставки товаров военного назначения и реализацию проектов в сфере атомной энергетики).

В итоге ряд исследователей склоняется к выводам, что внешнеэкономическую деятельность России сложно считать высокоэффективной и легко прогнозируемой [7], а изменения протекают предельно медленно [8]. В настоящее время Россия направляет усилия на развитие несырьевого неэнергетического экспорта, для чего сформированы соответствующие институты развития, скорректированы законодательные акты, реализуются соответствующие программы. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, состояние российского экспорта характеризуется преобладанием в нем сырьевой продукции (рис. 1).

На несбалансированность товарной структуры экспорта и импорта обращают внимание многие исследователи. В частности, Е. Ю. Широкова указывает, что диспропорции оказывают сильное негативное влияние на национальную экономику в условиях турбулентности на международных рынках [9].

В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года (далее – Энергетическая стратегия) отмечено, что «доля топливно-энергетического комплекса в части инвестиций в основной капитал составляет около одной трети всего объема в Российской Федерации, в структуре доходов федерального бюджета – также около трети, а в российском экспорте (в стоимостном выражении) – 65%». Причем структура экспорта не изменяется на протяжении ряда лет и не зависит от объема товарооборота (рис. 2), изменению подвергаются абсолютные величины экспорта продукции при сохранении удельного веса.

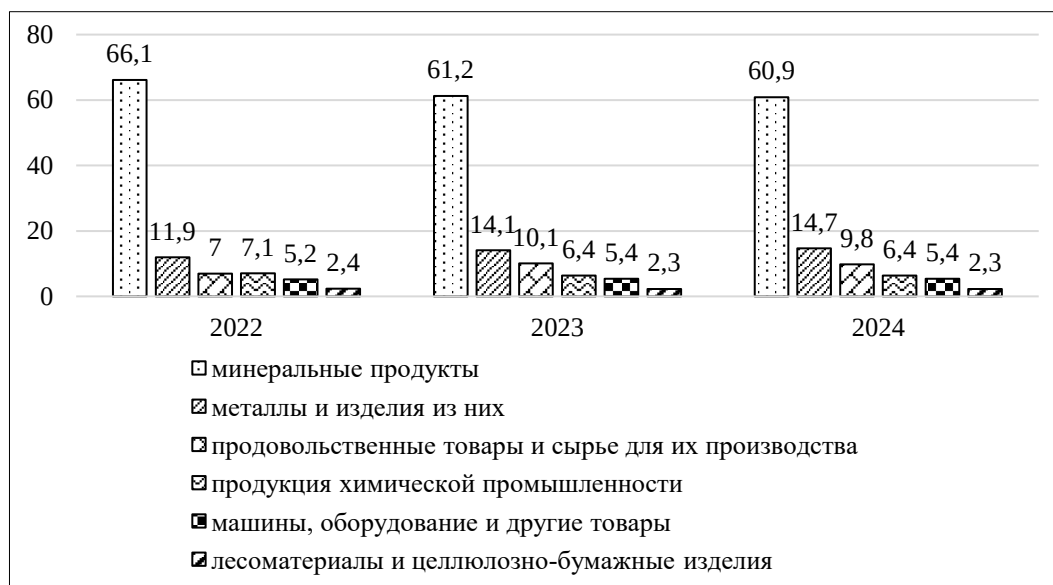

Рис. 1. Удельный вес продукции в экспорте Российской Федерации, %

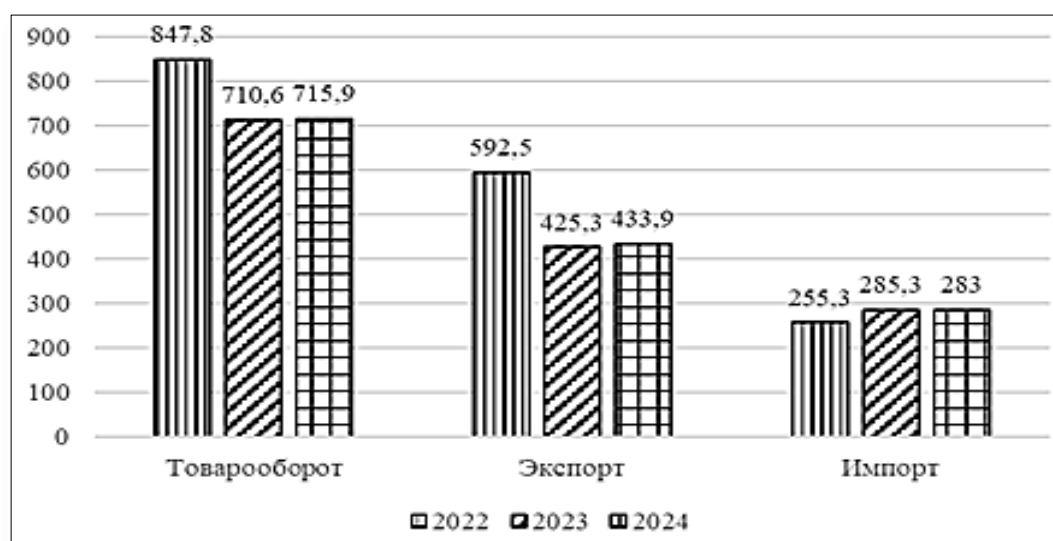

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Российской Федерации, млрд долл. США

Данный факт связан, во-первых, со сложившейся структурой экономики, которая имеет определенную степень инертности и изменяется постепенно; во-вторых, со сложностями в процессе осуществления таможенной процедуры экспорта (как с вопросами таможенного администрирования); в-третьих, с уровнем соответствия транспортно-логистической инфраструктуры потребностям участников внешнеэкономической деятельности и т. д.

Динамика структурных вопросов в определенной степени определяется на национальном уровне, но сильно подвержена мировым тенденциям, внутренние ограничения имеют более выраженный национальный характер и в меньшей степени подвержены внешнему влиянию (реализация таможенного администрирования, уровень транспортно-логистической системы, результативность деятельности институтов развития, нормативно-правовое обеспечение).

Ключевые факторы, ограничивающие экспортную деятельность

Е. А. Горин и А. А. Золотарев указывают на то, что ключевым направлением государственной политики развития промышленности является устранение барьеров для экспортной деятельности [10]. Банк России в аналитической записке от апреля 2021 года отмечает, что основным ограничением выхода предприятий на внешние рынки является несоответствие

качества производимой продукции экспортному спросу¹. Рассмотрим результаты исследования ответов экспортеров и неэкспортеров (табл. 1). Для предприятий экспортеров наиболее значимыми ограничивающими факторами являются транспортно-логистические проблемы и высокая себестоимость производства (можно включить в конкурентоспособность по цене на внешних рынках).

Таблица 1. Основные ограничения для развития экспорта, %²

Экспортеры		Неэкспортеры	
Транспортно-логистические проблемы (неразвитость, высокие затраты)	33	Качество продукции не соответствует экспортному спросу	36
Высокая себестоимость производства продукции	29	Транспортно-логистические проблемы (неразвитость, высокие затраты)	29
Высокие затраты на маркетинговое продвижение за рубежом	24	Высокие затраты на маркетинговое продвижение за рубежом	17
Особые требования страны-импортера для российской продукции (сертификация и пр.)	21	Высокая себестоимость производства продукции	16
Качество продукции не соответствует экспортному спросу	19	Особые требования страны-импортера для российской продукции (сертификация и пр.)	13
Необходимость адаптации продукции к предпочтениям потребителей страны-импортера	18	Сложности на таможне (долгий срок прохождения, требования к документам и т. д.)	12
Торговые ограничения на ввоз российской продукции в странах-импортерах	17	Необходимость адаптации продукции к предпочтениям потребителей страны-импортера	12
Недостаток доступной информации о зарубежных рынках	14	Недостаток доступной информации о зарубежных рынках	11
Сложности на таможне (долгий срок прохождения, требования к документам и т. д.)	14	Сложность лицензирования, получения разрешений на ведение экспортной деятельности	7
Геополитическая ситуация в мире	14	Торговые ограничения на ввоз российской продукции в странах-импортерах	6
Резкие колебания валютного курса	12	Резкие колебания валютного курса	5
Сложность лицензирования, получения разрешений на ведение экспортной деятельности	10	Геополитическая ситуация в мире	3
Сложившийся в 2019 г. уровень курса рубля	7	Сложившийся в 2019 г. уровень курса рубля	3
Прочие	3	Прочие	6
Особых ограничений нет	15	Особых ограничений нет	10

¹ Карлова Н., Пузанова Е. Что мешает российскому экспорту: результаты опроса предприятий: аналитическая записка. Апрель 2021. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/120062/analytic_note_apr21_dip.pdf (дата обращения: 17.11.1025).

² Карлова Н., Морозов А., Пузанова Е. Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий: аналитическая записка. Январь 2023. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf (дата обращения: 17.11.1025).

В свою очередь, неэкспортеры основными факторами, которые мешают им осуществлять экспортную деятельность, указывают на несоответствующее экспортным рынкам качество выпускаемой продукции, а также наряду с экспортерами отмечают сложности при осуществлении перевозки и хранения.

При этом отмечается зависимость экспортеров из России от импортной продукции, прежде всего, средств производства и полуфабрикатов. Поэтому в аналитической записке Банка России от января 2023 г. обращается внимание на то, что проблемы, связанные с экспортом в 2022 г., оказались для производителей экспортируемой продукции менее значимыми, чем разрыв цепочек поставок нужного импорта.

П. Л. Глухих отмечает, что с введением антироссийских санкций будет происходить адаптация экспортеров при сочетании следующих факторов: ограниченность инвестиционных ресурсов, поиск альтернативных логистических маршрутов, модернизация либо перезапуск производственных цепочек, расширение «дружеских» рынков сбыта [11].

С. С. Судаков, говоря о зависимости от сырьевого экспорта, указывает на отсутствие явных трендов в улучшении эффективности работы институтов поддержки и предоставляемых мер поддержки [12].

Следует отметить, что функционирование внешней торговли в начальный период введения санкций в 2022 г. получило большое количество ограничений, направленных на сокращение объемов ее экспорта и импорта. При этом за прошедший период произошла кардинальная трансформация географии внешнеторговых связей России, что обусловило перестройку транспортно-логистических и производственных цепочек, развитие неформальной (обходной, посреднической) торговли с неприсоединившимися к санкциям странами и усилению россий-

ской политики импортозамещения. В результате произошедших изменений значительно возросла географическая концентрация экспортных потоков России и ухудшилась их товарная структура: если в 2021 г. на первые десять стран – основных экспортных партнеров – приходилось 59,8% всего экспорта страны, то в 2024 г. – уже 74,0% [13].

В то же время до 31 декабря 2025 г. продлеваются запреты и ограничения на вывоз из РФ некоторых товаров и оборудования (постановление Правительства РФ от 23.12.2023 г. № 2285 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»). Таким образом, Россия оказалась в довольно сложной ситуации, когда наблюдается рост зависимости как от импорта, так и от экспорта.

В первом случае следствием является отсутствие либо несоответствие технологий для внутрироссийского производства, в т. ч. в стратегически важных сферах, например в энергетике. Зависимость отечественной нефтепереработки от импорта катализаторов, попавшего под санкции, по данным ФТС за 2019 г., оценивается в 77%¹. А. И. Соснило отмечает, что наиболее зависимой от импорта является станкостроение с долей продукции российского производства 24%, медицинская промышленность – 31% [14]. В Энергетической стратегии указано, что реализация ряда задач и мероприятий имеет комплекс рисков, среди которых – «импортозависимость от номенклатурного ряда промышленной продукции». В связи с этим отмечена необходимость ускорения обеспечения технологического суверенитета вследствие санкционных ограничений в части поставок оборудования.

¹ ТЭК России в условиях санкционных ограничений // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Энергетические тренды. 2022. Вып. № 106. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf>. (дата обращения: 17.11.2025).

Во втором случае ограничение рынков сбыта приводит к росту зависимости от покупателей, которые имеют возможности альтернативных поставок. В Энергетической стратегии указано, что «высокая конкуренция на мировой арене среди поставщиков энергоносителей обуславливает острую необходимость сохранения и развития конкурентоспособной отечественной минерально-сырьевой базы энергетического сырья». Таким образом, наблюдается усиление зависимости России в части экспортных поставок, поскольку преобладает сырьевая продукция энергетического характера.

К тому же применение на практике участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД) таможенной процедуры экспорта сопряжено с возникающими разнопричинными проблемами, которые необходимо регулировать на законодательном уровне, а также в результате организационных и технических меро-

приятий [15]. В частности, в работе [16] отмечены специфические моменты, усложняющие реализацию таможенной процедуры экспорта и негативно влияющие на деятельность по осуществлению экспорта.

Выявленные и проанализированные проблемы, возникающие в рамках осуществления экспорта, нуждаются в совершенствовании устарелых подходов или поиске новых путей их решения. Исходя из проблемных аспектов при экспорте, приведенных в работе В. В. Коварды и И. М. Семенова, необходимо в числе прочего выработать ключевые подходы и направления совершенствования таможенной процедуры экспорта как одной из часто применяемой участниками ВЭД таможенной процедуры.

На рисунке 3 представлены основные проблемы на пути развития экспортной деятельности в России, не учитывая вопросы мировой конъюнктуры.

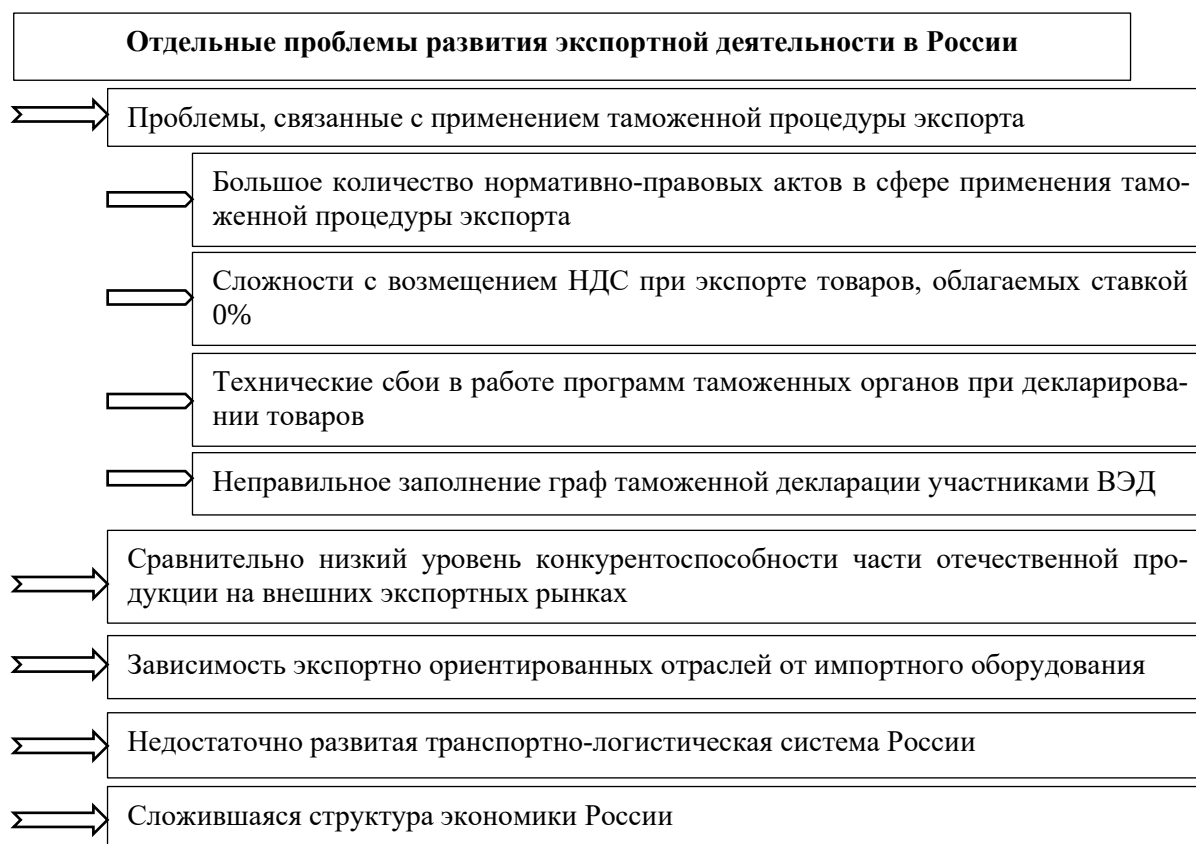

Рис. 3. Основные проблемы развития экспортной деятельности в России

Отталкиваясь от выявленных проблем, можно определить ключевые направления для разработки мероприятий по развитию экспортной деятельности.

Мероприятия по развитию экспортной деятельности в России

Одной из проблем в рамках реализации таможенной процедуры экспорта является большое количество нормативно-правовых актов в сфере применения таможенной процедуры экспорта. Существующие нормативно-правовые акты, регламентирующие процедуру экспорта, требуют как доработки, структурирования и гармонизации, так и улучшения их правоприменения на практике.

Во-первых, в рамках совершенствования при решении данной проблемы необходимо создание единого реестра нормативно-правовых актов в общем доступе, который позволил бы участникам ВЭД наглядно видеть, какие из них ему требуется изучить и ссылаться перед помещением товаров под таможенную процедуру.

Введение единого реестра всех нормативных актов в области таможенного регулирования таможенных процедур упростит доступ к информации и навигации по таможенному законодательству стран-членов ЕАЭС (далее – Союз). Его создание должно быть организовано на наднациональном уровне в рамках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), что даст возможность публиковать единый реестр нормативно-правовых актов в области регулирования таможенных процедур на сайте ЕЭК в отношении каждой страны участницы Союза с прикреплением ссылок на конкретные документы.

В рамках применения таможенной процедуры экспорта это является важным и актуальным решением, так как оно позволило бы сократить число нарушений со стороны экспортеров при заявлении сведений таможенному органу в процессе декларирования, при проведении тамо-

женного контроля или совершении иных таможенных операций.

Во-вторых, вместе с тем непосредственно для укрепления доверия между участниками ВЭД и таможенными органами необходимо со стороны последних предоставлять больше разъяснений по изданным нормативно-правовым актам, например, с помощью консультаций, встреч, семинаров, тренингов, круглых столов, писем и т. д. Все вышеперечисленное следует также опубликовывать в сети Интернет в Реестре и прикреплять ссылки на них к конкретному документу.

В-третьих, стоит отметить, что помимо этого важно системно и регулярно оценивать эффективность действующих нормативных актов в Реестре, чтобы не возникал их огромный перечень, который в настоящем времени уже не будет актуален и работать в полной мере. Создание такой системы мониторинга позволит выявлять неработающие или устаревшие нормы и вносить в них изменения в ближайшие сроки, что, безусловно, окажет положительное влияние на осуществление внешнеторговой деятельности участниками бизнес-сообщества и улучшит взаимодействие с таможенными органами.

Еще одной из выявленных проблем стало возникновение сложностей с возмещением НДС при экспорте товаров, облагаемых по ставке 0%. Для решения данной проблемы предлагается такой путь решения, как автоматический возврат НДС экспортеру без предоставления документов о подтверждении нахождения товаров вне территории страны самим участником ВЭД от таможенных органов к налоговым. За счет информационного взаимодействия государственных структур должна происходить передача необходимых документов и сведений об экспорте продукции.

В свою очередь, участник ВЭД, экспортировавший товары, должен будет всего лишь подать заявление через сеть Интернет в налоговый орган по адресу

своей регистрации в целях возмещения уплаченных налогов. Налоговый орган через внутреннюю систему взаимодействия сделает запрос документов и сведений у таможенных органов, после чего проведет их проверку. Если все данные будут подтверждены, а также соответствовать критериям (например, товар действительно вывезен и таможенный орган об этом уведомлен с помощью автоматизированной системы), заявление может быть обработано без необходимости предоставления бумажных документов и дополнительных проверочных мероприятий. В ином случае налоговый орган примет решение о проверке, а после о возврате или невозможности возврата уплаченных экспортером денежных средств.

Стоит также внести изменения в Налоговый кодекс РФ или создать отдельный нормативно-правовой акт, регулирующий такую процедуру упрощения механизма возврата НДС участникам ВЭД, экспортировавшим товары. Это позволит структурировать и описать весь необходимый процесс от подачи заявления налоговому органу участником ВЭД до конкретизации действий налоговых органов и участников ВЭД, а также определения фиксированных сроков возврата НДС.

Применение вышеперечисленных подходов решения проблемы может значительно упростить процесс возмещения НДС и сделать его более эффективным для участников ВЭД, так как он сократит временные затраты, которые достигают в некоторых случаях 9 месяцев, издержки юридических лиц, выражающиеся в миллионах рублей, и также упростит взаимодействие бизнеса и государственных структур между собой.

Следующая рассмотренная проблема — это технические сбои в работе программ таможенных органов при декларировании товаров, которые мешают нормальному функционированию как непосредственно таможенными органами, так и

участникам внешнеэкономической деятельности.

Защита внутренних таможенных систем и программного обеспечения от кибератак и внешних угроз является важным аспектом гарантии стабильности и надежности работы таможенных органов и бизнеса в целом. Высокий уровень цифровизации и внедрение ее в работу ФТС России имеют не только положительные стороны, так как в случае проведения регулярных кибератак создаются риски остановки полномасштабной торговли. Ввиду того что в последнее время внешние воздействия на системы государственных органов стали более масштабными и несущими серьезные последствия, нахождение путей решения данной проблемы является актуальным и востребованным.

Наличие даже потенциальной возможности угрозы воздействия на цифровые системы таможенных органов может негативно влиять на безопасность таможенной информации, включая вопросы коммерческой и налоговой тайны, поэтому возникающие проблемы кибербезопасности становятся критически важными для обеспечения защиты информации в таможенных органах. Чтобы эффективно противостоять этим угрозам, необходимо учитывать как технические, так и организационные аспекты защиты систем.

В первую очередь необходимо повысить уровень защищенности цифровых систем и программного обеспечения ФТС России. Для этого целесообразно внедрять современные многоуровневые технологии защиты информации, включая брандмауэры (защита компьютерной сети, ограничивающая прохождение входящего, исходящего и внутрисетевого трафика), системы вторжений, несанкционированного доступа и антивирусные программы.

Еще одним важным фактором защиты и предупреждения нежелательных последствий кибератак является соблюде-

ние кибергигиены – способности должностных лиц таможенных органов оставаться в безопасности при использовании ведомственной интегрированной телекоммуникационной сети во время работы на автоматизированном рабочем месте с помощью определенного набора действий: выполнение антивирусной проверки, периодическая смена паролей, обновление программного обеспечения (ПО), приложений и операционных систем, очистка жесткого диска компьютера, т. е. для того, чтобы повысить осведомленность должностных лиц таможенных органов об угрозах несанкционированного вмешательства в используемые таможенные системы, необходимо их обучать, проводить встречи и консультации по вопросам противодействия угрозам информационной безопасности.

Наряду с вышеперечисленным должен быть разработан регламентированный план совершаемых должностными лицами таможенных органов процедур и действий быстрого реагирования на технические сбои, а также план процесса восстановления работы цифровых систем.

Таким образом, полное понимание спектра угроз и активное противодействие кибератакам обеспечат безопасность и надежность работы и таможенных органов, и участников ВЭД, что является основой эффективного функционирования внешнеэкономической деятельности страны. Представленные выше мероприятия направлены на совершенствование осуществления таможенной процедуры экспорта.

Еще одной ключевой проблемой (в т. ч. по оценкам участников ВЭД), ограничивающей экспортную деятельность, является проблема изношенности транспортно-логистической инфраструктуры страны, что приводит к необходимости совершенствования и модернизации логистических маршрутов и транспортной инфраструктуры, существующих на территории России.

В условиях глобализации торговли и оптимизации экономических процессов эффективность функционирования транспортно-логистической инфраструктуры оказывает значительное влияние на конкурентоспособность страны на международной арене. Ухудшение состояния транспортной инфраструктуры представляет собой серьезную проблему для внешней торговли страны, а также использования территории государства в качестве транзитной. Решение проблемы требует комплексного подхода, включающего как инвестиции в современные технологии, так и эффективное управление, и финансирования транспортно-логистической сферы со стороны государства.

Например, модернизация транспортной инфраструктуры предполагает за собой масштабные инвестиции в строительство автомобильных дорог, железнодорожных линий и портовых терминалов, которые являются ключом улучшения логистики перемещения экспортируемых товаров. При этом необходимо не забывать о подготовке специалистов соответствующего уровня (профессионально обученных логистов, юристов, финансистов и т. д.), а также ускорении процесса импортозамещения в транспортном машиностроении и строительстве (вплоть до применяемой спецтехники).

Долгосрочные государственные программы должны быть направлены на решение этой проблемы. В настоящее время в России действует Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (далее – Транспортная стратегия РФ), которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 г. № 3363-р.

Согласно положениям Транспортной стратегии РФ, реализация проекта должна затронуть модернизацию системы всех видов транспорта, а также устранить недостатки транспортной инфраструктуры пунктов пропуска и внедрить в нее эле-

менты цифровизации. С помощью этого возможно добиться достижения основополагающей цели, которая заключается в предоставлении на территории страны качественных транспортных услуг, кон-

курентоспособных по сравнению с лучшими мировыми аналогами.

Для достижения цели Транспортной стратегии РФ были инициированы ключевые проекты по развитию транспортно-логистического комплекса страны (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые проекты по развитию транспортно-логистического комплекса России

Транспорт			
автомобильный	воздушный	водный	ж/д
1. Строительство и реконструкция дорог федерального значения. 2. Запуск системы «Платон» для контроля большегрузного транспорта. 3. Обновление подвижного состава	1. Появление первой в Российской Федерации низкобюджетной авиакомпании. 2. Строительство новых аэропортов и взлетно-посадочной полосы. 3. Обновление парка воздушных судов	1. Строительство новых портовых мощностей и речных вокзалов, а также расширение имеющихся. 2. Строительство уникальных новых атомных ледоколов для развития Северного морского пути	1. Модернизация ж/д инфраструктуры магистралей. 2. Развитие пропускных и провозных способностей. 3. Обновление подвижного состава грузового и пассажирского ж/д транспорта

Помимо рассмотренных направлений развития транспортно-логистического комплекса (табл. 2), предполагается модернизировать и усовершенствовать обустройство пунктов пропуска через таможенную границу ЕАЭС и оснащение объектов транспортной инфраструктуры вне пунктов пропуска.

Стоит также отметить пути внедрения цифровизации в сферу транспорта и логистики. Примером может служить создание электронных навигационных карт внутренних водных путей, внедрение электронных товарных накладных и электронных пломб, ввод в промышленную эксплуатацию Государственной автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС».

Таким образом, реализация национальной программы и в рамках нее инвестиций в ремонт, модернизацию, строительство дорог и новых путей позволит снизить износ транспортных средств и повысить безопасность движения, а также сократить время доставки грузов. Внедрение современных технологий и

интеграция мультимодальных решений могут существенно улучшить качество логистики и в конечном итоге увеличить объемы экспорта. В дополнение к этому реализация мероприятий по развитию транспортно-логистической сферы расширит возможности Российской Федерации в рамках участия в международном движении товаропотоков [17]. При этом с целью обеспечения эффективности реализации предложений необходимо параллельно уделить внимание смежным сферам деятельности, таким как финансы (страхование грузов и т. п.), транспортное машиностроение, образование (подготовки специалистов для транспортно-логистической сферы).

Помимо развития транспортно-логистического комплекса, проблема диверсификации структуры российского экспорта товаров является одной из самых актуальных, возникающая в настоящее время в экономике и внешнеэкономической деятельности России.

Экспортный потенциал, т. е. возможности страны по реализации товаров

и услуг на международном рынке, и его фактическая реализация являются ключевыми показателями конкурентоспособности государства в рамках мировой экономики. От развития экспортного потенциала, выступающего действенным инструментом и механизмом, определяются национальные интересы, происходит подтверждение наличия реальных конкурентных преимуществ страны. Таким образом, учитывая относительную узость российского рынка, следует сконцентрировать внимание не только на импортозамещении, но и на экспортоориентированности технологичной (по крайней мере, несырьевой неэнергетической) продукции.

Непосредственное решение вышеупомянутой проблемы напрямую зависит от поддержки государства участников ВЭД. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 г. № 1388-р (Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, далее – Стратегия 2030) является документом, в котором в первую очередь описаны целевые ориентиры внешнеторговой политики Российской Федерации, которая направлена на обеспечение равноправного и активного ее участия в современной системе мирохозяйственных связей.

Одним из важнейших целевых ориентиров Стратегии 2030 отмечен рост товарооборота и несырьевого экспорта, увеличение которого должно произойти в структуре продукции с высокой добавленной стоимостью. Согласно Стратегии 2030, данная цель должна быть достигнута с помощью следующих направлений деятельности государства:

- реализация конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики;
- расширение номенклатуры и объема экспорта несырьевой продукции;

- распространение практики применения таможенных процедур, стимулирующих расширение экспортно ориентированных производств;

- расширение географии внешнеэкономических и инвестиционных связей;

- предоставление поддержки в освоении новых и развитии традиционных рынков;

- помощь в противодействии дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров.

Стоит также обратить внимание на национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (далее – Национальный проект), реализация которого осуществляется под руководством Правительства РФ. Национальный проект тесно связан со Стратегией 2030 года и непосредственно направлен на прирост объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров и продукции агропромышленного комплекса, а также на создание зарубежной инфраструктуры поддержки экспорта.

Достижению национальной цели должны способствовать плановые ключевые мероприятия проекта, представленные ниже (рис. 4).

Как отмечено в Программе национального проекта, итогом работы должно стать обеспечение к 2030 г. прироста объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 2/3 по сравнению с показателем 2023 г.

При комплексном подходе к реализации вышеперечисленных мероприятий можно в значительной мере повысить конкурентоспособность российской продукции на внешних рынках и увеличить долю товаров с высокой добавленной стоимостью в структуре экспорта. Стимулирование несырьевого экспорта является важным элементом как Стратегии 2030, так и Национального проекта в рамках повышения конкурентоспособности российской экономики.

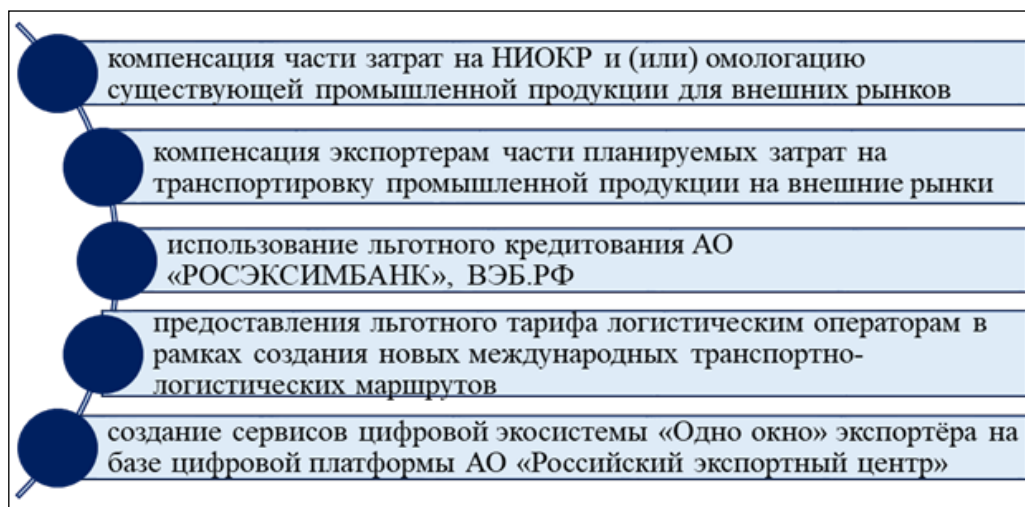

Рис. 4. Ключевые мероприятия национального проекта «Международная кооперация и экспорт»

Использование налоговых льгот, субсидий и грантов, предоставляемых государством, может существенно поддержать экспортеров в этом направлении. Активное участие государства при помощи мер поддержки и стимулирования бизнеса является драйвером роста внешнеэкономической деятельности России, так как приводит к активному участию в международной торговле и является одним из ключевых факторов, способствующих увеличению доходной части бюджета, созданию дополнительных рабочих мест и стимулированию роста экономики страны. В данном направлении в стране созданы соответствующие инструменты (территории опережающего развития (ТОР); свободные экономические зоны (СЭЗ); Арктическая зона; территории, на которых действует специальный административный режим (САР) – так называемые, «российские офшорные зоны» и т. д.), но согласно отчетам Счетной палаты России (об эффективности функционирования СЭЗ) имеются определенные сложности с их результативностью.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, стоит сделать вывод о том, что в российской экономике сложилась система факторов,

оказывающих негативное влияние на развитие экспорта, в частности, современное применение таможенной процедуры экспорта нуждается в совершенствовании некоторых подходов ее использования. Целесообразным представляется внедрение цифровых технологий в процедуру возмещения НДС участником ВЭД, при которой с его стороны будет только возникать необходимость подачи соответствующего заявления в электронной форме. Все требуемые для возмещения НДС документы в рамках электронного взаимодействия должны поступать в налоговые органы от таможенных органов. При этом развитие цифровизации ведет к необходимости увеличения усилий по обеспечению кибербезопасности, в т. ч. обучение сотрудников таможенных органов правилам «цифровой гигиены», а также расширение применения соответствующего программного обеспечения.

Еще одними направлениями совершенствования применения таможенной процедуры экспорта являются систематизация и своевременная актуализация соответствующей нормативно-правовой информации по всем государствам ЕАЭС, которая должна быть комплексно представлена на официальном сайте ЕЭК.

Транспортно-логистические проблемы не только негативно влияют на экс-

порт, но и отмечены субъектами хозяйствования, которые еще не осуществляют поставки на внешние рынки, в качестве барьеров. Однако и для действующих экспортеров проблемы в транспортно-логистической сфере являются исключительно важными. Государство прилагает усилия по стимулированию развития транспортно-логистической инфраструктуры, в т. ч. развитию пунктов пропуска через таможенную границу ЕАЭС. При этом важно соблюдать принцип системности, учитывая все элементы, включая развитие транспортного машиностроение, подготовку специалистов, расширение финансовых услуг и т. д. Одновре-

менно государству следует расширить практику стимулирования производства технологичной продукции международного уровня качества с целью перспективной организации поставок на внешние рынки.

В целом рассмотренные пути и методы решения проблем могут существенно модернизировать применяемые механизмы и процедуры при реализации экспорта, а также повысить качество, сделать более прозрачными и понятными для всех субъектов внешнеэкономической деятельности. При этом следует учитывать фактор системности и комплексно подходить к реализации предложений.

Список литературы

1. Мастепанов А. М. Нефтяные рынки в годы великих трансформаций // Энергетическая политика. 2023. № 4 (182). С. 18–33.
2. Оглоблина Е. В. Проблемы географической и товарной диверсификации российского экспорта в условиях санкций // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т. 3, № 2. С. 11–20. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0140>
3. Нарбут В. В., Шпаковская Е. П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 131–148.
4. Букреева Т. Н. Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности // Известия Восточного института. 2023. № 3 (59). С. 145–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>
5. Спартак А. Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35.
6. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 43–60.
7. Кошман В. В., Зимовец А. В., Ханина А. В. Внешняя торговля России: анализ проблем и решения // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 4. С. 887–904. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.4.120925>
8. Гамбарян Р. Г. Состояние экспорта высокотехнологичной продукции в России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 2. С. 37–46. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-37-46>
9. Широкова Е. Ю. Резервы роста экспорта машиностроительной продукции в регионах России // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8, № 3. С. 1–12. <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.3.53.2>
10. Горин Е. А., Золотарев А. А. Экспортный потенциал отечественной экономики: возможности и ограничения // Экономическая наука современной России. 2020. № 3 (90). С. 103–116. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-103-116](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-103-116)
11. Глухих П. Л. Факторы роста и сдерживания российского несырьевого экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 9. С. 26–42. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-9-26-42>

12. Судаков С. С. Эффективность российских институтов поддержки несырьевого энергетического экспорта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 49–77. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-49-77>
13. Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития: научный доклад / под ред. М. Ю. Головнина. М.: ИЭ РАН, 2025. 120 с.
14. Соснило А. И., Яркина М. С. Оценка объема импортозамещения и параллельного импорта в РФ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и Экологический менеджмент. 2024. № 2. С. 13–23. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2024-17-2-13-23>
15. Коварда В. В., Семенов И. М. Значение и проблемы реализации политики стимулирования технологического экспорта в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 173–179. <https://doi.org/10.24158/per.2025.8.21>
16. Коварда В. В., Лаптев Р. А., Семенов И. М. Основные проблемы развития экспортной деятельности российскими предприятиями // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17, № 4. URL: <https://esj.today/PDF/31ECVN425.pdf> (дата обращения: 17.11.1025).
17. Букреева Т. Н., Попова А. В. Перспективы развития транспортного потенциала Российской Федерации в трансформирующемся мире // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN524.pdf> (дата обращения: 17.11.1025).

References

1. Mastepanov A.M. Oil markets in the years of great transformations. *Energeticheskaya politika = Energy Policy*. 2023;(4):18–33. (In Russ.)
2. Oglobina E.V. Problems of geographic and product diversification of Russian exports under sanctions. *Mirovaya ekonomika i mirovyye finansy = World Economy and World Finance*. 2024;3(2):11–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0140>
3. Narbut V.V., Shpakovskaya E.P. Russia's foreign trade trends under sanctions. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science*. 2023;2:131–148. (In Russ.)
4. Bukreeva T.N. The role of Russia-China political interaction in order to ensure international stability. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*. 2023;(3):145–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/145-161>
5. Spartak A.N. Reshaping Russia's international economic cooperation amid sanctions and new challenges. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(4):9–35. (In Russ.)
6. Uskalova D. I. Russia's foreign trade: preliminary results of the second year of counteraction to sanctions pressure. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science*. 2023;(6):43–60. (In Russ.)
7. Koshman V.V., Zimovets, A.V., Hanina, A.V. Russia's foreign trade: problem analysis and solutions. *Ekonomicheskaya bezopasnost = Economic Security*. 2024;7(4):887–904. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.4.120925>
8. Gambaryan R.G. The state of exports of high-tech products in Russia. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika. pravo. politika = Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2024;18(2):37–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-37-46>
9. Shirokova E.Yu. Export growth reserves of engineering products in the regions of Russia. *Voprosy territorialnogo razvitiya. = Territorial Development Issues*. 2020;8(3):1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.3.53.2>
10. Gorin E.A., Zolotarev A.A. Export potential of the national economy: opportunities and limitations. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economics of Contemporary Russia*. 2020;3(90):103–116. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-103-116](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-103-116)

11. Gluhii P.L. Facilitating and hindering factors affecting Russia's non-primary exports. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2022;(9):26–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-9-26-42>
12. Sudakov S.S. Efficiency of Russian institutions support for non-resource and non-energy exports. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija = International Journal of Advanced Studies*. 2023;(2):197–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2023-13-2-197-214>
13. Golovnin M.Yu. (ed.) The Russian economy under sanctions pressure: interim results (2022–2025) and development prospects: research report. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; 2025. 120 p. (In Russ.)
14. Sosnilo A.I., Yarkina M.S. Estimation of the volume of import substitution and parallel imports in the Russian Federation. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: Jekonomika i Jekologicheskij menedzhment = Scientific Journal NRU ITMO. Series Economics and Environmental Management*. 2024;(2):13–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2024-17-2-13-23>
15. Kovarda V.V., Semenov I.M. The importance and challenges of implementing technology exports promotion policies in the Russian Federation. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2025;(8):173–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.21>
16. Kovarda V.V., Laptev R.A., Semenov I.M. The main problems in the development of export activities by Russian enterprises. *Vestnik evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(4). (In Russ.) Available at: <https://esj.today/PDF/31ECVN425.pdf> (accessed 17.11.2025).
17. Bukreeva T.N., Popova A.V. Prospects for the development of transport potential of the Russian Federation in a transforming world. *Vestnik evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(5). (In Russ.) Available at: <https://esj.today/PDF/12ECVN524.pdf> (accessed 17.11.2025).

Информация об авторах / Information about the Authors

Букреева Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: tnbinchina@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7010-4591, Scopus ID: 55849638700

Tatyana N. Bukreeva, Candidate of Sciences (Political), Associate Professor at the Department of International Relations and Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: tnbinchina@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7010-4591, Scopus ID: 55849638700

Алябьева Ксения Васильевна, доцент кафедры таможенного дела и мировой экономики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ksenia_basareva@mail.ru

Ksenia V. Alyabyeva, Associate Professor at the Department of Customs Administration and World Economy, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ksenia_basareva@mail.ru

Илья Игоревич Лозовский, студент кафедры международных отношений и лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lozovski@bk.ru

Ilia I. Lozovskiy, Student at Department of International Relations and Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lozovski@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 339

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-27-40>**Внедрение инновационных технологий для решения структурных проблем сельскохозяйственного производства стран Африки****В. М. Кузьмина¹✉, А. Р. Гаврилова¹**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Африканские фермеры совместно со специализированными сообществами от Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединённых Наций (ФАО) прилагают усилия для того, чтобы сельскохозяйственная продукция на рынках стран Африки была доступной для населения, но существует ряд проблем, которые не зависят от климата, от усилий по производству и выращиванию сырья, но влияют на сбор урожая, на его доставку и хранение, – это слабая, неразвитая логистика, инфраструктура, хранение и переработка сырья, недостаточность инвестирования всех этих технологических процессов.

Цель – изучить характер внедрения технологических инноваций для преодоления структурных проблем агропродовольственной системы стран Африки.

Задачи: выделить мегатенденции, которые окажут влияние на формирование продовольственных систем стран Африки в ближайшее десятилетие; изучить инновационный опыт развития аграрно-продовольственного производства некоторых стран Африки.

Методология. Методический инструментарий исследования включает научные методы анализа общей и специальной литературы, опубликованной в широком доступе, отчетной документации таких организаций, как AfCFTA, CAADP, СТА; статистические и аналитические данные международных организаций (OECD, FAO, ITU); актуальные научные публикации зарубежных авторов по теме исследования.

Результаты. Изучены концепция продовольственной системы, которая учитывает управленческие, экономические и социальные и культурные аспекты продовольствия; уровни сельскохозяйственной трансформации стран Африканского континента; проблемы производительности сельского хозяйства Африки. Рассмотрен опыт развития аграрно-продовольственного производства с учетом инновационных информационных технологий некоторых стран Африки.

Выводы. Выделены факторы, тормозящие развитие инноваций в аграрно-продовольственной сфере, и предложены пути преодоления этих факторов. Несмотря на дифференцированный доступ к цифровым технологиям внутри стран Африки, можно отметить старания государственного сектора, частных инвесторов и международных неправительственных организаций по развитию и внедрению цифровых технологий в агропродовольственный сектор Африки с целью продвижения стран к продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная система; инновация; Африканский континент; сельское хозяйство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузьмина В. М., Гаврилова А. Р. Внедрение инновационных технологий для решения структурных проблем сельскохозяйственного производства стран Африки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-27-40>

Поступила в редакцию 16.12.2025

Принята к публикации 14.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Introduction of innovative technologies to solve structural problems of agricultural production in African countries

Violetta M. Kuzmina¹✉, Anastasia R. Gavrilova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tnbinchina@yandex.ru

Abstract

Relevance. African farmers, together with specialized communities from the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), are making efforts to ensure that agricultural products in African markets are accessible to the population, but there are a number of problems that do not depend on the climate, on efforts to produce and grow raw materials, but affect the harvest, on its Delivery and storage are weak, undeveloped logistics, infrastructure, storage and processing of raw materials, and insufficient investment in all these technological processes.

The purpose is to study the nature of the introduction of technological innovations to overcome the structural problems of the agro-food system in Africa.

Objectives: to identify megatrends that will have an impact on the formation of African food systems in the next decade; to study the innovative experience of developing agricultural and food production in some African countries.

Methodology. The methodological tools of the research include scientific methods for analyzing general and specialized literature published in the public domain, accounting documentation from organizations such as AfCFTA, CAADP, CTA; statistical and analytical data from international organizations (OECD, FAO, ITU); current scientific publications by foreign authors on the research topic.

Results. The concept of the food system is studied, which takes into account the managerial, economic, social and cultural aspects of food; the levels of agricultural transformation of the countries of the African continent; the problems of agricultural productivity in Africa. The experience of the development of agricultural and food production, taking into account the innovative information technologies of some African countries, is considered.

Conclusions. The factors hindering the development of innovations in the agricultural and food sector are highlighted, and ways to overcome these factors are proposed. Despite the differentiated access to digital technologies within African countries, it is possible to note the efforts of the public sector, private investors and international non-governmental organizations to develop and implement digital technologies in the agro-food sector in Africa in order to advance countries towards food security.

Keywords: food system; innovation; African continent; agriculture.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmina V.M., Gavrilova A.R. Introduction of innovative technologies to solve structural problems of agricultural production in African countries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):27–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-27-40>

Received 16.12.2025

Accepted 14.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В докладе «Состояние продовольственной безопасности и питания в мире» за 2023 г. показано, что, несмотря на ряд усилий, предпринятых для искоренения голода, в Африке продолжается рост голодающего населения. Каждый четвертый житель Африки голодает в течение последних пяти лет, и как показывают

статистические данные, в Африке ежегодно не менее 278 млн чел недоедают и голодают [1]. Мировые державы пришли к осознанию, что цели, поставленные CAADP (Comprehensive African Agricultural Development Programme), и ЦУР (Цели устойчивого развития) к 2030 г. по преодолению голода практически недостижимы. Хотя африканские лидеры взяли

на себя обязательства по трансформации продовольственных систем, основываясь на позициях Африки, изложенной в UNFSS (United Nations Forum on Sustainability Standards), тем не менее не был разработан механизм комплексного отслеживания динамики технологической трансформации продовольственных систем среди стран Африканского союза.

Цель – изучить характер внедрения технологических инноваций для преодоления структурных проблем агропродовольственной системы стран Африки

Задачи:

1. Выделить мегатенденции, которые окажут влияние на формирование продовольственных систем стран Африки в ближайшее десятилетие.

2. Изучить инновационный опыт развития аграрно-продовольственного производства некоторых стран Африки.

Материалы и методы

Методический инструментарий исследования включает научные методы анализа общей и специальной литературы, опубликованной в широком доступе, отчетной документации таких организаций, как AfCFTA (African Continental Free Trade Area), CAADP (Comprehensive African Agricultural Development Programmer), CTA (Technical Centre for Agricultural and Rural Cooper); статистических и аналитических данных следующих международных организаций: OECD (Organization for Economic Cooperation and Development), FAO (Food and Agriculture Organization), ITU (International Telecommunication Union), научных публикаций зарубежных авторов по теме исследования.

Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединённых Наций (ФАО) разработала и предложила определение инноваций именно для продовольственных систем как процесса, непосредственно связанного с внедрением инновационных, цифровых продуктов, которые способны в настоящем или бу-

дущем времени повысить эффективность развития продовольственных систем, их конкурентоспособность, экологическую устойчивость, особенно в условиях климатического дисбаланса на Африканском континенте, что в конечном итоге отразится на улучшении питания населения, на экономическом развитии стран и эффективном управлении природными ресурсами [1].

Продовольственная система отличается широтой процессов, которые вовлечены в обеспечение продовольствием населения любых стран, независимо от их уровня развития. Это не только процессы выращивания, сбора и хранения урожая с его последующей переработкой, но и процессы транспортировки, сбыта, переработки и утилизации. Поскольку на каждом из этапов получается продукция, отличная от предыдущего этапа, соответственно и ресурсы для каждого из этапов различны. На любую продовольственную систему оказывают влияние социальные факторы в виде возраста населения и продовольственных потребностях для каждого возраста, экономические факторы в виде стоимости продукции и платежеспособности населения, политические факторы в виде договорных обязательств между странами по поставкам, по дополнительным преференциям в отношении продовольственных товаров и экологические факторы в виде соответствия экологическим нормам и стандартам потребления продукции.

Существующая Группа экспертов высокого уровня (ГЭВУ) по продовольственной безопасности и питанию, функционирующая в рамках Комитета по всемирной продовольственной безопасности, считает, что в функционировании продовольственной системы находят отражение все элементы окружающей жизни: люди, ресурсы, институты, инфраструктура и др., в связи с чем производство продовольственных товаров влечет за собой социальные, экономические и экологические последствия, которые мо-

гут найти отражение в политике правящих кругов любого государства [1].

Исходя из многомерности определения продовольственной системы существует необходимость в детальной разработке концепции продовольственной системы, в которую должны быть включены межотраслевые связи, социокультурные, экономические и управленческие составляющие, куда входят как производство, так и потребление продуктов питания. Однако возможен сбой продовольственной системы, и тогда можно ожидать неспособность обеспечения ожидаемой потребности для обеспечения полного благосостояния общества. Некоторые причины сбоев продовольственной системы:

- потрясения, вызванные изменением климата, глобализацией, конфликтами и беспорядками. Они могут приводить к уменьшению урожаев и угрозе продовольственной безопасности;

- неравномерное распределение продовольствия. Из-за социальных, экономических и политических проблем оно может быть недоступным для всех слоёв населения;

- проблемы с перевозкой и неправильное хранение продуктов. Они ограничивают людей в доступе к необходимому им продовольствию;

- недостаточный потенциал в области хранения, сбыта и транспортировки излишков продовольствия. Это приводит к падению цен на продовольствие и снижению его качества [2].

Как доказано аналитиками, пищевые отходы не так безопасны, поскольку оказывают негативное влияние на окружающую среду. В связи с этим возникает проблема сокращения пищевых отходов, которое необходимо для климата, для продовольственной безопасности и для формирования устойчивой продовольственной системы. Не только пищевые отходы, но и продовольственные потери, которые выражаются в следующем: потери продукции в процессе транспортировки и обработки, порча в розничной про-

даже и др. отражаются на продовольственной безопасности государств [3]. С этой целью ФАО учредила SAVE FOOD – глобальную инициативу по сокращению продовольственных потерь и пищевых отходов через повышение осведомлённости о влиянии пищевых отходов и способах их сокращения; содействие сотрудничеству между участниками производственно-сбытовых цепочек; разработку стратегий и программ по сокращению потерь и отходов; поддержку инвестиционных программ и проектов, которые реализуются частным и государственным секторами. Сегодня эту инициативу поддерживают около 150 партнёров частного бизнеса и государственного сектора, ООН, разработавшая Всемирную продовольственную программу.

Р. Дж. Томас с группой исследователей (2023) видит причину неустойчивости современной продовольственной системы не столько в их негативном влиянии на окружающую среду, сколько в неспособности правительств стран обеспечить безопасное потребление продуктов для современных и будущих поколений [4].

Мелкие фермеры Африки говорят про барьеры, с которыми они сталкиваются при доступе к инструментам, необходимым для полной реализации потенциала регенеративного сельского хозяйства. Низкие государственные и частные инвестиции в НИОКР, высокие первоначальные затраты на современные технологии, ограниченный доступ к страхованию и кредитным полисам и отсутствие инфраструктуры мешают многим мелким фермерам вносить вклад в переход сельского хозяйства к более высокой производительности с меньшим воздействием на окружающую среду. Эти проблемы снижают производительность и усугубляют продовольственную необеспеченность стран Африки [5].

Цепочки создания стоимости африканских местных овощей (African indigenous vegetables – AIV) сильно ограничены из-за высоких потерь при хране-

нии (до 50%) на всех этапах цепочки в основном из-за плохого послеуборочного хранения и отсутствия оптимизированных технологий переработки. Технологии и методы являются ключевыми техническими аспектами, которые могут повысить эффективность цепочки за счёт увеличения общей ценности, получаемой от системы. В последнее время спрос на АИВ увеличился из-за их высокой питательной ценности и возможностей, которые они предоставляют для повышения доходов сельских жителей, поскольку они производятся преимущественно мелкими фермерами в сельской местности и пригородных районах. Это означает, что они могут внести позитивный вклад в увеличение доступности и, следовательно, предложения питательных продуктов питания в местных продовольственных системах.

Результаты и их обсуждение

Страны Африки к югу от Сахары (в основном Западная Африка, Восточная и Средняя Африка) – сосредоточение голодающих граждан уровня голода. За последнее время наметился устойчивый рост голодающих со 164,9 млн в 2012 г. до 281,6 млн к 2022 г. (рис. 1). Согласно последнему докладу «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» (СОФИ), опубликованному специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, в 2023 г. число голодающих в мире составляло примерно 733 млн чел.: это каждый одиннадцатый в мире и каждый пятый в Африке, точнее говоря, в 2021 г. число таких голодающих увеличилось на 11 млн с 2021 г. и более чем на 57 млн чел. с начала пандемии [2].

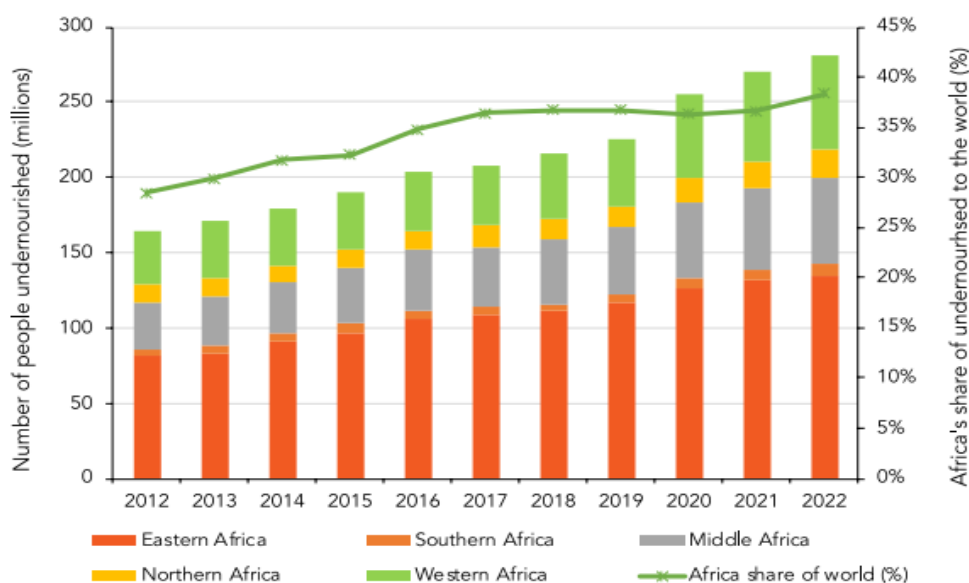

Рис. 1. Распространённость недоедания в Африке (2012–2022 гг.) [2]

Программа Африканского союза по всестороннему аграрному развитию Африки (CAADP) была направлена на борьбу с бедностью, нехваткой продовольствия в сельских районах и увеличение сельскохозяйственного производства. Например, в рамках CAADP в Танзании был принят десятилетний план по инвестированию в сельское хозяйство и про-

довольственную безопасность (2011–2020 гг.). Он был направлен на развитие систем орошения, повышение эффективности управления, рациональное использование водных и земельных ресурсов страны.

Однако, по некоторым данным, прогресс в решении проблем питания был ограниченным, так как план в большей

степени был сосредоточен на увеличении объема агрохозяйственных услуг и ресурсов для мелких фермеров, чем на развитии рыночных связей. СААДР разработала 46 показателей устойчивости сельского хозяйства Африки и систему баллов для каждой африканской страны в решении продовольственной проблемы. По данным СААДР, общий балл сельскохозяйственной трансформации для континента составляет 4,32, что примерно 59% от контрольного показателя 7,28, по результатам чего делается вывод о необходимости ускорения модернизации, цифровизации и технологизации (роботизации) сельского хозяйства стран Африки [6]. Исследование также показало снижение использования удобрений в сельском хозяйстве, что отразилось на всей продовольственной системе. Среднее количество минеральных удобрений достигло около 16 кг/га к 2017 г., но с тех пор несколько снизилось. Целевой показатель Абуджи (в 2006 г. там прошел первый Африканский саммит по удобрениям) был достигнут лишь в нескольких странах (например, в Кении, Ботсване, Маврикии и Южной Африке), в то время как в некоторых других странах (например, в Бенине, Эфиопии, Малави, Мали, Замбии и Зимбабве) средние значения составили от 30 до 50 кг/га в 2019 г. Понятно, что это разочаровывающий и неприемлемый результат. Кроме того, даже если сценарий показателя Абуджи (не менее 50 кг/га) будет реализован, предлагаемые нормы содержания питательных веществ все равно слишком низки для обеспечения продовольственной безопасности и оптимизации эффективности использования питательных веществ, в т. ч. для предотвращения дальнейшей распашки земель. В частности, было подсчитано, что всего один недопоставленный килограмм удобрений приводит к потере 7 кг урожая. Снижение собственного урожая, в свою очередь, вынуждает правительства еще больше полагаться на внешние рынки, чтобы компенсировать потери.

Проблемы производительности сохранялись на континенте, несмотря на то, что производительность сельского хозяйства в среднем росла на 13% в год в период с 2015 по 2020 гг. В Африку со стороны внешних рынков поступает около 82% импорта продовольствия. Продовольственные рынки контролируются крупными корпорациями. Например, в торговле пшеницей практически монопольные позиции занимает группа из четырех компаний, условно известных как ABCD (Archer Daniels Midland, Bunge, Cargill, Louis Dreyfus). Власти Эфиопии, Мозамбика, ДРК, Нигерии и других стран заявляют о серьезных гуманитарных проблемах, вызванных недостатками продовольствия [7]

Доказано, что африканские продовольственные системы претерпевают фундаментальную трансформацию, которая находится в начале своих изменений. AASR (Africa Agriculture Status Report, 2022) выделяет шесть мегатенденций, которые будут продолжать формировать продовольственные системы в течение следующего десятилетия:

1. Рост сельского населения и связанный с ним растущий дефицит земли. Рост населения Земли несоразмерен количеству появившихся пахотных земель, что закономерно приводит к росту голодающих и нехватке еды. Ряд территорий в процессе урбанизации утратил свои продуктивные качества, деятельность человека повлекла за собой неустойчивое землепользование, опустынивание, что отразилось на продовольственной безопасности стран.

2. Быстро растущее городское население, подпитывающее стабильный и постоянно растущий спрос на продовольствие. Интерес к устойчивому развитию и экологически чистым продуктам питания в городах стимулирует инновации в сельском хозяйстве. Фермеры внедряют современные агротехнологии, чтобы повысить эффективность и качество продукции. Развитие инфраструктуры в городах облегчает транспортировку сельскохо-

зяйственной продукции, сокращает время доставки и снижает издержки. Превращение сельхозугодий в жилые и коммерческие зоны ограничивает возможности для развития сельского хозяйства и сокращает объёмы производства. Близость к городам может привести к росту стоимости земли и ресурсов, необходимых для сельскохозяйственного производства. Это увеличивает общие затраты фермеров и снижает их прибыльность.

3. Экономическая трансформация, основными чертами которой являются рост ставок заработной платы и доходов на душу населения. В то же время производительность труда в сельском хозяйстве Африки остаётся низкой, что сдерживает рост доходов и перспектив трудоустройства.

4. Изменение климата и увеличение частоты экстремальных погодных явлений.

Некоторые меры, которые помогают минимизировать негативные последствия:

1) диверсификация культур. Выращивание различных культур, которые могут выдерживать колебания погодных условий, снижает риск потери урожая;

2) улучшение здоровья почвы. Здоровая почва лучше удерживает влагу, а добавление органических веществ улучшает её способность поглощать и хранить воду;

3) использование ирригационных систем. Например, капельное орошение уменьшает потери воды из-за испарения;

4) посадка деревьев. Деревья предотвращают эрозию почвы, снижают риск наводнений и обеспечивают тень во время аномальной жары;

5) применение устойчивых агрономических практик. Севооборот, мульчирование и органическое земледелие помогают улучшить структуру почвы и сохранить влагу;

6) использование устойчивых к изменению климата сортов. Специально выведенные устойчивые сорта выдерживают экстремальные погодные условия,

такие как засуха и тепловой стресс, что снижает риск потери урожая;

7) внедрение технологических инноваций. Например, генетическая модификация помогает повысить урожайность и адаптировать растения к изменяющимся условиям.

5. Ускоренные темпы технических инноваций в коммуникациях, информации и цепочках поставок. ИИ-системы уже применяются для прогнозирования трендов, оптимизации поставок и повышения безопасности продуктов. Роботы и ИИ используются в производстве пищи для упаковки и контроля качества. В общепите ИИ применяется для контроля сотрудников, производства и оценки блюд. Технологии повышают прозрачность и доверие в цепочке поставок, сохраняя при этом безопасность и конфиденциальность данных. Технология блокчейн обеспечивает целостность данных и делает их устойчивыми к манипуляциям, предоставляет прослеживаемость продуктов и предотвращает мошенничество.

6. Продолжающиеся глобальные кризисы в области здравоохранения, региональные конфликты и экономические потрясения. Последствия пандемии COVID-19 и российско-украинского конфликта приводят к росту цен на продовольствие. Позднее Черноморская инициатива по зерну и другие меры позволили стабилизировать цены, бедные страны, зависящие от импорта, продолжают ощущать последствия войны в Украине.

Для африканских фермеров одной из серьезных проблем является отсутствие связи с конечным потребителем, которого трудно найти, чтобы продать ему товар и получить обратную связь относительно пожеланий к дальнейшему сотрудничеству. Получается, что со стороны фермера растут издержки, а со стороны потенциального покупателя – недополучение продуктов, товара, что провоцирует дальнейшее развитие голода по стране [8]. Этой проблемой всерьез озаботились африканские фермеры, и уже к 2021–2022 гг. не менее 400 компаний за-

нялись внедрением информационно-коммуникационных технологий в сфере сельского хозяйства [9].

С 2022 г. наблюдается рост интереса к стартапам, реализуемым в сельском хозяйстве Африки, и рост инвестиций в наиболее перспективные проекты. С этого момента можно назвать не менее трех важных направлений инвестиций: технологии ритейла и ресторанного дела (197 млн долл., доля – 30,8%), «мидстрим-технологии» (170 млн долл., доля – 26,6%), а также сельскохозяйственные маркетплейсы и агрофинтех (131 млн долл., доля – 20,5%) [10]. Помимо этих направлений инвестиции также вложены в следующие технологии:

- технологии облачного ритейла – 44 млн долл. (6,9%);
- eGrosery – 24 млн долл. (3,8%);
- иные технологии – 20 млн долл. (3,1%);
- биоэнергетика и биоматериалы – 19 млн долл. (3%);
- фермерская робототехника, механизация и оборудование – 10 млн долл. (1,6%);
- вертикальные фермы – 8 млн долл. (1,3%);
- технологии для дома и приготовления пищи – 8 млн долл. (1,3%);
- онлайн-рестораны и маркетплейсы продуктов питания – 8 млн долл. (1,3%).

Для решения структурных проблем сельского хозяйства Африки используются технологии редактирования генома растений, что делает их более устойчивыми к засухе и болезням (CRISPR). Это выращивание более обогащенных питательными элементами растений, что в конечном итоге направлено на решение вопросов продовольственной безопасности страны и устойчивого развития сельского хозяйства [11]. Обогащая местно производимые культуры биодоступными микроэлементами, биофортификация обеспечивает легкодоступное решение [12]. За последнее десятилетие некоторые биофортифицированные сорта были выпущены и поставлены на рынок в Африке [13].

В Мавритании проект PROGRES предоставил мелким фермерам инфраструктуру для орошения, резервуары для воды, улучшенные семена и другую поддержку. Это позволило им продлить свои вегетационные периоды, производя разнообразные и питательные урожаи круглый год.

В Сьерра-Леоне Проект по развитию сельскохозяйственной цепочки добавленной стоимости продвигает климатически оптимизированные методы, которые представляют собой комплексный подход к управлению агропродовольственными системами за счёт внедрения сельскохозяйственной практики и технологий, способствующих устойчивому увеличению производительности сельского хозяйства и росту доходов, адаптации и повышению устойчивости к изменению климата, а также сокращению выбросов парниковых газов [14].

Правительство Ганы (Западная Африка) также разработало поддерживаемую правительством платформу рыночных связей под названием E-Soko. E-soko – это инновационная сельскохозяйственная платформа, которая расширяет возможности фермеров, предоставляя им информацию о рынке в режиме реального времени, советы по ведению сельского хозяйства, прогнозы погоды и цифровую торговую площадку для продажи их продукции. Платформа предлагает рыночные цены в реальном времени, советы по ведению сельского хозяйства, прогнозы погоды и цифровую торговую площадку, на которой фермеры могут продавать свою продукцию напрямую покупателям.

Международные организации, такие как Международный институт тропического сельского хозяйства (ИТА), также пилотировали и расширяли проекты цифрового сельского хозяйства [15]. Например, в рамках программы Inspire Challenges CGIAR (Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям) организация ИТА разработала мобильное приложение Nuru для точной

диагностики заболеваний растений в полевых условиях. Приложение работает на обычном смартфоне и способно диагностировать заболевания маниоки в автономном режиме, без подключения к сети Интернет. Также оно предоставляет рекомендации по контролю над основными болезнями и вредителями корнеплодов, клубней и бананов и определяет местонахождение ближайшей сельскохозяйственной поддержки для фермеров.

Кроме того, в начале 2024 г. организация ПТА обучала молодёжь сельскохозяйственному бизнесу, чтобы расширить возможности и повысить производительность в сельском хозяйстве Нигерии.

Руанда является одной из немногих стран, которые превзошли ожидания по инновациям относительно своего уровня экономического развития [16]. По данным Глобального инновационного индекса 2023 года, Руанда демонстрирует высокие результаты в категории «Институты» (33-е место) и занимает лидирующие позиции по таким показателям, как «Рост производительности труда» (2-е место), «Политика в области ведения бизнеса» (11-е место), «Выпускники в области естественно-научных и инженерных наук» (15-е место) и «Получатели венчурного капитала» (20-е место). Также страна сохраняет первенство в группе стран с низким уровнем дохода.

Можно привести некоторые примеры сотрудничества правительства стран, фермеров и технологических фирм.

1. Проект Isizwe. Партнёрство между правительством Южной Африки, фирмами частного сектора и местными сообществами, направленное на предоставление бесплатного доступа Wi-Fi в общественных местах по всей стране.

2. Инициатива Microsoft 4Afrika. Направлена на расширение возможностей африканской молодёжи, предпринимателей и бизнес-лидеров путём предоставления недорогого доступа к технологиям, стимулирования инноваций, повышения квалификации мирового класса и предо-

ставления соответствующего африканского контента.

3. Кроме того, в некоторых странах Африки появились современные облачные решения ещё до того, как веб-сервисы Amazon (AWS) стали мировым лидером в области облачных вычислений. Первый облачный сервис Amazon EC2 был создан командой AWS в Кейптауне и запущен в 2004 г. [17].

4. Компания Farm.ink занималась разработкой чат-ботов для фермеров Кении. Компания была основана в 2016 г. с целью помочь фермерам улучшить свой бизнес. В частности, планировалось создать платформу на основе социальной сети Facebook для анализа и визуализации всплеск заболеваний скота и других связанных проблем.

5. Платформы «Фермер-Маркет» (Agri-marketplaces) – это цифровые рынки, которые связывают фермеров с покупателями, переработчиками и поставщиками. Например:

- Twiga Foods (Кения) – платформа B2B: фермеры продают продукцию напрямую в города, минуя посредников;

- Thrive Agric (Нигерия) – краудфандинг + рынок: инвесторы финансируют фермеров, а затем получают долю урожая;

- Hello Tractor (Нигерия, Кения) – «Uber для тракторов»: фермеры арендуют технику через приложение.

6. Спутниковые технологии и дроны. Используются для мониторинга полей, прогнозирования урожайности и управления ресурсами.

Однако во многих африканских странах правила использования дронов либо весьма ограничены, либо отсутствуют, что затрудняет процесс получения лицензии [18]. Их анализ текущих правил использования дронов в странах Африки показывает, что в настоящее время у ответственных органов недостаточно навыков и осведомленности для обеспечения соблюдения правил.

7. По данным FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная органи-

зация ООН), к 2023 г. более 33 млн фермеров в Африке использовали мобильные сервисы для получения агрономических консультаций, погодных прогнозов и рыночной информации.

8. В Африке насчитывается более 600 цифровых агротехнологических стартапов, обслуживающих фермеров. Это самый высокий показатель в мире по количеству агротехнологических стартапов на континенте.

9. В Эфиопии и Танзании использование видеонструкций на мобильных телефонах повысило урожайность кукурузы на 28–40% у мелких фермеров [19].

10. В Уганде и Руанде использование мобильного кредитования (например, через платформу Hello Tractor или Apollo Agriculture) позволило 60% мелких фермеров впервые получить доступ к кредитам на покупку семян и удобрений.

11. К 2023 г. цифровое сельскохозяйственное страхование (например, индексное страхование урожая) охватило более 2 млн фермеров в Западной и Восточной Африке, сократив потери от засухи и наводнений на 30–50%.

12. ИИ-платформы, такие как PlantVillage Nuru (разработана Penn State и FAO), помогают фермерам в Танзании и Кении диагностировать болезни растений через фото с телефона – точность диагностики >90%, что сокращает потери урожая на 15–30% [20].

Несколько факторов тормозят прогресс, а именно:

1. Низкий доступ к производственным активам и ограниченный доступ к государственным услугам. Некоторые причины низкого доступа к производственным активам в Африке:

1) неадекватная инфраструктура. Инвестиции в неё и её техническое обслуживание могут быть очень дорогостоящими, особенно в сельских и малонаселённых районах Африки;

2) нехватка квалифицированной рабочей силы;

3) ограниченный доступ к финансированию;

4) ограниченный доступ к государственным услугам в Африке связан с:

– отсутствием документов, удостоверяющих личность. По оценке Всемирного банка, в Африке проживает 502 млн человек, или 50% от всего населения мира, без документов, удостоверяющих личность. Эти люди ограничены в доступе к государственным услугам и реализации политических прав;

– низким качеством государственно-го управления. Например, коррупция и неадекватные инвестиционные стимулы ограничивают число имеющихся экономических возможностей, особенно для молодёжи, у которой нет связей на высоком уровне.

2. Преобладающая зависимость Африки от природных ресурсов. Также Африке принадлежит 65% пахотных земель в мире, 10% внутренних возобновляемых источников пресной воды.

Однако значительная доля этих ресурсов используется нестабильно, в то время как другая часть теряется в результате незаконной деятельности, что со временем приводит к уменьшению выгод, получаемых от этих ресурсов [21].

3. Высокие показатели рождаемости. В регионе южнее Сахары самый высокий средний коэффициент рождаемости в мире – 4,6. Нигерия возглавляет список – 6,8, за ним следует Сомали – 6. В Конго, Мали и Чаде коэффициент рождаемости выше.

Согласно прогнозам ООН, к 2050 г. число африканцев удвоится, и тогда они составят четверть населения мира.

4. Отсутствие высокой производительности фермерского хозяйства, отсутствие образования у населения, климатическая нестабильность, высокий уровень коррупции, войны и конфликты и др. [22].

Россия, обладающая опытом ведения сельского хозяйства в сложных климатических условиях, мощной аграрной наукой и производством техники, удобрений и семян, с 2010-х годов активизировала сотрудничество с Африкой. Особенно после первого и второго саммитов

«Россия – Африка» (2019, 2023) помощь в модернизации сельского хозяйства стала одним из ключевых направлений двустороннего сотрудничества.

Основные направления помощи РФ в модернизации аграрного сектора Африки:

1. Поставки сельскохозяйственной техники и оборудования. Российские компании («Ростсельмаш», Кировский завод, «Тракторные заводы») поставляют в Африку: тракторы (в том числе для мелких фермеров), комбайны, почвообрабатывающую технику, зерноуборочные комплексы.

2. В ряде стран (Судан, Зимбабве) открываются сервисные центры и сборочные производства, чтобы снизить стоимость и обеспечить возможность ремонта.

3. Россия – крупнейший в мире экспортёр минеральных удобрений. Несмотря на санкции, поставки в Африку продолжают. В 2022–2023 гг. Россия поставила в Африку более 2 млн тонн удобрений в рамках гуманитарной помощи и коммерческих контрактов.

4. РФ поддерживает создание совместных агропромышленных кластеров: в Зимбабве – совместное предприятие по производству удобрений и техники; в Мали – агропарк по выращиванию риса и овощей с использованием российских технологий; в Эфиопии реализуется проект по модернизации молочного животноводства.

Российская Федерация определяет следующим образом перспективы технологического сотрудничества со странами Африки до 2030 г.:

- создание сети агротехнопарков в более чем 10 странах;
- запуск спутниковой системы мониторинга для всей Африки;
- развитие кооперативов и фермерских хозяйств по российской модели;
- увеличение экспорта российских агротехнологий до \$1 млрд в год;
- участие в Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA) в качестве технологического партнёра.

Выводы

Результаты проведенного исследования базируются на следующих положениях. Можно обозначить ряд вариантов использования науки, технологий и инноваций в целях повышения производительности сельского хозяйства в Африке, которые включают:

– использование систем земледелия и растениеводства, повышающих плодородие почвы и оздоравливающих ее;

– использование систем орошения, позволяющих более эффективно использовать ограниченное количество воды, и высаживание продовольственных культур, требующих меньше воды, и/или усовершенствованных сортов, позволяющих более эффективно использовать имеющуюся воду;

– внедрение эффективной агротехники, включающей оптимальные сроки, а также плотность посадки;

– использование усовершенствованных сортов сельскохозяйственных культур, которые дают больший урожай и показывают более высокую эффективность при применении передовых методов ведения сельского хозяйства, при этом необходимо обеспечить эффективное функционирование семеноводческих систем, что возможно благодаря участию частного сектора;

– диверсификацию сельскохозяйственных культур для повышения стабильности урожая и обеспечения безопасности питания.

Эти стратегии открывают значительные возможности для расширения спектра выращиваемых сельскохозяйственных культур и повышения производительности в агропродовольственных системах Африки. Для этого необходимо сочетание научных, технологических и инновационных мер, отвечающих экологической, экономической и социальной обстановке, в которой работают мелкие фермеры, и разрабатываемых в партнерстве с ними. Кроме того, такие меры должны подкрепляться соответствующими инвестициями, которые можно привлечь за счет эффективного

подхода в масштабах всей производственно-сбытовой цепочки. Еще одним важным предварительным условием является ключ-

евое партнерство между всеми заинтересованными сторонами, поддерживаемое благоприятной для этого политикой.

Список литературы

1. Status of digital agriculture in 47 sub-Saharan African countries // FAO and ITU. 2022. URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb7943en> (дата обращения: 18.11.2025).
2. Suite of Food Security Indicators // FAO.2023. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Agricultural Outlook 2022–2031 // OECD Publishing. 2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2022-2031_f1b0b29c-en.html (дата обращения: 12.11.2025).
4. Thomas R. J., O'Hare G., Coyle D. Understanding technology acceptance in smart agriculture: A systematic review of empirical research in crop production // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 189. P. 122374.
5. Science and Technology Backyard model: Implications for sustainable agriculture in Africa / X. Jiao, D. S. Feyisa, J. Kanomanyanga, N. D. Muttendango, S. Mudare, A. Ndiaye, B. Kabeto, F. D. Dakora, F. Zhang // Frontiers of Agricultural Science and Engineering. 2020. N 7(4). P. 390–400.
6. Benami E., Carter M. R. Can digital technologies reshape rural microfinance? Implications for savings, credit, & insurance // Applied Economic Perspectives and Policy. 2021. N 43 (4). P. 1196–1220. <https://doi.org/10.1002/aep.13151>
7. 41573-doc-FRENCH_CAADP_BR_2015-2021_Report_final.pdf // African Union. URL: <https://au.int/en/document/41573-doc-frenchcaadpbr2015-2021reportfinalpdf> (дата обращения: 16.11.2025).
8. The Digitalization of African Agriculture Report 2018–2019 // CTA (Technical Centre for Agricultural and Rural Cooperation). URL: <https://www.cta.int> (дата обращения: 11.11.2025).
9. Begazo T., Blimpo M. P., Dutz M. A. Digital Africa: Technological Transformation for Jobs. Washington, DC: World Bank, 2023.
10. Innovating Food Systems in East Africa: How does innovation contribute to boosting food security? // Briter Bridges and WFP.2022. URL: <https://reliefweb.int/report/world/innovating-food-systems-east-africahow-does-innovation-contribute-boosting-food> (дата обращения: 08.11.2025).
11. Micronutrient intake status and associated factors in children aged 6–23 months in sub-Saharan Africa / M. T. Engidaw, A. D. Gebremariam, S. A. Tiruneh, D. Tesfa, Y. Fentaw, B. Kefale, M. Tiruneh, A. T. Wubie // Scientific Reports. 2023. N 13(1). P. 10179.
12. Bouis H. E., Saltzman A. Improving nutrition through biofortification: a review of evidence from HarvestPlus, 2003 through 2016 // Global food security. 2017. N 12. P. 49–58.
13. Sub-Saharan African maizebased foods: technological perspectives to increase the food and nutrition security impacts of maize breeding programmes / O. Ekpa, N. Palacios-Rojas, G. Kruseman, V. Fogliano, A. R. Linnemann // Global food security. 2018. N 17. P. 48–56.
14. Galani Y. J. H., Orfila C., Gong Y. Y. A review of micronutrient deficiencies and analysis of maize contribution to nutrient requirements of women and children in Eastern and Southern Africa // Critical Reviews in Food Science and Nutrition. 2022. N 62(6). P. 1568–1591.
15. Digital Agriculture Profile – Rwanda // African Development Bank Group. 2021. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/digital-agriculture-profile-rwanda> (дата обращения: 18.11.2025).
16. Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? // World Intellectual Property Organization (WIPO). 2022. URL: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2022/09/wipo-pub-2000-2022-section1-en-gii-2022-at-a-glance-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).
17. Digital Agriculture Profile – South Africa // African Development Bank Group. 2021. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/digital-agriculture-profile-south-africa> (дата обращения: 19.11.2025).

18. Ayamga M., Tekinerdogan B., Kassahun A. Exploring the challenges posed by regulations for the use of drones in agriculture in the African context // *Land*. 2021. N 10(2). P. 164. <https://doi.org/10.3390/land10020164>

19. Critiques of digital tools in agriculture: Challenges & opportunities for using digital tools to scale agroecology by smallholders / S. W. Shelton, C. Gehan, E. Wollenberg, Jr. C. Costa, S. Burns, B. Rowland // *Inclusive Digital Tools to Enable Climateinformed Agroecological Transitions (ATDT)*. URL: <https://cgspace.cgiar.org/bitstream/handle/10568/125878/brief.pdf> (дата обращения: 24.11.2025).

20. Fox L., Signè L. From Subsistence to disruptive innovation Africa, the Fourth Industrial Revolution and the future jobs. Washington, DC: Brookings Institution, 2022. URL: <https://www.brookings.edu/articles/from-subsistence-to-disruptive-innovationafrica-the-fourth-industrial-revolution-and-the-futureof-jobs/> (дата обращения: 23.11.2025).

21. China and Global Food Policy Report: Promoting Sustainable Healthy Diets for Transforming Agrifood Systems // Academy of Global Food Economics and Policy. 2023. URL: http://agfep.cau.edu.cn/art/2023/5/23/art_39584_960277.htm (дата обращения: 29.11.2025).

22. Is agricultural digitalization a reality among smallholder farmers in Africa? Unpacking farmers' lived realities of engagement with digital tools and services in rural Northern Ghana / A. Abdulai, P. T. Quarshie, E. Duncan, E. Fraser // *Agriculture & Food Security*. 2023. Vol. 12(1). P. 11. <https://doi.org/10.1186/s40066-023-00416-6>

References

1. Status of digital agriculture in 47 sub-Saharan African countries. FAO and ITU. 2022. Available at: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb7943en> (accessed 18.11.2025).

2. Suite of Food Security Indicators. FAO.2023. Available at: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (accessed 11.11.2025).

3. Agricultural Outlook 2022–2031. OECD Publishing. 2022. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2022-2031_f1b0b29c-en.html (accessed 12.11.2025).

4. Thomas R. J., O'Hare G., Coyle D. Understanding technology acceptance in smart agriculture: A systematic review of empirical research in crop production. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;189:122374.

5. Jiao X., Feyisa D.S., Kanomanyanga J., Muttendango N.D., Mudare S., Ndiaye A., Kabeto B., Dakora F.D., Zhang F. Science and Technology Backyard model: Implications for sustainable agriculture in Africa. *Frontiers of Agricultural Science and Engineering*. 2020;(7):390–400.

6. Benami E., Carter M.R. Can digital technologies reshape rural microfinance? Implications for savings, credit, & insurance. *Applied Economic Perspectives and Policy*. 2021;(43):1196–1220. <https://doi.org/10.1002/aep.13151>

7. 41573-doc-FRENCH_CAADP_BR_2015-2021_Report_final.pdf. African Union. Available at: <https://au.int/en/document/41573-doc-frenchcaadpbr2015-2021reportfinalpdf> (accessed 16.11.2025).

8. The Digitalization of African Agriculture Report 2018–2019. CTA (Technical Centre for Agricultural and Rural Cooperation). Available at: <https://www.cta.int> (accessed 11.11.2025).

9. Begazo T., Blimpo M.P., Dutz M.A. Digital Africa: Technological Transformation for Jobs. Washington, DC: World Bank; 2023.

10. Innovating Food Systems in East Africa: How does innovation contribute to boosting food security? Briter Bridges and WFP.2022. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/innovating-food-systems-east-africahow-does-innovation-contribute-boosting-food> (accessed 08.11.2025).

11. Engidaw M.T., Gebremariam A.D., Tiruneh S.A., Tesfa D., Fentaw Y., Kefale B., Tiruneh M., Wubie A.T. Micronutrient intake status and associated factors in children aged 6–23 months in sub-Saharan Africa. *Scientific Reports*. 2023;(13):10179.

12. Bouis H. E., Saltzman A. Improving nutrition through biofortification: a review of evidence from HarvestPlus, 2003 through 2016. *Global Food Security*. 2017;(12):49–58.
13. Ekpa O., Palacios-Rojas N., Kruseman G., Fogliano V., Linnemann A.R. Sub-Saharan African maize-based foods: technological perspectives to increase the food and nutrition security impacts of maize breeding programmes. *Global Food Security*. 2018;(17):48–56.
14. Galani Y.J.H., Orfila C., Gong Y.Y. A review of micronutrient deficiencies and analysis of maize contribution to nutrient requirements of women and children in Eastern and Southern Africa. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. 2022;(62):1568–1591.
15. Digital Agriculture Profile – Rwanda. African Development Bank Group. 2021. Available at: <https://www.afdb.org/en/documents/digital-agriculture-profile-rwanda> (accessed 18.11.2025).
16. Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? World Intellectual Property Organization (WIPO). 2022. Available at: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2022/09/wipo-pub-2000-2022-section1-en-gii-2022-at-a-glance-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (accessed 19.11.2025)
17. Digital Agriculture Profile – South Africa. African Development Bank Group. 2021. Available at: <https://www.afdb.org/en/documents/digital-agriculture-profile-south-africa> (accessed 19.10.2025).
18. Ayamga M., Tekinerdogan B., Kassahun A. Exploring the challenges posed by regulations for the use of drones in agriculture in the African context. *Land*. 2021;(10):164. <https://doi.org/10.3390/land10020164>
19. Shelton S.W., Gehan C., Wollenberg E., Costa Jr.C., Burns S., Rowland B. Critiques of digital tools in agriculture: Challenges & opportunities for using digital tools to scale agroecology by smallholders. Inclusive Digital Tools to Enable Climateinformed Agroecological Transitions (ATDT). Available at: <https://cgspace.cgiar.org/bitstream/handle/10568/125878/brief.pdf> (accessed 24.11.2025).
20. Fox L., Signè L. From Subsistence to disruptive innovation Africa, the Fourth Industrial Revolution and the future jobs. Washington, DC: Brookings Institution; 2022. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/from-subsistence-to-disruptive-innovationafrica-the-fourth-industrial-revolution-and-the-futureof-jobs/> (accessed 23.11.2025).
21. China and Global Food Policy Report: Promoting Sustainable Healthy Diets for Transforming Agrifood Systems. Academy of Global Food Economics and Policy. 2023. Available at: http://agfep.cau.edu.cn/art/2023/5/23/art_39584_960277.htm (accessed 29.11.2025).
22. Abdulai A., Quarshie P.T., Duncan E., Fraser E. Is agricultural digitalization a reality among smallholder farmers in Africa? Unpacking farmers' lived realities of engagement with digital tools and services in rural Northern Ghana. *Agriculture & Food Security*. 2023;12(1):11. <https://doi.org/10.1186/s40066-023-00416-6>

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и лингвистики Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor at the Department of International Relations and Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Гаврилова Анастасия Романовна, магистрант кафедры международных отношений и лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gavrilova2908@gmail.com

Anastasia R. Gavrilova, Undergraduate at the Department of International Relations and Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gavrilova2908@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.43:633.63

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-41-53>

Анализ динамики и структуры затрат производства сахарной свеклы в регионе

Ю. И. Болохонцева¹✉, Д. И. Жилияков¹

¹ Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова
ул. Карла Маркса, д. 70, г. Курск 305021, Российская Федерация

✉ e-mail: smu_kgsha@mail.ru

Резюме

Актуальность. Свекловодство – значимая отрасль в российской экономике, а Курская область является крупным регионом свекловодства в Российской Федерации. В настоящее время важную роль приобретает анализ динамики и составных частей затрат на производство сахарной свеклы, который позволяет выявить, какие статьи расходов можно оптимизировать, чтобы увеличить рентабельность производства сахарной свеклы.

Цель – проанализировать динамику и структуру затрат производства сахарной свеклы в Курской области, выявить тенденции изменений и причины.

Задачи: выделить основные закономерности в развитии свекловодства Курской области в 2015–2024 гг.; проанализировать производственные затраты, их динамику и структуру; предложить основные направления снижения затрат на производство сахарной свеклы в регионе.

Методология исследования основывается на аналитическом обзоре опубликованной научной литературы, интернет-ресурсов, использовании нормативно-справочных материалов. Были использованы данные специализированной отчетности сельскохозяйственных предприятий Курской области. Исследования проводились на основании описательного и статистического методов анализа, метода сравнительного анализа и др.

Результаты. Рассмотрены основные тенденции развития свекловодства в Курской области за десятилетний период. Выявлены основные причины изменения затрат на производство сахарной свеклы в регионе, обоснованы причины их роста. Установлено, что в течение анализируемого периода прослеживается три периода роста и снижения затрат. Изучена эффективность организации труда и рациональность использования рабочей силы на сельскохозяйственных предприятиях Курской области, выращивающих сахарную свеклу. Оценен уровень интенсификации производства сахарной свеклы. Предложены меры по оптимизации производственных затрат в свекловодстве региона.

Выводы. Для повышения эффективности производства сахарной свеклы основной задачей, стоящей перед сельскохозяйственными предприятиями, является снижение затрат на производство изучаемой культуры. Поэтому необходимы снижение материальных затрат, затрат на логистику и оплату труда, оптимизация посевных площадей и объемов производства сахарной свеклы, заключение долгосрочных договоров предприятий на переработку, сокращение радиуса доставки и т. п.

Ключевые слова: сахарная свекла; сахар; производственные затраты; себестоимость; прямые затраты труда; прибыль; Курская область.

© Болохонцева Ю. И., Жилияков Д. И., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):41–53

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Болохонцева Ю. И., Жилияков Д. И. Анализ динамики и структуры затрат производства сахарной свеклы в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-41-53>

Поступила в редакцию 16.12.2025

Принята к публикации 18.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Analysis of the dynamics and cost structure of sugar beet production in the region

Yuliya I. Bolokhontseva¹✉, Dmitrii I. Zhilyakov¹

¹ Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov
70 Karl Marx Str., Kursk 305021, Russian Federation

✉ e-mail: smu_kgsha@mail.ru

Abstract

Relevance. Beet farming is a significant industry in the Russian economy, and the Kursk Region is a major beet growing region in the Russian Federation. Currently, an important role is being played by analyzing the dynamics and components of sugar beet production costs, which allows us to identify which items of expenditure can be optimized in order to increase the profitability of sugar beet production.

The purpose is to analyze the dynamics and cost structure of sugar beet production in the Kursk region, to identify trends and causes of changes.

Objectives. To identify the main patterns in the development of beet farming in the Kursk region in 2015–2024. To analyze production costs, their dynamics and structure, to propose the main directions of reducing the cost of sugar beet production in the region.

Methodology. The research methodology is based on an analytical review of published scientific literature, online resources, and the use of normative reference materials. The study used data from specialized reporting of agricultural enterprises in the Kursk region. The research was conducted on the basis of descriptive and statistical methods of analysis, the method of comparative analysis, etc.

Results. As a result of the study, the main trends in the development of beet farming in the Kursk region over a ten-year period are considered. The main reasons for the change in sugar beet production costs in the region have been identified, and the reasons for their growth have been substantiated. It is established that during the analyzed period there are three periods of growth and cost reduction. The efficiency of labor organization and the rational use of labor at agricultural enterprises of the Kursk region growing sugar beet has been studied. The level of intensification of sugar beet production is estimated. Measures to optimize production costs in the beet industry of the region are proposed.

Conclusions. To increase the efficiency of sugar beet production, the main task facing agricultural enterprises is to reduce the cost of producing the crop under study. Therefore, it is necessary to reduce material costs, logistics and labor costs, optimize acreage and sugar beet production, conclude long-term processing contracts, reduce the delivery radius, etc.

Keywords: sugar beet; sugar; production costs; cost; direct labor costs; profit; Kursk region.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bolokhontseva Y.I., Zhilyakov D.I. Analysis of the dynamics and cost structure of sugar beet production in the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):41–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-41-53>

Received 16.12.2025

Accepted 18.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Свекловодство – значимая отрасль в российской экономике, а Курская область является крупным регионом свекловодства в Российской Федерации ввиду наличия благоприятных почвенно-климатических и экономических условий для выращивания данной культуры (плодородный чернозем с высоким уровнем влажности, теплый климат, наличие заводов по производству сахара и др.). В настоящее время важную роль приобретает анализ динамики и составных частей затрат на производство сахарной свеклы, который позволяет выявить, какие статьи расходов можно оптимизировать, чтобы увеличить рентабельность производства сахарной свеклы.

Несмотря на достаточно высокую маржинальность данной культуры, финансовая ситуация в свекловичной подотрасли остается сложной. Бизнес-издание «Абирег» отмечает, что свекловичные хозяйства юга Воронежской и Белгородской областей в 2025 г. могут получить убыток в 15–20% даже при средней урожайности 500 ц/га¹. Причинами являются, с одной стороны, сокращение урожая, сахаристости и закупочной цены, с другой – рост затрат на посев и логистику [1].

В текущем году сахарная свекла успела нарастить ботву, но не смогла набрать массу корнеплодов вследствие дефицита глубинной влаги, который образовался с прошлого сезона. На юге Воронежской и в Белгородской областях предприятия из-за потерь урожая были вынуждены пересеивать часть посевов. В Тамбовской, Липецкой, Курской и Орловской областях урожайность свеклы была значительно выше, что обусловлено наличием запасов влаги прошлого года¹.

¹ Свеклосеятеля Черноземья ждут убытки в 15–20%: урожай на дне, цены рухнули, себестоимость взлетела. URL: <https://abireg.ru/newsitem/110038/> (дата обращения: 28.11.2025).

Из-за снижения рыночной цены сахара произошло снижение закупочной цены на свеклу. Так, если стоимость 1 кг сахара в 2024 г. была 55–56 руб., то в 2025 г. она составила 45–46 руб./кг (на 18,2% меньше). Часть предприятий Центрального Черноземья не смогла заключить контракты с ближайшими заводами и вынуждена была везти сахарную свеклу на расстояние 200–250 км, тогда как в прошлые годы радиус доставки не превышал 100–110 км, что привело к увеличению затрат. Данная ситуация также обуславливает необходимость изучения динамики и структуры затрат производства сахарной свеклы.

Изучению затрат на производство сахарной свеклы посвящен ряд научных работ. В них уделяется внимание вопросам анализа затрат на производство сахарной свеклы [2], определения постоянных и переменных затрат, изучения прямых затрат, показателей интенсификации производства [3], оптимальной структуры затрат [4], совершенствования их производственной структуры [5] и др.

Материалы и методы

Методология исследования основывается на аналитическом обзоре опубликованной научной литературы, интернет-ресурсов, использовании нормативно-справочных материалов. В исследовании были использованы данные специализированной отчетности сельскохозяйственных предприятий Курской области. Исследования проводились на основании описательного и статистического методов анализа, метода сравнительного анализа и др.

Результаты и их обсуждение

Данные, представленные на рисунке 1, отражают увеличение посеянных и убранных площадей сахарной свеклы в Курской области в целом за анализируемый период.

Рис. 1. Динамика изменения посевных площадей сахарной свеклы в Курской области

По итогам 2024 г. площадь посевных площадей сахарной свеклы составила 101,54 тыс. га, что на 37,22 тыс. га, или на 57,88%, больше, чем в 2015 г.

В течение анализируемого 10-летнего периода общего роста можно выделить определенные изменения. Так, в 2015–2017 гг. происходит увеличение посевных площадей под сахарную свеклу в Курской области на 46,5 тыс. га, или на 72,3%, что связано с развитием сельского хозяйства в регионе, где благоприятные климатические и почвенные условия способствовали выращиванию этой культуры, а также с активной работой крупных агрохолдингов, инвестировавших в расширение производства. В это время активно развивался АПК в стране в целом, действовали программы государственной поддержки, что также способствовало расширению посевов сахарной свеклы.

Период 2017–2020 гг., напротив, характеризуется сокращением посевных площадей в Курской области на 22,7 тыс. га, или на 20,5%, что было вызвано уменьшением доли сахарной свеклы в структуре производства сельскохозяйственных организаций региона из-за низкой ее рентабельности и наращивания площадей других, более рентабельных на

тот момент культур. Такая ситуация была вызвана существенным снижением цены на сахар на продовольственном рынке [6, с. 3], и перепроизводство сахарной свеклы в 2018–2019 гг. привело к необходимости оптимизации посевной площади и сокращения ее посевов из-за существенного снижения рентабельности производства [7, с. 4].

В сезоне 2017–2018 гг. по производству свекловичного сахара в стране был достигнут уровень самообеспеченности, а рынок оказался затоварен [5, с. 9]. Оптовые и розничные цены на сахар в РФ заметно проседали тремя большими волнами: осенью 2016 г., 2017 г. и 2019 г., что стимулировало внутренне потребление сахара и продуктов из него, а также расширяло возможности экспорта [7, с.8].

В период 2020–2024 гг. вновь наблюдается увеличение посевов под сахарную свеклу на 7,3 тыс. га, или на 15,2%, в связи с расширением посевов крупными агрохолдингами, ранним севом, возросшей рентабельностью возделывания и привлекательностью данной культуры для агробизнеса.

Об эффективности процесса сбора урожая сахарной свеклы говорит отношение убранной к посеянной площади,

которое в среднем за 2015–2024 гг. составило 97,8%. В 2024 г. данный показатель снизился до 93,7%, что было связано с введением на территории Курской области режимов чрезвычайной ситуации федерального характера и контртеррористической операции, осуществлением

эвакуационных мероприятий из ряда муниципальных образований Курской области и близости к линии фронта¹.

Затраты на производство сахарной свеклы увеличились в целом за 2015–2024 гг. почти на 7942,9 млн руб., или в 3,1 раза (табл. 1).

Таблица 1. Динамика затрат на производство сахарной свеклы в 2015–2024 гг., млн. руб.

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024, % к 2015	Абсолютное отклонение, 2024 от 2014
Затраты на производство	3769,6	6841,5	7901,8	8583,4	8318,5	7844,4	7723,9	10549,4	11131,4	11712,5	310,71	7942,9
В том числе оплата труда с отчислениями на социальные нужды	295,2	529,5	714,2	420,8	766,3	764,3	723,8	895,9	1091,5	1219,4	413,08	924,2
Материальные затраты	2532,3	4608,1	4728,4	4734,3	5013,9	4888,0	4818,7	8413,1	8526,4	8972,3	354,31	6440
В том числе:												
– семена и посадочный материал	462,3	732,1	778,0	821,8	747,8	776,8	900,7	1023,2	835,2	1354,3	292,95	892
– минеральные удобрения, бактериальные и другие препараты	720,7	1258,2	1316,6	1326,1	1232,5	1381,2	1401,0	2338,1	2041,6	1694,5	235,12	973,8
– органические удобрения	0,006	8,3	6,9	0,6	0,8	2,5	7,1	8,8	26,6	19,6	В 3,3 тыс. раз	19,594
– средства защиты растений	639,8	1155,9	1421,0	1354,0	1405,6	1267,7	1355,1	1675,5	1612,9	1684,8	263,33	1045
– покупная энергия всех видов, топливо, кроме нефтепродуктов (уголь, газ, дрова)	5,7	16,0	13,5	8,3	32,2	34,1	36,1	63,3	66,2	18,1	317,54	12,4
– нефтепродукты всех видов, используемые на технологические цели	251,5	529,2	624,7	515,3	676,4	455,9	505,2	722,3	697,5	698,5	277,73	447

¹ О прогнозе социально-экономического развития Курской области на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: распоряжение Правительства Курской области от

24.10.2024 г. № 899-рп. URL: https://kursk.ru/upload/iblock/5e9/9z2as2kdm2914w3xet9dlzz0t5oy7ujl/899_rp.pdf?ysclid=ml54g0nism231673606 (дата обращения: 28.11.2025).

Окончание табл. 1

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024, % к 2015	Абсолютное отклонение, 2024 от 2014
– содержание основных средств (запасные части и расходные материалы, текущий ремонт)	452,4	908,2	567,7	708,1	918,5	969,9	613,4	926,2	967,7	1100,7	243,30	648,3
– оплата работ и услуг производственного характера из них выполненных сторонними организациями, прочие материальные затраты (предметы труда, используемые в производстве)								1655,7	2278,8	2401,8	–	2401,8
Затраты на хранение	122,1	172,6	24,4	14,9	4,7	15,3	26,2	55,3	28,4	55,3	45,29	-66,8
Прочие затраты	820,0	1531,4	2434,9	3413,5	2533,7	2176,8	2155,2	1185,1	1485,0	1465,5	178,72	645,5

По данным таблицы 1 можно отметить три периода изменения затрат. С 2015 г. по 2018 г. происходит увеличение затрат на производство (на 4813,8 млн руб., или в 2,3 раза), 2018–2021 гг. – снижение (на 859,5 млн руб., или на 10,0%), 2021–2024 гг. – рост (на 3988,6 млн руб., или на 51,6%).

Сложный для экономики России 2020 г. был обусловлен падением мировых цен на энергоносители, введением санкций со стороны Запада и США. При этом удалось сдержать рост безработицы, предотвратить банкротство предприятий сферы малого и среднего бизнеса и сохранить динамику промышленного производства [8, с. 2].

Повышение цен в 2021 г., по сравнению с 2020 г. на семенной материал, ми-

неральные удобрения, ГСМ и средства защиты растений, привело к сокращению объемов внесения минеральных удобрений, использованию более дешевых аналогов средств защиты растений, что, в свою очередь, повлияло на снижение урожайности сахарной свеклы. Так, в 2021 г. цены на азотные удобрения выросли в 2,4 раза, на калийные – в 2,7 раза. В пандемийный период 2020–2021 гг. отмечался рост цен на бензин всех видов в среднем на 7–8% и дизельное топливо – на 30,5% [9, с. 14].

К 2021 г. основные минеральные удобрения в России подорожали на 59%, а объемы их применения увеличились с 1,2 млн до 3,4 млн т (при общем объеме производства 17 млн т). Противоположная картина складывалась по средствам

защиты растений, рост цен на которые превысил 5%, а потребление увеличилось с 20 тыс. т до 180,2 тыс. т, при этом потребление препаратов отечественного производства увеличилось в 22 раза [10, с. 17].

Затраты на производство сахарной свеклы в Курской области в 2021–2024 гг. возросли вследствие увеличения затрат на оплату труда (на 495,6 млн руб., или на 68,5%), затрат на семена и посадочный материал (на 453,6 млн руб., или на 50,4%), содержание основных средств (на 487,3 млн руб., или на 79,4%), средства защиты растений (на 329,7 млн руб., или на 24,3%), минеральные удобрения (на

293,5 млн руб., или на 20,9%), нефтепродукты (на 193,3 млн руб., или на 38,3%).

Основной составляющей себестоимости сахарной свеклы являются материальные затраты. В абсолютном выражении размер материальных затрат увеличился за 2015–2024 гг. на 6440 млн руб., или в 3,5 раза, что вызвано высокой материалоемкостью данной культуры. Но при этом необходимо отметить, что их доля в общем объеме затрат сократилась с 67,2% до 55,2% в 2015–2018 гг., а в дальнейшем в течение 2018–2021 гг. происходит рост доли данных затрат с 55,2% до 76,6% (табл. 2).

Таблица 2. Структура затрат на производство сахарной свеклы в 2015–2024, %

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Абсолютное отклонение, 2024 от 2015
Затраты на производство	100,00	100,00	100	100	100	100	100	100	100	100	0,00
В том числе оплата труда с отчислениями на социальные нужды	7,83	7,74	9,04	4,90	9,21	9,74	9,37	8,49	9,81	10,41	2,58
Материальные затраты	67,18	67,36	59,84	55,16	60,27	62,31	62,39	79,75	76,60	76,60	9,43
В том числе:											
– семена и посадочный материал	12,26	10,70	9,85	9,57	8,99	9,90	11,66	9,70	7,50	11,56	–0,70
– минеральные удобрения, бактериальные и другие препараты	19,12	18,39	16,66	15,45	14,82	17,61	18,14	22,16	18,34	14,47	–4,65
– органические удобрения	0,00	0,12	0,09	0,01	0,01	0,03	0,09	0,08	0,24	0,17	0,17
– средства защиты растений	16,97	16,90	17,98	15,77	16,90	16,16	17,54	15,88	14,49	14,38	–2,59
– покупная энергия всех видов, топливо, кроме нефтепродуктов (уголь, газ, дрова)	0,15	0,23	0,17	0,10	0,39	0,43	0,47	0,60	0,59	0,15	0,00
– нефтепродукты всех видов, используемые на технологические цели	6,67	7,74	7,91	6,00	8,13	5,81	6,54	6,85	6,27	5,96	–0,71

Окончание табл. 1

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Абсолютное отклонение, 2024 от 2015
– содержание основных средств (запасные части и расходные материалы, текущий ремонт)	12,00	13,27	7,18	8,25	11,04	12,36	7,94	8,78	8,69	9,40	–2,60
– оплата работ и услуг производственного характера из них											
выполненных сторонними организациями, прочие материальные затраты (предметы труда, используемые в производстве)	–	–	–	–	–	–	–	15,69	20,47	20,51	20,51
Затраты на страхование	3,24	2,52	0,31	0,17	0,06	0,20	0,34	0,52	0,26	0,47	–2,77
Прочие затраты	21,75	22,38	30,81	39,77	30,46	27,75	27,90	11,23	13,34	12,51	–9,24

В структуре затрат также можно выделить следующие тенденции. Так, доля затрат на оплату труда в 2015–2017 гг. сократилась с 7,8% до 4,9%, в 2018–2024 гг. – увеличилась до 10,4%. Относительное уменьшение затрат на оплату труда в этот период было связано с сокращением количества работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, и повышением производительности оставшихся работников. В последующем данный показатель возвратился на предыдущий уровень с незначительной растущей тенденцией, отражающей дефицит кадров в отрасли и необходимость увеличения затрат на оплату труда.

В абсолютном значении затраты на оплату труда в 2015–2017 гг. возросли на 419 млн руб., или в 2,4 раза, в 2017–2018 гг. – сократились на 293,4 млн руб., или на 41,1%, в 2018–2024 гг. – увеличились на 798,6 млн руб., или в 2,9 раза.

В 2015–2024 гг. сумма затрат на страхование сократилась с 122,1 млн руб. до 55,3 млн руб., т. е. более чем в 2 раза, а

в общей структуре затрат их доля сократилась с 3,24% до 0,47%. Это свидетельствует о низкой привлекательности данного финансового инструмента для свеклосеющих сельскохозяйственных организаций.

Основная часть материальных затрат приходится на минеральные удобрения, бактериальные и другие препараты (в 2019–2021 гг. – рост до 29,1%, в 2021–2024 гг. – сокращение до 15,1%), на средства защиты растений (в 2015–2017 гг. – рост с 25,3% до 30,1%, в 2024 г. – уменьшение до 18,8%), семена и посадочный материал (в 2015–2016 гг. – сокращение с 18,3% до 16,6%, в 2021–2024 гг. – сокращение с 18,7% до 15,1%), содержание основных средств (в 2017–2020 гг. – рост до 19,8%, в 2020–2024 гг. – уменьшение доли до 12,3%).

Затраты на нефтепродукты также имели тенденцию уменьшения (сокращение доли с 6,7% в 2015 г. до 6,0% в 2024 г.).

Для анализа трудоемкости производства и оптимизации затрат труда проана-

лизируем прямые затраты труда на продукцию (рис. 2). Уровень производительности труда характеризуется объемом полученной продукции за единицу времени и обратным показателем трудоемкость продукции: чем меньше трудоем-

кость, тем больше продуктивность. Ценность данного показателя состоит в том, что он помогает оценить эффективность организации труда и рациональность использования рабочей силы [11, с. 253].

Рис. 2. Прямые затраты труда на продукцию

Так, в 2015–2019 гг. трудоемкость сократилась с 0,66 чел. ч/т до 0,47 чел. ч/т, в 2019–2020 гг. – увеличилась до 0,75 чел. ч/т, в 2020–2022 гг. – сократилась до 0,30 чел. ч/т, в 2023–2024 гг. вновь возросла до 0,86 чел. ч/т, что говорит о снижении производительности труда в 2019–2020 гг. и в 2022–2024 гг. Это связано с ростом прямых затрат труда в 2015–2017 гг. на 1593 тыс. чел. ч, 2018–2020 гг. – на 276 тыс. чел. ч, в 2022–2024 гг. – на 2350,3 тыс. чел. ч.

Прямые затраты труда на продукцию напрямую связаны с затратами труда на 1 га (рис. 2). В 2020–2022 гг. видно существенное снижение прямых затрат труда на продукцию и на 1 га соответственно на 53,5% и 58,5%, а в 2022–2024 гг. – резкое увеличение в 2,7 раза.

Уровень затрат на 1 га сахарной свеклы сильно зависит от уровня интенсивности производства и региона. Как утверждает руководитель маркетинга

АО «Байер» В. К. Борисенко, самой дорогой статьей расходов является логистика – порядка 30% – вывоз, погрузка/разгрузка, перевозка и т. д. [12, с. 7]. Поэтому в свеклосахарном подкомплексе немаловажное место должно отводиться и построению логистической схемы [13, с. 150].

Анализ структуры и динамики затрат показывает, что интенсификация технологии производства сахарной свеклы в сельскохозяйственных предприятиях Курской области происходит практически за счет всех статей затрат.

При возделывании сладкой культуры по интенсивным технологиям минимально используется ручной труд и в результате повышается эффективность свеклопроизводства, снижаются потери урожая и повышается его качество [14, с. 190]. Как отмечает Е. А. Нохрина, повышение уровня интенсификации производства обеспечивает неуклонный рост и высокие

темпы экономической эффективности производства¹. Для оценки уровня интенсификации производства в таблице 3 используем методику, предложенную Л. В. Лебедько и Н. В. Подобай, преду-

сматривающую расчет показателей материалоотдачи, зарплатоотдачи, зарплатоемкости и амортизациоёмкости продукции [3, с. 64].

Таблица 3. Динамика показателей уровня интенсификации производства сахарной свеклы в 2015–2024 гг.

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Отклонение, 2024 от 2015
Затраты на 1 руб. продукции	0,55	0,65	0,86	0,66	1,00	0,60	0,58	0,67	0,51	0,58	0,03
Материалоемкость продукции	0,32	0,37	0,51	0,36	0,60	0,37	0,36	0,43	0,28	0,33	0,01
Амортизациоёмкость продукции, %	–	–	–	0,028	0,082	0,061	0,056	0,045	0,036	0,038	0,038
Зарплатоемкость продукции, %	4,33	5,01	7,78	3,21	9,23	5,84	5,46	5,68	4,97	6,09	1,76
Материалоотдача	3,09	2,73	1,94	2,77	1,65	2,68	2,75	2,33	3,51	3,06	–0,03
Зарплатоотдача	23,08	19,95	12,86	31,14	10,83	17,14	18,32	17,60	20,11	16,43	–6,65

Анализируя таблицу 3, можно прийти к следующим выводам. Так, увеличение материалоотдачи в 2019–2021 гг. и в 2022–2023 гг. свидетельствует о повышении эффективности использования материальных ресурсов в эти периоды. В 2015–2017 гг., 2021–2022 гг., 2023–2024 гг. наблюдается противоположная динамика.

Как отмечает Е. А. Нохрина, при сопоставлении объемов валовой продукции и стоимости основных производственных фондов целесообразно проанализировать эффективность и отдачу каждого рубля основных средств, что позволит оценить амортизациоёмкость продукции и изношенность производственных фондов, которые являются дестабилизирующими факторами при наращивании темпов производства и снижении потерь¹. Амортизациоёмкость показывает сумму амортизации в расчете на рубль товарной продукции [15, с. 42]. Снижение показателя

в 2019–2024 гг. с 0,082% до 0,038% свидетельствует о повышении эффективности использования основных средств на сельскохозяйственных предприятиях Курской области, занимающихся производством сахарной свеклы.

Эффективность использования фонда оплаты труда в 2015–2017 гг. уменьшается (отмечается снижение зарплатоотдачи с 23,1 руб. до 12,9 руб.), в 2017–2018 гг. – возрастает до 31,1 руб. Увеличение показателя зарплатоотдачи в 2019–2023 гг. говорит о росте эффективности использования фонда заработной платы на сельскохозяйственных предприятиях Курской области, выращивающих сахарную свеклу.

По оценке экспертов, рентабельность свекловодства по годам сильно варьирует. Главная причина кроется в диспаритете цен на сельскохозяйственную продукцию и основные ресурсы (электроэнергию, ГСМ, минеральные удобрения, гербициды и др.). Это, в свою очередь, может привести к существенному сокращению посевных площадей сахарной свеклы или полному отказу от свекловодства

¹ Нохрина Е. А. Экономический анализ: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во МБИ имени Анатолия Собчака, 2024. С. 28.

в предприятиях, у которых нет собственной уборочной техники, долгосрочных договоров и с «плечом» перевозки от сахарных заводов более 100 км. В то же время крупные агрохолдинги, такие как «Русагро», «Продимекс» и др., которые должны обеспечить собственную переработку сырья, могут не только сохранить имеющиеся площади, но и в перспективе их увеличить [16, с. 5].

Как отмечает Е. В. Иванов, необходимыми условиями продолжения развития свекловодства для каждого предприятия на конкретном поле кроются в наличии долгосрочного договора на переработку и / или купли / продажи с приемлемыми условиями, умеренном расстоянии до сахарного завода 70–100 км, полным комплектом свекловичной техники и квалифицированных кадров, неукоснительном соблюдении свекловичных севооборотов, оптимальной кислотности почвы, уклона поля и др. агротехнических особенностей [17, с. 5].

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что в течение анализируемого периода прослеживаются три периода роста и снижения затрат: снижение в 2018–2021 гг., рост в 2015–2018 гг. и в 2021–2024 гг. Положительная динамика затрат связана с увеличением затрат на оплату труда (на 495,6 млн руб.), затрат на семена и посадочный материал

(на 453,6 млн руб.), содержание основных средств (на 487,3 млн руб.), средства защиты растений (на 329,7 млн руб.), минеральные удобрения (на 293,5 млн руб.), нефтепродукты (на 193,3 млн руб.). В регионе наблюдается увеличение материалоотдачи в 2019–2021 гг. и в 2022–2023 гг., снижение показателя амортизационности в 2019–2024 гг., увеличение эффективности использования фонда заработной платы в 2019–2023 гг.

Рост производственных затрат ведет к увеличению себестоимости продукции и снижению прибыли от продаж.

Выводы

В заключение следует отметить, что для повышения эффективности производства сахарной свеклы основной задачей, стоящей перед сельскохозяйственным предприятием, является снижение затрат на производство изучаемой культуры. Это представляется возможным за счет снижения материальных затрат, затрат на логистику, на оплату труда, оптимизации посевной площади, недопущения перепроизводства сахарной свеклы, заключения предприятиями долгосрочных договоров предприятий на переработку сахарной свеклы, сокращения радиуса доставки сахарной свеклы на сахарные заводы и др.

Список литературы

1. Батракова Н. В. Экономические аспекты организации производства и переработки сахарной свеклы // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 43 (5). С. 33–38.
2. Болохонцева Ю. И., Салтык И. П. Свеклосахарный подкомплекс Курской области: от глубокого кризиса до резкого повышения эффективности производства // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 6. С. 147–155.
3. Лебедев Л. В., Подобай Н. В. Инновационный процесс как фактор повышения прибыльности сельскохозяйственных организаций: монография. Брянск: Издательство Брянского государственного аграрного университета, 2017. 202 с.
4. Ельшина Е. С., Степанова Т. А. Анализ затрат на производство сахарной свеклы на примере предприятий Воронежской области // Финансовый вестник. 2022. № 2 (57). С. 47–54.
5. Гаврилова Е. Ю. Совершенствование производственной структуры и затрат – залог роста доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей // Сахарная свекла. 2017. № 8. С. 7–10.

6. Оценка эффективности функционирования свеклосахарного подкомплекса АПК России / С. В. Малахова, О. В. Святова, Е. Г. Александрова, Д. А. Зюкин // Сахарная свекла. 2024. № 6. С. 2–6.
7. Иванов Е. В. Каковы перспективы свеклосахарной отрасли в новом сезоне? // Сахарная свекла. 2020. № 5. С. 2–9.
8. Корниенко А. В., Серегин С. Н. Социальный аспект и инновационное развитие в АПК // Сахарная свекла. 2021. № 7. С. 2–8.
9. Отинова М. Е., Сальникова Е. В., Чернышева И. И. Изучение тенденций развития региональных рынков сахара РФ // Сахарная свекла. 2024. № 1. С. 13–17.
10. Балабанова Г. И. Территория, где объединяются интересы науки и производства и рождаются рекорды // Сахарная свекла. 2021. № 7. С. 12–17.
11. Чумаченко Г. В., Шатихина Е. А. Исследование факторов производительности труда предприятия // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2021. № 7(49). С. 252–256.
12. Балабанова Г. И. Свеклосахарная отрасль России достигла своего предела или есть куда двигаться дальше? // Сахарная свекла. 2019. № 4. С. 6–8.
13. Эффективность функционирования свеклосахарного подкомплекса АПК Центрально-Черноземного региона / И. П. Салтык, Ю. И. Болохонцева, В. Ф. Гранкин, С. Г. Боев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 6. С. 191–200.
14. Болохонцева Ю. И., Салтык И. П. Переработка сахара-сырца в Центрально-Черноземном регионе как один из действенных рычагов вывода его свеклосахарного подкомплекса из кризиса // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 7. С. 188–194.
15. Жилияков Д. И., Болохонцева Ю. И. Экономический анализ предприятий АПК. Курск: Издательство Курского государственного аграрного университета, 2024. 135 с.
16. Смирнов М. А. Производство сахарной свеклы в России: состояние, проблемы, направления развития // Сахарная свекла. 2018. № 7. С. 2–7.
17. Иванов Е. В. Предварительные итоги свеклосахарного производства в сезоне 2019/2020 – рекорды, рекорды, рекорды // Сахарная свекла. 2020. № 1. С. 2–5.

References

1. Batrakova N.V. Economic aspects of the organization of production and processing of agricultural beets. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and Humanitarian Research*. 2022;(43):33–38. (In Russ.)
2. Bolokhontseva Yu.I., Saltyk I.P. Beet sugar sub-complex of the Kursk region: from a deep crisis to a sharp increase in production efficiency. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2023;(6):147–155. (In Russ.)
3. Lebed'ko L. V., Podobai N. V. Innovation process as a factor in increasing the efficiency of agricultural organizations: monograph. Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta; 2017. 202 p. (In Russ.)
4. El'shina E.S., Stepanova T.A. Analysis of the costs of sugar beet production on the example of enterprises of the Voronezh region. *Finansovyi vestnik = Financial Bulletin*. 2022;(2):47–54. (In Russ.)
5. Gavrilova E. Yu. Improving the production structure and costs is the key to increasing the profitability of agricultural producers. *Sakharnaya svekla = Sugar Beets*. 2017;(8):7–10. (In Russ.)
6. Malakhova S.V., Svyatova O.V., Alexandrova E.G., Zyukin D.A. Assessment of the effectiveness of the functioning of the sugar beet sub-complex of the agro-industrial complex of Russia. *Sakharnaya svekla = Sugar Beet*. 2024;(6):2–6. (In Russ.)

7. Ivanov E.V. What are the prospects for the sugar beet industry in the new season ? *Sakharnaya svekla = Sugar Beet*. 2020;(5):2–9. (In Russ.)
8. Kornienko A.V., Seregin S.N. Social aspect and innovative development in the agro-industrial complex. *Sakharnaya svekla = Sugar Beet*. 2021;(7):2–8. (In Russ.)
9. Otinova M.E., Sal'nikova E.V., Chernysheva I.I. Study of trends in the development of regional sugar markets in the Russian Federation. *Sakharnaya svekla = Sugar Beet*. 2024;(1):13–17. (In Russ.)
10. Balabanova G.I. Territory where the interests of science and production unite and records are born. *Sakharnaya svekla = Sugar Beets*. 2021;(7):12–17. (In Russ.)
11. Chumachenko G.V., Shatikhina E.A. Study of labor productivity factors of the enterprise. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya = Bulletin of the Lugansk State University named after Vladimir Dahl*. 2021;(7):252–256. (In Russ.)
12. Balabanova G.I. The sugar beet industry in Russia has reached its limit or is there somewhere to move on ? *Sakharnaya svekla = Sugar Beets*. 2019;(4):6–8. (In Russ.)
13. Saltyk I.P., Bolokhontseva Yu. I., Grankin V.F., Boev S.G. The effectiveness of the functioning of the beet-sugar subsequence of the agro-industrial complex of the Central Black Earth region. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2023;(6):191–200. (In Russ.)
14. Bolokhontseva Yu.I., Saltyk I.P. Raw sugar processing in the Central Black Earth region as one of the effective levers to bring his beet sugar podkom-plex out of the crisis. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2023;(7):188–194. (In Russ.)
15. Zhilyakov D.I., Bolokhontseva Yu. I. Economic analysis of agricultural enterprises. *Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*; 2024. 135 p. (In Russ.)
16. Smirnov M.A. Production of sugar beets in Russia: state, problems, directions of development. *Sakharnaya svekla = Sugar Beets*. 2018;(7):2–7. (In Russ.)
17. Ivanov E.V. Preliminary results of beet sugar production in the 2019/2020 season - records, records, records. *Sakharnaya svekla = Sugar Beets*. 2020;(1):2–5. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Болохонцева Юлия Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой аграрных технологий, Курский государственный аграрный университет имени И. И. Иванова, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: smu_kgsha@mail.ru, ORCID: 0009-0003-8825-1882

Yulia I. Bolokhontseva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Agricultural Technologies, Kursk State Agrarian University named after I. I. Ivanov, Kursk, Russian Federation, e-mail: smu_kgsha@mail.ru, ORCID: 0009-0003-8825-1882

Жилияков Дмитрий Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и финансов, проректор по научной работе и инновациям, Курский государственный аграрный университет имени И. И. Иванова, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: zhilyakov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4190-7015,

Dmitry I. Zhilyakov, Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Department Accounting and Finance, Vice Rector for Research and Innovation, Kursk State Agrarian University named after I. I. Ivanov, Kursk, Russian Federation, e-mail: zhilyakov@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4190-7015

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.14

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-54-65>Пространственно-экономическая дифференциация цифрового
развития в регионах РоссииЛ. А. Попова¹, Н. В. Жахов¹ ✉¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Резюме

Актуальность обусловлена необходимостью комплексного анализа пространственно-экономической дифференциации цифрового развития федеральных округов России в контексте усиления региональных диспропорций и формирования новой парадигмы технологической модернизации. В условиях глобальной цифровой трансформации наблюдается усложнение структуры экономического пространства, где технологические, институциональные и социально-экономические факторы детерминируют возникновение устойчивых асимметрий между регионами-лидерами и периферийными территориями. Особую значимость приобретает исследование механизмов воспроизводства цифрового неравенства, оказывающих влияние на конкурентоспособность региональных экономических систем и эффективность национальной цифровой политики.

Цель исследования заключается в выявлении институционально-технологических детерминант цифрового развития федеральных округов России и разработке научно обоснованных рекомендаций по снижению региональных диспропорций на основе концепции «умной децентрализации».

Задачи: анализ пространственной дифференциации показателей цифровизации; идентификацию ключевых факторов, обуславливающих технологическое неравенство регионов; оценку эффектов ресурсно-технологического симбиоза в регионах с сырьевой специализацией; разработку типологии регионов по уровню цифровой зрелости; формулирование стратегических направлений гармонизации цифрового пространства.

Методология. Методологическая основа исследования базируется на синтезе количественных и качественных методов анализа, включая модифицированные методики расчета индексов цифровизации, пространственно-эконометрическое моделирование и кластерный анализ. Концептуальный аппарат интегрирует положения теорий технологических укладов, институциональной экономики и эндогенного роста, что позволяет осуществить комплексную оценку региональных диспропорций в многомерном аналитическом пространстве.

Результаты исследования выявили устойчивую трехуровневую иерархию цифрового развития федеральных округов, характеризующуюся выраженной поляризацией технологического потенциала. Установлен синергетический эффект техно-институционального комплементаритета в регионах-лидерах, сопровождающийся дисфункциональными явлениями «голландской болезни». Выявлен парадокс ресурсно-технологического симбиоза в промышленно ориентированных регионах и феномен «двойной цифровой экономики» в округах с выраженным внутрирегиональным неравенством.

Выводы исследования обосновывают необходимость реализации дифференцированной региональной политики, сочетающей стимулирование эндогенных инновационных процессов, создание цифровых особых экономических зон и формирование межрегиональных технологических цепочек.

Ключевые слова: региональные диспропорции; цифровое развитие; пространственная экономика; цифровой разрыв; ресурсно-технологический симбиоз.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2025 год № 075-03-2025-526.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Попова Л. А., Жахов Н. В. Пространственно-экономическая дифференциация цифрового развития в регионах России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 54–65. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-54-65>

Поступила в редакцию 26.12.2025

Принята к публикации 24.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Spatial and economic differentiation of digital development in the regions of Russia

Lyudmila A. Popova¹, Nikolai V. Zhakhov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Abstract

The relevance is due to the need for a comprehensive analysis of the spatial and economic differentiation of the digital development of the federal districts of Russia in the context of increasing regional imbalances and the formation of a new paradigm of technological modernization. In the context of global digital transformation, there is an increase in the complexity of the structure of the economic space, where technological, institutional and socio-economic factors determine the emergence of stable asymmetries between the leading regions and peripheral territories. Of particular importance is the study of the mechanisms of reproduction of digital inequality, which affect the competitiveness of regional economic systems and the effectiveness of national digital policies.

The purpose of the study is to identify the institutional and technological determinants of the digital development of the federal districts of Russia and the development of scientifically based recommendations to reduce regional disparities based on the concept of "smart decentralization."

Objectives: analysis of spatial differentiation of digitalization indicators; identification of key factors that determine the technological inequality of the regions; assessment of the effects of resource-technological symbiosis in regions with raw materials specialization; development of a typology of regions according to the level of digital maturity; formulation of strategic directions for harmonization of the digital space.

Methodology. The methodological basis of the study is based on the synthesis of quantitative and qualitative analysis methods, including modified methods for calculating digitalization indices, spatial-econometric modeling and cluster analysis. The conceptual apparatus integrates the provisions of theories of technological structures, institutional economics and endogenous growth, which allows for a comprehensive assessment of regional imbalances in the multidimensional analytical space.

The results of the study revealed a stable three-level hierarchy of digital development of federal districts, characterized by pronounced polarization of technological potential. A synergistic effect of techno-institutional complementarity has been established in the leading regions, accompanied by dysfunctional phenomena of the "Dutch disease." The paradox of resource-technological symbiosis in industrially oriented regions and the phenomenon of a "double digital economy" in districts with pronounced intraregional inequality were revealed.

The conclusions findings justify the need for a differentiated regional policy that combines the promotion of endogenous innovation processes, the creation of digital special economic zones, and the formation of interregional technological chains.

Keywords: regional imbalances; digital development; spatial economy; digital divide; and resource-technological symbiosis.

Funding: The article was prepared as part of the state assignment for 2025 No. 075-03-2025-526.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Popova L.A., Zhakhov N.V. Spatial and economic differentiation of digital development in the regions of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):54–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-54-65>

Received 26.12.2025

Accepted 24.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Современный этап глобальной экономической трансформации, детерминированный императивами цифровой модернизации и формированием экономики знаний, актуализирует необходимость комплексного исследования пространственно-экономических аспектов цифрового развития как ключевого фактора формирования новой парадигмы регионального роста. В условиях стремительной технологической эволюции и институциональных модификаций происходит переструктурирование экономического пространства, сопровождающееся усложнением межрегиональных взаимосвязей и углублением пространственной асимметрии. Особую значимость приобретает анализ цифрового развития федеральных округов России, где наблюдаются выраженные диспропорции, обусловленные неоднородностью технологического, институционального и социально-экономического потенциала территорий [1].

Эмпирические данные свидетельствуют о формировании устойчивой центр-периферийной модели цифровизации, в рамках которой доминирующее положение занимают регионы с высокой концентрацией инновационно-технологического капитала, тогда как периферийные территории сталкиваются с ограниченным доступом к цифровым ресурсам и институциональными барьерами [2]. Пространственная дифференциация цифрового развития представляет собой сложный мультифакторный конструкт, формирующийся под воздействием технологических (уровень цифровой инфраструктуры, инновационная активность), институциональных (качество регуляторной среды, эффективность государственного управления) и социально-экономических

(человеческий капитал, инвестиционная привлекательность) детерминант. При этом ключевой проблемой остается усиление региональных диспропорций, что приводит к фрагментации экономического пространства и воспроизводству структурных неравенств [3].

Особого внимания заслуживает феномен «ресурсно-технологического симбиоза», наблюдаемый в регионах с традиционной сырьевой специализацией, где экстрактивные отрасли становятся катализаторами промышленной цифровизации [4]. Данный процесс свидетельствует о формировании новых моделей технологической адаптации, основанных на синергии традиционных и инновационных секторов экономики, что требует переосмысления классических теорий регионального развития в контексте цифровой трансформации.

В работе приложены усилия к разработке комплексного аналитического инструментария, интегрирующего модифицированные методики оценки цифровизации с пространственно-эконометрическим моделированием, что позволяет выявить ключевые факторы дифференциации и механизмы формирования цифрового неравенства. Практическая значимость работы определяется необходимостью разработки дифференцированной региональной политики, направленной на преодоление институциональных ловушек, стимулирование эндогенных инновационных процессов и формирование межрегиональных технологических цепочек в рамках концепции «умной децентрализации».

Проведенное исследование вносит существенный вклад в развитие теории пространственной экономики и обеспечивает научно-методологическую основу

для формирования эффективной государственной политики цифрового развития, учитывающей специфику региональных социально-экономических систем России.

Материалы и методы

Цель исследования заключается в выявлении институционально-технологических детерминант цифрового развития федеральных округов России и разработке научно обоснованных рекомендаций по снижению региональных диспропорций на основе концепции «умной децентрализации».

Теоретико-методологическую базу исследования составили фундаментальные концепции пространственной экономики, теории технологических укладов [5], институциональной экономики и эндогенного роста [6]. Эмпирическую основу образуют релевантные статистические данные, аналитические материалы и результаты экспертных оценок, обработанные с применением современных методов многомерного анализа. Научная новизна работы заключается в выявлении механизмов формирования цифрового разрыва нового типа, а также в разработке стратегических рекомендаций по снижению региональных диспропорций в контексте устойчивого технологического развития.

Методологическая платформа настоящего исследования базируется на синтезе количественных и качественных методов анализа, позволяющем осуществить комплексную оценку пространственной дифференциации цифрового развития федеральных округов России с учетом институционально-технологических детерминант и региональных диспропорций. Эмпирическую основу работы составили разноуровневые данные, систематизированные в рамках единой аналитической матрицы, отражающей ключевые аспекты цифровой трансформации в контексте пространственной неоднородности социально-экономического развития. В частности, И. А. Тренина раскры-

вает роль региональных экосистем в условиях цифровой трансформации [7], Д. А. Генералов анализирует процессно-сетевой подход к управлению устойчивым сбалансированным развитием конкурентного потенциала региональной экономики [8], С. А. Маркина уделяет внимание цифровизации как ключевому фактору повышения инвестиционной привлекательности региона в целях обеспечения экономической безопасности [9], Е. А. Бессонова рассматривает перспективы и тенденции цифровизации проектного управления в регионе [10].

Л. П. Бакуменко представляет моделирование обобщенной системы индикаторов экономической безопасности регионов Российской Федерации [11], а С. К. Тургаев приводит конкретные виды кризисных ситуаций в период цифровых трансформаций и возникающих рисков экономики регионов России [12].

Исследования указанных авторов сходятся в том, что цифровая трансформация является системным фактором регионального развития, требующим комплексного подхода к формированию цифровых экосистем, внедрению сетевых моделей управления и повышению инвестиционной привлекательности для обеспечения устойчивого экономического роста территорий и сглаживания пространственно-экономической дифференциации цифрового развития в регионах России.

Источниковедческая база исследования сформирована из взаимодополняющих групп данных, включающих официальную статистическую информацию, стратегические и аналитические документы, а также первичные эмпирические данные. В рамках мониторинга цифровизации регионов использованы показатели федеральных органов статистики, отражающие уровень развития информационно-коммуникационных технологий, инновационной активности и инвестиционной привлекательности территорий. Особое внимание уделено аналитическим материалам, содержащим оценки междуна-

родных организаций в области цифровой экономики, что позволило осуществить сравнительный анализ и выявить специфику российской модели пространственного распределения цифровых ресурсов [13]. Дополняющим элементом выступили результаты экспертных интервью и панельных опросов, обеспечивающих глубину интерпретации количественных данных в контексте региональных институциональных условий [14].

Методический инструментарий исследования интегрирует модифицированные подходы к расчету индексов цифрового развития, включая методы весовой агрегации показателей с учетом региональной специфики, нормализацию данных для обеспечения сопоставимости, а также факторный анализ, направленный на выявление латентных структур, определяющих уровень цифровизации. Пространственно-эконометрический анализ осуществлен с применением регрессионного моделирования, позволяющего оценить степень влияния технологических, институциональных и социально-экономических факторов на формирование межрегиональных диспропорций. Корреляционный анализ с поправкой на множественные сравнения обеспечил валидность выявленных взаимосвязей, а проверка на мультиколлинеарность подтвердила устойчивость полученных результатов.

Концептуальная рамка исследования базируется на синтезе теорий технологических укладов, объясняющих волнообразный характер цифровой трансформации, институциональной матрицы, раскрывающей роль формальных и неформальных ограничений в процессах модернизации, а также концепции тройной спирали, акцентирующей взаимодействие науки, бизнеса и государства в формировании инновационных экосистем [6].

Ограничения методологии связаны с лаговым характером официальной статистики, не всегда отражающей актуальные тренды цифровизации, а также с гетерогенностью методик сбора данных, что

требует дополнительной верификации результатов. Тем не менее применяемый методологический комплекс обеспечивает релевантную основу для выявления ключевых детерминант пространственной дифференциации цифрового развития и разработки адресных мер региональной политики, направленных на снижение диспропорций и формирование условий для устойчивого технологического роста в контексте парадигмы умной специализации.

Результаты и их обсуждение

Совокупность ключевых индикаторов цифровизации федеральных округов Российской Федерации демонстрирует выраженную пространственную асимметрию, детерминированную сложным взаимодействием технологических, институциональных и экономико-географических факторов. Компаративный анализ агрегированных показателей позволяет констатировать формирование устойчивой иерархической структуры, в рамках которой доминирующие позиции занимают регионы с максимальной концентрацией технологического капитала, тогда как территории с ограниченным доступом к инновационным ресурсам демонстрируют существенное отставание по комплексным параметрам цифровой зрелости. Особого внимания заслуживает кумулятивный характер наблюдаемых диспропорций, где первоначальные конкурентные преимущества центральных регионов усиливаются за счет механизмов положительной обратной связи, включая концентрацию человеческого капитала, инвестиционных потоков и институциональных предпочтений, что в совокупности воспроизводит модель центро-периферийного развития с выраженными признаками технологической поляризации пространства. Ниже представлены систематизированные данные, отражающие базовые параметры цифровой трансформации в разрезе федеральных округов (табл. 1).

Таблица 1. Базовые показатели цифровизации федеральных округов [15]

Показатель	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Уральский ФО
Индекс цифровизации (2023)	78,2 (макс. по РФ)	71,5	68,9
Динамика роста (2018–2023), %	+24	+19	+22
Доля в общероссийском ИКТ-секторе, %	43	18	12

Качественная и количественная характеристика инфраструктурного капитала федеральных округов Российской Федерации выявляет существенную пространственную дифференциацию в уровне развития базовых технологических платформ, определяющих потенциал цифровой трансформации региональных экономических систем. Комплексный анализ показателей сетевой инфраструктуры и распределенных вычислительных мощностей свидетельствует о формировании выраженной асимметрии, где регионы-лидеры демонстрируют максимальные значения по ключевым параметрам технологической оснащенности, создавая тем самым предпосылки для кумулятивного наращивания конкурентных преимуществ в рамках цифровой экономики. Особую значимость приобретает

выявленная корреляция между уровнем развития инфраструктурного капитала и интенсивностью инновационных процессов, что подтверждает тезис о критической роли базовых технологических платформ как фундаментального условия цифровой трансформации. При этом наблюдаемые диспропорции в обеспеченности современными инфраструктурными решениями не только отражают текущее состояние региональных экономик, но и формируют долгосрочные траектории технологического развития, закрепляя существующую иерархию пространственной организации цифрового пространства страны. Нижеследующие данные наглядно иллюстрируют сложившуюся систему распределения инфраструктурного капитала между федеральными округами (табл. 2).

Таблица 2. Инфраструктурное обеспечение цифровой трансформации [16]

Показатель	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Уральский ФО
Покрытие 5G	95% (лидер)	82%	78%
Оптоволоконная инфраструктура	89% населенных пунктов	76%	72%
Количество ЦОДов	48 (37% федеральных)	22 (17%)	15 (11%)

Проведенный анализ институциональной среды федеральных округов выявляет существенную дифференциацию в качестве регуляторных условий и интенсивности инвестиционных процессов, формирующих принципиально различные траектории цифровой трансформации региональных экономических систем. Наблюдается выраженная корреляция между развитостью институциональной инфраструктуры (количество

регуляторных песочниц), объемом венчурного финансирования и уровнем проникновения цифровых государственных услуг, что подтверждает гипотезу о системообразующей роли институциональных факторов в процессах технологической модернизации. Особого внимания заслуживает кумулятивный эффект, при котором первоначальные институциональные преимущества регионов-лидеров трансформируются в устойчи-

вые конкурентные преимущества за счет концентрации финансовых ресурсов, кадрового потенциала и инновационных проектов. При этом выявленная пространственная асимметрия институционального развития не только отражает текущие диспропорции, но и формирует долгосрочные тренды цифровой транс-

формации, закрепляя существующую иерархию технологического развития территорий. Следующие данные иллюстрируют ключевые параметры институциональной среды, определяющие потенциал цифровизации в различных федеральных округах (табл. 3).

Таблица 3. Институциональные детерминанты цифрового развития [17]

Показатель	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Уральский ФО
Регуляторные песочницы (проекты)	23	11	7
Венчурные инвестиции, млрд руб.	58	22	15
Цифровые госуслуги, %	94	85	81

Катализирующим фактором лидерства ЦФО выступает синергетический эффект от конвергенции развитой цифровой инфраструктуры (95% покрытие 5G, 89% проникновение оптоволокна), высокой плотности венчурного капитала (58 млрд руб. в 2023 г.) и институциональных преимуществ в виде 23 регуляторных песочниц, создающих условия для возникновения эндогенных инноваций по модели *triple helix*. Однако экстенсивный рост цифрового ядра сопровождается возникновением дисфункциональных эффектов, включая перегрев рынка труда (миграционный приток +18%) и ценовую недоступность жилья, что соответствует теоретической концепции «голландской болезни» технологических агломераций.

Северо-Западный федеральный округ (индекс 71,5) представляет собой уникальный случай биполярной цифровой экосистемы, где передовой научно-технологический потенциал Санкт-Петербурга (88,7) сосуществует с цифровой маргинализацией периферийных территорий (Карелия – 58,3), формируя пространственный дуализм. Ключевым институциональным вызовом для данного региона выступает утечка человеческого капитала в европейские цифровые хабы (коэффициент удерживания кадров не превышает

0,67), что актуализирует необходимость разработки механизмов «умной специализации» по модели Европейской комиссии [18].

Уральский федеральный округ (индекс 68,9) демонстрирует парадоксальную модель «ресурсно-технологического симбиоза», где традиционные сырьевые отрасли становятся драйверами промышленной цифровизации (49% предприятий Industry 4.0 – максимальный показатель по Российской Федерации). Данный феномен может быть интерпретирован через призму теории технологического пейсмекера, когда экзогенные инновации адаптируются к специфике регионального производственного ландшафта. Однако сохраняющаяся зависимость от углеводородного сектора создает риски [19], ограничивающие диверсификацию цифровой экономики. Важным и в то же время сложно анализируемым аспектом выступает измерение цифрового развития [20].

Выявленные закономерности подтверждают тезис о формировании «цифрового разрыва» нового типа, где технологическое неравенство воспроизводит и усиливает существующие диспропорции пространственного развития. Преодоление данной тенденции требует переосмысления традиционных подходов к

региональной политике в контексте парадигмы «умной децентрализации».

Выводы

Проведенное исследование пространственно-экономической дифференциации цифрового развития федеральных округов России позволило выявить комплекс системных закономерностей, формирующих принципиально новую конфигурацию региональных диспропорций в контексте цифровой трансформации.

Полученные результаты свидетельствуют о формировании устойчивой трехуровневой иерархии технологического развития, где доминирующие позиции занимают регионы с выраженной концентрацией инновационно-технологического капитала, демонстрирующие кумулятивный рост показателей цифровой зрелости, тогда как периферийные территории сталкиваются с системными барьерами технологической модернизации, обусловленными ограниченностью инфраструктурного потенциала и институциональными лагунами.

Выявленный техноинституциональный комплементаритет проявляется в устойчивой корреляции между качеством регуляторной среды, уровнем развития цифровой инфраструктуры и интенсивностью инновационных процессов, что соответствует теоретическим положениям модели эндогенного роста. Регионы-лидеры демонстрируют синергетический эффект от конвергенции передовой технологической базы, развитых институтов поддержки инновационной деятельности и высокой плотности человеческого капитала, формируя тем самым самовоспроизводящуюся систему конкурентных преимуществ. Однако экстенсивный рост цифровых агломераций сопровождается возникновением дисфункциональных эффектов, включая перегрев рынков труда и жилья, что соответствует теоретической концепции «голландской болезни» технологических кластеров.

Особый научный интерес представляет выявленный феномен «ресурсно-технологического симбиоза» в регионах с традиционной сырьевой специализацией, где экстрактивные отрасли трансформируются в катализаторы промышленной цифровизации. Данный парадокс может быть интерпретирован через призму теории технологического пейсмекера, демонстрируя способность традиционных производственных систем адаптировать экзогенные инновации к специфике регионального экономического ландшафта. Однако сохраняющаяся зависимость от углеводородного сектора создает существенные риски path dependency, ограничивающие возможности диверсификации цифровой экономики в средне- и долгосрочной перспективе.

Кластерный анализ позволил выделить три типологические группы регионов, различающиеся по характеру и глубине цифровой трансформации: высоко-развитые цифровые агломерации с комплексным набором факторов инновационного роста; промышленно ориентированные территории с очаговой цифровизацией ключевых отраслей; периферийные регионы с фрагментарными элементами цифровой инфраструктуры. Выявленная типология подтверждает гипотезу о нелинейном характере пространственной диффузии инноваций, где эффект географической близости к технологическим центрам проявляется лишь при достижении определенного порога институциональной зрелости.

Особого внимания заслуживает феномен «двойной цифровой экономики», наблюдаемый в ряде федеральных округов, где передовые технологические кластеры сосуществуют с цифровой маргинализацией сопредельных территорий. Данный дуализм не только воспроизводит существующие диспропорции пространственного развития, но и создает новые формы регионального неравенства, требующие переосмысления традиционных подходов к региональной политике.

Перспективы пространственного развития цифровой экономики России требуют реализации дифференцированной региональной политики, сочетающей:

– стимулирование эндогенных инновационных процессов в ядерных регионах через механизмы «квазиэволюционного отбора»;

– преодоление институциональных ловушек периферии путем создания цифровых ОЭЗ с особым режимом регулирования;

– развитие межрегиональных технологических цепочек добавленной стоимости на основе модели «цифрового федерализма».

Обсуждение полученных результатов актуализирует необходимость разра-

ботки дифференцированной стратегии цифрового развития, основанной на принципах «умной децентрализации» и включающей: стимулирование эндогенных инновационных процессов в ядерных регионах через механизмы квазиэволюционного отбора; создание цифровых особых экономических зон как инструмента преодоления институциональных ловушек периферии; формирование межрегиональных технологических цепочек добавленной стоимости на основе модели цифрового федерализма. Реализация предложенных мер позволит смягчить существующие диспропорции и создать условия для устойчивого технологического развития всех федеральных округов России.

Список литературы

1. Бессонова Е. А., Батталов Р. М., Жахов Н. В. Формирование региональной инновационной подсистемы в условиях цифровой трансформации. Курск: Университетская книга, 2023. 235 с.
2. Митяков С. Н., Митяков Е. С., Харитонов П. А. Система индикаторов для оценки влияния сферы информационных технологий на экономическую безопасность России // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 1. С. 195–212.
3. Бессонова Е. А., Бабичев А. О. Ключевые аспекты управления цифровой инновационной экосистемой экономики региона // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 6 (174). С. 33–47.
4. Елистратов Г. М. Особенности управления пространственным развитием экономики региона в условиях цифровизации // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 18 декабря 2024 года. Курск: Университетская книга, 2024. С. 169–174.
5. Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. 208 с.
6. Глазьев С. Ю., Сухарев О. С. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4–30.
7. Тронина И. А., Татенко Г. И. Региональные экосистемы в условиях цифровой трансформации // Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ – 2022): сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, г. Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2022 года. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. С. 474–477.
8. Генералов Д. А. Процессно-сетевой подход к управлению устойчивым сбалансированным развитием конкурентного потенциала региональной экономики // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 18 декабря 2024 года. Курск: Университетская книга, 2024. С. 111–114.

9. Цифровизация как ключевой фактор повышения инвестиционной привлекательности региона в целях обеспечения экономической безопасности / С. А. Маркина, В. А. Ерофеева, Т. Ю. Ткачева [и др.]; Юго-Западный государственный университет. Курск, 2023. 143 с.

10. Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Перспективы и тенденции цифровизации проектного управления в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 20–33.

11. Бакуменко Л. П., Васильева Н. С. Формирование обобщенной системы индикаторов экономической безопасности регионов // Статистика и Экономика. 2024. Т. 21, № 5. С. 26–37.

12. Тургаев С. К., Тургаева А. А. Современные риски регионов России в период цифровых трансформаций // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 222–228.

13. Sairambaeva Zh. T., Zhang Ju. Legal Aspects of Data Security Cooperation in the Development of Digital Economy of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Право. 2025. N 1(150). P. 219–227.

14. Гнатышина Е. И. Стратегические направления регионального инновационного развития в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 13, № 2(155). С. 106–112.

15. Вареник М. С. Влияние научно-инновационной деятельности и цифровизации на уровень экономики регионов России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 27–39.

16. Муравьев С. Р., Федорова Е. П. Факторы формирования и результативности региональной стратегии цифровой трансформации // Экономика. Информатика. 2024. Т. 51, № 4. С. 766–782.

17. Вереникин А. О., Вереникина А. Ю. Потенциал цифровой трансформации: рейтинг регионов РФ // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 4. С. 1008–1025.

18. Условия и факторы цифрового развития: сравнительный анализ в России и Китае / С. В. Пономарев, Е. Е. Кукина, Ю. В. Иода, С. А. Труфанова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10, № 1(35). С. 156–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-156-169>. EDN YUBOMJ

19. Попова Л. А., Жахов Н. В. Перспективы и вызовы внедрения прецизионных технологий в агропромышленном комплексе России // Проблемы и перспективы современных агротехнологий: наука и практика: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора сельскохозяйственных наук, профессора, заслуженного работника АПК России Батудаева Антона Прокопьевича, г. Улан-Удэ, 15 ноября 2024 года. Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, 2024. С. 61–68.

20. Хусаинова Е. А., Каргина М. О., Баранова А. М. Определение и измерение цифровой экономики как основополагающего фактора развития стран: преимущества и проблемы // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1(57). С. 403–408.

References

1. Bessonova E.A., Battalov R.M., Zhakhov N.V. Formation of a regional innovation subsystem in the context of digital transformation. Kursk: Universitetskaya kniga; 2023. 235 p. (In Russ.)

2. Mityakov S.N., Mityakov E.S., Kharitonov P.A. System of indicators for assessing the impact of the information technology sector on the economic security of Russia. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2025;8(1):195–212. (In Russ.)

3. Bessonova E.A., Babichev A.O. Key aspects of managing the digital innovation ecosystem of the region's economy. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*. 2024;(6):33–47. (In Russ.)
4. Elistratov G.M. Features of managing the spatial development of the region's economy in the context of digitalization. In: *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei 6-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 18 dekabrya 2024 goda = Digital economy: problems and development prospects: Collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference, 18 December 2024, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2024. P. 169–174. (In Russ.)
5. Glazyev S.Yu., Lvov D.S., Fetisov G.G. Evolution of technical and economic systems: possibilities and boundaries of centralized regulation. Moscow: Nauka; 1992. 208 p. (In Russ.)
6. Glazyev S.Yu., Sukharev O.S. Economic growth of Russia and structural modernization: design approach. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2024;(2):4–30. (In Russ.)
7. Tronina I.A., Tatenko G.I. Regional ecosystems in a digital transformation. In: *Tsifrovaya transformatsiya ekonomicheskikh sistem: problemy i perspektivy (EKOPROM – 2022): sbornik trudov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s zarubezhnym uchastiem, g. Sankt-Peterburg, 11–12 noyabrya 2022 goda = Digital transformation of economic systems: problems and prospects (ECOPROM – 2022): Collection of works of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with foreign participation, 11–12 November 2022, St. Petersburg*. St. Petersburg: POLITEKh-PRESS; 2022. P. 474–477. (In Russ.)
8. Generals D.A. Process-network approach to managing the sustainable balanced development of the competitive potential of the regional economy. In: *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei 6-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kursk, 18 dekabrya 2024 goda = Digital economy: problems and development prospects: Collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference, 18 December 2024, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2024. P. 111–114. (In Russ.)
9. Markin S.A., Erofeev V.A., Tkachev T.Yu., et al. Digitalization as a key factor in increasing the investment attractiveness of the region in order to ensure economic security. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2023. 143 p. (In Russ.)
10. Bessonova E.A., Lopatina N.D. Prospects and trends in digitalization of project management in the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(1):20–33. (In Russ.)
11. Bakumenko L.P., Vasilyeva N.S. Formation of a generalized system of indicators of economic security of regions. *Statistika i Ekonomika = Statistics and Economics*. 2024;21(5):26–37. (In Russ.)
12. Turgaev S.K., Turgaeva A.A. Modern risks of Russian regions during digital transformations. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*. 2024;20(2):222–228. (In Russ.)
13. Sairambaeva Zh.T., Zhang Ju. Legal Aspects of Data Security Cooperation in the Development of Digital Economy of the Shanghai Cooperation Organization Member States. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Pravo = Bulletin of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. Series: Right*. 2025;(1):219–227.
14. Gnatyshina E.I. Strategic directions of regional innovative development in the context of digitalization. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025;13(2):106–112. (In Russ.)
15. Varenik M.S. The influence of scientific and innovative activities and digitalization on the level of the economy of the regions of Russia. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*. 2024;(6):27–39. (In Russ.)

16. Muravyov S.R., Fedorova E.P. Factors in the formation and effectiveness of a regional digital transformation strategy. *Ekonomika. Informatika = Economics. Computer Science*. 2024;51(4):766–782. (In Russ.)

17. Verenikin A.O., Verenikina A.Yu. Potential of digital transformation: rating of regions of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2024;20(4):1008–1025. (In Russ.)

18. Ponomarev S.V., Kukina E.E., Ioda Yu.V., Trufanova S.A. Conditions and factors of digital development: comparative analysis in Russia and China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2025;10(1):156–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-156-169>. EDN YUBOMJ

19. Popova L.A., Zhakhov N.V. Prospects and challenges of introducing precision technologies in the agro-industrial complex of Russia. In: *Problemy i perspektivy sovremennykh agro-tekhologii: nauka i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu doktora sel'skokhozyaistvennykh nauk, professora, zaslužennogo rabotnika APK Rossii Batudaeva Antona Prokop'evicha, g. Ulan-Ude, 15 noyabrya 2024 goda = Problems and prospects of modern agro-technologies: science and practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of the agro-industrial complex of Russia Batudaev Anton Prokopyevich, 15 November 2024, Ulan-Ude*. Ulan-Ude: Buryatskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaistvennaya akademiya imeni V. R. Filippova; 2024. P. 61–68. (In Russ.)

20. Khusainova E.A., Kargina M.O., Baranova A.M. Definition and measurement of the digital economy as a fundamental factor in the development of countries: advantages and problems. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and Humanitarian Research*. 2025;(1):403–408. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Попова Людмила Александровна, аспирант кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kurskludmila46@gmail.com

Lyudmila A. Popova, Postgraduate at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kurskludmila46@gmail.com

Жахов Николай Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: zhakhov@mail.ru

Nikolai V. Zhakhov, Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: zhakhov@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-66-79>

Трансформация цифровой экономики региона: динамика развития, отраслевые эффекты и институциональные меры поддержки

В. Н. Алтухов¹, Д. С. Медведева¹, О. В. Святова¹✉¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olga_svyatova@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена стратегической важностью и практической значимостью перехода регионов Российской Федерации на модель цифровой экономики в условиях импортозамещения и внешних санкционных ограничений.

Цель исследования – оценить процесс развития цифровой экономики Курской области, её влияние на ключевые отрасли региона.

Задачи: проанализировать существующие теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика»; рассмотреть развитие цифровой экономики в Курской области за период с 1990 г. по н. в., определить степень влияния цифровых технологий на ключевые отрасли экономики региона; выявить проблемы цифровизации Курской области и предложить комплекс мер для их решения.

Методология. В исследовании применены: теоретический, статистический (анализ официальных данных Курскстата за период 2019–2023 гг.) и сравнительный виды анализа. Использован описательный метод для формирования детальной характеристики этапов цифровизации и оценки влияния технологий на отрасли экономики региона.

Результаты. Анализ периодизации с 1990-х годов и по н. в. выявил новый этап цифровой экономики Курской области с 2022 г., характеризующийся импортозамещением и усилением ИТ-образования. Статистический анализ подтвердил восстановительный рост инновационной активности после спада, вызванного пандемией COVID-19. Характерными особенностями цифровизации Курской области являются: существенная роль аграрно-промышленного комплекса; устойчивый рост цифровой инфраструктуры; зависимость от федеральных инициатив; ориентация на социальную сферу. Выявлены ключевые проблемы, которые отрицательно влияют на процесс цифровизации экономики в Курской области: «утечка мозгов»; внутрирегиональное «цифровое неравенство»; использование устаревшего оборудования; высокая стоимость внедрения цифровых технологий и низкая цифровая грамотность населения.

Выводы. В Курской области сформировалась устойчивая модель цифровой трансформации экономики. Несмотря на существующие вызовы, в регионе наблюдается положительная динамика инновационной активности и целенаправленное внедрение цифровых технологий в ключевые отрасли экономики. Развитие цифровизации в регионе носит системный характер, поддерживается национальными проектами и оказывает положительное влияние на все ключевые отрасли, что в конечном итоге способствует росту валового регионального продукта. Обобщены практико-ориентированные меры, направленные на преодоление цифрового неравенства, стимулирование инноваций и укрепление кадрового потенциала.

Ключевые слова: трансформация; цифровая экономика; региональное развитие; национальные проекты; меры поддержки.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Алтухов В. Н., Медведева Д. С., Святлова О. В. Трансформация цифровой экономики региона: динамика развития, отраслевые эффекты и институциональные меры поддержки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 66–79. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-66-79>

Поступила в редакцию 11.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Transformation of the digital economy of the region: dynamics of development, sectoral effects and institutional support measures

Vladislav N. Altukhov¹, Daria S. Medvedeva¹, Olga V. Svyatova¹✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olga_svyatova@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the study is due to the strategic importance and practical significance of the transition of the regions of the Russian Federation to a digital economy model in the context of import substitution and external sanctions restrictions.

The purpose of the study is to assess the development of the digital economy in the Kursk region and its impact on the region's key industries.

Objectives: to analyze the existing theoretical approaches to defining the concept of "digital economy", to examine the development of the digital economy in the Kursk Region from 1990 to the present, to determine the extent of the impact of digital technologies on the key sectors of the region's economy, to identify the challenges of digitalization in the Kursk Region, and to propose a set of measures to address these challenges.

Methodology. The study used theoretical, statistical (analysis of official Kurskstat data for the period 2019-2023), and comparative analysis. A descriptive method was used to provide a detailed description of the stages of digitalization and assess the impact of technologies on the region's economic sectors.

Results. Periodization analysis from the 1990s to the present c., revealed a new stage of the digital economy of the Kursk region from 2022, characterized by import substitution and strengthening IT education. Statistical analysis confirmed a recovery in innovation activity after the recession caused by the COVID-19 pandemic. Characteristic features of digitalization of the Kursk region are: the significant role of the agricultural and industrial complex; sustained growth in digital infrastructure; dependence on federal initiatives; social orientation. Key problems have been identified that negatively affect the process of digitalization of the economy in the Kursk region: "brain drain"; intra-regional "digital inequality"; use of obsolete equipment; high cost of introducing digital technologies and low digital literacy of the population.

Conclusions. The Kursk Region has developed a sustainable model of digital transformation of the economy. Despite the existing challenges, the region is experiencing positive dynamics in terms of innovation activity and the purposeful introduction of digital technologies in key sectors of the economy. The development of digitalization in the region is systematic, supported by national projects, and has a positive impact on all key sectors, ultimately contributing to the growth of the gross regional product. The paper summarizes practical measures aimed at overcoming digital inequality, stimulating innovation, and strengthening human resources.

Keywords: transformation; digital economy; regional development; national projects; support measures.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Altukhov V.N., Medvedeva D.S., Svyatova O.V. Transformation of the digital economy of the region: dynamics of development, sectoral effects and institutional support measures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):66–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-66-79>

Received 11.12.2025

Accepted 10.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

На сегодняшний день изучение направлений функционирования и развития цифровой экономики приобретают большую популярность не только в России и ее регионах, но и во всем мире.

Благодаря основным методам цифровой экономики (искусственному интеллекту (ИИ), блокчейн-технологиям, цифровым платформам и экосистемам и т. д.) существенно повышается уровень безопасности данных клиентов коммерческих компаний и информации, которая хранится на государственных интернет-порталах (Госуслуги и т. д.), снижаются временные затраты на осуществление рутинных операций как для сотрудников компаний, так и обычных пользователей, упрощается анализ данных и многое другое [1, с. 52–58].

При этом цифровая трансформация регионов сталкивается с системными трудностями недостаточного инвестирования, нехваткой отечественных технологических решений и сохраняющихся структурных вызовов. Поэтому актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения системного анализа трансформации региональной цифровой экономики с учетом динамики ее развития, отраслевых эффектов и институциональных мер поддержки.

В Курской области, несмотря на позитивную динамику, процесс цифровизации характеризуется выраженной пространственной и отраслевой неравномерностью, что подтверждает практическую важность и значимость проведения исследования.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили следующие источники: научные публикации отечественных авторов в направлении трансформации региональной цифровой экономики; официальные данные Курскстата по важным показателям, отражающим результативность раз-

вития цифровой экономики региона, таким как затраты на инновации, уровень инновационной активности, число абонентов мобильного интернета, динамика ВРП и др. за период 2019–2023 гг. [2, с. 32, с. 316]; программные стратегические документы Российской Федерации и Курской области (национальный проект «Цифровая экономика РФ», региональные проекты).

В исследовании применены:

- теоретический анализ (обзор и синтез научных публикаций отечественных авторов для формирования теоретической базы);

- статистический анализ (изучение официальных данных Курскстата за 2019–2023 гг.: затраты на инновации, уровень инновационной активности, число абонентов мобильного интернета, динамика ВРП);

- сравнительный анализ (сопоставление показателей разных лет для выявления динамики и трендов);

- описательный метод (детальная характеристика этапов цифровизации и влияния технологий на отрасли экономики региона).

В настоящее время нет четкого определения понятия «цифровой экономики». Как считает Ю. В. Якутин, «цифровая экономика – это в первую очередь хозяйственная деятельность, где главную роль играют данные в цифровом виде [3, с. 12–17].

В. В. Иванов характеризует цифровую экономику «как виртуальную среду, которая является важным дополнением нашей реальности» [4, с. 1025–1036].

В свою очередь Е. А. Бессонова и А. О. Бабичев в работе «Методические основы оценки формирования эффективной цифровой экосистемы экономики региона» определяют цифровую экономику как государственно-управляемый процесс перехода на цифровые технологии и платформенные решения, направленный на повышение эффективности

управления, устранение региональных диспропорций и обеспечение технологической независимости, с акцентом на внедрение отечественных программных продуктов и создание единого информационного пространства [5, с. 74–88].

В. В. Стебленко и И. Г. Ершова в своей статье «Анализ взаимосвязи уровня развития регионов и цифрового неравенства» рассматривают цифровую экономику через призму проблемы цифрового неравенства между регионами, выделяя её как ключевую. По мнению авторов, данная проблема может сдерживать развитие цифровой экономики и усиливать социально-экономическую дифференциацию. Цифровая экономика в контексте данной статьи – это сложный, многогранный процесс, характеризующийся значительным неравенством в уровне развития между регионами. Её связь с экономическим ростом не является прямой и сильной, а требует более тонкого анализа с учетом двунаправленных причинно-следственных связей. Ключевой вызов на современном этапе – разработка адекватных методов измерения цифрового неравенства и комплексных показателей для оценки её реального вклада в социально-экономическое развитие территорий [6, с. 152–162].

В работе А. С. Обуховой, А. И. Пияльцева «Цифровая теневая экономика: угроза экономической безопасности» цифровая экономика характеризуется как противоречивая и двойственная среда, которая, с одной стороны, является двигателем прогресса и эффективности, а с другой – порождает новые, более изощренные и глобальные угрозы, такие как цифровая теневая экономика. Её развитие требует повышенного внимания к регулированию, международному сотрудничеству в кибербезопасности и выработке мер по снижению «цифрового разрыва» для обеспечения общей экономической безопасности [7, с. 147–158].

Иное определение интересующего нас понятия даётся в другом труде

А. С. Обуховой, Н. П. Казаренковой «Перспективы развития платежных услуг российских банков в условиях цифровизации экономики»: цифровая экономика – это активно развивающаяся реальность, наиболее ярко проявляющаяся в трансформации финансового сектора, в частности платежных услуг. Её ключевые проявления – это рост безналичных расчетов, экспансия банковских карт, обострение конкуренции на основе технологий и изменение финансового поведения населения. Несмотря на существующие проблемы, этот процесс является экономически эффективным и составляет основу для дальнейшего развития современных банковских услуг [8, с. 82–89].

Также следует отметить научный труд «Перспективы и тенденции цифровизации проектного управления в регионе» Е. А. Бессоновой и Н. Д. Лопатиной, которые предлагают своё видение понятия цифровой экономики. По их мнению, цифровая экономика – это государственно-управляемый процесс, нацеленный на повышение эффективности управления через цифровую трансформацию и внедрение специализированных программных решений. Её практическое воплощение видится в создании комплексных информационных систем для проектного управления, способствующих устранению региональных диспропорций. В современных условиях особый акцент делается на развитии отечественного программного обеспечения для обеспечения технологического суверенитета [9, с. 20–33].

Хотелось бы отдельно отметить процесс цифровой трансформации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, который имеет важное значение для внедрения цифровых технологий в экономику. По мнению Е. А. Бессоновой и Н. Д. Лопатиной, цифровую трансформацию можно определить «как процесс, заключающийся в технологическом изменении взаимодействия государственных органов меж-

ду собой или непосредственно с получателями государственных услуг, полноценном внедрении цифровых технологий в эти взаимодействия» [9, с. 20–33].

Результаты и их обсуждение

Итак, цифровая экономика – это система хозяйственной деятельности человека, осуществляющаяся с помощью использования цифровых технологий. Цифровая экономика делает акцент на информатизацию как основной фактор произ-

водства, её модель основывается на использовании цифровых продуктов и услуг [1, с. 52–58].

Для оценки процесса развития цифровой экономики Курской области нами обобщены этапы развития цифровой экономики в Курской области за период с 1990 г. по настоящее время на основе метода периодизации.

Эволюция цифровой экономики в Курской области за 1990–2021 гг. представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция цифровой экономики в Курской области за 1990–2021 гг.

Период	Описание
1990-е – нач. 2000-х гг.	Преодоление последствий кризиса, формирование минимальной цифровой инфраструктуры (первые ПК, локальные сети, доступ в Интернет)
2000-е – нач. 2010-х гг.	Массовое внедрение цифровых технологий: развитие сотовой связи и Интернет, компьютеризация школ и больниц, создание первых государственных сайтов
2010–2014 гг.	Инфраструктурный рывок — развитие мобильного интернета и прокладка оптоволоконных сетей, что резко повысило скорость и доступность связи. Компании активно внедряли в работу базовые цифровые инструменты
2015–2021 гг.	Системная цифровизация всех сфер, несмотря на санкции и пандемию. Ключевые достижения: • Госуслуги: развитие портала Госуслуг, интеграция с МФЦ, электронные журналы, система здравоохранения (ЕГИСЗ) [10, с. 289]. • Бизнес: агрохолдинги внедряли технологии точного земледелия. • Драйвер: национальная программа «Цифровая экономика РФ» (2017 г.), которая запустила региональные проекты («Электронное правительство», видеоконференцсвязь, межведомственное взаимодействие)

Анализ возникновения и развития цифровой экономики на основе данных таблицы 1 позволяет сделать вывод, что цифровая экономика в Курской области постоянно прогрессировала и совершенствовалась.

В ходе анализа периодизации эволюции цифровой экономики Курской области выявлен новый этап развития цифровой экономики с 2022 г., характеризующийся импортозамещением и усилением ИТ-образования. Этот период характеризуется новыми испытаниями для российской экономики (затраты на проведение СВО, множество западных санкций). В этих условиях цифровая экономика про-

должила своё формирование¹. Госорганы и частные компании стали планомерно переходить на отечественное программное обеспечение (ПО), что стало, с одной стороны, вызовом, а с другой – возможностью для развития местных ИТ-компаний. В это время усиливается финансирование ИТ-образования со стороны федеральных и муниципальных органов. Например, со-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=ml4rpvhyu4956328372 (дата обращения: 10.11.2025).

трудничество с Юго-Западным государственным университетом (ЮЗГУ), который готовит специалистов в этой сфере [1, с. 52–58].

Стоит отметить большую роль проектов в цифровизации Курской области в наше время, которые осуществляют исполнительные власти в Курской области. Например, проект «Информационная безопасность» направлен на улучшение защищённости персональных данных не только физических, но и юридических лиц. Цель другого регионального проекта «Цифровые технологии» заключается в развитии и внедрении цифровых технологий на основе отечественных разработок. Это позволит обеспечить компании новыми отечественными программными средствами, которые будут удовлетворять всем потребностям современного бизнеса Курской области. Стоит отметить проект «Отечественные решения», включающий в себя финансирование разработки новых решений в сфере ИТ, не имеющих аналогов в мире¹. Всё это свидетельствует о том, что в Курской области активно развиваются проекты, направленные на более тесное взаимодействие бизнеса с методами цифровой экономики². Такие программы социально-экономического развития регионов значимы с точки зрения достижения ос-

новных целей региональной политики [11, с. 212]:

- создание новых и укрепление старых экономических связей;
- развитие экономики регионов;
- уменьшение уровня безработицы по всей стране;
- повышение общего уровня жизни каждого человека в регионе и России.

Оценка процесса развития и трансформации цифровой экономики Курской области включает её влияние на ключевые отрасли региона как один из основных этапов исследования для выявления существующих проблем региональной цифровизации (табл. 2).

Важную роль во внедрении и использовании цифровых технологий в отраслях экономики Курской области (табл. 2) сыграл национальный проект «Цифровая экономика». Данный проект направлен на развитие цифровой инфраструктуры, цифровизацию муниципальных и государственных услуг, подготовку кадров для развития цифровых технологий, стимулирование внедрения цифровых технологий в работу компаний, повышение кибербезопасности [12, с. 1162].

Динамика ключевых показателей цифровизации (2019–2023 гг.) представлена ниже (рис. 1–4).

В 2019 г. затраты на инновационную деятельность организаций региона составили 3448,9 млн. руб., в 2020 г. – 1738,3 млн руб., что на 49,5% меньше по сравнению с 2019 г. (см. рис. 1). Это связано с «разгаром» пандемии COVID-19, из-за которой был введён массовый карантин. В данный период рост экономики Курской области значительно замедлился. За 2020–2023 гг. наблюдается восстановительный рост: затраты на инновационную деятельность постоянно росли и в 2023 г. составили 3645,7 млн руб., что на 5,7% выше по сравнению с 2020 г. [2, с. 32].

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: [утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам; протокол от 04.06.2019 г. № 7]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/?ysclid=ml4rx9b2i5424177584 (дата обращения: 10.11.2025).

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=ml4rpvhyu4956328372 (дата обращения: 10.11.2025).

Таблица 2. Влияние цифровизации на отрасли экономики Курской области

Отрасли экономики Курской области	Цифровые технологии и их влияние на работу отрасли
Агропромышленный комплекс (АПК)	1. Массовое использование дронов для оценки состояния почв и посевов. Это снижает затраты на разведку новых или оценки старых посевных площадей. 2. Использование AI-аналитики для более эффективного использования удобрений. Это снижает затраты на 15–20%, повышая урожайность каждого земельного участка [11, с. 212]. 3. Внедрение автопилотируемых машин и системы параллельного вождения для сельскохозяйственной техники (тракторов, комбайнов и т. д.). Это напрямую снижает затраты на выращивание и сбор урожая. 4. Использование специальных датчиков для мониторинга здоровья животных, влажности и температуры внутри помещения, где находятся животные, автоматизация процесса доения. Благодаря этому происходит снижение уровня заболеваемости среди животных и повышение качества продукции. 5. Внедрение специальных программ и платформ для логистики и сбыта продукции (ERP-платформы (Enterprise Resource Planning), Поле.РФ, и т. д.). Это позволяет уменьшить временные издержки при поиске покупателей продукции и построении логистических цепочек
Промышленность и индустрия	1. Внедрение цифровых двойников производственных линий предприятий. Данная технология позволяет более эффективно планировать производство и находить риски, которые могут привести к простою предприятия. 2. Массовое использование датчиков на оборудовании для постоянного отслеживания его состояния и производительности. Благодаря этой технологии риск аварий на производстве значительно снижается, увеличивается качество производимой продукции, упрощается анализ производительности оборудования в целом и по отдельности. 3. Внедрение ERP- и MES-систем. Данные системы интегрируют данные из всех отделов (склад, закупки, производство, продажи, логистика и т. д.). Это предоставляет руководству все необходимые данные для принятия стратегических решений и сокращает временные и материальные издержки на сбор и обработку данных
Малый и средний бизнес	1. Использование государственных или муниципальных порталов для быстрой регистрации своего бизнеса, ознакомления со всей необходимой информацией, для регистрации и ведения своего бизнеса. Благодаря этому предприниматель не тратит время на эти процессы. 2. Внедрение онлайн-касс («Такском», «1С-Отчетность» и др.), которые оптимизируют процесс налоговой отчетности и других рутинных операций. Благодаря этому предприниматель экономит своё время и деньги. 3. Осуществление продаж через маркетплейсы (WB, Яндекс Маркет, OZON и другие). Это помогает предпринимателю продавать свои товары по всей области или даже стране, что положительно отражается на чистой прибыли. 4. Использование социальных сетей (ВК, Rutube и др.) для продвижения своих товаров. Это помогает предпринимателю осуществлять рекламную кампанию своей продукции более эффективно и с меньшими затратами. 5. Использование CRM-систем (OkCRM, LPTracker, РосБизнесСофт CRM и другие) для автоматизации процесса учёта клиентов и коммуникации с ними. Данные системы уменьшают издержки предпринимателя на осуществление всех вышеперечисленных операций, позволяя ему направить сэкономленные средства на развитие своего бизнеса

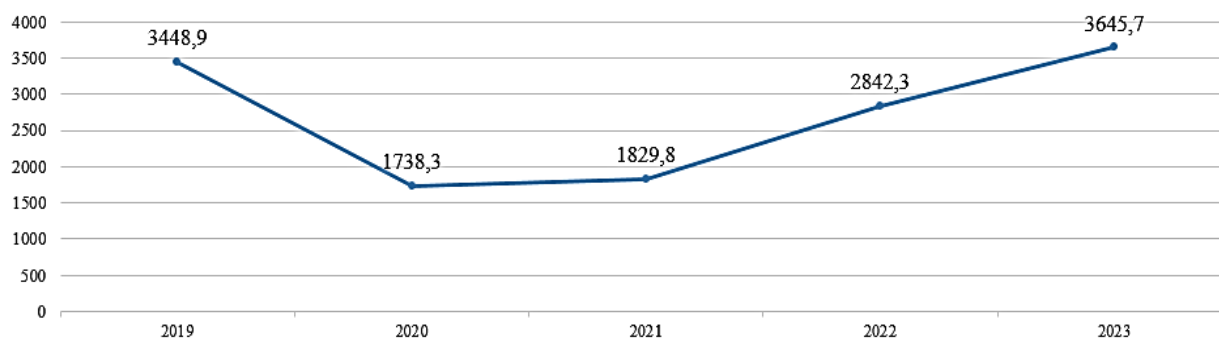

Рис. 1. Динамика затрат на инновационную деятельность организаций Курской области по внедрению и развитию цифровых технологий в 2019–2023 гг., млн руб. [2, с. 32]

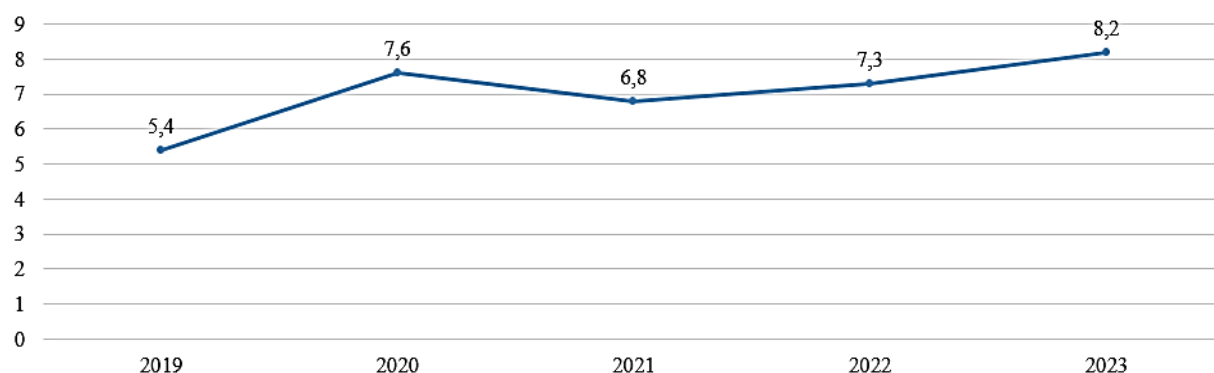

Рис. 2. Уровень инновационной активности организаций Курской области по внедрению и развитию цифровых технологий, в 2019–2023 гг., % [2, с. 32]

В 2019 г. уровень инновационной активности составил 5,4%, в 2020 г. – 7,6%, в 2021 г. снизился до 6,8%, а в 2022 – 2023 гг. наблюдается увеличение показателя, который по итогу за 2023 г. составил 8,2% (рис. 2). Из полученных данных

можно сделать вывод, что уровень инновационной активности предприятий Курской области имеет тенденцию к росту, что свидетельствует о формировании эффективной системы цифровизации в регионе [2, с. 316].

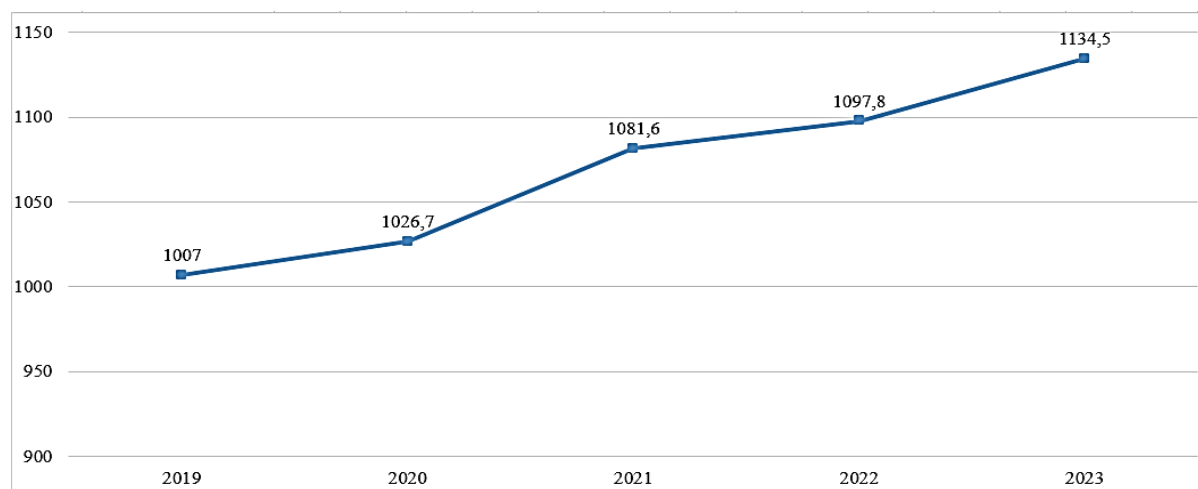

Рис. 3. Число активных абонентов мобильного доступа к сети Интернет в Курской области в 2019–2023 гг., тыс. [2, с. 32]

Число активных абонентов за 2019–2023 гг. возросло на 127,5 тыс. (12,7%) и составило 1134,5 тыс. Из этих данных можно сделать вывод, что число актив-

ных абонентов мобильного доступа к сети Интернет в Курской области стабильно росло на протяжении исследуемого периода [2, с. 316].

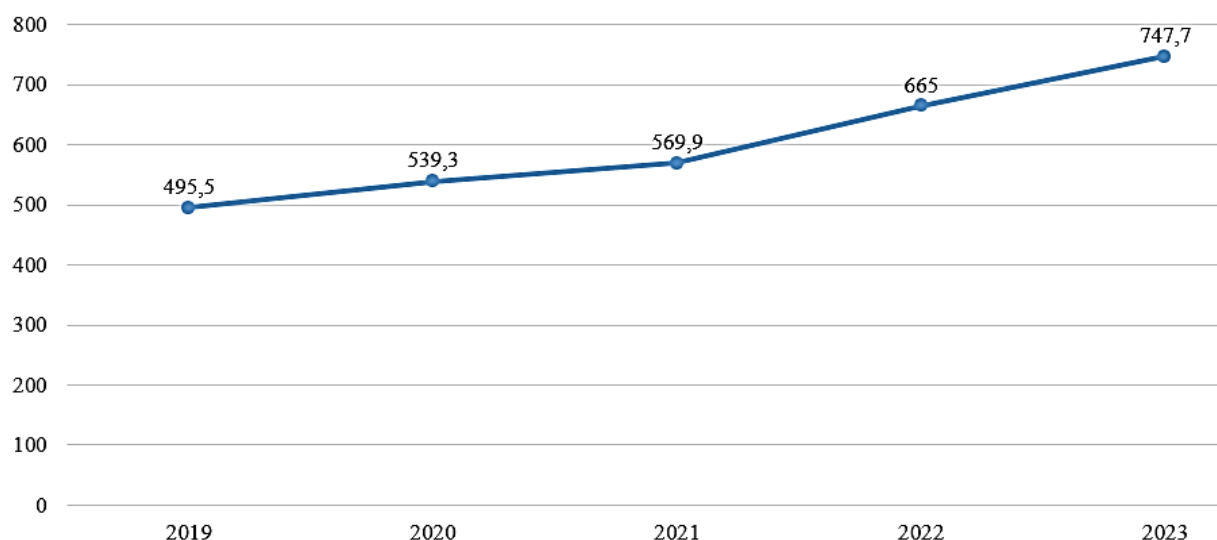

Рис. 4. Динамика валового регионального продукта Курской области в 2019–2023 гг., млрд руб. [2, с. 32]

Рост объёма валового регионального продукта (далее – ВРП) за период 2019–2023 гг. (рис. 4) составил 252,2 млрд руб. (50,8%) [2, с. 316]. Такой рост обусловлен развитием цифровой экономики в регионе, благодаря национальным проектам («Цифровая экономика», «Отечественные решения», «Цифровые технологии» и т. д.). Развитие цифровой экономики положительно повлияло на все основные отрасли экономики региона, что привело к росту ВРП Курской области¹.

В процессе цифровизации Курская область сформировала свой уникальный профиль, характеризующийся [13, с. 300]:

– аграрно-промышленной доминантой, где цифровые технологии внедряют-

ся с ярко выраженным практическим уклоном на повышение эффективности АПК;

– социальной ориентацией с акцентом на цифровизацию государственных и муниципальных услуг (портал Госуслуги, МФЦ);

– устойчивым инфраструктурным развитием, обеспечивающим необходимую основу для дальнейших преобразований.

Итак, статистический анализ подтвердил восстановительный рост инновационной активности и развития цифровой экономики региона после спада, вызванного пандемией COVID-19.

Однако в настоящее время существуют серьёзные проблемы в процессе цифровизации Курской области:

1) «утечка мозгов» в более богатые регионы России (Москва, Санкт-Петербург) или за границу [14, с. 384];

2) «цифровое неравенство» внутри региона (качество связи в деревнях и райцентрах часто находится на низком уровне) [15, с. 45–67];

¹ Отчет о реализации государственной программы Курской области «Развитие информационного общества и цифровой экономики» за 2023 год // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/otchety-o-realizatsii-i-otsenke-effektivnosti-gosudarstvennoy-programmy/> (дата обращения: 10.11.2025).

3) использование устаревшего или неисправного оборудования;

4) высокая стоимость внедрения цифровых технологий;

5) низкая цифровая грамотность населения (особенно это касается старшего поколения)¹.

Для решения данных проблем нами обобщены следующие предложения:

1. Введение существенных налоговых льгот: снижение ставки налога на прибыль до 0%, частичное освобождение от уплаты налога на имущество организации, введение нулевой ставки НДС (налог на добавленную стоимость), снижение тарифа до 4% для выплат, которые превышают МРОТ (минимальный размер оплаты труда) для IT-компаний. При условии, что 70% и более выручки они получают от деятельности по разработке ПО или при оказании IT-услуг, 85% штата работает на территории Курской области, компании принимают активное участие в региональных или федеральных проектах по развитию экономики Курской области и Российской Федерации в целом. Данная мера поможет создать более благоприятные условия для работы IT-компаний, что положительно повлияет на развитие уже существующих IT-компаний или на открытие новых компаний в IT-сфере, благодаря этому в Курской области появится достаточно вакансий для специалистов в IT-сфере, вследствие чего проблема «утечки мозгов» из Курской области будет полностью решена.

2. Стимулирование с помощью льготы, компенсирующей 80% расходов компаний при прокладке волоконно-оптических линий связи (ВОЛС) в малые населённые пункты на территории Курской области и при установке вышек сотовой связи; развитие публичных точек доступа WI-FI в социально значимых точках малых населённых пунктов (биб-

лиотеки, клубы, фельдшерско-акушерские пункты и т. д.). Данные нововведения помогут жителям малых населённых пунктов Курской области иметь сопоставимый уровень интернет-сети с другими городами (Курск, Железнодорожск и др.), вследствие этого проблема «цифрового неравенства» в Курской области будет решена.

3. Создание регионального фонда технологического обновления для закупки современного оборудования (компьютеров, интернет-кабелей и т. д.); предоставление специальных ваучеров для малых, средних и крупных компаний Курской области, которые заинтересованы в покупке отечественных цифровых технологий, на сумму 20–50% от рыночной стоимости отечественного оборудования или ПО; привлечение сторонних иностранных компаний из дружественных стран в случаях, когда у отечественных нет необходимых мощностей для производства или замены оборудования. Данные меры помогут в кратчайшие сроки заменить оборудование, которое пришло в негодность или устарело на более современное, вследствие этого проблема использования устаревшего или неисправного оборудования (интернет-кабелей и т. п.) в Курской области будет решена. Также предложенные меры позволят сократить расходы на внедрение цифровых технологий в Курской области, вследствие этого проблема высоких затрат при внедрении цифровых технологий будет решена.

4. Создание бесплатных и общедоступных курсов для обучения всех желающих основам пользования цифровыми технологиями (Госуслугами, онлайн-банкингом, мессенджерами); также введение программ обучения, направленных на повышение осведомлённости населения Курской области о мошенниках, использующих цифровые технологии для обмана населения, с целью наживы. Такие меры помогут повысить осведомлённость всего населения Курской области о

¹ Доклад о цифровой грамотности населения России / Фонд «Общественное мнение», РАЭК. М., 2024. 88 с.

цифровых технологиях, вследствие этого проблема низкого уровня цифровой грамотности населения Курской области будет решена, что поможет вовлечь больше населения Курской области в цифровую экономику.

По нашему мнению, предложенные мероприятия помогут решить все проблемы, с которыми столкнулась Курская область в процессе цифровизации.

Выводы

Таким образом, при проведении исследования мы пришли к следующим выводам. В Курской области сформировалась устойчивая и работоспособная модель перехода к цифровой экономике. Ключевой особенностью данной модели является ее зависимость от федеральных инициатив и национальных проектов (таких как «Цифровая экономика РФ»), которые выступают основным драйвером и источником финансирования изменений. Несмотря на эту зависимость, регион демонстрирует способность к адаптации и эффективной имплементации общегосударственных стратегий в местные условия.

Развитие цифровизации оказало прямое и существенное влияние на ключевые макроэкономические показатели. Значительный рост ВРП на 50,8% за период 2019–2023 гг. в значительной степени обусловлен внедрением цифровых технологий, которые повысили производительность, оптимизировали издержки и создали новые точки роста во всех секторах экономики.

Цифровая трансформация носит не абстрактный, а сугубо практический характер, принося измеримые результаты:

1. В агропромышленном комплексе, являющемся основой экономики области, технологии точного земледелия (дроны, AI-аналитика, автопилоты) позволили добиться прямой экономии затрат на 15–20%, повысив тем самым конкурентоспособность ключевой отрасли.

2. В промышленности внедрение сложных цифровых продуктов (цифро-

вые двойники, MES-системы) направлено на решение задач глубинной оптимизации процессов, повышение безопасности и качества продукции.

3. В малом и среднем бизнесе произошла массовая, «народная» цифровизация, выраженная в переходе на онлайн-кассы, использовании маркетплейсов и CRM-систем, что позволило малым предприятиям выжить в период пандемии и расширить свое присутствие на рынке.

На фоне серьезных внешних шоков (пандемия COVID-19, санкционное давление) цифровая экономика Курской области продемонстрировала resilience (устойчивость). После спада в 2020 г. к 2023 г. был не только достигнут, но и превзойден докризисный уровень инновационных затрат, а уровень инновационной активности организаций вырос до 8,2%. Стабильный рост числа абонентов мобильного интернета (на 12,7% за пять лет) свидетельствует о расширении цифровой базы региона.

Исследование выявило не разрозненные трудности, а взаимосвязанный комплекс системных проблем: «утечка мозгов» усугубляет нехватку кадров для внедрения технологий, что в сочетании с высокой стоимостью решений и низкой цифровой грамотностью тормозит цифровизацию, особенно на периферии, усиливая «цифровое неравенство» и делая регион менее привлекательным для IT-специалистов.

Обобщенный комплекс предложений устранения проблем в направлении развития цифровой экономики региона носит не общий, а точечный, адресный характер. Предлагаемые меры (налоговые льготы для IT-компаний, компенсации затрат, фонд технологического обновления, образовательные курсы) формируют целостную систему стимулов для бизнеса, власти и населения, создавая благоприятную среду для ускоренной цифровой трансформации.

Таким образом, Курская область демонстрирует пример успешной, хотя и

находящейся в развитии, региональной цифровой трансформации, эффективно адаптирующей общенациональные тренды к своим специфическим условиям. Дальнейший прогресс зависит от способности региональных властей консолидировать усилия государства, бизнеса и образовательных учреждений для преодоления системных ограничений и реализации предложенного комплекса мер, что в конечном итоге закрепит положительную

динамику и переведет цифровую экономику региона на качественно новый уровень автономности и устойчивости. В ходе исследования определено, что характерными особенностями цифровизации Курской области являются: существенная роль аграрно-промышленного комплекса; устойчивый рост цифровой инфраструктуры; зависимость от федеральных инициатив; ориентация на социальную сферу.

Список литературы

1. Алтухов В. Н., Святова О. В. Формирование службы внутреннего контроля экономического субъекта в период развития цифровой экономики региона // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции (г. Курск, 10 октября 2025 г.): в 2 т. / редкол.: Е. А. Бессонова (отв. ред.). Курск: Университетская книга, 2025. Т. 1. С. 52–58.
2. Статистический ежегодник Курской области. 2024: статистический сборник / Курск-стат. Курск, 2024. 316 с.
3. Иванов В. В. Цифровая экономика: виртуальная среда как дополнение реальности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1, № 5. С. 12–17.
4. Якутин Ю. В. Цифровая экономика: хозяйственная деятельность в цифровом формате // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 4. С. 1025–1036.
5. Бессонова Е. А., Бабичев А. О. Методические основы оценки формирования эффективной цифровой экосистемы экономики региона (на примере регионов ЦФО) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 4. С. 74–88.
6. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Анализ взаимосвязи цифрового неравенства на уровень развития регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 3. С. 152–162. <https://doi.org/10.21869/2223-1552.2025-15-3-152-162>
7. Обухова А. С., Казаренкова Н. П. Перспективы развития платежных услуг российских банков в условиях цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 147–158.
8. Обухова А. С., Пияльцев А. И. Цифровая теневая экономика: угроза экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 82–89.
9. Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Перспективы и тенденции цифровизации проектного управления в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 20–33.
10. Дмитриева М. В. Электронное правительство и цифровизация государственного управления. М.: Юрайт, 2023. 289 с.
11. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса: аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 212 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Статистический сборник / Росстат. М., 2023. 1162 с.

13. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2022 год / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2022. 300 с.
14. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобальной цифровой трансформации. М.: Книжный мир, 2021. 384 с.
15. Аузан А. А. Цифровая трансформация и институциональные изменения // Цифровая экономика: современные вызовы и новые возможности: монография / под ред. А. А. Аузана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. С. 45–67.

References

1. Altukhov V.N., Svyatova O.V. Formation of the internal control service of the economic entity during the development of the digital economy of the region. In: Bessonova E.A. (ed.) *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei 7-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Digital economy: problems and development prospects: Collection of scientific articles of the 7th International Scientific and Practical Conference, 10 October 2025, Kursk*. Vol. 1. Kursk: Universitetskaya kniga; 2025. P. 52–58. (In Russ.)
2. Statistical yearbook of the Kursk region. 2024: statistical collection. Kursk: Kurskstat; 2024. 316 p. (In Russ.)
3. Ivanov V.V. Digital economy: virtual environment as a complement to reality. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2017;1(5):12–17. (In Russ.)
4. Yakutin Yu.V. Digital economy: economic activity in digital formate. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*. 2018;19(4):1025–1036. (In Russ.)
5. Bessonova E.A., Babichev A.O. Methodological foundations for assessing the formation of an effective digital ecosystem of the region's economy (on the example of the regions of the Central Federal District). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(4):74–88. (In Russ.)
6. Steblenko V.V., Ershova I.G. Analysis of the relationship of digital inequality at the level of regional development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(3):152–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-3-152-162>
7. Obukhova A.S., Kazarenkova N.P. Prospects for the development of payment services of Russian banks in the context of digitalization of economies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(3):147–158. (In Russ.)
8. Obukhova A.S., Piyaltsev A.I. Digital shadow economy: a threat to economic security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(1):82–89.
9. Besonova E.A., Lopatina N.D. Prospects and trends in digitalization of project management in the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(1):20–33. (In Russ.)
10. Dmitrieva M.V. Electronic government and digitalization of public administration. Moscow: Urite; 2023. 289 p. (In Russ.)

11. Gokhberg L.M. (ed.) Digital economy: global trends and practices of Russian business: an analytical report. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»; 2022. 212 p. (In Russ.)
12. Regions of Russia. Socioeconomic indicators. 2023: statistical compendium. Moscow: Rosstat; 2023. 1162 p. (In Russ.)
13. Bobylev S.N. (ed.) Report on Human Development in the Russian Federation for 2022. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Russian Federation; 2022. 300 p. (In Russ.)
14. Glazyev S.Yu. Strategy for the advanced development of Russia in the context of global digital transformation. Moscow: Knizhnyi mir; 2021. 384 p. (In Russ.)
15. Auzan A.A. (ed.) Digital transformation and institutional changes. In: Auzan A.A. (ed.) Digital economy: modern challenges and new opportunities. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2022. P. 45–67. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Алтухов Владислав Николаевич, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: voinaimirvsegda@gmail.com

Vladislav N. Altukhov, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: voinaimirvsegda@gmail.com

Медведева Дарья Сергеевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: dariamed24@yandex.ru

Darya S. Medvedeva, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: dariamed24@yandex.ru

Святова Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: olga_svyatova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3468-1396

Olga V. Svyatova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: olga_svyatova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3468-1396

Мониторинг исполнения заданий государственного оборонного заказа промышленными предприятиями

Г. В. Федотова¹✉, Я. И. Терюхов², М. Н. Сосков³

¹ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук
ул. Вавилова, д. 44/2, г. Москва 119333, Российская Федерация

² Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр»
ул. Садово-Кудринская, д. 11/1, г. Москва 123242, Российская Федерация

³ Управление военных представительств Минобороны России
Комсомольский пр-т, д. 18/3, г. Москва 119160, Российская Федерация

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Вопросы национальной безопасности в последние годы приобрели особую актуальность в свете усложнившейся геополитической обстановки и эскалации вооруженных конфликтов. В условиях вооруженного конфликта важная роль отводится эффективной и бесперебойной работе предприятий оборонно-промышленного комплекса страны, которые должны регулярно поставлять для войск необходимое количество образцов вооружения и военной, специальной техники для успешной реализации поставленных военных задач. Основным инструментом реализации военной политики и достижения поставленных стратегических целей по поддержанию обороноспособности страны выступает Государственный оборонный заказ.

Цель. Исследование направлено на выявление проблем, связанных с реализацией заданий в рамках ГОЗ для поддержания и обеспечения войск вооружением и специальной военной техникой для успешной реализации задач в зоне военных конфликтов.

Задачи. В статье были поставлены и последовательно решены следующие задачи: описана основная традиционная система мониторинга выполнения государственного оборонного заказа со стороны контролирующих структур; проанализирована практика поставок вооружения и военной техники; сделан акцент на производство особо востребованных образцов; систематизированы и проанализированы причины срывов поставок по государственному оборонному заказу.

Методология. В работе были использованы методы аналогии, обобщения, визуализации и графического представления данных, для оценки причин срывов поставок были использованы методы синтеза и анализа сроков.

Результаты: оценка планов и механизмов реализации работ по выполнению государственного оборонного заказа в условиях военных конфликтов в различных национальных юрисдикциях; анализ причин срывов поставок и выполнения графика работ по производству особо востребованных образцов вооружения и техники.

Выводы. Национальная безопасность в период вооруженных конфликтов должна быть обеспечена гибкими инструментами поддержания целостности государства и ее работы.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ; оборонно-промышленный комплекс; военные представительства; особо востребованные образцы вооружения и военной техники.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Федотова Г. В., Терюхов Я. И., Сосков М. Н. Мониторинг исполнения заданий государственного оборонного заказа промышленными предприятиями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 80–92. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-80-92>

Поступила в редакцию 08.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Monitoring the implementation of state defense order tasks by industrial enterprises

Gilian V. Fedotova¹✉, Yaroslav I. Teryukhov², Mikhail N. Soskov³

¹ Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences
44/2 Vavilov Str., Moscow 119333, Russian Federation

² All-Russian Research Institute "Center"
11/1 Sadovo-Kudrinskaya Str., Moscow 123242, Russian Federation

³ Directorate of Military Representatives of the Ministry of Defense of Russia
18/3 Komsomolsky Ave., Moscow 119160, Russian Federation

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Abstract

Relevance. National security issues have gained particular relevance in recent years in light of the complicated geopolitical situation and the escalation of armed conflicts. In the context of an armed conflict, an important role is given to the effective and uninterrupted operation of the enterprises of the country's military-industrial complex, which must regularly supply the troops with the required number of weapons and military, special equipment for the successful implementation of the assigned military tasks. The main tool for implementing military policy and achieving the set strategic goals to maintain the country's defense capability is the State Defense Order.

Purpose. The study is aimed at identifying problems associated with the implementation of tasks within the framework of the state defense order to maintain and provide troops with weapons and special military equipment for the successful implementation of tasks in the zone of military conflicts.

Objectives. The following tasks were set and consistently solved in the article: the main traditional system for monitoring the implementation of the state defense order by the controlling structures is described; the practice of supplying weapons and military equipment was analyzed; emphasis is placed on the production of especially popular samples; the reasons for supply disruptions under the state defense order are systematized and analyzed.

Methodology. Methods of analogy, generalization, visualization and graphical presentation of data were used in the work, methods of synthesis and analysis of terms were used to assess the causes of supply disruptions.

Results: assessment of plans and mechanisms for the implementation of work on the implementation of the state defense order in the context of military conflicts in various national jurisdictions; analysis of the causes of supply disruptions and the fulfillment of the work schedule for the production of especially demanded weapons and equipment.

Conclusions. National security during armed conflicts should be provided with flexible tools to maintain the integrity of the state and its work.

Keywords: state defense order; military-industrial complex; military representative offices; particularly popular weapons and military equipment.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Fedotova G.V., Teryukhov Y.I., Soskov M.N. Monitoring the implementation of state defense order tasks by industrial enterprises. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):80–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-80-92>

Received 08.12.2025

Accepted 12.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Поддержание обороноспособности страны и укрепление национальной безопасности¹ – это первоочередные задачи государственной важности, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, а также в Стратегии национальной безопасности РФ. Современный миропорядок сегодня переживает глобальный кризис, вызванный появлением новых стран-лидеров и обострением борьбы за региональное лидерство и ресурсы. Повторяющиеся военные конфликты на Востоке, странах Африканского континента, Латинской Америке, в Европе – все это провоцирует международные террористические акты и атаки на наиболее ресурсообеспеченные страны мира.

Россия с ее уникальным географическим расположением в Азии и Европе, с ее богатыми запасами природных ресурсов, обширными земельными площадями и ископаемыми источниками энергии представляет собой привлекательную цель для военных атак и разрушения ее государственной целостности². Для предотвращения подобных действий и планов со стороны недружественных стран необходима постоянная работа по укреплению обороноспособности страны, основанная на механизмах военной организации военной организации и военной подготовки страны [1].

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 29.11.2025).

² Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 09.11.2025).

Защита российской государственности и территориальной независимости необходима для стабильного социально-экономического развития территории, роста народонаселения, развития всех сфер общественной жизни и поступательного экономического роста в отраслях народного хозяйства страны. Научно-технический прогресс также привносит свои коррективы в развитие оборонной промышленности – появляются новые требования к военной технике и средствам вооружения [2]. По этой причине в структуре оборонно-промышленного комплекса страны работает не только промышленные и производственные предприятия, но и научно-исследовательские институты, центры, лаборатории и конструкторские бюро, работы которых направлены на основную цель – укрепление и совершенствование обороноспособности государства для достижения целей национальной безопасности.

Национальная безопасность требует не только совершенствования и модернизации вооружения войск, но и бесперебойного производства и поставок вооружения в самых различных ситуациях. В условиях мирного времени, отсутствия военных конфликтов работает и действует традиционный график работы отрасли, но в ситуациях обострения военных конфликтов график должен гибко меняться и должны быть задействованы резервы предприятий ОПК для интенсивной работы и обеспечения войск необходимым вооружением. Рассмотрим, как реализуется данный механизм на практике.

Материалы и методы

Вооруженные конфликты, продолжающиеся в различные исторические периоды развития государства, требуют тщательного анализа причин и послед-

ствий срывов поставок вооружения войсковым подразделениям в зоны военных конфликтов. Военная экономика должна работать без перебоев, так как от этого зависит ход вооруженных действий.

В работе были использованы методические материалы по планированию и прогнозированию производства вооружения и военной техники предприятиями оборонно-промышленного комплекса России. Были исследованы особенности и механизмы реализации работ в рамках государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ).

Оценка синхронности поставок вооружения была проведена методом оперативного мониторинга деятельности предприятий ОПТ, были использованы общенаучные методы систематизации, обобщения, классификации и группировки данных.

Результаты и их обсуждение

Начало проведения специальной военной операции в феврале 2022 г. (далее – СВО) по денацификации и демилитаризации Украины продемонстрировало военно-политическому руководству страны, что действующая в мирное время практика заключения и исполнения заданий ГОЗ¹ не позволяет оперативно и в полной мере обеспечить возросшие потребности войск в образцах вооружения, военной и специальной техники (далее – ВВСТ) и средствах поражения [3].

Так, условиями заключенных до проведения СВО государственных контрактов по ГОЗ поставка продукции в войска предусматривалась в течение года (до 25 ноября) и с учетом технологического цикла изготовления и логистики осуществлялась неритмично, в основном в IV квартале отчетного года [4]. В действовавших документах программно-

целевого планирования ГОЗ значительные усилия уделялись таким приоритетным направлениям, как развитие сил стратегического сдерживания, строительство кораблей ближней и дальней морской зоны, развитие десантируемых образцов техники для Воздушно-десантных войск и подразделений морской пехоты, выполнение НИОКР по разработке перспективных, не имеющих аналогов в мире образцов ВВСТ.

При этом процесс организации серийного производства современных образцов ВВСТ затягивался, в т. ч. ввиду длительных бюрократических процедур. Закупка средств общевойскового назначения и классических средств поражения осуществлялась «по остаточному принципу». В ускоренном порядке проводились работы по утилизации «устаревших и не имеющих перспектив дальнейшего использования» образцов ВВСТ и боеприпасов.

По результатам начального периода СВО в условиях противостояния с противником, оснащенным высокотехнологичным вооружением западного производства, в российской армии произошло резкое истощение накопленных запасов материальных средств (как ВВСТ, так и средств поражения), вследствие чего требовалось их оперативное восполнение, а также скорейшая разработка и изготовление ранее не поставлявшихся современных средств вооруженной борьбы (высокоточного оружия, БПЛА, комплексов РЭБ и связи), способных в боевых условиях противостоять иностранным аналогам².

¹ О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (дата обращения: 25.11.2025).

² Об установлении Порядка проведения в Вооруженных силах Российской Федерации обязательной метрологической экспертизы образцов и комплексов вооружения, военной и специальной техники и технической документации на них: приказ министра обороны Российской Федерации от 15.01.2019 г. № 3. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902140024> (дата обращения: 30.11.2026).

В этой связи уже в марте 2022 г. в Минобороны России с целью устранения недочетов и решения задач по своевременному обеспечению текущих потребностей войск, представления оперативной и объективной информации о состоянии выполнения организациями оборонно-промышленного комплекса заданий ГОЗ, а также возможности увеличения поставок ВВСТ была внедрена система мониторинга хода реализации (выполнения) государственных контрактов с учетом дополнительных закупок.

Сегодня функционирует традиционная система мониторинга сроков исполнения ГОЗ со стороны руководства Минобороны России и других федеральных органов исполнительной власти [5]. В рамках данной системы ежедневно представляется оперативная информация о приемке особо востребованных образцов ВВСТ и их отгрузке из организаций ОПК в войска, а также количеству привлекае-

мого к выполнению работ персонала. Рассмотрим ее механизм более подробно (рис. 1).

В целях концентрации основных усилий по обеспечению группировок войск, задействованных для выполнения задач СВО (сил) современным вооружением, введено понятие «особо востребованные образцы ВВСТ», под которыми понимается утверждаемая Правительством Российской Федерации и Военно-промышленной комиссией Российской Федерации номенклатура образцов ВВСТ и средств поражения различного назначения, определяемая Генеральным штабом Вооруженных сил Российской Федерации и довольствующими органами военного управления, поставка которых осуществляется организациями ОПК в рамках исполнения заданий ГОЗ для обеспечения войск в приоритетном порядке [7].

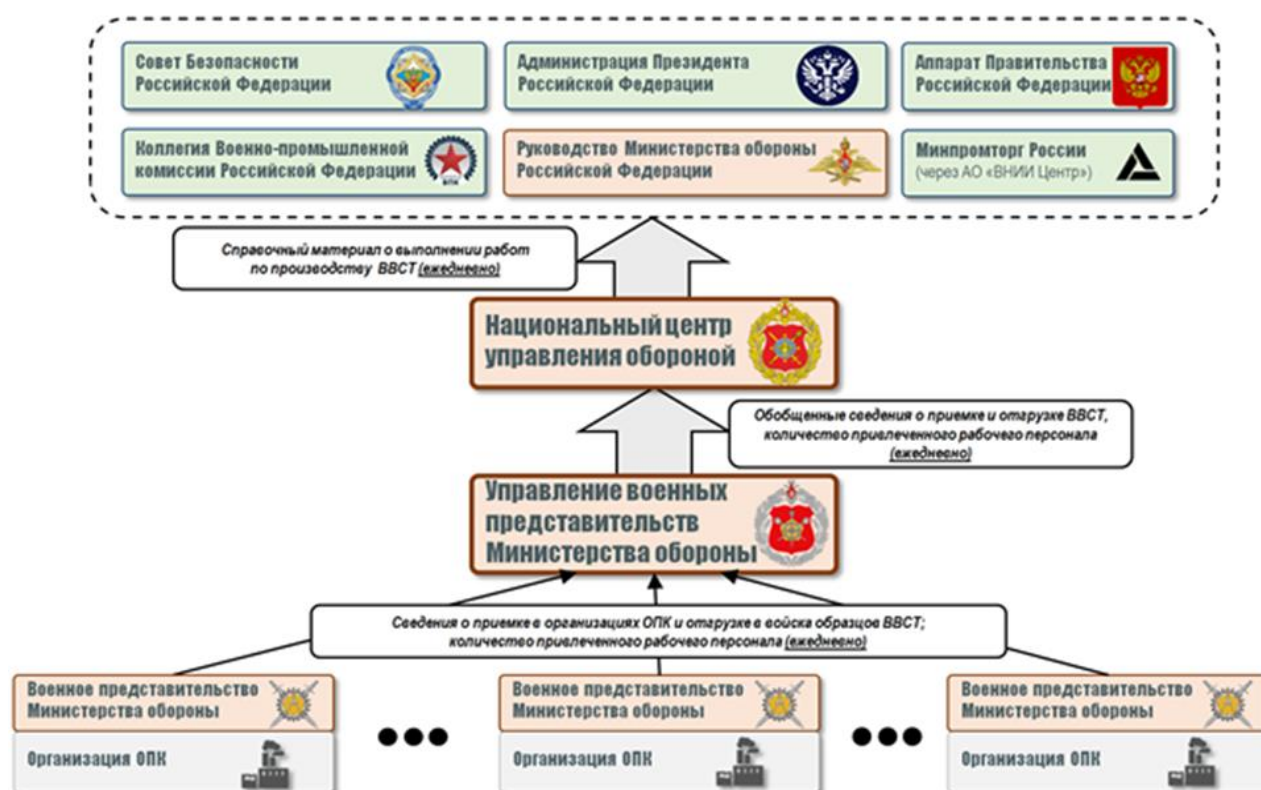

Рис. 1. Система мониторинга хода реализации (выполнения) государственных контрактов в рамках ГОЗ в Минобороны России [6]

В номенклатуру ОВО ВВСТ входят серийно производимые: летательные аппараты (самолеты, вертолеты, БПЛА), зенитные ракетные системы и комплексы [8], новые и прошедшие капитальный ремонт образцы ракетно-артиллерийского и бронетанкового вооружения, автомобильной и инженерной техники, средства обеспечения, радиационной, химической и биологической защиты, связи, радиоэлектронной борьбы и разведки [9].

Кроме того, к ОВО ВВСТ относятся высокоточные, авиационные и морские средства поражения, зенитные и противотанковые управляемые ракеты, артиллерийские боеприпасы общевойскового назначения. С 2025 г. в состав ОВО ВВСТ также включены космические аппараты военного и двойного назначения [10].

Исходя из реальных потребностей Вооруженных сил в вооружении и средствах поражения с августа 2022 г., ежегодно на уровне Правительства Российской Федерации утверждается разработанный Минобороны России и Минпромторгом России, согласованный Минфином России график производства (по-

ставки) особо востребованных образцов ВВСТ.

В указанном графике перечислены образцы ВВСТ, организации ОПК, их изготовители, а также установлены ежегодные и общегодовые плановые показатели их производства и передачи в войска. Аналогичные графики производства (поставки) разрабатываются и в отношении образцов ВВСТ, поставляемых в интересах МВД России, ФСБ России и Росгвардии [11].

Формирование графика как элемента программно-целевого планирования осуществляется исходя из текущих и перспективных потребностей войск (сил) для выполнения боевых задач, производственных возможностей организаций ОПК, включая предприятия кооперации, а также выделяемого (планируемого к выделению) объема бюджетных ассигнований по соответствующим заданиям ГОЗ [12]. Объемы поставленных с 2022 по 2025 гг. ОВО ВВСТ в рамках исполнения утвержденных графиков и динамика их ежегодного прироста представлены ниже (рис. 2).

Рис. 2. Поставка особо востребованных образцов ВВСТ в 2022–2025 гг. [13]

Для успешного решения задач по резкому увеличению производства ОВО ВВСТ и их ритмичной передачи в войска в 2022 г. руководством страны приняты решения по созданию системы межведомственного взаимодействия при контроле за исполнением заданий ГОЗ.

Так, во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763 при Правительстве Российской Федерации создан Координационный совет по обеспечению потребностей Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов [14].

Также в 2022 г. для контроля за производством востребованных образцов ВВСТ и средств поражения создана рабочая группа под председательством заместителя председателя Совета безопас-

ности Российской Федерации, первого заместителя председателя Военно-промышленной комиссии Российской Федерации Д. А. Медведева.

Кроме того, на базе холдинга «Технодинамика» создан Координационный центр по обеспечению потребностей Вооруженных сил Российской Федерации в средствах поражения, а на базе отраслевого Департамента Минпромторга России – Оперативный штаб по мониторингу производства и комплектования образцов ВВСТ электронной компонентной базой с задачей решения вопросов поставки критически важной ЭКБ и создания соответствующих страховых запасов [15]. Рассмотрим состав основных решаемых задач указанных межведомственных координационных органов (рис. 3).

Рис. 3. Межведомственные координационные органы по контролю выполнения заданий ГОЗ и состав основных решаемых ими задач [13]

Одним из основных элементов системы межведомственного взаимодействия при контроле за исполнением заданий ГОЗ является совместная оперативная группа коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации (далее – ВПК РФ), Минобороны России, Минпромторга России и других федеральных органов исполнительной власти и орга-

низаций оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК).

Указанный орган сформирован во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 23 июля 2022 г. № Прс-635 и решения коллегии ВПК от 6 августа 2022 г. № ВПК-22рс и функционирует под руководством первого заместителя председателя коллегии ВПК

В. П. Тонкошкурова с еженедельным (по вторникам и пятницам) проведением заседаний, в т. ч. с использованием видеоконференцсвязи, на базе Национального центра управления обороной Рос-

сийской Федерации (НЦУО) [16]. Состав совместных оперативных групп (далее – СОГ) и порядок её функционирования представлен ниже (рис. 4).

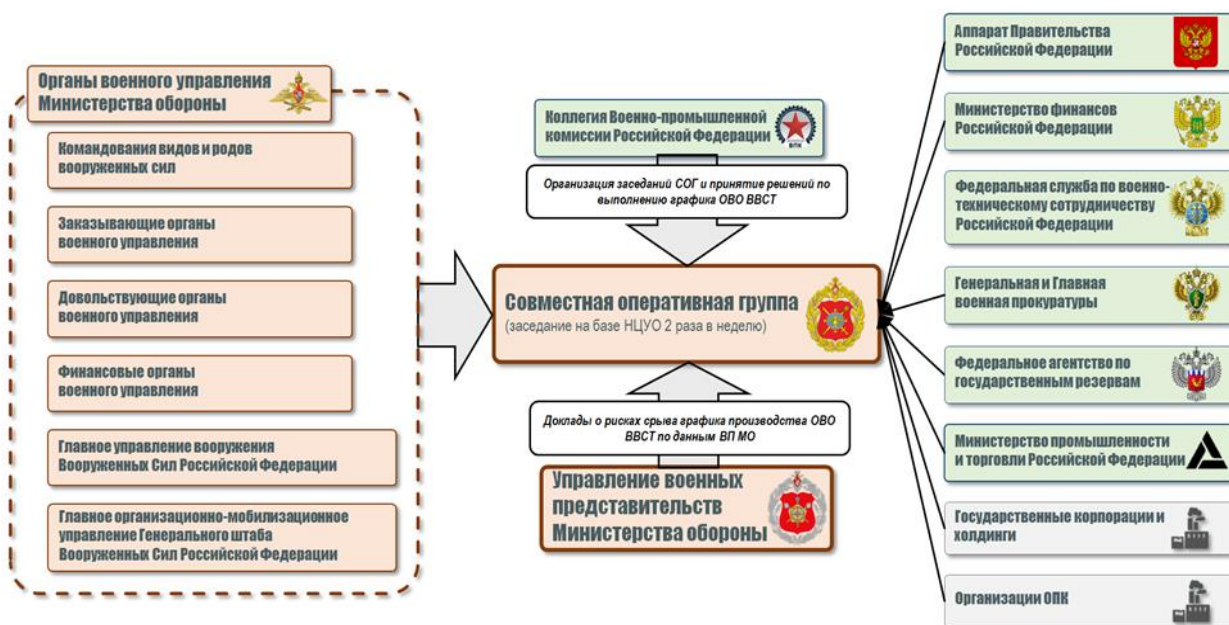

Рис. 4. Состав участников и порядок функционирования совместных оперативных групп [17]

В ходе заседаний СОГ заслушиваются доклады представителей различных органов военного управления, федеральных органов исполнительной власти и организаций ОПК и принимаются обязательные для исполнения решения по недопущению срывов выполнения графика производства (поставки) ОВО ВВСТ, которые оформляются соответствующими протоколами [18].

Приведенные схемы действующей в Минобороны России системы мониторинга хода реализации (выполнения) государственных контрактов в рамках ГОЗ, а также системы межведомственного взаимодействия при контроле за исполнением заданий ГОЗ свидетельствуют о важной роли информации, поступающей от военных представительств Министерства обороны Российской Федерации и органа их управления (ежедневные доклады о приемке и отгрузке особо востребованных образцов ВВСТ, количестве привлекаемого организациями ОПК рабочего

персонала, наличии рисков невыполнения плановых показателей графика производства).

Так, факт выполнения организацией ОПК плановых показателей графика производства (поставки) ОВО ВВСТ подтверждается только исходя из докладов ВП МО о приемке техники при условии их окончательной готовности к поставке и положительным результатам контрольных испытаний. Кроме того, доклад Управления военных представительств Минобороны России об имеющихся предпосылках срыва плановых показателей поставки ОВО ВВСТ по сути формирует повестку работы СОГ.

В зависимости от различных факторов (перераспределение либо добавление номенклатуры, причины производственно-технологического характера и др.) по согласованию с ответственными ФОИВ в график производства (поставки) ОВО ВВСТ может корректироваться (уточняться). Порядок внесения указанных из-

менений регламентирован разработанными уполномоченной организацией Минпромторга России (ФГУП «ВНИИ «Центр») Методическими рекомендациями, утвержденными заместителем Председателя Правительства – министром промышленности и торговли Российской Федерации Д. В. Мантуровым 27 марта 2024 г. [9].

Практика изменения плановых показателей поставки ОВО ВВСТ в сторону перераспределения «вправо» либо уменьшения годового объема с переносом поставки на следующий год негативно влияет на оснащение войск необходимыми образцами вооружения и позволяет не реагировать на недоработки должностных лиц ФОИВ и организаций ОПК в процессе формирования графика и ходе его исполнения.

В связи с этим заместителем председателя Совета безопасности Российской Федерации Д. А. Медведевым принято решение о возможности корректировки (в сторону уменьшения годового объема) показателей графика производства (поставки) ОВО ВВСТ только после принятия соответствующего решения на уровне министра обороны Российской Федерации.

Важнейшей задачей деятельности межведомственных координационных органов является своевременное выявление, устранение и принятие мер по недопущению возникновению рисков (предпосылок) срыва ежемесячных показателей графика производства (поставки) ОВО ВВСТ.

В настоящее время срывы графика производства ОВО ВВСТ в основном обусловлены следующими факторами:

- организационно-технические просчеты организаций ОПК и интегрированных структур при планировании поставки продукции;
- брак, отрицательные результаты контрольных испытаний ОВО ВВСТ и их комплектующих;
- несвоевременный ввод производственных мощностей (оборудования,

технологических линий и объектов капитального строительства), спланированных в рамках инвестиционных соглашений;

– нарушения технологического процесса вследствие воздействия противника или стихийных бедствий.

В условиях предельной загрузки предприятий, осуществляющих изготовление конечных ОВО ВВСТ, имеются случаи дефицита продуктов химической отрасли, не в полной мере решены вопросы импортозамещения отдельных видов ЭКБ и комплектующих, остро стоит вопрос сохранения и развития кадрового потенциала организаций ОПК.

В целях координации деятельности ответственных ФОИВ и организаций ОПК по предупреждению и нивелированию рисков срыва поставок особо востребованных образцов ВВСТ ФГУП «ВНИИ «Центр» в 2025 г. разработаны и утверждены в Минобороны России и Минпромторге России Методические рекомендации [18].

Рассмотрим основные причины возникновения рисков срыва поставок ОВО ВВСТ и меры, направленные на их нивелирование (табл. 1).

Следует отметить, что благодаря эффективной работе всех участников процесса поставки ОВО ВВСТ в 2025 г. существенно улучшены показатели выполнения графика.

Так, на 15 октября 2025 г. из 269 находящихся под контролем ВП МО позиций графика производства ОВО ВВСТ выполнена в полном (годовом) объеме поставка по 51 позиции (18,9%), их них по 18 позициям осуществляется опережающая поставка в счет планов следующего года.

Тогда как за аналогичный период 2024 г. из 271 находящейся под контролем ВП МО позиций были выполнены в полном (годовом) объеме 44 позиции (16,2%), при этом опережающая поставка осуществлялась по 8 позициям.

Таблица 1. Основные причины возникновения рисков срыва поставок ОВО ВВСТ и меры, направленные на их нивелирование.

Причины возникновения рисков срыва	Меры, направленные на нивелирование рисков срыва	Ответственные за выполнение
1. Несвоевременная контрактация государственных заказчиков с организациями-головными исполнителями, осуществляющими поставку ОВО ВВСТ	Своевременное и приоритетное заключение государственных контрактов и их авансирование, обеспечивающее выполнение графика с учетом производственных циклов организаций – головных исполнителей и организаций-поставщиков	Минобороны России
2. Отсутствие авансирования организаций-головных исполнителей и/или гарантийных писем со стороны заказчиков		
3. Несвоевременное проведение работ организациями – головными исполнителями по контрактации и авансированию с организациями-поставщиками комплектующих изделий, основных узлов, агрегатов, ЭКБ и материалов	Своевременное проведение договорной работы, авансирование организаций-поставщиков и заключение межзаводских договоров, а также контроль за проведением указанной работы по кооперации с постановкой сроков и объемов поставок, обеспечивающих выполнение графика	Организации ОПК – головные исполнители и поставщики
4. Ограниченные производственные возможности, несвоевременное проведение мероприятий по подготовке производства	Обеспечение готовности к выпуску ОВО ВВСТ в заданном объеме, проведение мероприятий по наращиванию производственных возможностей за счет собственных средств, федерального бюджета (субсидии) или других источников финансирования, принятие технологических и конструкторских решений, направленных на сокращение подготовки производства и уменьшение производственного цикла	
5. Брак, отрицательные результаты испытаний ОВО ВВСТ или комплектующих изделий, основных узлов, агрегатов, ЭКБ и материалов	Организация проведения входного контроля, обеспечивающего исключение попадания на производство дефектных комплектующих	
6. Низкий уровень организации и контроля технологических и производственных процессов в организациях – головных исполнителях и поставщиках	Перераспределение производственных мощностей и ресурсов, направленных на увеличение выпуска ОВО ВВСТ, создание дублирующих производств, изменение кооперационной схемы	
7. Срыв сроков поставок комплектующих для ОВО ВВСТ	Осуществление непрерывного контроля за соблюдением обязательств организациями кооперации, организация заблаговременных (опережающих) поставок комплектующих, поиск альтернативных поставщиков, создание необходимых запасов	
8. Форс-мажорные обстоятельства (обстоятельства непреодолимой силы), в т. ч. чрезвычайные ситуации, катаклизмы природного и техногенного характера, террористические акты, диверсии, атаки беспилотных летательных аппаратов и т. д.	Осуществление опережающих поставок ОВО ВВСТ, представление своевременного доклада об имеющихся предпосылках срыва, которые невозможно нивелировать собственными силами, в интегрированную структуру ОПК, Минпромторг России, СОГ, организацию взаимодействия с органами военного управления по вопросам разработки и принятия мер	Организации ОПК – головные исполнители и поставщики

Таким образом, выстроенная с момента начала проведения СВО система контроля за исполнением заданий ГОЗ и как наиболее важного её элемента – производства (поставки) ОВО ВВСТ, а также государственная поддержка организаций ОПК – все это позволяет в настоящее время в условиях сложной геополитической обстановки эффективно решать задачи по организации ритмичной поставки ВВСТ, наращиванию темпов и объема производства, развитию производственных мощностей, совершенствованию военной техники исходя из опыта её боевого применения, а также разработке перспективных изделий.

Выводы

В периоды военных действий для поддержания национальной безопасности и обороноспособности государства важ-

ное знание играет государственный оборонный заказ как основной инструмент поставок вооружения войсковым подразделением. Важная задача отводится контролирующим органам для предотвращения срывов производства и поставок вооружения, особенно тех образцов, которые признаны особо востребованными.

Анализ и систематизация причин срывов поставок позволяют обобщить их особенности, а также разработать превентивные меры по их устранению до наступления момента выхода с производства образцов вооружения и специальной техники. Детализация причин срывов сроков поставок дает возможность проработать меры по их устранению или предотвращению последствий. Оперативный мониторинг выступает эффективным инструментом превентивного реагирования на появление данных причин.

Список литературы

1. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. М.: МГИМО – Университет, 2015. Т. 1. 796 с.
2. Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. М.: МГИМО – Университет, 2016. С. 307.
3. Буренок В. М. О перспективах развития вооружения, военной и специальной техники на основе опыта специальной военной операции // Вооружение и экономика. 2024. № 2 (68). С. 5–9.
4. Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях: монография / под общ. ред. С. Ф. Викулова. М.: АПВЭ и Ф, ООО «Канслер», 2020. 438 с.
5. Глазкова В. В. Состояние и основные тенденции развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации // E-Management. 2021. Т. 4, № 4. С. 16–23.
6. Викулов С. Ф., Сплендер В. А. Основы программно-целевого планирования развития системы вооружения, стандартизации, унификации и каталогизации вооружения, военной и специальной техники. М.: ВУ, 2022. 171 с.
7. Голубев С. С., Чеботарев С. С. Информационные технологии как ключевой механизм устойчивого развития оборонных промышленных предприятий в современных условиях // Экономические стратегии. 2018. Т. 20, № 3 (153). С. 68–81.
8. Макаренко С. И., Тхакахов А. А. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 5. Защитные ограждающие конструкции // Системы управления, связи и безопасности. 2025. № 3. С. 121–158. <https://doi.org/10.24412/2410-9916-2025-3-121-158>
9. Смуров А. М. Проблемные вопросы реализации государственного оборонного заказа и возможные способы их решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 4 (106). С. 27–35.
10. Оценка экономической устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса / А. М. Батьковский, М. А. Батьковский, С. В. Гордейко, А. П. Мерзлякова // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 6. С. 120–126.

11. Бочкарев О. И., Довгучиц С. И. Диверсификация российских оборонных предприятий: проблемы, состояние перспективы // Научный вестник ОПК России. 2019. № 2. С. 5–18.
12. Фролов И. Диверсификация ОПК: цель, промежуточный этап или средство развития? // Новый оборонный заказ. Стратегия. 2019. № 4 (57). С. 74–77.
13. Голубев С. С., Подольский А. Г. Управление процессом активизации диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса на основе цифровых платформ // E-Management. 2021. Т. 4, № 4. С. 24–34.
14. Довгучиц С. И. Цифровая трансформация и диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2020. № 4. С. 39–42.
15. Волков В. И., Голубев С. С., Щербakov А. Г. Цифровая трансформация как новый формат инновационно-технологической политики, реализуемой на предприятиях ОПК // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2018. № 3. С. 22–31.
16. Информационные технологии в оборонно-промышленных комплексах России и стран НАТО / В. Д. Киселев, О. Н. Рязанцев, Ф. А. Данилкин, А. М. Губинский. М.: Знание, 2017. 256 с.
17. Леонов А. В., Пронин А. Ю. Диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса – актуальная научная проблема // Вооружение и экономика. 2019. № 3 (49). С. 62–75.
18. Manpower support for digital technology implementation processes in industrial enterprises / S. S. Golubev, V. I. Volkov, A. G. Shcherbakov, V. D. Sekerin, A. E. Gorokhova // International Journal of Engineering and Advanced Technology. 2019. Vol. 8, N 3. P. 414–420.

References

1. Podberezkin A.I. (ed.) Strategic forecasting and planning of foreign and defense policy. Vol. 1. Moscow: MGIMO – Universitet; 2015. 796 p. (In Russ.)
2. Podberezkin A.I. (ed.) Long-term forecasting of the development of international relations: a collection of articles. Moscow: MGIMO – Universitet; 2016. P. 307. (In Russ.)
3. Burenok V.M. On the prospects for the development of weapons, military and special equipment based on the experience of a special military operation. *Vooruzhenie i ekonomika = Armament and Economics*. 2024;(2):5–9. (In Russ.)
4. Vikulov S.F. (ed.) Military-economic security and military-technical policy of the state: changing the dialectic of interrelation in modern conditions. Moscow: APVE i F, ООО "Kansler"; 2020. 438 p. (In Russ.)
5. Glazkova V.V. The state and main trends in the development of the military-industrial complex of the Russian Federation. *E-Management*. 2021;4(4):16–23. (In Russ.)
6. Vikulov S.F., Splender V.A. Fundamentals of program-oriented planning for the development of the weapons system, standardization, unification and cataloging of weapons, military and special equipment. Moscow: WU; 2022. 171 p. (In Russ.)
7. Golubev S.S., Chebotarev S.S. Information technologies as a key mechanism for the sustainable development of defense industrial enterprises in modern conditions. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2018;20(3):68–81. (In Russ.)
8. Makarenko S.I., Tkhakakhov A.A. Analysis of means and methods of countering unmanned aerial vehicles. Part 5. Protective enclosing structures. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti = Control, Communication and Security Systems*. 2025;(3):121–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2410-9916-2025-3-121-158>
9. Smurov A.M. Problematic issues of the implementation of the state defense order and possible ways to solve them. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State Economic University*. 2017;(4):27–35. (In Russ.)
10. Batkovsky A.M., Batkovsky M.A., Gordeyko S.V., Merzlyakova A.P. Assessment of the economic stability of enterprises of the military-industrial complex. *Audit i finansovyi analiz = Audit and Financial Analysis*. 2011;(6):120–126. (In Russ.)

11. Bochkarev O.I., Dovguchits S.I. Diversification of Russian defense enterprises: problems, state of prospects. *Nauchnyi vestnik OPK Rossii = Scientific Bulletin of the Defense Industry of Russia*. 2019;(2):5–18. (In Russ.)
12. Frolov I. Diversification of the defense industry: a goal, an intermediate stage or a means of development? *Novyi oboronnyi zakaz. Strategiya = New Defense Order. Strategy*. 2019;(4):74–77. (In Russ.)
13. Golubev S.S., Podolsky A.G. Managing the process of intensifying the diversification of enterprises of the military-industrial complex based on digital platforms. *E-Management*. 2021;4(4):24–34. (In Russ.)
14. Dovguchits S.I. Digital transformation and diversification of enterprises of the military-industrial complex. *Nauchnyi vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii = Scientific Bulletin of the Defense Industry-the Industrial Complex of Russia*. 2020;(4):39–42. (In Russ.)
15. Volkov V.I., Golubev S.S., Shcherbakov A.G. Digital transformation as a new format of innovation and technology policy implemented at defense industry enterprises. *Nauchnyi vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii = Scientific Bulletin of the Russian Military-Industrial Complex*. 2018;(3):22–31. (In Russ.)
16. Kiselyov V.D., Ryazantsev O.N., Danilkin F.A., Gubinsky A.M. Information technologies in the military-industrial complexes of Russia and NATO countries. Moscow: Znanie; 2017. 256 p. (In Russ.)
17. Leonov A.V., Pronin A.Y. Diversification of enterprises of the military-industrial complex – an urgent scientific problem. *Vooruzhenie i ekonomika = Armament and Economics*. 2019;(3):62–75. (In Russ.)
18. Golubev S.S., Volkov V.I., Shcherbakov A.G., Sekerin V.D., Gorokhova A.E. Manpower support for digital technology implementation processes in industrial enterprises. *International Journal of Engineering and Advanced Technology*. 2019;8(3):414–420.

Информация об авторах / Information about the Authors

Федотова Гилян Васильевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: g_evgeeva@mail.ru, Researcher ID: 57015171600, ORCID: 0000-0002-2066-8628

Gilian V. Fedotova, Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: g_evgeeva@mail.ru, Researcher ID: 57015171600, ORCID: 0000-0002-2066-8628

Терюхов Ярослав Игоревич, кандидат экономических наук, руководитель Центра обеспечения оперативного управления оборонно-промышленным комплексом, заместитель генерального директора, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: yater43@rambler.ru, ORCID: 0009-0000-8760-9502

Yaroslav I. Teryukhov, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Center for Operational Management of the Defense-Industrial Complex, Deputy Director General, All-Russian Scientific Research Institute "Center", Moscow, Russian Federation, e-mail: yater43@rambler.ru, ORCID: 0009-0000-8760-9502

Сосков Михаил Николаевич, кандидат экономических наук, начальник отдела, Управление военных представительств Минобороны России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: post2204@mail.ru, ORCID: 0009-0005-7117-6243

Mikhail N. Soskov, Candidate of Sciences (Economics), Head of Department, Directorate of Military Representatives of the Ministry of Defense of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: post2204@mail.ru, ORCID: 0009-0005-7117-6243

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.4:004.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-93-110>

Эмерджентные феномены и социально-экономические метаморфозы в контексте развития искусственного интеллекта

Р. Ю. Черкашнев¹✉

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

✉ e-mail: zakat05@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на социально-экономические процессы через призму эмерджентных феноменов. Эмерджентность подразумевает появление новых, непредусмотренных ранее свойств в сложных системах, что приводит к значительным изменениям в экономике и обществе. В условиях стремительной цифровизации и автоматизации искусственный интеллект начинает играть ключевую роль в трансформации рынка труда, перераспределении экономических центров и развитии новых моделей занятости.

Цели – определить ключевые эмерджентные феномены, возникающие при внедрении искусственного интеллекта, проанализировать их влияние на рынок труда, перераспределение ресурсов и социальные структуры, а также предложить возможные пути адаптации.

Задачи исследования сводятся к выявлению и анализу эмерджентных феноменов, возникающих при внедрении искусственного интеллекта в экономику, определению их влияния на рынок труда, отраслевую структуру и социальные процессы, а также к разработке моделей, описывающих эти изменения.

Методология. Использованы эконометрическое моделирование, анализ данных компаний, футурологическое прогнозирование и компьютерное моделирование для выявления закономерностей изменений в экономике.

Результаты. Разработаны математические модели, позволяющие оценить степень влияния искусственного интеллекта на рынок труда, динамику экономических процессов и возможные социальные последствия цифровой трансформации. Исследование показало, что внедрение искусственного интеллекта ведет к сокращению потребности в рутинном труде, автоматизации интеллектуальных профессий и появлению новых сфер занятости, связанных с управлением и разработкой технологий. Однако эти процессы сопровождаются рисками усиления социального неравенства, концентрации экономической власти в руках крупных технологических корпораций и смещения традиционных центров занятости.

Выводы. В статье предложены рекомендации по реформированию системы образования, модернизации налоговой политики и регулированию цифровой экономики с целью минимизации негативных последствий технологической трансформации. Полученные результаты могут быть использованы для прогнозирования долгосрочных последствий развития искусственного интеллекта, формирования стратегий по его интеграции в экономику и обеспечения устойчивого социального развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект; модели сотрудничества; налоговые системы; производительность труда; социальное неравенство; социально-экономические метаморфозы; цифровая экономика; эмерджентные феномены.

© Черкашнев Р. Ю., 2026

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Черкашнев Р. Ю. Эмерджентные феномены и социально-экономические метаморфозы в контексте развития искусственного интеллекта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 93–110. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-93-110>

Поступила в редакцию 09.12.2025

Принята к публикации 08.01.2026

Опубликована 27.02.2025

Emergent phenomena and socio-economic metamorphoses in the context of artificial intelligence development

Roman Yu. Cherkashnev¹ ✉

¹ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya Str., Tambov 392000, Russian Federation

✉ e-mail: morozikolya2008@yandex.ru

Abstract

Relevance. This article examines the impact of artificial intelligence on socio-economic processes through the lens of emergent phenomena. Emergence refers to the appearance of new, previously unforeseen properties within complex systems, leading to significant transformations in the economy and society. In the era of rapid digitalization and automation, AI is beginning to play a key role in reshaping the labor market, redistributing economic centers, and developing new models of employment.

The Purpose is the study aims to identify the key emergent phenomena arising from the implementation of AI, to analyze their impact on the labor market, resource redistribution, and social structures, and to propose possible adaptation strategies.

Objectives. The research tasks focus on identifying and analyzing emergent phenomena emerging from AI integration into the economy, determining their influence on labor markets, industrial structures, and social processes, as well as developing models that describe these transformations.

Methodology. The study employs econometric modeling, corporate data analysis, futurist forecasting, and computer simulations to identify patterns of change in the economy.

Results. Mathematical models have been developed to assess the degree of AI's impact on the labor market, the dynamics of economic processes, and the potential social consequences of digital transformation. The findings indicate that AI implementation leads to a reduction in the demand for routine labor, the automation of intellectual professions, and the emergence of new fields of employment related to technology management and development. However, these processes are accompanied by risks such as increased social inequality, the concentration of economic power within large technological corporations, and the displacement of traditional employment centers.

Conclusions. The article proposes recommendations for reforming the education system, modernizing tax policy, and regulating the digital economy to minimize the negative effects of technological transformation. The results obtained can be used to forecast the long-term consequences of AI development, to formulate strategies for its integration into the economy, and to ensure sustainable social development.

Keywords: artificial intelligence; collaboration models; tax systems; labor productivity; social inequality; socio-economic metamorphoses; digital economy; emergent phenomena.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Cherkashnev R.Yu. Emergent phenomena and socio-economic metamorphoses in the context of artificial intelligence development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):93–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-93-110>

Received 09.12.2025

Accepted 08.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В развитии современной экономической системы все большую роль играет применение искусственного интеллекта. Анализ больших данных и расчет экономических показателей на их основе; проектирование, создание продвижение продуктов на рынках; автоматизация процессов управления и принятия решений; оптимизация логистических систем – это неполный список возможностей применения искусственного интеллекта в экономике.

Наряду с действием привычных рынку систем можно наблюдать некие феномены при внедрении искусственного интеллекта в производство. В науке эти феномены получили название «эмерджентность», что подразумевает наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих её элементам.

Эмерджентность в контексте искусственного интеллекта – это свойство систем искусственного интеллекта демонстрировать новые, непредвиденные способности или характеристики, которые возникают в результате взаимодействия различных элементов системы, даже если эти способности не были заложены изначально в её дизайн.

Исследуя труды по функционированию систем, можно констатировать тот факт, что до сих пор не достигнуто общего согласия по поводу ключевых характеристик эмерджентности. Так, по мнению Аксельссон (Axelsson J.) [1], эмерджентность не может существовать вне системы, в то время как Фромм (Fromm J.) [2] говорит о том, что только увеличение сложности организации системы порождает эмерджентность. Копетц (Kopetz H.) [3] говорит, что эмерджентность исчезает при декомпозиции основной структуры [4].

В данном исследовании мы выявим феномен эмерджентности использования искусственного интеллекта на рынке труда и проанализируем, как эмерджентные свойства искусственного интеллекта могут приводить к значительным изменениям в структуре и типах востребованных профессий. Доказательством возможной эмерджентности данной системы приводится в исследовании Вольф и Хольвоет (Holvoet T.) [5], в котором приводится доказательство того, что эмерджентность зависит от контекста и рекомендуется изучать эмерджентность в контексте, в котором наблюдается это поведение.

Уже сегодня искусственный интеллект оказывает влияние на такие специальности, как врачи, юристы, переводчики, дизайнеры, учителя и многие другие. До недавнего времени нельзя было представить, что система знаний и умений будет демонстрировать эмерджентные свойства под влиянием искусственного интеллекта и определять направления социальных метаморфоз.

Концептологические основания исследования

На сегодняшний день использование искусственного интеллекта в экономике и его влияние на рынок труда остается малоизученным. Российские и зарубежные ученые лишь несколько лет назад начали теоретические и практические изыскания по данной теме. Ведь использование искусственного интеллекта вошло в практику и стало доступным для трудовых ресурсов совсем недавно, и процесс повышения доступности протекает в данное время.

Мы можем проследить тенденции технической революции за прошедшие несколько сотен лет. Машины вытеснили тяжелый физический труд из многих от-

раслей народного хозяйства. Паровые, углеводородные и электрические двигатели заменили мышечный труд. Следующим этапом технической революции является замещение машинами интеллектуального труда. Компьютеры прочно вошли в жизнь общества и взяли на себя все вычислительные операции человечества. На сегодняшний день компьютерные технологии получили наивысшую степень развития – искусственный интеллект. Электронные машины начали вы-

полнять за человека процессы мышления, что ведет к социальным метаморфозам на рынке труда. Конечным этапом развития технологий будет сингулярность искусственного интеллекта. На рисунке 1 мы наглядно представим концептологическое основание развития искусственного интеллекта в разрезе эволюции технологий. Сектор неопределенности добавлен не случайно, всегда существует возможность появления эмерджентных феноменов и непредсказуемости развития.

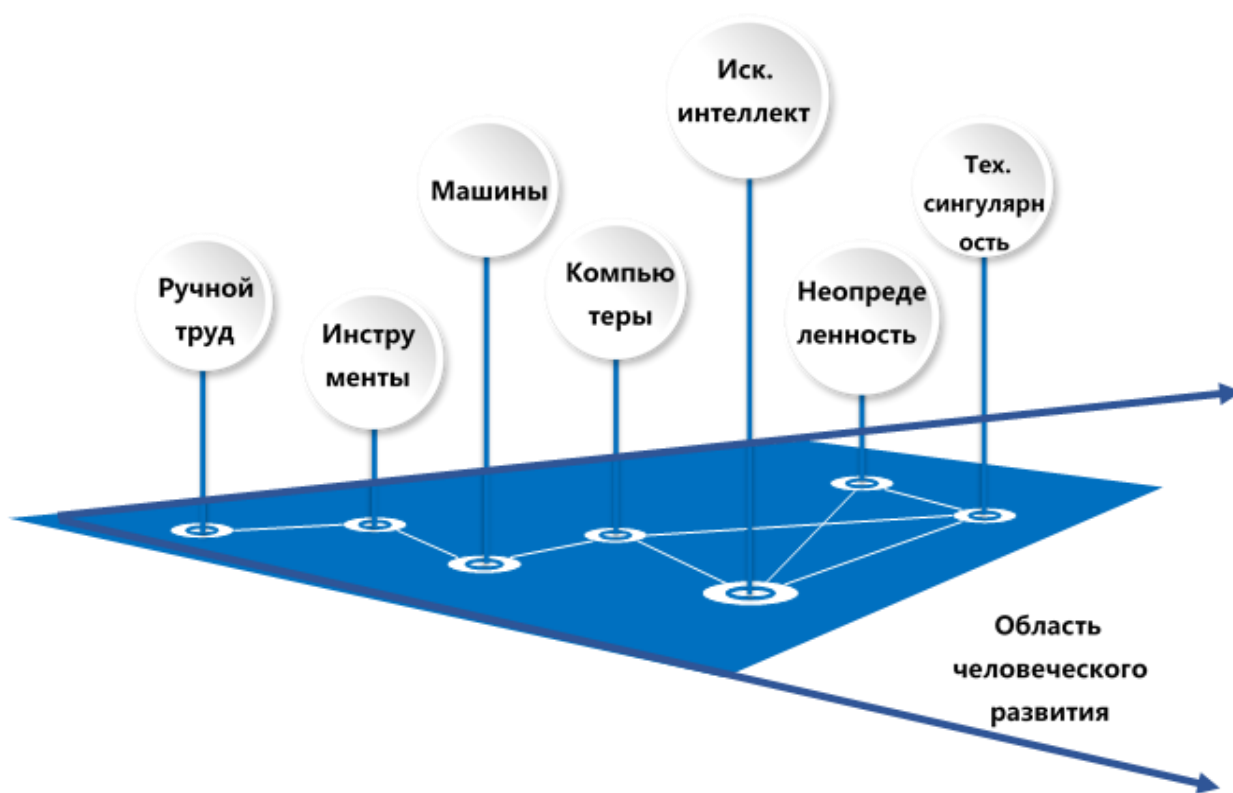

Рис. 1. Концептуальная основа развития искусственного интеллекта в контексте эволюции технологий

Более двадцати лет прошло после выхода статьи Бутаццо (Buttazzo G.) (2001) [6], в которой автор утверждает, что не существует препятствий для создания сознательных машин, и предсказывает их появление в 2029 г.

Появляются мысли, что возникает угроза профессиям, которые ранее считались безопасными от влияния автоматизации [7]. Теоретические изыскания по

данной теме легли в основу написания данной работы.

Постановка проблемы

В эру информационных технологий развитие искусственного интеллекта способствует стремительной трансформации различных отраслей национальной экономики, что тем самым интенсифицирует реорганизацию рынка труда. Массовая

автоматизация рабочих процессов, предполагающая ускорение выполнения как интеллектуальных, так и физических задач, приводит к отсутствию необходимости сопровождения человеком таких процессов в ряде профессий, которые ранее не предполагали автоматизацию. Данный фактор приводит к возникновению предпосылок для социальной модификации, способствуя преобразованию структуры занятости, путем рационализации требований к навыкам и распределения функций между людьми и машинами.

Эмерджентные феномены, формирующиеся в рамках взаимодействия технологий и социума, абстрагируются в виде непредсказуемых последствий тотального внедрения искусственного интеллекта. Такие феномены будут являться предпосылкой к становлению следующих вопросов:

- Как автоматизация повлияет на социальные институты, конъюнктуру рынка труда и их структуру?
- Какие профессии будут замещены искусственным интеллектом, а какие, напротив, возникнут на стыке взаимодействия высоких технологий с другими сферами?
- Как модернизация рабочих процессах повлияют на социальную дифференциацию и качество жизни?

Цель данного исследования состоит в изучении воздействия искусственного интеллекта на рынок трудовых ресурсов через призму эмерджентных феноменов и определении возможных сценариев развития социальных модификаций, которые могут сформироваться в результате этих процессов.

Материалы и методы

Методическая база исследования состоит из метода сравнительного анализа,

контент-анализа, социологических опросов с данными о восприятии технологий искусственного интеллекта группами работников и работодателей, анализа больших данных для определения информационного массива, связанного с трансформацией требований к навыкам работников в связи с внедрением искусственного интеллекта. В том числе были применены методы эконометрического моделирования для прогнозирования изменений в экономике труда под воздействием искусственного интеллекта, компьютерного моделирования для построения моделей социального поведения и динамики рынка труда с целью выявления возможных эмерджентных феноменов. Метод футурологического прогнозирования позволил исследовать механизмы использования сценарного планирования и прогнозных методов для анализа будущих изменений на рынке трудовых ресурсов, связанных с развитием искусственного интеллекта.

Результаты и их обсуждение

Далее мы определим основные эмерджентные феномены и социально-экономические метаморфозы, возникающие при внедрении искусственного интеллекта в экономику. Свойства экономических систем и возможные эмерджентные феномены мы представим ниже (рис. 2).

Перейдем к характеристике каждого эмерджентного феномена и изменениям, которые он несет.

Для выявления эмерджентных феноменов на рынке труда и обоснования возможности социальных метаморфоз, проведем исследование деятельности компаний различных отраслей.

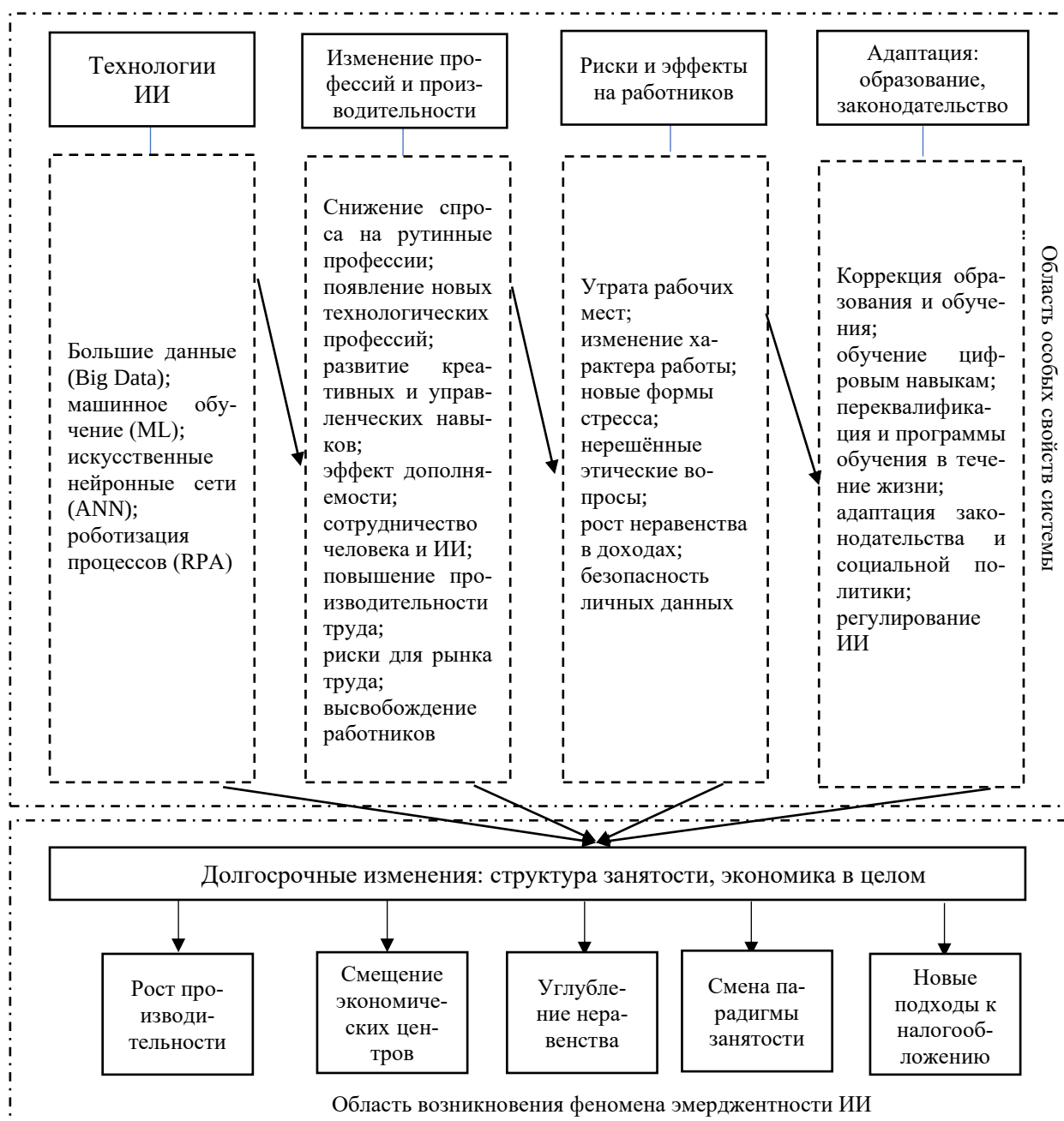

Рис. 2. Свойства экономических систем и потенциальные эмерджентные явления.

На наш взгляд, необходимо проследить и описать трансформацию трудозатрат при использовании искусственного интеллекта в производстве. Формула уче-

$$L_{AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot N_{\text{human}i} \cdot \beta_{1i}(\text{eff}_{AIi}) + \alpha_{2i} \cdot N_{AIi} \cdot \gamma_{1i}(\text{opt}) - \alpha_{3i} \cdot R_{\text{redi}}(AI)), \quad (1)$$

где L_{AI} – общие трудозатраты с учетом искусственного интеллекта для процесса; n – количество операций или задач, в которых применяется искусственный интеллект; $\alpha_{1i} \alpha_{2i} \alpha_{3i}$ – коэффициенты весов

та операций, производимых с использованием искусственного интеллекта, будет выглядеть следующим образом:

для различных типов затрат; $N_{\text{human}i}$ – количество человеко-часов, потраченных на операцию i ; $\beta_{1i}(\text{eff}_{AIi})$ – коэффициент, отражающий, насколько искусственный интеллект влияет на эффективность рабо-

ты человека в операции i ; H_{AI} – количество машинных часов для выполнения задачи i ; $\gamma_{1i}(\text{opt})$ – коэффициент оптимизации, показывающий, насколько искусственный интеллект улучшает или ускоряет выполнение задачи; $R_{\text{redi}}(\text{AI})$ – объем сокращения ручного труда благодаря искусственному интеллекту в операции i , выраженный в человеко-часах.

Данная формула позволяет учитывать как традиционные затраты на труд, так и влияние искусственного интеллекта на повышение производительности и сокращение ручного труда. Она подходит для оценки изменений в трудозатратах после внедрения искусственного интеллекта, а также для планирования дальнейшей автоматизации процессов.

Из формулы (1) видно, что при увеличении доли операций, выполняемых искусственным интеллектом до 100%, участие человека в процессе может быть сведено к 0. Продемонстрируем это утверждение на примере рекламной компании, которая за-

нимается написанием рекламных текстов, созданием постов, баннеров, логотипов и другими видами интернет-услуг.

Исследование показало, что сотрудники активно используют технологии искусственного интеллекта в своей работе. В основном для генерирования текстовых сообщений, описания и постов в целом. Доля сгенерированного текста достигает до 90% от общего объема работы, оставшиеся 10% объема работы сотрудник тратит на прочтение и корректировки полученного от чата материала.

Из исследования можно сказать, что при выполнении задачи, на которую ранее уходило 2 ч, теперь сотрудник затрачивает 12 мин. Мы наблюдаем резкое снижение трудозатрат. Следовательно, мы можем констатировать тот факт, что производительность труда демонстрирует огромный рост. На рисунке 3 и в таблице 1 приведем данные, которые показывают использование искусственного интеллекта компаниями мира.

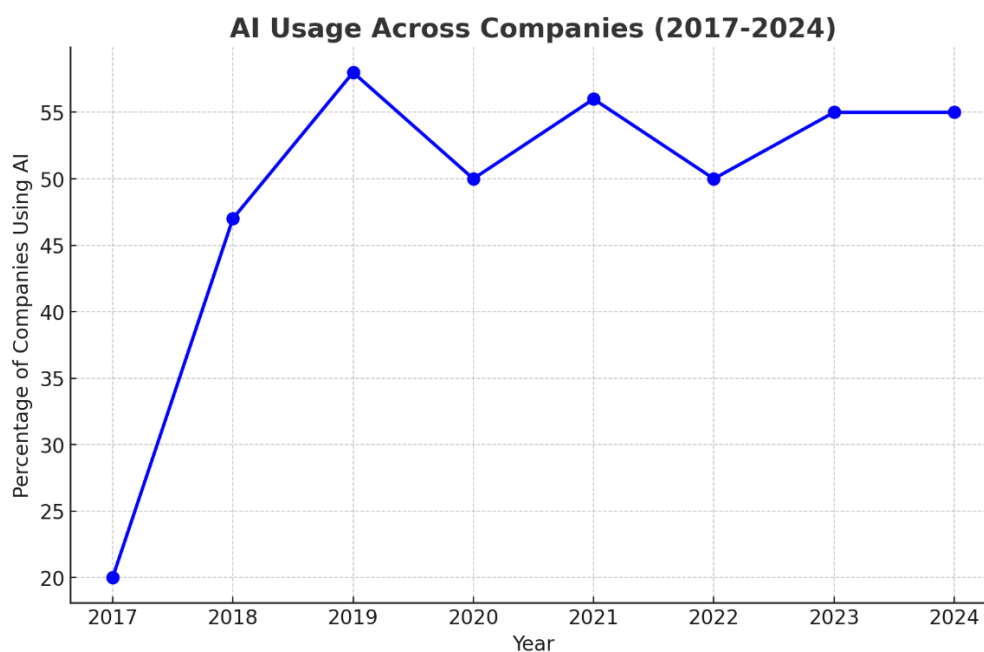

Рис. 3. Процент компаний, использующих ИИ с 2017 по 2024 гг.¹

¹ Self-assessed expertise in generative artificial intelligence (AI) of global organizations as of 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1450637/expertise-on-genai-organizations-worldwide/> (дата обращения: 17.11.2025).

Таблица 1. Уровень знаний об ИИ в организациях¹

Уровень знаний об ИИ в организациях	Компаний, %
Некоторый опыт	45
Высокий уровень опыта	35
Мало опыта	10
Очень высокий уровень опыта	9
Нет опыта	1

Данные показывают, что 55% компаний уже используют искусственный интеллект в своей деятельности, а 35% из них делают это на высоком уровне, значит и имеют перспективы роста производительности труда, что подтверждает один из эмерджентных феноменов, которые мы можем наблюдать на рынке труда при использовании искусственного интеллекта.

Следующим феноменом, который мы наблюдаем при внедрении искусственного интеллекта в экономику, является смещение экономических центров. Традиционные центры создания экономической ценности трансформируются неожиданным образом под влиянием искусственного интеллекта. Приведем несколько аспектов такой трансформации.

$$S_{AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot P_{basei} \cdot \beta_{1i}(\text{eff}_{AIi}) + \alpha_{2i} \cdot G_{newi} \cdot \gamma_{1i}(\text{growth}) + \alpha_{3i} \cdot C_{inti} \cdot \delta_{1i}(\text{comp}) + \alpha_{4i} \cdot R_{adapti} \cdot \theta_{1i}(\text{emerg})), \quad (2)$$

где S_{AI} – индекс эмерджентной трансформации отраслевой структуры экономики под воздействием искусственного интеллекта; n – количество отраслей экономики; $\alpha_{1i}, \alpha_{2i}, \alpha_{3i}, \alpha_{4i}$ – весовые коэффициенты для разных аспектов трансформации отраслевой структуры; P_{basei} – базовая экономическая мощность отрасли i до внедрения искусственного интеллекта (доля ВВП, производительность, занятость); $\beta_{1i}(\text{eff}_{AIi})$ – коэффициент роста производительности благодаря внедрению искусственного интеллекта в отрасли i ; G_{newi} – коэффициент появления новых секторов экономики в отрасли i вследствие применения искусственного интеллекта (новые компании, продукты, услуги); $\gamma_{1i}(\text{growth})$ – коэффициент роста, связанный с инновациями и открытием новых рынков под воздействием ис-

кусственного интеллекта; C_{inti} – уровень конкурентной интеграции отрасли i в новых условиях (связи между отраслями, кооперация, конкуренция); $\delta_{1i}(\text{comp})$ – модификатор конкурентных преимуществ отрасли i , который изменяется в зависимости от внедрения искусственного интеллекта; R_{adapti} – способность отрасли i адаптироваться к изменениям под воздействием искусственного интеллекта (гибкость бизнес-процессов, обучение сотрудников); $\theta_{1i}(\text{emerg})$ – коэффициент эмерджентных эффектов, возникающих в результате взаимодействия между отраслями (синергия, создание новых моделей, неожиданные эффекты).

¹ How Many Businesses Use AI? URL: <https://brandwell.ai/blog/how-many-businesses-use-ai/> (дата обращения: 17.11.2025).

Формула (2) описывает комплексное воздействие искусственного интеллекта на экономику через призму эмерджентных эффектов – от роста производительности в конкретных отраслях до появления новых рынков и взаимодействий между секторами. Эмерджентные эффек-

ты проявляются на основе сложных взаимодействий, которые возникают в процессе адаптации экономики к новым технологическим возможностям.

В таблице 2 отобразим отрасли экономики и возможности их трансформации под влиянием искусственного интеллекта

Таблица 2. Изменения в традиционных отраслях под влиянием искусственного интеллекта

Отрасль	Изменения с ИИ
Производство	Автоматизация, роботизированные процессы
Логистика	Автономные транспортные средства
Финансы	Автоматизация, робосоветники
Розничная торговля	Автоматизированные кассы, управление запасами
Здравоохранение	ИИ-диагностика, разработка лекарств
Сельское хозяйство	ИИ-мониторинг, автоматизация техники
Право	ИИ для анализа документов
Медиа	ИИ-генерация новостей и контента

Из таблицы 2 видно, что искусственный интеллект запускает отраслевые метаморфозы в современной экономике.

В рамках феномена смещения экономических центров мы можем наблюдать создание и развитие новых бизнес-моделей с помощью искусственного интеллекта [8].

Искусственный интеллект прямо влияет на экономические центры компаний, тем самым генерируя неоспоримые конкурентные преимущества на рынке. Отобразим трансформацию центров принятия решений под воздействием искусственного интеллекта (табл. 3).

Таблица 3. Схема изменений в центрах принятия решений под влиянием ИИ

Уровень сотрудников	Традиционная иерархия (до внедрения ИИ)	Переходный этап (внедрение ИИ)	Децентрализованная модель (после внедрения ИИ)
<i>Методы принятия решений</i>			
Высшее руководство	Вершина пирамиды: основной центр принятия решений	Использует ИИ для анализа стратегических данных и долгосрочного планирования	Принимает стратегические решения на основе глубокой аналитики ИИ
Среднее звено управления	Руководители отделов принимают решения на основе указаний высшего руководства	Принятие решений поддерживается аналитическими данными ИИ (например, оптимизация процессов, управление ресурсами)	Руководители отделов все больше полагаются на решения, предложенные ИИ, для операционных задач
Нижний уровень	Оперативный персонал выполняет задачи согласно заранее установленным инструкциям	Оперативные задачи автоматизируются или оптимизируются ИИ, сотрудники выполняют задачи под наблюдением	Автоматизация и автономное выполнение рутинных операций ИИ при минимальном участии человека
		Принятие решений становится более децентрализованным, при этом данные и аналитика ИИ поддерживают все уровни	

Таким образом, можем сделать вывод о том, что смещение экономических центров в контексте эмерджентности искусственного интеллекта тесно связано с трансформацией экономики и структуры бизнеса, что непосредственно ведет к социальным метаморфозам.

Следующим эмерджентным феноменом использования искусственного интеллекта выступают социальные метаморфозы в контексте углубления неравенства между различными социальными и экономическими группами населения из-за неравномерного доступа к технологиям и возможностям искусственного интеллекта.

Данный феномен может наблюдаться как на национальном, так и на региональном уровне. Многие развитые страны приняли за последние несколько лет стратегии развития искусственного интеллекта. Например, в апреле 2016 г. Южная Корея

приняла Artificial Intelligence Information Industry Development Strategy, Франция приняла в марте 2018 г. AI for Humanity: French Strategy for Artificial Intelligence, также в 2018 г. Швеция и Германия приняли свои стратегии [9]. Это говорит о том, что развитые страны уделяют большее внимание развитию искусственного интеллекта, по сравнению с менее развитыми странами. Это может привести к взрывному росту производительности труда, национального богатства и благосостояния населения, развивающиеся страны могут еще сильнее отстать в своем социально-экономическом развитии.

Для оценки развития искусственного интеллекта в развитых и развивающихся странах мы предлагаем использовать формулу, которая учитывает различия в ресурсах, инфраструктуре и государственной поддержке:

$$R_{AI} = \frac{IT \cdot W_T + ER \cdot W_R + IE \cdot W_E + GS \cdot W_S + MI \cdot W_M}{\sum W}, \quad (3)$$

где R_{AI} – индекс развития искусственного интеллекта; IT – инфраструктура технологий (уровень развития вычислительных мощностей, сетей, доступ к Интернету); ER – научные исследования и разработки в области искусственного интеллекта (инвестиции, количество научных публикаций, исследовательские центры); IE – уровень интеграции искусственного интеллекта в экономику (использование искусственного интеллекта

в разных отраслях, доля в ВВП); GS – государственная поддержка (политики, программы, финансирование искусственного интеллекта); MI – международные инициативы и коллаборации (участие в глобальных проектах, партнерства); WT, WR, WE, WS, WM – веса, которые варьируются в зависимости от типа развития страны.

Предлагаем установить следующие значения весов формулы (3) (табл. 4).

Таблица 4. Значения весовых коэффициентов индекса для развития ИИ

Значение индекса	Развитые страны	Развивающиеся страны
WT (технологическая инфраструктура)	0,25	0,20
WR (научные исследования)	0,25	0,15
WE (интеграция ИИ в экономику)	0,20	0,25
WS (поддержка со стороны государства)	0,15	0,25
WM (международные инициативы)	0,15	0,15
$\sum W$ – сумма весов	1	

Формула (3) позволяет учесть особенности каждой группы стран. Для развитых стран больший акцент делается на инфраструктуру и научные исследования, а для развивающихся стран – на поддержку со стороны государства и интеграцию искусственного интеллекта в экономику. На наш взгляд, необходима корректировка коэффициентов формулы со стороны правительства и бизнеса развивающихся стран, чтобы нивелировать последствия технологического отставания.

В данном эмерджентном феномене, который характеризуется углублением

неравенства в обществе и экономике, можно выделить концентрацию богатства, которая происходит у компаний, успешно внедряющих искусственный интеллект в свои бизнес-модели. Накопление богатства компаниями может привести к монополизации и увеличению влияния на рынке, что усугубляет экономическое неравенство [10].

В таблице 5 приведем самые крупные компании мира, которые активнее всего используют искусственный интеллект.

Таблица 5. Крупнейшие компании мира, использующие искусственный интеллект¹

Компания	Отрасль	Рыночная капитализация
Microsoft Corp	Технологии	\$3,19 трлн
Apple Inc	Технологии	\$2,94 трлн
NVIDIA Corp	Технологии	\$2,34 трлн
Alphabet Inc	Технологии	\$2,20 трлн
Amazon.com Inc	Технологии	\$1,90 трлн
Meta Platforms Inc	Технологии	\$1,17 трлн
Qualcomm Inc	Технологии	\$224,6 млрд
Alibaba Group Holding Ltd	Торговля	\$209,6 млрд
OpenAI LLC	Технологии	\$80 млрд
Baidu Inc	Технологии	\$36,9 млрд

Из таблицы 5 можно сделать вывод, что искусственный интеллект выводит на новый уровень уже состоявшиеся корпорации и технологические компании, что ведет к монополизации отраслей экономики, на которых они функционируют, тем самым увеличивая неравенство.

Таким образом, углубление неравенства в контексте эмерджентности искусственного интеллекта связано с комплексом факторов, включая доступ к технологиям, квалификацию и изменения на рынке труда, что может негативно сказываться на социальной справедливости и устойчивом развитии.

Одним из главных эмерджентных феноменов искусственного интеллекта в экономике является смена парадигмы занятости, что ведет к крупнейшим социальным метаморфозам будущего. Далее подробно раскроем этот феномен [11].

На наш взгляд, автоматизация и применение искусственного интеллекта в производстве способны в скором времени вытеснить некоторые профессии, связанные с рутинной и монотонной работой. Под угрозой низшие должности таких профессий, как дизайнер, переводчик, копирайтер, бухгалтер и многие другие. Наравне с исчезающими профессиями могут образовываться новые, связанные с поддержанием и внедрением систем искусственного интеллекта [12]. Рассмотрим некоторые из них (табл. 6).

¹ Artificial Intelligence: Leading Technology Companies in the World. URL: <https://www.globaldata.com/companies/top-companies-by-tech-leaders-disruptors/artificial-intelligence/artificial-intelligence-leading-technology-companies/> (дата обращения: 17.11.2025).

Таблица 6. Новые профессии под влиянием искусственного интеллекта

Новая профессия	Описание деятельности
Специалист по этике ИИ	Занимается этическим использованием ИИ, разрабатывает нормы и правила
Аналитик данных ИИ	Анализирует большие объемы данных с использованием алгоритмов ИИ для выявления паттернов и трендов
Инженер по внедрению ИИ	Интегрирует решения ИИ в бизнес-процессы и обучает сотрудников
Дизайнер креативного ИИ	Создает креативные проекты с использованием ИИ в графике, музыке и медиа
Тренер ИИ	Обучает системы ИИ на основе данных, включая калибровку и оценку качества
Бизнес-консультант по трансформации с использованием ИИ	Помогает компаниям адаптироваться к ИИ, разрабатывать стратегии и внедрять решения
Эксперт по ИИ в здравоохранении	Разрабатывает и внедряет решения ИИ в медицине для диагностики и лечения пациентов

В ходе проведения исследования нами были выявлены необычные факты использования искусственного интеллекта сотрудниками нескольких популярных профессий. Учителя тайно используют чат-боты для подготовки к занятиям потому, что руководство учебных заведений категорически против применения таких программных продуктов в деятельности учителя. Многие дизайнеры и копирайтеры скрывают от начальства использование искусственного интеллекта в своей профессиональной деятельности, а освободившее время используют в своих личных целях, особенно, если оплата происходит по часам [12].

Исходя из результатов исследования профессий, можно сделать вывод, что со-

противление инновациям и недопонимание сущности искусственного интеллекта руководством компаний несет в себе угрозу технологического и научного отставания от лидеров рынка.

Руководству необходимо дополнять человеческие навыки, создавая новую модель сотрудничества персонала и искусственного интеллекта. Определим формулу новой модели сотрудничества между человеком и искусственным интеллектом, которая должна учитывать взаимное усиление способностей, разделение задач, уровень доверия, обучение искусственного интеллекта человеком и адаптацию человека к работе с ним, где человек и искусственный интеллект – партнеры:

$$C_{H+AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot H_{effi} \cdot \beta_{1i}(\text{coll}_{Ai}) + \alpha_{2i} \cdot AI_{effi} \cdot \gamma_{1i}(\text{train}_{Hi}) + \alpha_{3i} \cdot T_{trusti} \cdot \delta_{1i}(\text{adapt}) + \alpha_{4i} \cdot S_{sini}), \quad (4)$$

где C_{H+AI} – общий результат сотрудничества человека и искусственного интеллекта (индекс синергии); n – количество задач или процессов, в которых задействованы человек и искусственный интеллект; $\alpha_{1i}, \alpha_{2i}, \alpha_{3i}, \alpha_{4i}$ – весовые коэффициенты, отражающие вклад различных факторов в сотрудничество; H_{effi} – эффек-

тивность человека в задаче i (человеко-часов, усилий, результатов); $\beta_{1i}(\text{coll}_{Ai})$ – коэффициент совместной работы, отражающий уровень взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом в задаче i ; AI_{effi} – эффективность искусственного интеллекта в задаче i (скорость выполнения, качество анализа данных,

автоматизация); $\gamma_{1i}(\text{train}_{Hi})$ – коэффициент, отражающий вклад человека в обучение искусственного интеллекта; $T_{\text{trust}i}$ – уровень доверия человека к искусственному интеллекту в задаче i , который влияет на качество совместной работы (чем выше доверие, тем эффективнее сотрудничество); $\sigma_{1i}(\text{adapt})$ – коэффициент адаптации человека к новым технологиям и алгоритмам искусственного интеллекта, который измеряет способность человека работать с искусственным интеллектом в изменяющихся условиях; $S_{\text{sin}i}$ – коэффициент синергии, который отражает общий эффект совместной работы человека и искусственного интеллекта (например, повышение производительности за счет распределения задач, исключение ошибок, ускорение процессов).

Данная формула описывает комплексную модель сотрудничества между человеком и искусственным интеллектом, где учитываются как способности

каждого участника, так и их взаимодействие, доверие и адаптация друг к другу. В этой модели наиважнейшим аспектом является обучение и коррекция, которые позволяют человеку и искусственному интеллекту достигать совместных целей более эффективно, чем если бы каждый действовал по отдельности.

Успешное взаимодействие сотрудников с искусственным интеллектом может привести к тому, что рабочие будут выполнять более сложные задачи, сосредоточившись на креативности, критическом мышлении и решении проблем [13].

Необходимо исследовать влияние искусственного интеллекта на культурные процессы, ведь развитие креативной экономики идет опережающими темпами.

На рисунке 4 отобразим этапы трансформации изменения культурного восприятия под влиянием внедрения искусственного интеллекта.

Рис. 4. Диаграмма культурных изменений под влиянием ИИ

В целом влияние искусственного интеллекта на креативную экономику обширно и многогранно. Оно меняет привычные процессы и формы взаимодей-

ствия и требует переосмыслению культурных ценностей, норм и этических стандартов. Эти изменения создают новую динамику в обществе, требуя адаптации как от

отдельных людей, так и от организаций, что в конечном итоге может привести к глубинным социальным трансформациям.

Таким образом, смена парадигмы занятости в контексте эмерджентности искусственного интеллекта отражает глубокие изменения в восприятии и организации работы обществом. Требуется адаптация как со стороны работников, так и со стороны работодателей и общества в целом.

Современные подходы к налогообложению в рамках эмерджентности искусственного интеллекта относятся к необходимости трансформации налоговых систем в условиях модифицирующейся экономики, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта. Нами был выявлен ряд ключевых ас-

пектов данного явления, представленных ниже.

Налогообложение цифровых компаний предполагает необходимость пересмотра правил налогообложения в связи с увеличением значимости цифровой инфраструктуры компаний, использующих искусственного интеллекта. Ортодоксальные модели налогообложения не способны в полной мере учитывать специфику цифровой экономики, такую как недостаточность физического присутствия и глобальное распределение доходов [14].

Далее определим формулу трансформации налоговых систем в условиях модифицирующейся экономики, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта:

$$T = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot L_{hi} \cdot \beta_{1i}(t) + \alpha_{2i} \cdot A_{ri} \cdot \beta_{2i}(a) + \alpha_{3i} \cdot D_{di} \cdot \gamma_{1i}(d, t) + \alpha_{4i} \cdot V_{ni} \cdot \gamma_{2i}(v, t) + \alpha_{5i} \cdot T_{Ali} \cdot \Lambda_i(ai)), \quad (5)$$

где T – совокупные налоговые поступления (интегрированное значение); n – количество секторов экономики или налоговых объектов (разделение по отраслям или по видам деятельности); $\alpha_{1i}, \alpha_{2i}, \alpha_{3i}, \alpha_{4i}, \alpha_{5i}$ – налоговые коэффициенты для каждого сектора экономики или налогового объекта; L_{hi} – налоговая база по человеческому труду в секторе i ; A_{ri} – налоговая база по автоматизированным системам в секторе i ; D_{di} – налоговая база по данным в секторе i ; V_{ni} – налоговая база по виртуальным и цифровым активам в секторе i ; T_{Ali} – налог на деятельность, связанную с искусственным интеллектом в секторе i ; $\beta_{1i}(t)$ – динамический коэффициент, зависящий от уровня автоматизации производства в секторе i на момент времени t ; $\beta_{2i}(a)$ – коэффициент, зависящий от автоматизации и применения роботов в секторе i ; $\gamma_{1i}(d, t)$ – коэффициент налогообложения данных, зависящий от объема обрабатываемых данных d и временного периода t ; $\gamma_{2i}(v, t)$ – коэффициент налогообложения

виртуальных активов, зависящий от их оборота и типа (криптовалюты, NFT и др.); $\Lambda_i(ai)$ – коэффициент налога на искусственный интеллект, зависящий от уровня его влияния на экономическую деятельность в секторе i .

Далее опишем используемые элементы данного уравнения.

Коэффициенты $\alpha_{1i}, \alpha_{2i}, \alpha_{3i}, \alpha_{4i}, \alpha_{5i}$ – индивидуальные для каждого сектора экономики ставки налогообложения (например, промышленность, сельское хозяйство, финансы, технологии). Эти ставки могут различаться в различных странах и экономических системах.

$\beta_{1i}(t), \beta_{2i}(a)$ – динамические функции, возможность использования которых продиктована необходимостью корректировки налогов в зависимости от автоматизации производства.

$\gamma_{1i}(d, t), \gamma_{2i}(v, t)$ – коэффициенты, учитывающие оборот виртуальных активов и криптовалют. На разных этапах развития экономики данные коэффициенты могут принимать различные значения.

$\Lambda_i(ai)$ – коэффициент, зависящий от степени интеграции искусственного интеллекта в производственные процессы. Можем говорить о том, что чем выше автоматизация и искусственного интеллекта, тем выше налог.

Для универсализации модели трансформации налоговых систем в условиях модифицирующийся экономики, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта, мы можем внести дополнительные модификаторы. Например, экологический модификатор, который можно ввести как коэффициент, зависящий от влияния технологий на экологию:

$$E_i = \mu_i(eco) \cdot T, \quad (6)$$

где $\mu_i(eco)$ – коэффициент экологического воздействия для сектора i , который может

$$\sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot L_{hi} \cdot \beta_{1i}(t) + \alpha_{2i} \cdot A_{ri} \cdot \beta_{2i}(a) + \alpha_{3i} \cdot D_{di} \cdot \gamma_{1i}(d, t) + \alpha_{4i} \cdot V_{ni} \cdot \gamma_{2i}(u, t) + \alpha_{5i} \cdot T_{Ali} \cdot \Lambda_i(ai)) \cdot (1 + E_i + S_i). \quad (8)$$

Данная модель позволяет гибко адаптировать налоговые системы разных стран в условиях социально-экономических метаморфозов, минимизируя негативные социальные последствия внедрения искусственного интеллекта и стимулируя устойчивое развитие.

Изменение структуры доходов подразумевает формирование новых бизнес-моделей, основанных на искусственный интеллект, что, в свою очередь, может потребовать реализацию инновационных подходов к налогообложению доходов. Так, например, налогообложение на базе использования данных и интеллектуальной собственности может стать наиболее востребованным [15].

Введение налогов на автоматизацию позволит компенсировать снижение числа вакансий и нивелировать социальные преобразования, связанные с внедрением искусственного интеллекта и роботизацией.

На основании вышеизложенного исследования, направленного на определе-

менять общую налоговую ставку в зависимости от экологичности технологий.

Еще возможно рассмотреть внедрение социального модификатора. Он будет интегрировать в себя некоторые макро-экономические показатели, которые влияют на социальную стабильность под воздействием искусственного интеллекта:

$$S_i = v_i(soc) \cdot T, \quad (7)$$

где $v_i(soc)$ – коэффициент социального влияния на налоговую нагрузку. Если сектор, в который внедряется искусственный интеллект, создает новые рабочие места, налог может снижаться.

Итак, общая модель универсализации трансформации налоговых систем с учетом экологического и социального модификатора будет иметь следующий вид:

ние новых подходов к налогообложению в контексте эмерджентности искусственного интеллекта, можно прийти к выводу о необходимости адаптации налоговых систем к динамично меняющейся экономике, подразумевающей переход в цифровой формат, что, в свою очередь, требуют принятия стратегических решений для обеспечения справедливого и эффективного налогообложения.

В данной статье мы определили и описали пять эмерджентных феноменов, которые ведут к социально-экономическим метаморфозам при внедрении искусственного интеллекта в экономику, такие как рост производительности труда, смещение экономических центров, углубление неравенства в обществе, смена парадигмы занятости и новые подходы к налогообложению. Нами разработаны и оптимизированы формулы определения социально-экономических метаморфозов под действием эмерджентных феноменов использования искусственного интеллекта в экономике (табл. 7).

Таблица 7. Формулы для определения социально-экономических метаморфоз под влиянием эмерджентных явлений, возникающих при использовании искусственного интеллекта

Социально-экономические метаморфозы	Формула для определения
Рост производительности труда	$L_{AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot H_{\text{humani}} \cdot \beta_{1i}(\text{eff}_{AIi}) + \alpha_{2i} \cdot H_{AIi} \cdot \gamma_{1i}(\text{opt}) - \alpha_{3i} \cdot R_{\text{redi}}(AI))$
Трансформация структуры экономических секторов под влиянием искусственного интеллекта	$S_{AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot P_{\text{basei}} \cdot \beta_{1i}(\text{eff}_{AIi}) + \alpha_{2i} \cdot G_{\text{newi}} \cdot \gamma_{1i}(\text{growth}) + \alpha_{3i} \cdot C_{\text{inti}} \cdot \delta_{1i}(\text{comp}) + \alpha_{4i} \cdot R_{\text{adapti}} \cdot \theta_{1i}(\text{emerg}))$
Оценка развития искусственного интеллекта в развитых и развивающихся странах	$R_{AI} = \frac{IT \cdot W_T + ER \cdot W_R + IE \cdot W_E + GS \cdot W_S + MI \cdot W_M}{\sum W}$
Модель сотрудничества между человеком и искусственным интеллектом	$C_{H+AI} = \sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot H_{\text{effi}} \cdot \beta_{1i}(\text{coll}_{AIi}) + \alpha_{2i} \cdot AI_{\text{effi}} \cdot \gamma_{1i}(\text{train}_{Hi}) + \alpha_{3i} \times \\ \times T_{\text{trusti}} \cdot \sigma_{1i}(\text{adapt}) + \alpha_{4i} \cdot S_{\text{sini}})$
Модель универсализации трансформации налоговой системы	$\sum_{i=1}^n (\alpha_{1i} \cdot L_{hi} \cdot \beta_{1i}(t) + \alpha_{2i} \cdot A_{ri} \cdot \beta_{2i}(a) + \alpha_{3i} \cdot D_{di} \cdot \gamma_{1i}(d, t) + \alpha_{4i} \cdot V_{ni} \times \\ \times \gamma_{2i}(v, t) + \alpha_{5i} \cdot T_{AIi} \cdot \Lambda_i(ai)) \cdot (1 + E_i + S_i)$

Выводы

Доказано, что искусственный интеллект вызывает эмерджентные явления в экономике, приводя к социально-экономическим метаморфозам, включая трансформацию отраслевой структуры, изменение характера труда и перераспределение ресурсов. Он автоматизирует рутинные задачи, но создает новые виды занятости, связанные с разработкой и

адаптацией технологий. Влияние искусственного интеллекта на экономику ведет к усилению социального и экономического неравенства, делая важными государственные меры по его регулированию. Для понимания долгосрочного влияния на налоговую политику государств требуется дальнейшее изучение взаимодействий искусственного интеллекта с экономическими и социальными системами.

Список литературы

1. Axelsson J. What systems engineers should know about emergence // INCOSE International Symposium. 2022. Vol. 32, N 1. P. 1070–1084. <https://doi.org/10.1002/iis2.12982>
2. Fromm J. Types and forms of emergence. URL: <https://arxiv.org/abs/nlin/0506028> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Kopetz H. Emergence // Real-Time Systems. 2nd ed. Springer, 2011. P. 43–45.
4. Detecting emergence in engineered systems: A literature review and synthesis approach / R. A. Haugen, N. O. Skeie, G. Muller, E. Syverud // Systems Engineering. 2023. Vol. 26, N 4. P. 463–481.

5. Wolf T., Holvoet T. Emergence versus self-organization: different concepts but promising when combined. Springer, 2004. P. 1–15.
6. Buttazzo G. Artificial consciousness: utopia or real possibility? // *IEEE Computer*. 2001. Vol. 34. P. 24–30. <https://doi.org/10.1109/2.933500>
7. The emergence of artificial intelligence in the regional sciences: a literature review / L. Lazzeretti, N. Innocenti, M. Nannelli, S. Oliva // *European Planning Studies*. 2023. Vol. 31, N 7. P. 1304–1324.
8. Artificial intelligence and business models in the sustainable development goals perspective: A systematic literature review / A. Di Vaio, R. Palladino, R. Hassan, O. Escobar // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 121. P. 283–314.
9. Radu R. Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective // *Policy and Society*. 2021. Vol. 40, N 2. P. 178–193.
10. Cristianini N., Scantamburlo T., Ladyman J. The social turn of artificial intelligence // *AI & Society*. 2023. Vol. 38, N 1. P. 89–96.
11. Gershenson C. Emergence in artificial life // *Artificial Life*. 2023. Vol. 29, N 2. P. 153–167.
12. Мезенцева Д. А. Влияние искусственного интеллекта на карту профессий и карьерные треки в высшей школе: обзор предметного поля // *Журнал Работа и Карьера*. 2025. Т. 3, № 4. С. 28–40.
13. Магомаев М.-Э. Т.-А., Сидоров И. С., Немчинова А. Л. Искусственный интеллект и его влияние на рынок труда: как ИИ меняет профессии и какие навыки будут востребованы в будущем // *Вестник науки*. 2024. Т. 3, № 12 (81). С. 233–243.
14. Габидуллина Ч. Ф. Влияние искусственного интеллекта на профессии креативных индустрий // *Общество и государство*. 2024. № 2. С. 6–11.
15. Розыева Е., Аннамухаммедов М. Практический опыт налоговых систем с искусственным интеллектом: обзор и перспективы // *Символ науки*. 2024. № 10-2-1. С. 141–142.

References

1. Axelsson J. What systems engineers should know about emergence. *INCOSE International Symposium*. 2022;32(1):1070–1084. <https://doi.org/10.1002/iis2.12982>
2. Fromm J. Types and forms of emergence. Available at: <https://arxiv.org/abs/nlin/0506028> (accessed 11.11.2025).
3. Kopetz H. Emergence. In: *Real-Time Systems*. 2nd ed. Springer; 2011. P. 43–45.
4. Haugen R.A., Skeie N.O., Muller G., Syverud E. Detecting emergence in engineered systems: A literature review and synthesis approach. *Systems Engineering*. 2023;26(4):463–481.
5. Wolf T., Holvoet T. Emergence versus self-organization: different concepts but promising when combined. Springer, 2004. P. 1–15.
6. Buttazzo G. Artificial consciousness: utopia or real possibility? *IEEE Computer*. 2001;34:24–30. <https://doi.org/10.1109/2.933500>
7. Lazzeretti L., Innocenti N., Nannelli M., Oliva S. The emergence of artificial intelligence in the regional sciences: a literature review. *European Planning Studies*. 2023;31(7):1304–1324.
8. Di Vaio A., Palladino R., Hassan R., Escobar O. Artificial intelligence and business models in the sustainable development goals perspective: A systematic literature review. *Journal of Business Research*. 2020;121:283–314.
9. Radu R. Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective. *Policy and Society*. 2021;40(2):178–193.
10. Cristianini N., Scantamburlo T., Ladyman J. The social turn of artificial intelligence. *AI & Society*. 2023;38(1):89–96.
11. Gershenson C. Emergence in artificial life. *Artificial Life*. 2023;29(2):153–167.

12. Mezentseva D.A. The Impact of Artificial Intelligence on the Map of Professions and Career Tracks in Higher Education: A Review of the Subject Field. *Zhurnal Rabota i Kar'era = Work and Career Journal*. 2025;3(4):28–40. (In Russ.)
13. Magomayev M-E. T-A., Sidorov I.S., Nemchinova A.L. Artificial Intelligence and Its Impact on the Labor Market: How AI Is Changing Professions and What Skills Will Be In Demand in the Future. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2024;3(12):233–243. (In Russ.)
14. Gabidullina Ch.F. The Influence of Artificial Intelligence on the Professions of Creative Industries. *Obshchestvo i gosudarstvo = Society and State*. 2024;(2):6–11. (In Russ.)
15. Rozieva E., Annamukhammedov M. Practical Experience of Tax Systems with Artificial Intelligence: Overview and Prospects. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2024;(10-2-1):141–142. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Черкашнев Роман Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: zakat05@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0535-6340

Roman Yu. Cherkashnev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Economics and Management, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: zakat05@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0535-6340

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-111-122>

Исследование экономической безопасности регионов (на примере субъектов Центрального федерального округа)

М. А. Баринов¹ ✉

¹ Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: 3LF84@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье проводится комплексное исследование экономической безопасности мезотерриторий, которая рассматривается как качественное состояние региональных социально-экономических систем, обеспечивающих устойчивость, развитие и способность противостоять внутренним и внешним угрозам в условиях глобальной нестабильности. Актуальность темы обусловлена усилением региональной асимметрии, санкционным давлением и необходимостью обеспечения импортонезависимости в ключевых отраслях реального сектора экономики.

Цель работы – разработка концептуального подхода к исследованию и оценке экономической безопасности региона на основе системного анализа, позволяющего определить место субъекта в экономическом пространстве – федеральном округе.

Задачи. В качестве задач исследования были определены и сформированы факторные признаки, которые послужили эффективным инструментом выявления (на основе рейтингового и индикативного индекса) экономического состояния регионов.

Методология. Методологической основой научного изыскания послужили методы анализа, синтеза, кластеризации, а также использование статистических методов, определяющих индикаторы и индексы развития территорий с учетом пространственных характеристик. Научная новизна заключается в формировании комплексной системы исследования и оценки мезотерриторий, позволяющей диагностировать устойчивость социально-экономических систем и отличающейся возможностью использования ряда индикаторов для определения рейтинга субъектов с позиции экономической безопасности, которая учитывает ресурсы и потенциал территорий на базе статистической значимости факторов, уровня взаимосвязи между ними, что дает возможность отсеять и не принимать во внимание достаточно большую их совокупность.

Результаты представляют собой эффективный методический инструментарий для мониторинга и диагностики экономической безопасности мезотерриторий, апробированный на примере регионов Центрального федерального округа.

Вывод. Основным выводом исследования является формирование рейтинговой комплексной оценки безопасности региональных систем, позволяющей определить их место в федеральном округе на базе социально-экономических значимых характеристик.

Ключевые слова: экономическая безопасность; регион; исследование; индикатор.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Баринов М. А. Исследование экономической безопасности регионов (на примере субъектов Центрального федерального округа) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 111–122. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-111-122>

Поступила в редакцию 25.12.2025

Принята к публикации 23.01.2026

Опубликована 27.02.2026

© Баринов М. А., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):111–122

A study of regional economic security (using the Central Federal District as an example)

Mikhail A. Barinov¹ ✉

¹ Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov
87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russian Federation

✉ e-mail: 3LF84@mail.ru

Abstract

Relevance. This article provides a comprehensive study of the economic security of mesoterritories, which is considered as the qualitative state of regional socio-economic systems that ensure sustainability, development and the ability to withstand internal and external threats in conditions of global instability. The relevance of the topic is due to the strengthening of regional asymmetry, sanctions pressure and the need to ensure import independence in key sectors of the real sector of the economy.

The purpose of the work is to develop a conceptual approach to the study and assessment of the economic security of the region based on systematic analysis, which makes it possible to determine the place of the subject in the economic space – the federal district.

Objectives. As the objectives of the study, factor signs were identified and formed, which served as an effective tool for identifying (based on the rating and indicative index) the economic state of the regions.

Methodology. The methodological basis of scientific research was the methods of analysis, synthesis, clustering, as well as the use of statistical methods that determine indicators and indices of the development of territories, taking into account spatial characteristics. Scientific novelty lies in the formation of an integrated system for the study and assessment of mesoterritories, which makes it possible to diagnose the stability of socio-economic systems, and is distinguished by the possibility of using a number of indicators to determine the rating of subjects from the point of view of economic security, which takes into account the resources and potential of territories based on the statistical significance of factors, the level of relationship between them, which makes it possible to weed out and not take into account a sufficiently large combination of them.

The results are an effective methodological tool for monitoring and diagnosing the economic security of mesoterritories, tested on the example of the regions of the Central Federal District.

Conclusion. The main conclusions of the study are the formation of a rating comprehensive assessment of the safety of regional systems, which makes it possible to determine their place in the federal district on the basis of socio-economic significant characteristics.

Keywords: economic security; region; research; indicator.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Barinov M.A. A study of regional economic security (using the Central Federal District as an example). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):111–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-111-122>

Received 25.12.2025

Accepted 23.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Исследование экономической безопасности региона в современных условиях глобальной турбулентности приобретает характер не только теоретической, но и практической необходимости, детерминированной важностью сохранения суверенитета и устойчивостью развития территорий в рамках регионального простран-

ства. Экономическая безопасность региона понимается автором как качественное состояние социально-экономической системы, характеризующееся сбалансированностью, устойчивостью к внутренним и внешним угрозам, вызовам, а также способностью к обеспечению достойного уровня жизни населения, и является фун-

даментальным условием для его поступательного стратегического развития.

Цель работы – разработка концептуального подхода и методического инструментария для комплексного мониторинга и оценки экономической безопасности регионов, ориентированных на повышение их устойчивости и способности к адаптивному развитию в условиях нестабильной внешней среды.

Задачи:

1. Уточнить сущность и содержание категории «экономическая безопасность региона» в контексте современных экономических вызовов.

2. Определить ключевые факторы экономической безопасности региона (как эндогенного, так и экзогенного характера).

3. Сформировать комплексную систему факторов для мониторинга экономической безопасности региона с адаптивными рейтинговыми значениями, учитывающую отраслевую специализацию и пространственное положение.

Научная новизна исследования заключается в формировании критериев и индексов оценки социально-экономического развития территорий и синтезе традиционных подходов к экономической безопасности с современными концепциями экономической резильентности. В отличие от существующих методик, предлагаемый подход акцентирует внимание не только на одном интегральном индексе, а учитывает индикативную и рейтинговую характеристику по двум эконометрическим моделям.

В результате проведенного исследования была разработана комплексная система оценки экономической безопасности региона, позволяющая диагностировать экономическое развитие субъектов в пространственном аспекте.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что экономическая безопасность региона в современных условиях не может сводиться к простой

защите от угроз. Она представляет собой сложный, динамичный атрибут социально-экономической системы, напрямую связанный с ее способностью к обновлению и адаптации. Ключевыми факторами безопасности становятся не объем ресурсов, а качество диагностики, мониторинга и гибкость применяемых моделей.

Материалы и методы

В отличие от существующих трактовок, категория «экономическая безопасность» понимается большинством авторов лишь как отсутствие явных угроз с позиции конкурентоспособности [1], экономического роста [2], наличия теневой составляющей [3], а авторский подход определяет ее как динамическую категорию, предполагающую не только пассивное действие, но и активное адаптивное развитие и формирование устойчивости к возможным потрясениям. В этом контексте на первый план выходят такое понятие, как экономическая резильентность – способность системы восстанавливаться после шоков и развиваться в условиях нестабильности и стресса. Данный феномен рассмотрен в работе О. А. Селивановой, Н. В. Быстровой, И. И. Дереча [4], где определены разные подходы к определению данной категории. Ключевыми современными угрозами, формирующими вызовы для региональной безопасности, выступают традиционные макроэкономические риски, такие как инфляция [5], безработица [6], особенно в период динамически развивающихся международных отношений [7], экономический рост [8] и неравенство в отраслях с учетом санкционного давления, описанное в работе О. С. Сухарева [9], приводящее к разрыву устойчивых технологических цепочек [10]; цифровая уязвимость критической инфраструктуры [11]; демографический кризис и утечка человеческого капитала в период санкционного давления [12]; нарастающая межрегиональная и международная асимметрия [13], ведущая к дезинтеграции экономического

пространства; климатические изменения и экологические катастрофы; деградация институтов, проявляющаяся в коррупции [14] и низком качестве государственного управления [15]. Противодействие этому комплексу угроз требует системного подхода, основанного на глубокой и всесторонней диагностике, которая была рассмотрена в работах ряда исследователей. Оценка экономической безопасности региональных систем представляет собой комплексный, многогранный процесс диагностики состояния региональной экономики, направленный на выявление уровня её устойчивости, стабильности и способности к прогрессивному развитию в условиях действия разнонаправленных внешних и внутренних угроз.

Методики оценки мезосистем описываются в работах ряда исследователей, которые рассматривают развитие систем под призмой индикатора безопасности новых российских регионов [16], конкретных рисков безопасности [17] и системной оценки угроз [18]. Данные действия являются неотъемлемым элементом системы обеспечения экономической безопасности, поскольку национальная экономика представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых региональных систем, и дестабилизация даже одной из них может создать негативный кумулятивный эффект для всей страны. Теоретической основой для проведения такой оценки служит синтез положений общей теории экономической безопасности, региональной экономики, макроэкономического анализа и теории устойчивого развития. Ключевой парадигмой является понимание экономической безопасности региона не как статичной системы, а как динамичного процесса, характеризующегося способностью экономики региона эффективно выполнять свои основные функции, противостоять деструктивным воздействиям, поддерживать достаточный уровень социальной стабильности и обеспечивать условия для расширенного воспроизводства и повышения качества жизни насе-

ления. Основопологающим принципом оценки выступает системный подход, требующий рассмотрения региональной экономики как целостной системы, обладающей определённой структурой, внутренними связями и взаимодействующей с внешней средой. В рамках этого подхода выделяются несколько ключевых объектов оценки, формирующих пространство безопасности региона. Существующие методики анализа и оценки экономической безопасности регионов зачастую носят фрагментарный характер, чрезмерно сфокусированы на макроэкономических индикаторах и оперируют усредненными пороговыми значениями, не учитывающими специфику конкретного региона [19]. Преодоление этого методологического недостатка является одной из центральных задач настоящего исследования. Предлагаемый нами подход базируется на формировании комплексной системы индикаторов, учитывающих рейтинговые характеристики на основе индикативной и результативной составляющих.

Результаты и их обсуждение

В рамках проведенного эмпирического исследования, направленного на оценку пространственных аспектов экономической безопасности регионов, был применен комплекс научных методов, включающий анализ, синтез и статистические инструменты. Ключевой задачей стало выявление и последующий отбор системы критериев, оказывающих существенное влияние на результирующий показатель экономической безопасности, характеризующий уровень развития регионов, в качестве которого был избран валовой региональный продукт (ВРП). Потенциальные из них представлены ниже:

X_1 – стоимость основных фондов в области информатизации и связи на конец 2023 г. (по полной учетной стоимости, млн руб.);

X_2 – распределение оборота малых предприятий (млрд руб.);

X_3 – среднегодовая численность населения (оценка; тыс. чел.);

X_4 – число организаций (на конец года);

X_5 – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по ви-

дам экономической деятельности (в фактически действовавших ценах; млн руб.)

X_6 – организации, выполнявшие научные исследования и разработки (единиц).

Рассмотрим исходные данные по выбранным критериям за 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1. Показатели экономического развития субъектов ЦФО¹

Код субъекта	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6
C1	1341408,90	28011,00	631,70	1 507,60	26 351	229 884	29
C2	627017,80	27892,00	296,50	1 147,40	14 724	213	19
C3	893416,30	34952,00	463,60	1 317,70	25 482	11 140	31
C4	1494401,90	55197,00	1206,50	2 279,30	39 240	12 713	63
C5	435227,70	18819,00	430,00	910,3	23 884	1 784	21
C6	792281,50	25119,00	428,80	1 069,60	21 701	5 136	46
C7	316018,20	20572,00	191,30	569,1	12 886	1 040	8
C8	747687,10	24242,00	315,20	1 064,00	16 145	102 395	20
C9	950272,50	29737,00	455,50	1 121,30	17 609	7 500	17
C10	9244579,60	350796,00	4300,30	8 621,50	192 755	23 320	259
C11	398720,40	19876,00	218,70	696,4	11 541	425	18
C12	692685,40	39883,00	394,20	1 085,60	22 503	2 174	22
C13	556552,90	29158,00	495,40	868,5	24 430	2 239	26
C14	522646,80	24693,00	233,10	961,3	13 302	373	28
C15	750838,40	50885,00	433,80	1 205,50	26 799	3 447	29
C16	1149160,20	29746,00	488,30	1 476,30	24 262	15 864	28
C17	849769,90	72711,00	493,40	1 191,10	31 064	2 641	39
C18	32339001,60	3581621,00	12112,50	13 127,00	601 810	271 346	840

Примечание. Субъекты обозначены с учетом их последовательности в Российском статистическом ежегоднике: C1 – Белгородская обл.; C2 – Брянская обл.; C3 – Владимирская обл.; C4 – Воронежская обл.; C5 – Ивановская обл.; C6 – Калужская обл.; C7 – Костромская обл.; C8 – Курская обл.; C9 – Липецкая обл.; C10 – Московская обл.; C11 – Орловская обл.; C12 – Рязанская обл.; C13 – Смоленская обл.; C14 – Тамбовская обл.; C15 – Тверская обл.; C16 – Тульская обл.; C17 – Ярославская обл.; C18 – г. Москва.

С целью определения параметров эконометрической модели был использован программный комплекс *Statistica 10.0*. В качестве объектов исследования были выбраны регионы Центрального феде-

рального округа. Выполнен пространственный мониторинг – 18 субъектов ЦФО. Дополнительными условиями использования показателей для исследования является уровень статистической значимости, который должен находиться в границах 5% ($p \leq 0,05$), и значение ко-

¹ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 18.11.2025).

эфицнента корреляцнн r от 0,5 до 1 нлн от –0,5 до –1.

Для обеспечения сопоставнмостн разнородных показателн н прнведенн нх к едннй, безразмерной велнчнне была прнведена процедура нормалнзацнн каж- дого критернн по формуле, согласно ко- торой текущее значение показателя для региона делнлось на его максимальное значение по всему федеральному округу:

$$N_x = \frac{X_i}{X_{\max}}, \quad (1)$$

где N_x – нормнрованное значение факто- ра X_n ; X_i – расчетное значение показателя по анализуемому региону; $X_{\max}$ – мак- симальное расчетное значение по ФО.

В результате такой трансформации все значения оказались в диапазоне от 0 до 1, где прнблнжение к едннце интер- претуруется как более высокий уровень развития региональной системы.

На основе представленных показате- лн по средством пространственного ана- лнза был разработан интегральный ин- декс I_{EB} , характеризующнй уровень ре- гиональных систем с познцнн экономи- ческой безопасности в пространственном аспекте. Расчет данного нндекса прнзводнлся по формуле средней геометриче- ской, что позволяет ннвелнровать влияние возможных резких отклонений отдель- ных показателн н получить более сбалансн- рованную агрегнрованную оценку. Автор- ская методологн также включала разра- ботку строгой системы отбора нндикато- ров, которая базнруется не только на нх статнстнческой значнмостн (p -value), но н на силе корреляцнонной связн (r) с ре- зультатнвным показателем. Расчет был осуществлен по формуле средней гео- метрнческой:

$$I_{EB} = \sqrt[n]{X_1 \cdot X_2 \cdot X_n}, \quad (2)$$

где I_{EB} – нндкатнвный нндекс оценкн ЭБ в пространственном аспекте; X_n –

значение экономических факторов, вли- яющих на региональное развитие с уче- том пространственной составляющей.

Автором была разработана система отбора нндкаторов, которая отвечала ряду критерннв, – это уровень стати- стнческой значнмостн p н значение ко- эффнцнента корреляцнн r ; предложена система распределения субъектов; с целью проверки достоверности н ре- альности градации мезотеррнторнн в рейтинге ЦФО по уровню социально- экономического развития был разработан рейтинговый нндекс экономической без- опасности R_{Ij} . Если результаты рассмот- ренных нндексов не сильно варнруются друг относительно друга, то, следова- тельно, рейтинги регионов определены достоверно н на нх базе можно сформи- ровать дендрограмму кластернзации, позволяющую отнести тот нлн иной субъект к определенной группе, характе- рнзующей уровень экономического раз- внтя террнторнн.

Нами предложен рейтинговый ин- декс оценкн регионов по состоянию эконо- мнческой безопасности, который осно- ван на расчете интегрального показателя R_{Ij} , определяемого по формуле

$$R_{Ij} = ((1 - X_{1j})^2 + (1 - X_{2j})^2 + (1 - X_{nj})^2)^{\frac{1}{2}}, \quad (3)$$

где X_{1j} – отклонение стандартизованных (нормнрованных) значений показате- лн от эталона (нормнрованное среднее значение по ЦФО).

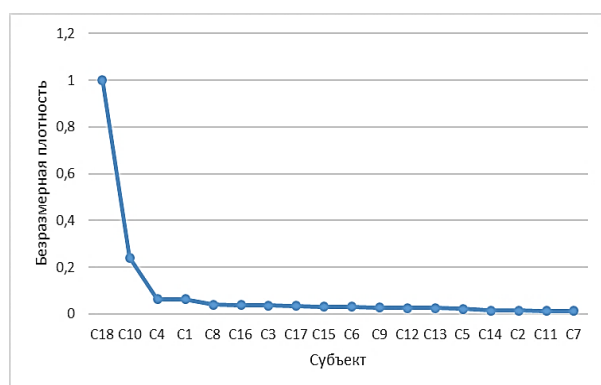
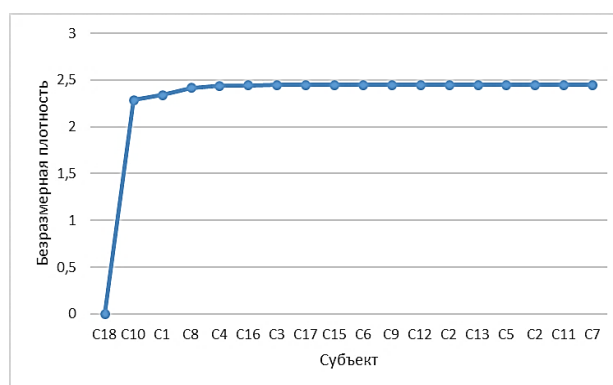
Мннимальное значение R_{Ij} по регио- ну свидетельствует о наилучшем состоя- ннн его экономической безопасности по отношению к другому. Результатом вы- числений послужило распределение субъектов ЦФО с учетом нндкатнвного нндекса оценкн ЭБ I_{EB} н рейтингового нндекса оценкн регионов R_{Ij} , результаты которого представлены ннже (табл. 2).

Таблица 2. Значение I_{EB} и R_{Ij} для субъектов ЦФО и распределение их с учетом занимаемого места в федеральном округе

Место в группе	Код субъекта	Значение интегрального индекса I_{EB}	Место в группе	Код субъекта	Значение рейтингового индекса R_{Ij}
1	C18	1	1	C18	0
2	C10	0,240568187	2	C10	2,286474
3	C4	0,062753335	3	C1	2,341864
4	C1	0,062567395	4	C8	2,418475
5	C8	0,038855307	5	C4	2,438774
6	C16	0,037888526	6	C16	2,445302
7	C3	0,036604002	7	C3	2,446124
8	C17	0,034714918	8	C17	2,446381
9	C15	0,031144204	9	C15	2,446783
10	C6	0,030183297	10	C6	2,446917
11	C9	0,027542406	11	C9	2,447282
12	C12	0,024844255	12	C12	2,447413
13	C13	0,02472382	13	C2	2,447568
14	C5	0,020942971	14	C13	2,447695
15	C14	0,014638716	15	C5	2,447787
16	C2	0,013908262	16	C2	2,447982
17	C11	0,012275336	17	C11	2,448673
18	C7	0,012058133	18	C7	2,448933

Рассмотрим графическую интерпретацию распределения субъектов Цен-

трального федерального округа в зависимости от значений I_{EB} и R_{Ij} (рис. 1–2).

а**б****Рис. 1.** Распределение регионов по I_{EB} (а) и по R_{Ij} (б) за 2023 г.

Для наглядного представления выявленных закономерностей и группировки регионов по степени однородности был применен метод кластерного анализа, результатом которого стала дендрограмма. На этом графике процесс объединения ре-

гионов в кластеры представлен с помощью прямоугольников, причем степень схожести между субъектами обратно пропорциональна периметру этих фигур. Анализ дендрограммы позволило четко идентифицировать три статистически зна-

чимых кластера, которые были интерпретированы как группы «лидеры», «стабильные» и «отстающие» с точки зрения экономической безопасности. Использование кластерного подхода при оценке региональных социально-экономических систем достаточно широко применяется авторами, рассматривающими аспекты на базе корреляции [20] и формирующими рейтинг регионов по достижению национальных стратегических целей [21], однако в настоящее время остаются менее освещенными аспекты, касающиеся безопасности мезосистем.

Автором предложен подход к обработке и группировке субъектов ЦФО с учетом экономических составляющих, который позволяет выявить близость факторов и осуществить распределение по группам «лидеры», «стабильные» и «отстающие» (рис. 2). Обозначение социально-экономических систем на дендрограмме кодируется по принципу: Белгородская область – «С1», Брянская – «С2», Владимирская – «С3» и т. д., согласно расположению регионов (сборник Росстата по ЦФО: С1-С18). В виде прямоугольников на рисунке 2 выражается

объединение рассматриваемых регионов и идентичность между ними будет тем сильнее, чем более схожи (меньше) их показатели. Регионы, входящие в кластер «лидеры», выделяются овалом. Следовательно, при работе с данной многомерной совокупностью, все множество рассматриваемых объектов разобьем на однородные группы:

- 1 группа – регионы – «лидеры» по факторам экономической безопасности;
- 2 группа – «стабильные» регионы по факторам экономической безопасности;
- 3 группа – группа «отстающие» регионы по факторам экономической безопасности.

Согласно данным (рис. 2), делаем вывод о формировании трех статистических кластеров и о безоговорочном лидерстве г. Москвы (С18) в группе «лидеры» и Московской области (С10), отмеченных овалом. К стабильным регионам в плане безопасной среды относятся Курская (С8) и Воронежская (С4), Калужская (С6), Владимирская (С3), Тульская (С16) области по выбранным критериям.

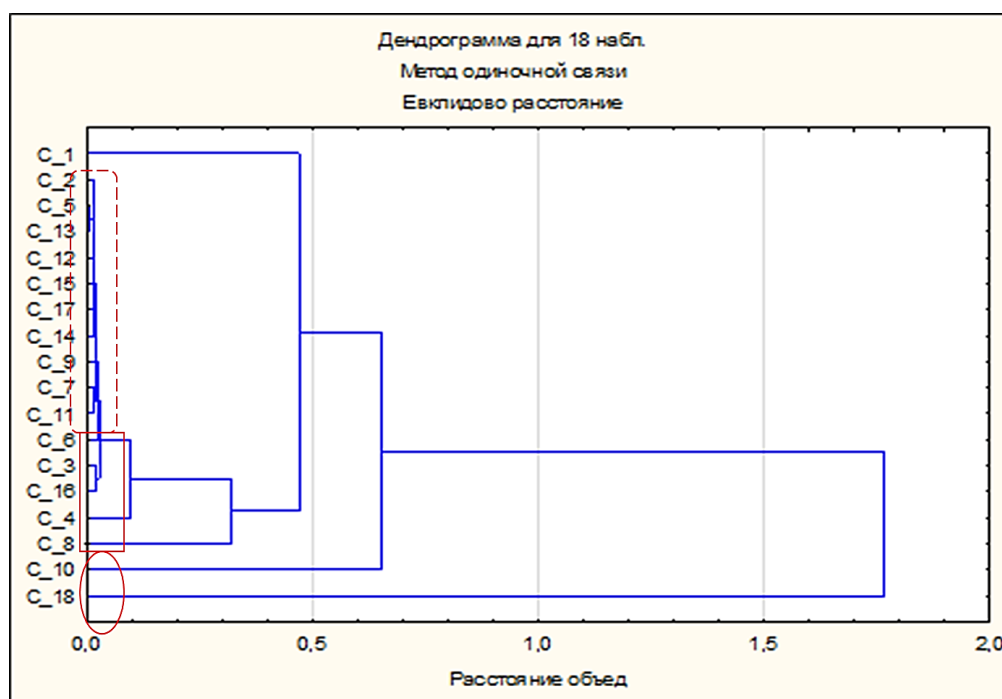

Рис. 2. Кластерный анализ экономической безопасности регионов ЦФО

Все остальные субъекты ЦФО были отнесены к группе «догоняющих» (или «отстающих»), что визуально выделено на дендрограмме длинным овалом. Эта группа характеризуется значительной внутренней однородностью с точки зрения низких значений индексов, что свидетельствует о системной слабости и недостаточной устойчивости региональных экономических систем данных территорий к воздействию как внешних (экзогенных), так и внутренних (эндогенных) негативных факторов и вызовов. К данной группе еще относится Белгородская область (С1), так как она выбивается из типичных представителей третьей группы регионов и является статистическим выбросом, имея достаточно высокие показатели социально-экономического генезиса и соответственно безопасности.

Выводы

Проведенное исследование не только позволило разработать и апробировать авторскую методику оценки экономической безопасности регионов в пространственном аспекте на примере субъектов Центрального федерального округа, но и дало возможность провести четкую дифференциацию территорий по уровню их экономического развития, выявив ярко выраженную поляризацию между столичным регионом и остальными территориями. Полученные результаты имеют важное прикладное значение для органов государственной и региональной власти, поскольку указывают на необходимость разработки и реализации дифференцирован-

ной политики, направленной на поддержку и ускоренное развитие «догоняющих» регионов, стимулирование «стабильных» и сохранение лидирующих позиций ключевых драйверов экономики округа. Выявленная кластерная структура подтверждает гипотезу о неравномерности пространственного развития и подчеркивает критическую важность факторов, связанных с информатизацией, развитием малого бизнеса и научным потенциалом как ключевых детерминант экономической безопасности на мезоуровне. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть сосредоточены на динамическом мониторинге для выявления тенденций и на углубленном изучении факторов, обуславливающих попадание региона в ту или иную группу, с целью разработки более грамотных управленческих решений.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности региона в настоящее время – это сложный, многогранный процесс стратегического планирования, нацеленный на построение гибкой, адаптивной и способной к постоянному обучению социально-экономической системы, с использованием грамотного эконометрического инструментария, которая не боится неопределенности, а использует ее как ресурс для собственного развития и укрепления. Разработанная автором система критериев позволяет осуществить грамотный мониторинг безопасности региональных систем, что является эффективным и превентивным инструментом, позволяющим идентифицировать развитие территорий.

Список литературы

1. Блинова С. В. Экономическая безопасность с позиции экономической конкурентоспособности и экономического интеллекта // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2022. № 16. С. 372–379. EDN XSLIOI
2. Модебадзе Н. П., Дышекowa М. Л. Экономический рост и экономическое развитие в системе обеспечения экономической безопасности страны // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. 2021. № 3 (33). С. 148–153. EDN PJUXAE

3. Меркер П. А., Ильина О. Б. Теневизация экономической деятельности и ее влияние на экономическую безопасность региона // Вестник молодежной науки. 2021. № 3 (30). [https://doi.org/10.46845/2541-8254-2021-3\(30\)-4-4](https://doi.org/10.46845/2541-8254-2021-3(30)-4-4). EDN YJCSTW
4. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы / О. А. Селиванова, Н. В. Быстрова, И. И. Дереча, Т. С. Мамонтова, О. В. Панфилова // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3. С. 1–10.
5. Виноградова А. В., Полушкина И. Н. Инфляция как угроза экономической безопасности России в новых реалиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 2-1. С. 35–40. <https://doi.org/10.17513/vaael.3978>
6. Мельков В. К., Копеин В. В. Оценка влияния безработицы на динамику цен: региональные аспекты // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 1. С. 58–65. <https://doi.org/10.17513/vaael.2039>
7. Орфонидий А. В. Влияние безработицы на социально-экономическое развитие региона // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. Ч. 2. С. 78–81. EDN LGGAXB
8. Слепнева Л. Р., Шаралдаев Б. Б., Найданова Э. Б. Занятость и безработица населения как факторы экономического роста в дальневосточных регионах // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 6. С. 913–924. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121147>
9. Сухарев О. С. Экономический рост и неравенство: пересмотр экономической политики // Экономические стратегии. 2021. Т. 23, № 2 (176). С. 76–87. <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.76-87>. EDN HWZGSJ
10. Казаринова Е. Б. К вопросу об угрозах экономической безопасности России в условиях санкционного давления и внешних ограничений // Экономика и управление инновациями. 2023. № 4 (27). С. 86–93. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-4-86-93>. EDN RLRWKL
11. Аничкина О. А. Экономические санкции и их влияние на экономическую безопасность Российской Федерации // Отходы и ресурсы. 2025. Т. 12, № S1. <https://doi.org/10.15862/10FAOR125>. EDN UWFRDV
12. Коломыцева О. Ю. Экономические санкции как вызов экономической безопасности российской промышленности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 92–97. EDN MOADNR
13. Войтко И. А. Тенденции развития государств – членов Евразийского экономического Союза в условиях международных экономических санкций и ограничений // Агропанорама. 2025. № 1 (167). С. 42–48. EDN RIWUKN
14. Гагарина М. В. Влияние коррупции на экономическую безопасность страны // Lex criminalis scientiarum. 2024. Т. 1, № 1 (1). С. 97–103.
15. Хлыстунов С. Ю., Игнатенко М. С. Экономическая преступность в системе государственного управления: специфика и влияние на государственную безопасность // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 4. С. 31–47.
16. Кислая Т. Н. Оценка экономических условий интеграции Луганской Народной Республики в экономическое пространство России в системе экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 7. С. 1831–1860. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.7.121423>. EDN VVOUVY
17. Логинов Д. А., Наговицына В. П., Лузянина Е. Ю. Оценка системы экономической безопасности Кировской области, анализ и динамика развития основных рисков и угроз экономической безопасности // Вектор экономики. 2023. № 12 (90). С. 74. https://doi.org/10.51691/2500-3666_2023_12_2. EDN AAQACG
18. Синявский Н. Г. Оценка системного риска экономической безопасности мезоуровня на основе анализа стратегий региональных социально-экономических систем // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 4. С. 1469–1492. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.4.118850>. EDN EFCSEJ

19. Лобкова Е. В. Диагностика уровня экономической безопасности регионов Енисейской Сибири с учетом процессов цифровизации социально-экономической сферы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, № 7 (412). С. 1305–1337. <https://doi.org/10.24891/ni.18.7.1305>. EDN ZHHNNI
20. Киселева И. А., Трамова А. М., Николаенко Р. Р. Моделирование экономической безопасности регионов России с использованием методов корреляции, РСА и кластеризации // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 4. С. 124–135. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-4-124-135>. EDN LNNBMM
21. Блануца В. И. Кластеризация регионов Сибири и Дальнего Востока по достижению национальных целей развития // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 63–83. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-63-83>. EDN NQNZAU

References

1. Blinova S.V. Economic security from the standpoint of economic competitiveness and economic intelligence. *Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(16):372–379. (In Russ.) EDN XSLIOI
2. Modebadze N.P., Dyshekova M.L. Economic growth and economic development in the system of ensuring the country's economic security. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. V.M. Kokova = Proceedings of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov*. 2021;(3):148–153. (In Russ.) EDN PJUXAE
3. Merker P.A., Ilina O.B. Shadowization of economic activity and its impact on the economic security of the region. *Vestnik molodezhnoi nauki = Bulletin of Youth Science*. 2021;(3). (In Russ.) [https://doi.org/10.46845/2541-8254-2021-3\(30\)-4-4](https://doi.org/10.46845/2541-8254-2021-3(30)-4-4). EDN YJCSTW
4. Selivanova O.A., Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Studying the phenomenon of resilience: problems and prospects. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2020;8(3):1–10. (In Russ.)
5. Vinogradova A.V., Polushkina I.N. Inflation as a threat to Russia's economic security in the new realities. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2025;(2-1):35–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.3978>
6. Melkov V.K., Kopein V.V. Assessment of the impact of unemployment on price dynamics: regional aspects. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(1):58–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2039>
7. Orfonidii A.V. The impact of unemployment on the socio-economic development of the region. In: *Nauka, obrazovanie, innovatsii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statei XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Science, Education, and Innovation: Current Issues and Modern Aspects: Collection of Articles from the XV International Scientific and Practical Conference*. Pt. 2. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.); 2022. P. 78–81. (In Russ.) EDN LGGAXB
8. Slepneva L.R., Sharaldaev B.B., Naidanova E.B. Employment and unemployment as factors of economic growth in the Far Eastern regions. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2024;11(6):913–924. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121147>
9. Sukharev O.S. Economic growth and inequality: revision of economic policy. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2021;23(2):76–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.76-87>. EDN HWZGSJ.
10. Kazarinova E.B. On the threats to Russia's economic security in the context of sanctions pressure and external restrictions. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami = Economics and Innovation Management*. 2023;(4):86–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-4-86-93>. EDN RLRWKL

11. Anichkina O.A. Economic sanctions and their impact on the economic security of the Russian Federation. *Othody i resursy = Waste and Resources*. 2025;12(S1). (In Russ.) <https://doi.org/10.15862/10FAOR125>. EDN UWFRDV
12. Kolomytseva O.Yu. Economic sanctions as a challenge to the economic security of Russian industry. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saint Petersburg State University of Economics*. 2024;(1):92–97. (In Russ.) EDN MOADNR
13. Voitko I.A. Development trends of the member states of the Eurasian Economic Union in the context of international economic sanctions and restrictions. *Agropanorama = Agro-Panorama*. 2025;(1):42–48. (In Russ.) EDN RIWUKN
14. Gagarina M.V. The impact of corruption on the economic security of the country. *Lex Criminalis Scientiarum*. 2024;1(1):97–103. (In Russ.)
15. Khlystunov S.Yu., Ignatenko, M.S. Economic crime in the public administration system: specifics and impact on national security. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2023;18(4):31–47. (In Russ.)
16. Kislaya T.N. Assessment of the economic conditions for the integration of the Luhansk People's Republic into the economic space of Russia in the system of economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2024;7(7):1831–1860. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.7.121423>. EDN VVOUVY
17. Loginov D.A., Nagovitsyna V.P., Luzyanina E.Yu. Assessment of the economic security system of the Kirov region, analysis and dynamics of the development of the main risks and threats to economic security. *Vektor ekonomiki = Vector of Economy*. 2023;12(90). (In Russ.) https://doi.org/10.51691/2500-3666_2023_12_2. EDN AAQACG
18. Sinyavsky N.G. Assessment of the systemic risk of economic security at the meso-level based on the analysis of strategies of regional socio-economic systems. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2023;6(4):1469–1492. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.4.118850>. EDN EFCSEJ
19. Lobkova E.V. Diagnostics of the level of economic security of the regions of the Yenisei Siberia, taking into account the processes of digitalization of the socio-economic sphere. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2022;18(7):1305–1337. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ni.18.7.1305>. EDN ZHHNNI
20. Kiseleva I.A., Tramova A.M., Nikolaenko R.R. Modeling the economic security of Russian regions using correlation, PCA and clustering methods. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2025;27(4):124–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-4-124-135>. EDN LNNBMM
21. Blanutsa V.I. Clustering of the regions of Siberia and the Far East by the achievement of national development goals. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022;(3):63–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-63-83>. EDN NQNZAU

Информация об авторе / Information about the Author

Баринов Михаил Александрович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент
кафедры экономики инноваций и финансов,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: 3LF84@mail.ru

Mikhail A. Barinov, Candidate of Sciences
(Economics), Associate Professor, Associate
Professor at the Department of Economics
of Innovation and Finance, Vladimir State
University named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov,
Vladimir, Russian Federation,
e-mail: 3LF84@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-123-137>

Оценка причинности в социально-экономическом и научно-инновационном развитии территорий с помощью теста казуальности Грейнджера

С. А. Грачев¹✉, М. Л. Быкова¹

¹ Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: grachev-sa@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В современных условиях обостряется проблема обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Одним из инструментов ее решения является динамизация научно-инновационного роста, однако следует учитывать различные возможности регионов в рассматриваемой области. С одной стороны, активное развитие науки и инноваций должно способствовать ускорению темпов социально-экономического роста, с другой – в регионах с недостаточно высоким уровнем экономического развития разработка и запуск инновационных проектов не представляются возможными ввиду отсутствия нужного объема инвестиций. Таким образом, возникает проблема анализа взаимообусловленности социально-экономического и научно-инновационного развития.

Цель исследования – оценить причинность между инновационным и социально-экономическим ростом с использованием теста казуальности Грейнджера, который позволяет оценивать процессы с учетом временных лагов.

Задачи: выявление причинных связей между текущими и капитальными инвестициями в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и величиной валового регионального продукта; классификация регионов по типам причинности; определение оптимальных временных лагов между изменениями переменных.

Методология. Применяется тест Грейнджера для анализа причинно-следственных связей между валовым региональным продуктом и инвестициями в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с определением оптимальных временных лагов при условии стационарности временных рядов исследуемых показателей.

Результаты. Исследование позволило определить, что для большинства субъектов округа именно текущие инвестиции в исследования и разработки выступают в качестве причины изменения валового регионального продукта, в некоторых регионах наблюдается зависимость от капитальных затрат в научно-исследовательскую деятельность.

Выводы. По результатам расчетов можно сделать вывод о невозможности выделения в некоторых регионах среди рассматриваемых факторов причиннообуславливающих, поскольку имеет место взаимная автокорреляция, что свидетельствует о наличии иных параметров, оказывающих влияние на изменение рассматриваемых переменных.

Предложенный подход универсальный характер и может быть использован региональными властями при построении стратегий управления социально-экономическим ростом территорий с учетом лагов, обеспечивающих максимальную отдачу от инноваций в научно-инновационную сферу.

Ключевые слова: научно-инновационное развитие; социально-экономический рост; причинность; тест Грейнджера.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Грачев С. А., Быкова М. Л. Оценка причинности в социально-экономическом и научно-инновационном развитии территорий с помощью теста казуальности Грейнджера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 123–137. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-123-137>

Поступила в редакцию 16.12.2025

Принята к публикации 14.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Assessment of causality in socio-economic, scientific and innovative development of territories using the Granger causality test

Sergey A. Grachev¹✉, Margarita L. Bykova¹

¹ Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov
87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russian Federation

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Abstract

Relevance. In modern conditions, the problem of ensuring sustainable socio-economic development of the regions of the Russian Federation is aggravated. One of the tools for its solution is the dynamization of scientific and innovative growth, but various possibilities of the regions in the field under consideration should be taken into account. On the one hand, the active development of science and innovation should contribute to accelerating the pace of socio-economic growth, on the other hand – in regions with an insufficiently high level of economic development, the development and launch of innovative projects is not possible due to the lack of the required amount of investment. Thus, the problem arises of analyzing the interdependence of socio-economic and scientific-innovative development.

The purpose of the study – to assess causality between innovative and socioeconomic growth using the Granger Casualty Test, which allows processes to be assessed with time lags in mind.

Objectives: identification of causal relationships between current and capital investments in research and development and the value of the gross regional product; classification of regions by types of causality; determining optimal time lags between variable changes.

Methodology. The Grainger test is applied to analyze the causal relationships between the gross regional product and investments in research and development with the determination of optimal time lags, provided that the time series of the studied indicators are stationary.

Results. The study made it possible to determine that for most subjects of the district, it is the current investments in research and development that act as the reason for the change in the gross regional product, in some regions there is a dependence on capital expenditures in research and development activities.

Conclusions. Based on the calculation results, it can be concluded that it is impossible to identify the causes among the factors under consideration, since there is mutual autocorrelation, which indicates the presence of other parameters that affect the change in the variables under consideration.

The proposed approach is universal and can be used by regional authorities in building strategies for managing the socio-economic growth of territories, taking into account the lags that ensure the maximum return on innovation in the scientific and innovation sphere.

Keywords: scientific and innovative development; socio-economic growth; causality; Granger test.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Grachev S.A., Bykova M.L. Assessment of causality in socio-economic, scientific and innovative development of territories using the Granger causality test. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):123–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-123-137>

Received 16.12.2025

Accepted 14.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В условиях глобальной трансформации экономических систем, вызванной цифровой революцией, научно-инновационное развитие регионов становится ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивого роста, а также обеспечения высокого уровня и качества жизни [1]. Научно-инновационное развитие и цифровизация тесно взаимосвязаны, образуя основу современной экономики. Цифровизация, включая внедрение искусственного интеллекта, больших данных и интернета вещей, создает технологическую базу для инноваций, ускоряя исследования и разработки. В свою очередь, научно-инновационная деятельность обеспечивает прорывные технологии, которые становятся драйверами цифровой трансформации. Цифровизация, проникая во все сферы общественной жизни, формирует новую парадигму регионального развития, где высокотехнологические сектора выступают драйверами создания добавленной стоимости, оптимизации ресурсов и генерации прорывных идей. Интеграция цифровых технологий (от искусственного интеллекта и больших данных до интернета вещей (IoT) и блокчейна) переопределяет традиционные модели экономики, смещая фокус на знания, сетевые взаимодействия и скорость адаптации [2]. В этом контексте регион как пространственно-экономическая единица превращается в «цифровую экосистему», где инновации возникают на стыке технологий, институтов и человеческого капитала, а их распространение зависит от способности инфраструктуры и управления поддерживать непрерывный цикл обновлений [3].

Основой регионального роста в научно-инновационной сфере является цифровая инфраструктура, обеспечивающая техническую возможность внедрения инноваций. Широкополосный интернет, облачные вычисления, дата-центры и

умные сети формируют «цифровой скелет» территории, без которого невозможны ни автоматизация производств, ни развитие цифровых сервисов. Например, внедрение IoT в агропромышленном комплексе позволяет регионам с сельскохозяйственной специализацией перейти к точному земледелию, минимизируя потери и повышая урожайность. Однако инфраструктура – лишь базис; критическую роль играет ее интеграция с инновационными процессами. Так, технопарки и кластеры, объединяющие стартапы, научные организации и корпорации, становятся точками роста, где тестируются решения в области цифрового здравоохранения, умного транспорта или энергоэффективности [4]. При этом успех таких инициатив зависит от синхронизации усилий государства, бизнеса и академической среды – принцип «тройной спирали», актуализированный в эпоху цифровой экономики [5].

Человеческий капитал выступает центральным элементом инновационной экосистемы региона [6]. Для обеспечения инновационного развития территорий требуются не только ученые и технические специалисты (программисты, инженеры данных), но и компетенции в области управления цифровыми проектами, кибербезопасности, анализа цифровых рынков. Формирование такой кадровой базы невозможно без перестройки образовательных систем [7]. Университеты и колледжи внедряют программы по машинному обучению, цифровому маркетингу, робототехнике, часто в партнерстве с IT-компаниями, что обеспечивает практико-ориентированную подготовку. Параллельно возникает спрос на непрерывное обучение [8], поскольку скорость устаревания цифровых навыков опережает традиционные образовательные циклы. Регионы, инвестирующие в цифровую грамотность населения и программы переквалификации, получают преимущество: например, города Северной Европы,

где более 90% взрослого населения владеют базовыми цифровыми навыками, демонстрируют высокие темпы внедрения GovTech-решений (электронное правительство, цифровые платформы госуслуг)¹.

Институциональная среда и государственная политика определяют траекторию инновационного развития. Цифровая экономика, будучи глобальной по природе, требует от регионов гибкости в регулировании. С одной стороны, необходимо создавать стимулы для инвестиций в НИОКР: налоговые льготы для IT-компаний, гранты на разработку цифровых продуктов, с другой – устранять нормативные барьеры: устаревшие стандарты, запреты на использование дронов или блокчейна в госдокументообороте. Особое значение приобретают региональные цифровые стратегии, которые координируют развитие инфраструктуры, образования и законодательства. Например, программа «Умный город» в Сингапуре объединила усилия по внедрению датчиков контроля трафика, систем анализа энергопотребления и цифровых платформ для граждан, сделав город эталоном инновационного управления [9]. Важно, однако, избегать унификации: стратегии должны учитывать специфику региона – наличие сырьевых ресурсов, промышленный профиль, демографические тренды.

Одним из ключевых вызовов инновационного развития остается цифровое неравенство – как между регионами, так и внутри них [10]. Мегаполисы, аккумулирующие финансовые и интеллектуальные ресурсы, быстрее внедряют инновации, тогда как периферийные территории отстают из-за недостатка инфраструктуры или кадров. Это создает риски фрагментации экономического пространства.

Для решения проблемы необходимы механизмы перераспределения: например, создание региональных IT-хабов в малых городах, стимулирование удаленной занятости, программы цифровизации МСП. Параллельно возникает этическая дилемма: автоматизация и роботизация сокращают рабочие места в традиционных секторах, что требует пересмотра социальных политик – введения безусловного базового дохода, поддержки социальных предпринимателей [11].

Таким образом, инновационное развитие региона в контексте цифровой экономики – это многомерный процесс, движимый синтезом технологий, человеческого капитала и институтов. Его успех определяется способностью превратить цифровизацию из инструмента в стратегический ресурс, генерирующий цепные реакции роста. Регионы, которые смогут балансировать между технологическими прорывами, социальной инклюзией и экологической ответственностью, сформируют эталонные модели экономики будущего.

В условиях цифровизации научно-инновационное и социально-экономическое развитие регионов взаимно усиливают друг друга [12]. Цифровые технологии, такие как искусственный интеллект и большие данные, ускоряют научные исследования и внедрение инноваций, что способствует росту производительности и созданию высокотехнологичных отраслей [13]. Это, в свою очередь, стимулирует социально-экономическое развитие: повышается уровень доходов, создаются новые рабочие места, улучшается качество жизни.

Одновременно экономический рост обеспечивает дополнительные ресурсы для инвестиций в НИОКР и цифровую инфраструктуру, замыкая цикл развития [14]. Например, внедрение цифровых решений в здравоохранении или образовании напрямую влияет на социальные показатели [15]. Таким образом, цифровизация выступает катализатором, связывая

¹ Country reports – Digital Decade report 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/country-reports-digital-decade-report-2023> (дата обращения: 13.11.2025).

инновации и социально-экономический прогресс в единую систему устойчивого развития регионов.

Исследование причинности между инновационным и социально-экономическим развитием субъектов необходимо для формирования эффективной стратегии управления территориальным ростом. Анализ причинных связей в этой сфере позволяет выявить ключевые драйверы развития, оптимизировать распределение бюджетных средств между НИОКР и программами социально-экономического роста, разработать адресные меры для регионов с доминированием различной причинности, а также оценить временные лаги между инвестициями в науку и их социально-экономической отдачей для различных субъектов.

Актуальность исследования причинных связей между инновационным и социально-экономическим развитием обосновывается тем, что в условиях новых вызовов и угроз инновации становятся ключевым фактором устойчивого развития регионов. Понимание причинных связей позволяет прогнозировать последствия внедрения инноваций и минимизировать риски. Актуальность исследования обусловлена не только практической значимостью анализа причинных связей между инновационным и социально-экономическим развитием регионов, но и наличием существенных методологических пробелов в существующих подходах к такой оценке. Большинство исследований ограничиваются анализом агрегированных показателей, не учитывая при этом дифференциацию между текущими и капитальными вложениями, а также оптимальные временные лаги для их воздействия. Это приводит к упрощенным выводам, не учитывающим региональную специфику [16].

Цель исследования – оценить причинность между инновационным и социально-экономическим ростом с использованием теста казуальности Грейнджера.

Задачами исследования, в соответствии с заявленной целью, стали:

- выявление причинных связей между текущими и капитальными инвестициями в НИОКР и величиной ВРП;
- классификация регионов по типам причинности: односторонняя, двусторонняя, отсутствие связи;
- определение оптимальных временных лагов между изменениями переменных;
- разработка рекомендаций по дифференцированному подходу к региональной инновационной политике с учетом выявленных типов причинности и временных лагов.

Научная новизна исследования заключается в применении теста казуальности Грейнджера для оценки причинных связей между социально-экономическим и научно-инновационным развитием регионов с учетом временных лагов. В работе на примере субъектов Центрального федерального округа (ЦФО) проведена дифференциация влияния текущих и капитальных инвестиций в НИОКР на валовой региональный продукт, выявлены различия в динамике их воздействия и типах причинности. Полученные результаты позволяют уточнить подходы к региональной инновационной политике, обеспечивая более точное определение ключевых драйверов роста и сроков ожидания отдачи от инвестиций.

Материалы и методы

В современных условиях глобализации и усиления конкуренции между регионами ключевой задачей экономической политики становится выявление факторов, определяющих динамику социально-экономического и инновационного развития территорий. Установление причинно-следственных связей между инновациями, инвестициями в научные исследования, человеческим капиталом и экономическим ростом позволяет формировать обоснованные стратегии регио-

нального развития [17]. Однако сложность таких взаимосвязей, их нелинейность и временные лаги требуют применения продвинутых эконометрических методов, среди которых особое место занимает тест каузальности Грейнджера [18]. Этот подход, основанный на анализе предсказательной способности временных рядов, предоставляет инструментарий для проверки гипотез о направленности влияния между экономическими переменными [19], что особенно актуально в контексте управления инновационными процессами на уровне регионов.

Для оценки причинности в настоящее время используются различные методы и приемы: в частности, метод инструментальных переменных, который позволяет устранить эндогенность за счет применения внешних переменных, коинтеграционный анализ, направленный на исследование долгосрочных связей между нестационарными переменными, оценка векторной авторегрессии VAR, которая позволяет проанализировать динамическое взаимодействие множества временных рядов, методы машинного обучения и др.

Применение теста Грейнджера обусловлено его гибкостью, т. е. применимостью к любым стационарным рядам, простотой интерпретации, а также учетом временных лагов, что позволяет выявлять эффекты, имеющие место в экономике по истечении определенного промежутка времени.

Тест каузальности Грейнджера, разработанный в 1969 г. К. Грейнджером, формализует идею причинности через призму прогнозируемости: если включение прошлых значений переменной X улучшает прогноз будущих значений переменной Y по сравнению с использованием только прошлых значений Y , то X считается причиной Y в смысле Грейнджера [20]. Математически это проверя-

ется с помощью регрессионных моделей, где оценивается уравнение вида

$$Y_t = \alpha_0 + \sum_{j=1}^p \alpha_j Y_{t-j} + \sum_{j=1}^p \beta_j x_{t-j} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где p – лаг переменных, а гипотеза о причинности отвергается, если коэффициенты β_j статистически незначимы.

Расчет числа лагов p осуществлялся исходя из соотношения

$$L \leq 3 \cdot p + 3, \quad (2)$$

где L – число уровней в исследуемом ряде.

Критическим условием применения теста является стационарность рядов, что достигается методами дифференцирования или декомпозиции, а также корректный выбор длины лагов, для которого используются информационные критерии [21].

Одним из ключевых методологических вызовов остается проблема ложной причинности, возникающая при наличии неучтенных общих факторов. Например, корреляция между инновациями и экономическим ростом может объясняться влиянием человеческого капитала, который одновременно усиливает и научный потенциал, и производительность труда. Для минимизации таких рисков исследователи дополняют тест Грейнджера методами векторной авторегрессии (VAR) и коинтеграционного анализа, особенно в случае нестационарных рядов. Кроме того, применение моделей коррекции ошибок (ECM) позволяет разделить краткосрочные и долгосрочные эффекты, что критически важно для планирования региональных программ с горизонтом в 5–10 лет.

Однако применение теста Грейнджера имеет ограничения. Во-первых, он выявляет лишь предсказательную причин-

ность, но не устанавливает структурные механизмы влияния. Во-вторых, результаты чувствительны к выбору лагов и частоты данных: использование годовых показателей может нивелировать краткосрочные эффекты, характерные для инноваций. В-третьих, тест не учитывает пространственную автокорреляцию, хотя соседние регионы часто заимствуют технологии и кадры, что искажает выводы. Для решения этих проблем исследователи комбинируют тест Грейнджера с методами пространственной эконометрики и машинного обучения, позволяющими выявлять нелинейные и сетевые зависимости.

Несмотря на определенные методологические ограничения, применение теста Грейнджера в данном исследовании было полностью оправдано его способностью верифицировать ключевую гипотезу о причинной связи между исследуемыми процессами, определять направленность влияния факторов, а также обеспечивать эмпирическую базу для разработки научно обоснованных рекомендаций по региональному росту. Также следует отметить преимущество теста перед методом корреляционного анализа: в отличие от него тест Грейнджера позволяет определить направленность влияния факторов. Учитывая чувствительность результатов к выбору лагов и частоты данных, в рамках исследования использовался широкий временной интервал для анализа. Это позволило получить практически значимые результаты, имеющие ценность как для академических исследований, так и для прикладного применения в сфере региональной политики.

Результаты и их обсуждение

Исследование причинной связи между социально-экономическим развитием

регионов и вложениями в научно-инновационную деятельность осуществлялось на примере субъектов Центрального федерального округа (кроме г. Москвы и Московской области). Исключение данных регионов из исследования обусловлено тем, что в 2012 г. изменились территориальные границы между данными субъектами, а ретроспектива анализа изменений анализируемых параметров предполагает расчет за период с 2005 по 2022 гг.

В качестве параметра, характеризующего социально-экономическое развитие территорий, рассматривалась величина валового регионального продукта (М). На сегодняшний день данный параметр является наиболее репрезентативным индикатором, характеризующим экономический и социальный прогресс, а также уровень благосостояния населения [22].

Для оценки величины научно-инновационных вложений использовался показатель внутренних валовых затрат на научные исследования и разработки, причем анализировались как текущие вложения (N1), так и капитальные затраты (N2), поскольку они позволяют дифференцировать влияние краткосрочных и долгосрочных факторов. Текущие затраты показывают операционную активность в науке, а капитальные – потенциал для будущих прорывов. Такое разделение помогает выявить, какие типы вложений наиболее эффективны для роста ВРП в конкретных регионах, что является критически важным элементом разработки и реализации адресной политики регионального роста.

Исходя из неравенства (2), количество лагов m , рассматриваемых при анализе причинности показателей, составляет 5.

Рассмотрим результаты расчетов с помощью теста Грейнджера (табл. 1).

Таблица 1. Результаты вычисления причинных связей между величиной ВРП и показателями, характеризующими научно-инновационное развитие регионов ЦФО

Проверяемая причинность	Временной лаг				
	5	4	3	2	1
<i>Белгородская область</i>					
N причина M1	0,9340	0,9346	0,9201	0,9141	0,9125
N причина M2	0,6804	0,6902	0,7067	0,6790	0,6635
M1 причина N	0,9324	0,9121	0,8920	0,9412	0,9736
M2 причина N	0,2526	–0,1108	–0,0122	0,1551	0,2356
<i>Брянская область</i>					
N причина M1	0,3685	0,3508	0,3631	0,4081	0,3660
N причина M2	–0,5247	–0,5560	–0,5692	–0,5246	–0,5188
M1 причина N	0,7849	0,9269	0,9259	0,8778	0,8153
M2 причина N	–0,2509	0,0072	0,5508	0,5781	0,6984
<i>Владимирская область</i>					
N причина M1	0,6626	0,6493	0,6371	0,6803	0,7090
N причина M2	0,0799	0,0681	0,0497	0,0802	0,02071
M1 причина N	0,9210	0,9512	0,9483	0,8750	0,8810
M2 причина N	–0,5134	–0,5104	–0,0881	0,5477	0,6670
<i>Воронежская область</i>					
N причина M1	0,9058	0,9280	0,9596	0,9685	0,9575
N причина M2	–0,0627	–0,0262	–0,0392	–0,0104	0,0981
M1 причина N	0,9443	0,9430	0,9198	0,9166	0,9069
M2 причина N	–0,4605	–0,5218	–0,0686	0,6170	0,6905
<i>Ивановская область</i>					
N причина M1	0,8919	0,8640	0,8250	0,8434	0,8465
N причина M2	0,6642	0,6200	0,6759	0,6745	0,5694
M1 причина N	0,8719	0,8023	0,9050	0,9011	0,9632
M2 причина N	0,4999	–0,0622	–0,4654	–0,2511	–0,0947
<i>Калужская область</i>					
N причина M1	–0,5537	–0,5515	–0,6075	–0,6109	–0,6258
N причина M2	–0,6811	–0,7218	–0,7359	–0,7632	–0,7425
M1 причина N	–0,2121	0,1240	0,5078	0,9404	0,9021
M2 причина N	–0,0215	0,1905	0,6380	0,9208	0,9101
<i>Костромская область</i>					
N причина M1	–0,0031	–0,0295	–0,0348	–0,0858	–0,0839
N причина M2	–	–	–	–	–
M1 причина N	0,8169	0,9076	0,9099	0,9703	0,9559
M2 причина N	–	–	–	–	–
<i>Курская область</i>					
N причина M1	0,1547	0,1523	0,1940	0,2050	0,1341
N причина M2	–0,5292	–0,5548	–0,4946	–0,5068	–0,5790
M1 причина N	0,4478	0,7345	0,9150	0,7163	0,7526
M2 причина N	–0,2880	–0,2041	0,0420	0,0850	0,2693
<i>Липецкая область</i>					
N причина M1	0,4119	0,3786	0,3120	0,3385	0,4620
N причина M2	0,6843	0,7821	0,7897	0,7843	0,7544
M1 причина N	0,7894	0,7052	0,7808	0,9190	0,7221
M2 причина N	0,5683	0,6017	0,4614	0,9005	0,7736

Окончание табл. 1

Проверяемая причинность	Временной лаг				
	5	4	3	2	1
<i>Орловская область</i>					
N причина M1	0,7598	0,7625	0,7405	0,7298	0,7056
N причина M2	–	–	–	–	–
M1 причина N	0,8063	0,8609	0,8950	0,9115	0,8681
M2 причина N	–	–	–	–	–
<i>Рязанская область</i>					
N причина M1	0,0070	–0,0327	–0,0408	–0,0433	–0,0597
N причина M2	0,4738	0,5231	0,5576	0,5460	0,4855
M1 причина N	0,4641	0,3849	0,4155	0,5739	0,5839
M2 причина N	0,4540	0,6704	–0,2375	–0,3337	–0,2387
<i>Смоленская область</i>					
N причина M1	0,9408	0,9497	0,9534	0,9355	0,9317
N причина M2	0,0364	0,0314	–0,0062	–0,0438	–0,0167
M1 причина N	0,9005	0,9675	0,9607	0,9742	0,9341
M2 причина N	0,1824	0,3173	0,0175	0,2358	0,4139
<i>Тамбовская область</i>					
N причина M1	–0,5498	–0,5837	–0,5618	–0,4980	–0,4513
N причина M2	–	–	–	–	–
M1 причина N	0,1591	0,2912	0,4813	0,7763	0,9100
M2 причина N	–	–	–	–	–
<i>Тверская область</i>					
N причина M1	0,7955	0,8082	0,7472	0,8085	0,8102
N причина M2	–0,6062	–0,6461	–0,6092	–0,5498	–0,6363
M1 причина N	0,8668	0,8625	0,9141	0,9509	0,9298
M2 причина N	–0,1308	0,1077	0,4774	0,3694	0,4992
<i>Тульская область</i>					
N причина M1	0,8999	0,8911	0,8862	0,8626	0,8839
N причина M2	–	–	–	–	–
M1 причина N	0,9647	0,9403	0,9470	0,9506	0,9591
M2 причина N	–	–	–	–	–
<i>Ярославская область</i>					
N причина M1	0,7454	0,7622	0,7586	0,7570	0,7550
N причина M2	–0,4795	–0,5262	–0,4908	–0,4419	–0,4556
M1 причина N	0,7903	0,7334	0,8623	0,9013	0,8804
M2 причина N	0,1605	0,1999	0,4581	0,4592	0,7088

Отсутствие расчетов по некоторым областям обусловлено неполнотой статистических данных для проведения вычислений.

В рамках исследования вывод о наличии причинной связи между явлениями рассматривался в том случае, если коэффициент, характеризующий тесноту связи с учетом временного лага, составлял свыше 0,9. Согласно шкале Чеддока, можно сделать вывод о наличии весьма

высокой связи между рассматриваемыми факторами в том случае.

Согласно результатам вычислений, для регионов ЦФО отсутствие причинных связей между научно-инновационными вложениями и величиной валового производства имеет место в Рязанской области. Также для ряда регионов (Белгородская, Воронежская, Смоленская области) сформулировать однозначный вывод о том, какие их факторов являются причи-

нами, обуславливающими изменение результирующих показателей, не представляется возможным ввиду высокого значения коэффициента корреляции при попарном исследовании на причинность. Таким образом, в данных субъектах имеет место влияние какого-либо иного, не рассматриваемого в рамках исследования фактора на изменение величины текущих вложений в научно-инновационное развитие и социально-экономический рост территорий.

Следует отметить, что временной лаг, на котором текущие инвестиции в науку и инновации оказывают наиболее

существенное влияние на величину ВРП, в различных регионах отличаются друг от друга. Графически результаты исследования отображены ниже (рис. 1). Серым цветом на схеме отмечены те регионы ЦФО, исследование которых в рамках исследования не проводилось, либо субъекты, для которых корреляция отсутствует, либо имеет место взаимообусловленная корреляция между рассматриваемыми факторами, что не позволяет сформулировать однозначный вывод о причинности с применением теста казуальности Грейнджера.

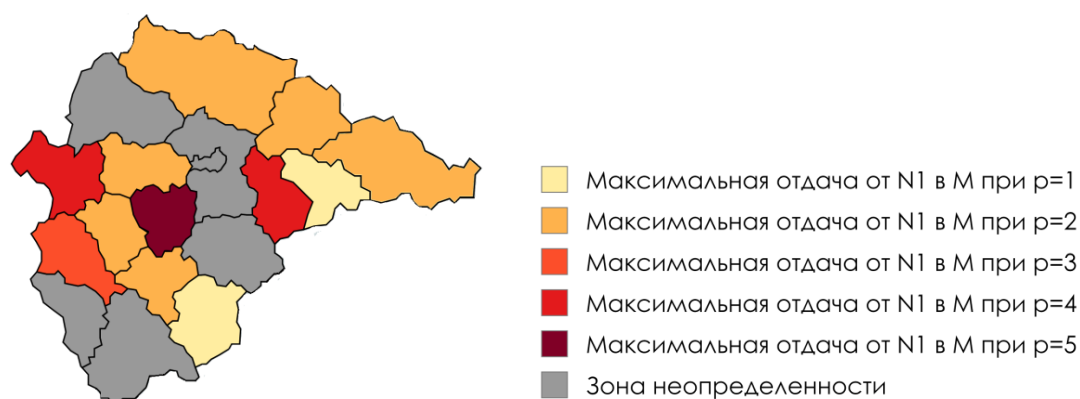

Рис. 1. Схема распределения регионов ЦФО в зависимости от лагов, обеспечивающих максимальную отдачу от текущих инвестиций в научные исследования и разработки в изменение величины ВРП

Следует отметить, что для большинства рассматриваемых субъектов именно величина текущих инвестиций чаще всего выступает фактором, обуславливающим изменение величины валового производства. Зависимость ВРП от капитальных затрат на научные исследования и разработки наблюдается в Липецкой и Калужской областях, причем максимальная отдача наблюдается при $p = 2$.

Выводы

Проведенное исследование, направленное на оценку причинности между социально-экономическим развитием (через показатель ВРП) и инвестициями в научно-инновационную деятельность (текущие и капитальные затраты на

НИОКР) в субъектах ЦФО за период 2005–2022 гг., позволило выявить ряд закономерностей, региональных особенностей и методологических нюансов. Анализ, основанный на тесте каузальности Грейнджера с учетом временных лагов до 5 лет и критерия Чеддока для интерпретации силы связи, продемонстрировал неоднородность влияния инновационных вложений на экономический рост, а также существенные различия между регионами.

Общие закономерности и региональная специфика причинно-следственных связей могут быть описаны следующим образом:

– доминирование текущих на научные исследования и разработки затрат

как фактора влияния на ВРП. Для большинства регионов ЦФО (Брянская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области) текущие инвестиции в НИОКР выступают ключевым драйвером роста ВРП. Значения коэффициентов корреляции, превышающие 0,9 при лагах 1–5 лет, указывают на устойчивую причинную связь в направлении $M1 \rightarrow N$. Это согласуется с теорией инновационного роста, где непрерывное финансирование исследований и разработок стимулирует технологические улучшения, повышение производительности и, как следствие, экономический рост;

– ограниченная роль капитальных затрат. Капитальные вложения в НИОКР ($N2$) демонстрируют значимое влияние на ВРП лишь в Липецкой и Калужской областях, причем пик воздействия приходится на лаг 2 года. В Липецкой области коэффициент $M2 \rightarrow N$ достигает 0,9005, что может объясняться наличием крупных промышленных предприятий, где инфраструктурные инвестиции (например, в оборудование) дают отдачу через среднесрочный период. Во многих регионах округа связь $M2 \rightarrow N$ либо отсутствует, либо носит отрицательный характер. Это указывает на то, что капитальные затраты, связанные с долгосрочными проектами, могут не находить быстрого отражения в ВРП или даже создавать финансовую нагрузку в краткосрочной перспективе;

– двунаправленная причинность и скрытые факторы. В Белгородской, Воронежской и Смоленской областях выявлена двунаправленная причинность: высокие коэффициенты как $N \rightarrow M1$ (до 0,9685), так и $M1 \rightarrow N1$ (до 0,9742). Это свидетельствует о взаимозависимости экономического роста и инноваций: рост ВРП создает ресурсы для увеличения финансирования НИОКР, которые, в свою очередь, подпитывают дальнейшее развитие. Подобная цикличность характерна

для регионов с диверсифицированной экономикой и развитыми институтами поддержки инноваций. Однако такая ситуация затрудняет выделение первичного причинного фактора, что требует включения в модель дополнительных переменных (например, качества управления, человеческого капитала);

– отсутствие значимых связей. В Рязанской области не обнаружено статистически значимой причинности между инновационными вложениями и ВРП (коэффициенты корреляции колеблются от –0,2387 до 0,5839). Это может объясняться структурными особенностями экономики региона, где доминируют традиционные сектора (сельское хозяйство, пищевая промышленность) с низкой восприимчивостью к инновациям. Полученные вычисления подчеркивают необходимость адресных мер для интеграции науки в производственные процессы.

Исследование подтвердило, что временной лаг, на котором инвестиции в НИОКР оказывают максимальное влияние на ВРП, варьируется в зависимости от типа затрат и специфики региона. Текущие затраты ($M1$) демонстрируют быструю отдачу в Ивановской и Тамбовской областях. В данных регионах пик влияния приходится на лаг в 1 год. Это характерно для субъектов с развитым сектором услуг и ИТ, где инновации внедряются оперативно. Капитальные затраты на НИОКР влияют на рост ВРП только в 2 субъектах округа. В остальных регионах связь при $p \leq 5$ не прослеживается. Это может быть объяснено логикой долгосрочных инфраструктурных проектов, характерных для промышленных кластеров.

Практические импликации для региональной политики можно сформулировать следующим образом.

Для субъектов с сильной связью $M1 \rightarrow N$ рекомендуется увеличить финансирование текущих НИОКР, фокусируясь на проектах с быстрой окупаемостью. Также необходимо развивать программы поддержки стартапов и малых инновационных предприятий.

Для регионов с двунаправленной причинностью необходимо обеспечивать создание механизмов реинвестирования доходов от ВРП в НИОКР через целевые фонды.

Для субъектов, в которых связь между рассматриваемыми параметрами с помощью теста казуальности не была выявлена, рекомендуется стимулировать кооперацию между вузами и промышленностью, внедрять пилотные проекты по цифровизации традиционных отраслей, а также использовать капитальные вложения (М2) для модернизации инфраструктуры научных парков.

При формировании бюджетов необходимо синхронизировать циклы финансирования НИОКР с ожидаемыми периодами отдачи (например, выделять средства под проекты с горизонтом 2–3 года для промышленных регионов).

Проведенное исследование подтвердило, что инновационные вложения играют значимую роль в социально-экономическом развитии регионов ЦФО, однако их влияние неоднородно и зависит от типа затрат, временного горизонта и локальных особенностей. Текущие затраты на НИОКР остаются ключевым фактором роста, тогда как капитальные вложения требуют адресного подхода. Полученные результаты подчеркивают необходимость дифференцированной региональной политики, учитывающей как экономическую структуру территорий, так и лаги реализации инновационных проектов. Дальнейшее углубление анализа с включением дополнительных переменных и методов позволит сформировать более точные рекомендации для управления инновационным развитием в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Социально-экономические показатели национальных целей развития России: тенденции и прогноз / А. А. Шабунова, С. В. Крошилин, А. В. Ярашева, Е. И. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 5. С. 40–54. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.2>
2. Управление экосистемой: механизмы интеграции компаний в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» / В. Я. Захаров, О. В. Трофимов, В. Г. Фролов, А. В. Новиков // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6, № 4. С. 453–468. <https://doi.org/10.18334/lim.6.4.41197>
3. Березин И. Л., Лукьянова А. А. Институциональные формы управления инновационной деятельностью и их ограничения // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 4. С. 1211–1230. <https://doi.org/10.18334/ce.17.4.117687>
4. Казакова М. В. Творческие кросс-инновационные кластеры как драйверы современного экономического развития // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 4. С. 2143–2158. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.119716>
5. Borrás S., Edler J. The roles of the state in the governance of socio-technical systems' transformation // Research Policy. 2020. N 49 (5). P. 103971.
6. Хмелева Г. А., Беляева Г. И. Концепция человекоцентричности в региональной экономике // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 4. <https://doi.org/10.18334/errp.15.4.122849>
7. Факторы формирования научных кадров высшей квалификации в образовательной системе России / А. О. Кириченко, А. Л. Золкин, А. Е. Михайлова, Е. А. Свердликова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 11, № 9 (150). С. 164–173. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2024.09.11.021>. EDN CAWSLZ
8. Хайруллина Л. И., Зиятдинова С. Ф. Непрерывное обучение и автоматизированный диагностический комплекс роста: возможности совместного применения // Управление устойчивым развитием. 2024. № 3 (52). С. 91–99. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_3_91. EDN UKVERU

9. Санько И. А. Опыт внедрения инноваций концепции «Умный город» в Республике Сингапур // *Современные средства связи*. 2022. Т. 1, № 1. С. 328–329. EDN NHJHXS
10. Платонова С. И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2024. № 6. С. 139–149. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>. EDN AIBXKS
11. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Продченко И. А. Цифровизация экономики и глобальные тренды на рынке труда как факторы экономического суверенитета страны // *Экономика труда*. 2021. Т. 8, № 7. С. 663–682. <https://doi.org/10.18334/et.8.7.112347>
12. Инновационное развитие науки: фундаментальные и прикладные проблемы: монография / П. А. Абрамович [и др.]. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2023. 441 с.
13. Национальная инновационная система России и ее регионов: монография / И. Б. Тесленко, О. Б. Дигилина, А. М. Губернаторов. Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2023. 172 с.
14. Cevallos R., Merino-Moreno C. Collegial Forms of Implementation of Directionality in National Innovation Strategies // *Foresight and STI Governance*. 2022. N 16 (4). P. 46–58. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.4.46.58>
15. Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. 320 с.
16. Абзалбек Г. А. Факторная модель инновационного развития регионов Республики Казахстан // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2024. Т. 18, № 1. С. 15–22. <https://doi.org/10.14529/em240102>
17. Рагулина Ю. В. Перспективы глобального влияния инноваций на экономическое развитие // *Экономическая безопасность*. 2024. Т. 7, № 9. С. 2219–2238. <https://doi.org/10.18334/есsec.7.9.121710>
18. Дорофеев М. Л. Взаимосвязи между доходным неравенством и экономическим ростом в регионах России: новые результаты на основе теста казуальности Грейнджера // *E-Management*. 2024. Т. 7, № 1. С. 15–27. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>. EDN TRTHJY
19. Ефимова А. А. Каузальность и ее практическое применение // *Вектор экономики*. 2020. № 5 (47). С. 22. EDN WIALUJ
20. Information, imitation, and directed innovation / D. Acemoglu, A. Makhdoumi, A. Malekian [et al.] // *Journal of Econometrics*. 2025. N 238 (1). P. 105–134. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2025.01.046>
21. Федорова Е. А., Антаненкова И. С. Исследование влияния макроэкономических факторов на капитализацию компаний электроэнергетики // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2012. Т. 14, № 107. С. 25–32.
22. Крамин Т. В., Устюжанина Д. А. Влияние подушевого ВРП на качество жизни населения в регионах России // *Экономика региона*. 2024. Т. 20, № 1. С. 176–188. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-12>

References

1. Shabunova A.A., Kroshilin S.V., Yarasheva A.V., Medvedeva E.I. Social and economic indicators of Russia's national development goals: trends and forecast. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, trendy, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):40–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.2>
2. Zakharov V.Ya., Trofimov O.V., Frolov V.G., Novikov A.V. Ecosystem management: mechanisms for integrating companies in accordance with the "Industry 4.0" concept. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2019;6(4):453–468. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/lim.6.4.41197>

3. Berezin I.L., Luk'yanova A.A. Institutional forms of management of innovative activity and their limitations. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economics*. 2023;17(4):1211–1230. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.17.4.117687>
4. Kazakova M.V. Creative cross-innovation clusters as drivers of modern economic development. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of Innovation Economics*. 2023;13(4):2143–2158. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.119716>
5. Borrás S., Edler J. The roles of the state in the governance of socio-technical systems' transformation. *Research Policy*. 2020;(49):103971.
6. Khmeleva G.A., Belyaeva G.I. The concept of human centricity in regional economics. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economy, Entrepreneurship and Law*. 2025;15(4). (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/epp.15.4.122849>
7. Kirichenko A.O., Zolkin A.L., Mikhaylova A.E., Sverdlikova E.A. Factors of formation of scientific personnel of higher qualification in the Russian education system. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2024;11(9):164–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.09.11.021>. EDN CAWSLZ
8. Khairullina L.I., Ziyatdinova S.F. Continuous education and automated diagnostic growth complex: opportunities for joint application. *Upravlenie ustoychivym razvitiem = Sustainable Development Management*. 2024;(3):91–99. (In Russ.) https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_3_91. EDN UKVERU
9. San'ko I.A. Experience of implementing innovations of the "Smart City" concept in the Republic of Singapore. *Sovremennye sredstva svyazi = Modern Means of Communication*. 2022;1(1):328–329. (In Russ.) EDN NHJHXS
10. Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovations. Investments*. 2024;(6):139–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>. EDN AIBXKS
11. Dudin M.N., Shkodinskiy S.V., Prodchenko I.A. Digitalization of the economy and global trends in the labor market as factors of the country's economic sovereignty. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2021;8(7):663–682. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.8.7.112347>
12. Abramovich P.A. (eds.) Innovative Development of Science: Fundamental and Applied Issues. Petrozavodsk: MCNP Novaya Nauka; 2023. 441 p. (In Russ.)
13. Teslenko I.B., Digilina O.B., Gubernatorov A.M. Natsional'naya innovatsionnaya sistema Rossii i ee regionov. Vladimir: Vladimir: Izdatel'stvo Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta; 2023. 172 p. (In Russ.)
14. Cevallos R., Merino-Moreno C. Collegial Forms of Implementation of Directionality in National Innovation Strategies. *Foresight and STI Governance*. 2022;(16):46–58. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.4.46.58>
15. Gulyaev G.Yu. (ed.) Innovative Development of Science and Education. Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2021. 320 p. (In Russ.)
16. Abzalbek G.A. Factor model of innovative development of regions of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment» = Bulletin of the South Ural State University. Series «Economics and Management»*. 2024;18(1):15–22. <https://doi.org/10.14529/em240102>
17. Ragulina Yu.V. Prospects for the global impact of innovations on economic development. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2024;7(9):2219–2238. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.9.121710>
18. Dorofeev M.L. Interrelationships between income inequality and economic growth in Russian regions: new results based on the Granger causality test. *E-Management*. 2024;7(1):15–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>. EDN TRTHJY
19. Efimova A.A. Causality and its practical application. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*. 2020;(5):22. (In Russ.) EDN WIALUJ

20. Acemoglu D., Makhdoumi A., Malekian A., et al. Information, imitation, and directed innovation. *Journal of Econometrics*. 2025;(238):105–134. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2025.01.046>

21. Fedorova E.A., Antanenkova I.S. Study of the impact of macroeconomic factors on the capitalization of electric power companies. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Problems and Solutions*. 2012;14(107):25–32. (In Russ.)

22. Kramin T.V., Ustyuzhanina D.A. The influence of per capita GRP on the quality of life of the population in Russian regions. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2024;20(1):176–188. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-12>

Информация об авторах / Information about the Authors

Грачев Сергей Александрович, кандидат экономических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: grachev-sa@yandex.ru, Researcher ID: N-6875-2016, ORCID 0000-0002-6056-5527

Sergey A. Grachev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e-mail: grachev-sa@yandex.ru, Researcher ID: N-6875-2016, ORCID 0000-0002-6056-5527

Быкова Маргарита Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: margarita93@bk.ru, Researcher ID: AAB-8882-2022, ORCID: 0000-0002-0296-4781

Margarita L. Bykova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e-mail: margarita93@bk.ru, Researcher ID: AAB-8882-2022, ORCID: 0000-0002-0296-4781

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.47

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-138-149>

Оценка уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики

Л. Н. Кондратьев¹, В. А. Плотников¹✉

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современных условиях антироссийские санкции являются одним из ключевых факторов, определяющих динамику российской экономики и уровень ее экономической безопасности. Поэтому требуется углубленный анализ воздействия санкций на экономическую безопасность реального сектора экономики.

Цель – разработка методики оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики.

Задачи: проанализировать механизм влияния санкций на российскую экономику; научно обосновать основные этапы методики оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики; провести апробацию указанной методики по данным за 2011–2024 гг.; дать полученным результатам содержательную интерпретацию.

Методология. Использованы методы количественного и качественного, монографического и ретроспективного анализа, методы сравнения экономических явлений и процессов, методы графического и матричного моделирования, индексный метод, инструменты сценарного и системного подхода.

Результаты. Реальный сектор экономики является ядром экономики страны, определяющим ее резистентность к санкциям. Обеспечение экономической безопасности реального сектора в условиях санкционного давления является приоритетной задачей. В работе обоснована методика оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики. Эта методика базируется на общедоступных данных Росстата, касающихся динамики валовой добавленной стоимости и доли реального сектора в национальной экономике. Предложена матричная модель интерпретации получаемых с использованием разработанной методики результатов.

Выводы. Разработанная авторами методика оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики в условиях санкций позволяет на основании доступных статистических данных не только смоделировать ситуацию и оценить состояние экономической безопасности, но также разработать научно обоснованный прогноз краткосрочной динамики изменения ситуации с учетом рекомендуемых мер по обеспечению экономической безопасности. Прикладные выводы исследования могут быть полезны руководителям органов власти и менеджменту предприятий реального сектора экономики при обосновании мер, разработке стратегий и программ укрепления экономической безопасности в условиях санкций.

Ключевые слова: антироссийские санкции; валовая добавленная стоимость; национальная экономика; реальный сектор экономики; российская экономика; уровень экономической безопасности; экономическая безопасность.

© Кондратьев Л. Н., Плотников В. А., 2026

Финансирование: Статья подготовлена в рамках ИНИР «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира». Регистрационный номер: 125012000490-8.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кондратьев Л. Н., Плотников В. А. Оценка уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 138–149. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-138-149>

Поступила в редакцию 10.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Assessment of the real sector of the national economy economic security level

Leonid N. Kondratiev¹, Vladimir A. Plotnikov¹ ✉

¹ Saint Petersburg State University of Economics
30-32 Griboyedov Canal emb., Saint Petersburg 191023, Russian Federation

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Abstract

Relevance. In the current context, anti-Russian sanctions are a key factor determining the dynamics of the Russian economy and its level of economic security, leading to increased attention to assessing their impact. In this context, an in-depth analysis of the impact of sanctions on the economic security of the real sector of the economy, which serves as the foundation for achieving stability and sustainability of the national economy as a whole, is required.

The purpose of the study is develop a methodology for assessing the level of economic security of the real sector of the national economy.

Objectives: analyze the mechanism by which sanctions influence the Russian economy; provide a scientific basis for the key stages of the methodology for assessing the level of economic security of the real sector of the national economy; test this methodology using data for 2011–2024; and provide a meaningful interpretation of the results.

Methods. Quantitative and qualitative, monographic and retrospective analysis, methods for comparing economic phenomena and processes, graphical and matrix modeling, the index method, and scenario and systems approach tools were used.

Results. The real sector of the economy is the core of the country's economy, determining its resilience to sanctions. Therefore, ensuring the economic security of the real sector in the face of increasing sanctions pressure is a priority. To address this, this paper presents a scientifically substantiated methodology for assessing the level of economic security of the real sector of the national economy. This methodology consists of a sequentially implemented set of five stages. This methodology is based on publicly available Rosstat data on the dynamics of gross value added and the share of the real sector in the national economy. A matrix model for interpreting the results obtained using the developed methodology is proposed. The theoretical propositions of the study advance the theory of economic security.

Conclusions. The authors' methodology for assessing the level of economic security of the real sector of the national economy under sanctions, based on available statistical data, allows not only to model the situation and assess the state of economic security, but also to develop a scientifically sound forecast of short-term changes in the situation, considering recommended measures to ensure economic security. The applied findings of the study may be useful to government officials and the management of enterprises in the real sector of the economy when substantiating measures and developing strategies and programs to strengthen economic security under sanctions.

Keywords: anti-Russian sanctions; gross value added; national economy; real sector of the economy; Russian economy; level of economic security; economic security.

Funding: The article was prepared as part of the INIR project "State and Market: The Eurasian Dominant of Development in the Context of the Formation of a Multipolar World". Registration number: 125012000490-8.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kondratiev L.N., Plotnikov V.A. Assessment of the real sector of the national economy economic security level. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):138–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-138-149>

Received 10.12.2025

Accepted 10.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Начиная с 2022 г., российская экономика развивается и функционирует в качественно изменившихся условиях [1], что связано с введенными (и продолжающимися вводиться) многочисленными санкциями стран, официально именуемых «недружественными» [2]. В результате сформировалась новая макроситуация, обозначенная нами как «постнормальная» [3]. Санкции явились предумышленной и целенаправленно реализованной угрозой экономической безопасности нашей страны [4], нанесшей ее экономике значительный ущерб [5].

Если оценивать последствия санкций с количественных позиций [6], индикатором может выступать динамика валового внутреннего продукта (ВВП). Заметим, что динамика ВВП рассматривается как один из ключевых показателей, характеризующих экономическую безопасность на макроуровне, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, введенной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Поэтому оценка последствий санкций через изучение изменений величины ВВП вполне правомочна.

В 2022 г. ВВП РФ вследствие санкций испытал краткосрочное падение, которое продлилось 4 квартала подряд (со 2 кв. 2022 г. по 1 кв. 2023 г.). При этом величина этого падения оказалась гораздо ниже ожидаемого уровня и не превысила аналогичного падения, вызванного

пандемическим шоком в 2020 г. [7]. Затем в 2023–2024 гг. наблюдалось увеличение ВВП более чем на 4% ежегодно, которое с 2025 г. стало замедляться, тем не менее и 2025 г., по имеющимся оценкам, российская экономика закончит «в плюсе», т. е. с количественной точки зрения, что прослеживается и в официальных заявлениях политиков, санкции не оказали существенного вредоносного воздействия на российскую экономику. Приведем одну подтверждающую это цитату:

«Выступление премьер-министра Михаила Мишустина в ходе отчета Правительства в Госдуме подтверждает, что российская экономика в безопасности», – об этом написала спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко. По словам председателя Совфеда, доклад премьера затронул все направления развития страны и реальные меры поддержки бизнеса, что добавляет оптимизма. «Выступление Михаила Мишустина в Государственной Думе сегодня еще раз подтвердило мою убежденность в том, что наша экономика в безопасности. А значит, и наше государство, общество. Уверена, мы преодолеем последствия всех санкций», – заявила Матвиенко».

В принципе, подобных цитат можно привести значительное число, они обильно представлены в отечественных СМИ, а соответствующие заявления имеют под собой статистические обоснования. Но это не должно являться основанием для

спокойствия. Санкционное давление на Россию продолжается, и санкции действуют [8], ослабляя ее экономическую безопасность [9]. Более существенное воздействие санкций не количественное, а качественное, структурное [10]. Именно оно является предметом нашего изучения в данной статье.

Для исследования влияния санкций на структуру российской экономики следует определиться с тем, по какому признаку она будет выделяться. Дело в том, что подходы к структуризации экономических систем весьма разнообразны, что определяется наличием соответствующих данных и целями конкретных исследований [11]. По нашему мнению, важнейшую роль в структуре национальной экономики играет ее реальный сектор [12], который в современных условиях может рассматриваться как аналог «материального производства» в марксизме.

Столь большое внимание реальному сектору экономики мы склонны уделять по той причине, что именно в нем создаются основы благосостояния, за счет его успешного функционирования формируется национальный (в частности, технологический) суверенитет, строятся (согласно марксистской концепции базиса и надстройки) материальные основы для всех других видов хозяйственной и социальной активности, т. е. реальный сектор экономики правомерно рассматривать в качестве основы для обеспечения национальной экономической безопасности [13], проблема которой в условиях санкций существенно обостряется [14].

С другой стороны, сам реальный сектор экономики также подвержен санкционному давлению [15], поэтому возникает необходимость разработки методического обеспечения оценки уровня его экономической безопасности. Таким образом, целью нашего исследования является разработка методики оценки уровня экономи-

ческой безопасности реального сектора национальной экономики.

Материалы и методы

Для начала дадим авторскую трактовку категории «экономическая безопасность реального сектора национальной экономики». По нашему мнению, это состояние защищенности реального сектора от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются его устойчивое функционирование, технологический суверенитет страны, а также формируются условия для реализации стратегий и программ инновационного развития производств реального сектора.

Очевидно, что санкции оказывают на реальный сектор, как и на экономику в целом, влияние как внешняя угроза экономической безопасности. При этом данная угроза может как оказать негативное влияние (в этом случае можно сказать, что она реализовалась), так и не оказать (в этом случае можно сказать, что она парирована). Следовательно, возникает вопрос выбора показателей для оценки уровня экономической безопасности.

Для оценки экономической безопасности используется значительное число разнообразных показателей. В частности, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года эти показатели состояния экономической безопасности перечисляются в п. 27 документа. В этот перечень входит 40 частных показателей, т. е. оценка уровня экономической безопасности является многокритериальной и поэтому противоречивой. Например, может оказаться так, что:

- индекс физического объема ВВП растет (показатель № 1 из Стратегии), что говорит об укреплении экономической безопасности;

- при этом доля российского ВВП в мировом ВВП снижается (показатель № 3 из Стратегии) вследствие того, что ведущие страны мира растут опережающими,

по сравнению с Российской Федерацией, темпами, что говорит об ослаблении экономической безопасности;

– это сопровождается снижением степени износа основных фондов (показатель № 5 из Стратегии), что говорит об укреплении экономической безопасности;

– одновременно с этим снижается индекс промышленного производства (показатель № 6 из Стратегии) вследствие того, что наблюдается сервисизация экономики, что говорит об ослаблении экономической безопасности, и т. д.

В такой вполне реалистичной ситуации (можно привести и иные варианты сочетаний частных показателей, характеризующих экономическую безопасность) дать четкий ответ относительно экономической безопасности в целом весьма затруднительно, даже использование традиционной в таких случаях взвешенной свертки по схеме

$$A = \sum_{i=1}^n w_i a_i, \quad (1)$$

где A – интегральный оценочный показатель; n – общее количество частных оценочных показателей; a_i – нормированное численное значение i -го частного оценочного показателя; w_i – весовой коэффициент (коэффициент значимости) i -го частного оценочного показателя. В отношении этих коэффициентов действует правило нормировки:

$$\sum_{i=1}^n w_i = 1, \quad (2)$$

не дает убедительного ответа относительно того, на каком же уровне находится экономическая безопасность, т. к. при использовании значительного числа частных показателей для ее характеристики ($n = 40$) вес каждого из показателей будет ничтожно мал, чтобы значимо влиять на результат (среднее значение весового коэффициента составит лишь $\overline{w_i} = 0,025$, а с учетом неравенства весовых коэффициентов значения некоторых из них окажутся и вовсе на уровне ты-

сячных долей единицы, что приведет к отсутствию их значимого влияния на конечный результат).

В такой ситуации возникает необходимость снижения размерности задачи оценки (в нашем случае – оценки уровня экономической безопасности). В идеальном случае, с позиций облегчения восприятия информации лицом, принимающим решение, оценку следует проводить по одному показателю. Как показывает анализ доступной литературы и опыта оценивания экономической безопасности, в качестве такого наиболее информативного первичного показателя выступает тот, который комплексно характеризует оцениваемую экономическую систему в целом.

На макроуровне для этого, как мы уже указывали выше, используют динамику ВВП (на региональном уровне – валовой региональный продукт, ВРП), который является синтетическим расчетным показателем, агрегирующим в себе разнородные частные экономические показатели и характеризующим масштаб экономической системы, экономическая безопасность которой оценивается. Для того чтобы избежать ценовых искажений, правомерно использовать не саму динамику ВВП, а индексы его изменения (в реальном, физическом исчислении).

Аналогичный методический подход мы предлагаем применить и для оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики.

Результаты и их обсуждение

Дадим описание разработанной нами методики, которая представляет собой набор последовательно реализуемых шагов:

– *1 шаг*. На этом шаге необходимо выявить те виды экономической деятельности, которые в методике будут отнесены к реальному сектору экономики. Исходные данные для такого рода – данные о структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) в разрезе ОКВЭД2. Содер-

жательный анализ этого классификатора привел нас к выводу, что к реальному сектору экономики можно отнести виды деятельности по этому классификатору, которые представлены ниже (табл. 1);

– 2 шаг. По выделенным видам экономической деятельности необходимо рассчитать долю реального сектора в национальной экономике России за рас-

сматриваемый период. Исходные данные для расчета приведены на сайте Росстата, а результаты расчета представлены на рисунке 1. Аналогичным образом можно определить долю в национальной экономике не только для реального сектора в целом, но и для его отдельных элементов (например, на рисунке 1 приведена доля обрабатывающих производств).

Таблица 1. Состав видов экономической деятельности, относимых к реальному сектору экономики

Код	Вид деятельности
Раздел А	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Раздел В	Добыча полезных ископаемых
Раздел С	Обрабатывающие производства
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Раздел E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Раздел F	Строительство
Раздел H	Транспортировка и хранение
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Раздел J	Деятельность в области информации и связи
S 95	Ремонт компьютеров, предметов личного потребления и хозяйственно-бытового назначения

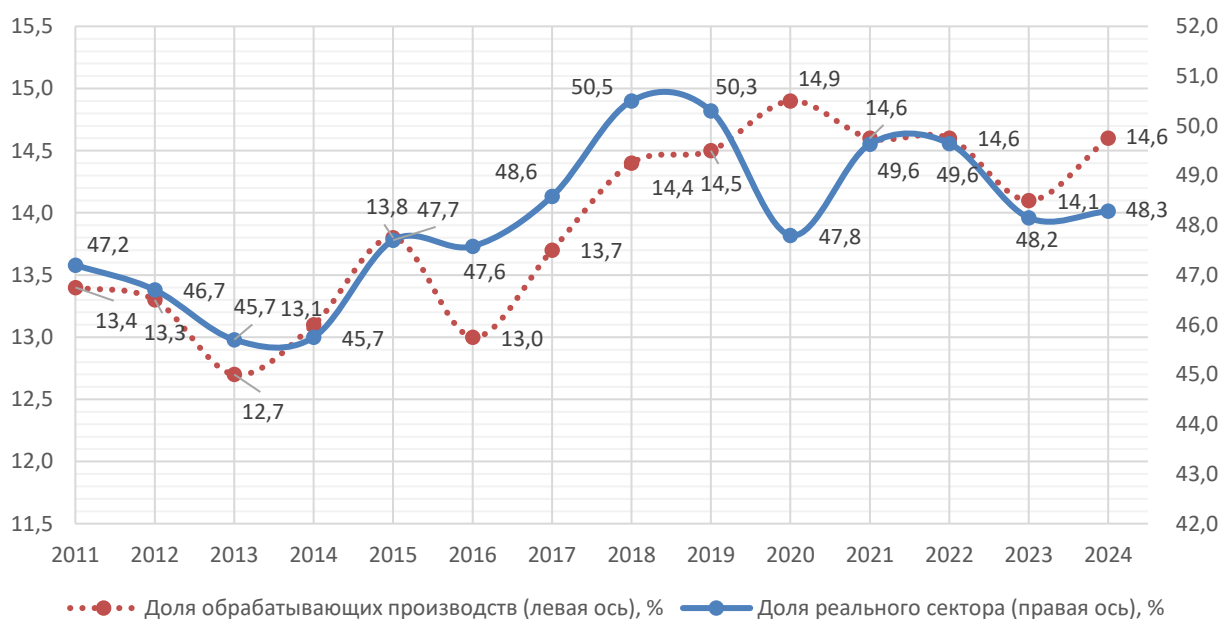

Рис. 1. Динамика доли реального сектора экономики, в т. ч. обрабатывающих производств в России, %

Как следует из рисунка 1, доля реального сектора в целом и доли его компонентов (например, обрабатывающих производств) в национальной экономике постоянно меняются, причем динамика этого изменения носит ярко выраженный колебательный характер. При этом влияние кризисных явлений (рассмотрим это на примере реального сектора в целом, обозначенного на рисунке 1 сплошной линией) в национальной экономике прослеживается в изменении доли реального сектора:

1) введенные в 2014 г. «крымские» санкции вызвали в среднесрочной перспективе рост доли реального сектора, который продолжался до 2020 года (искл.), где он был прерван пандемией COVID-19, т. е. этот санкционный эпизод позитивно повлиял на развитие реального сектора российской экономики. Можно предположить, что его экономическая безопасность не была нарушена, напротив, реальный сектор получил стимул к развитию;

2) «украинские» санкции 2022 г. имели обратные последствия для реального сектора экономики. Этот санкционный эпизод вызвал снижение доли реального сектора, из чего можно сделать предположение, что была нарушена его экономическая безопасность.

Также можно отметить сонаправленное в целом изменение доли реального сектора экономики и его основы – обрабатывающей промышленности – на всем приведенном на рисунке 1 интервале наблюдений – с 2011 по 2024 гг. (за исключением аномального кризисного пандемического 2020 года, когда эти доли менялись в противофазе). Коэффициент корреляции между двумя показателями, динамика которых представлена на рисунке 1, составляет $k = 0,77$, что указывает на сильную связь между ними. Если же исключить из рассмотрения аномальный 2020 г., то значение этого показателя еще выше: $k_{корр} = 0,87$;

– 3 шаг. Исследование динамики ВДС в рассмотренный период с тем, чтобы в дальнейшем сопоставить ее с изменением структуры по выделенным видам экономической деятельности, относимым к реальному сектору экономики. (Заметим, что можно в принципе использовать и данные по ВВП, т. к. показатели ВВП и ВДС весьма близки: коэффициент корреляции между численными рядами их значений за 2011–2024 гг. составил $k = 0,996$, что очень близко к единице. С позиций точности экономических расчетов, характеризующих народное хозяйство страны, этими различиями можно пренебречь.) Соответствующие данные приведены ниже (табл. 2).

Таблица 2. Индексы прироста ВДС в 2011–2024 гг., % к предыдущему году (2011 г. – базовый)

Год	Индексы прироста ВДС	Год	Индексы прироста ВДС
2011	–	2018	2,8
2012	4,1	2019	2,2
2013	1,7	2020	–2,2
2014	1,1	2021	6,3
2015	–1,5	2022	–0,5
2016	0,3	2023	4,3
2017	1,8	2024	4,4

– 4 шаг. Выявление и визуализация взаимосвязи доли реального сектора экономики и динамики национальной экономики в целом. Эти действия можно провести в аналитическом или в табличном виде, действуя по логическому правилу:

$$Y_j \rightarrow (I_j ; d_j), \quad (3)$$

где Y_j – год из выборки ($j = 2012, 2013, \dots, 2024$); I_j – индекс прироста ВДС в j -м году, %; d_j – доля реального сектора в общей ВДС в j -м году, %.

Для большей наглядности мы представили полученный таким образом набор данных на рисунке 2 в графической форме;

– 5 шаг. Полученным данным дается содержательная интерпретация. Для этого рассмотрим и проанализируем более детально рисунок 2. На нем прослеживаются ярко выраженные циклические, «петлевые» траектории, что свидетельствует о наличии периодически повторяющихся кризисов в экономике страны и ее реальном секторе, а также является визуальным индикатором фактов нарушения экономической безопасности, всякий раз после которых экономика испытывает рост, а докризисный уровень экономической безопасности – восстановление.

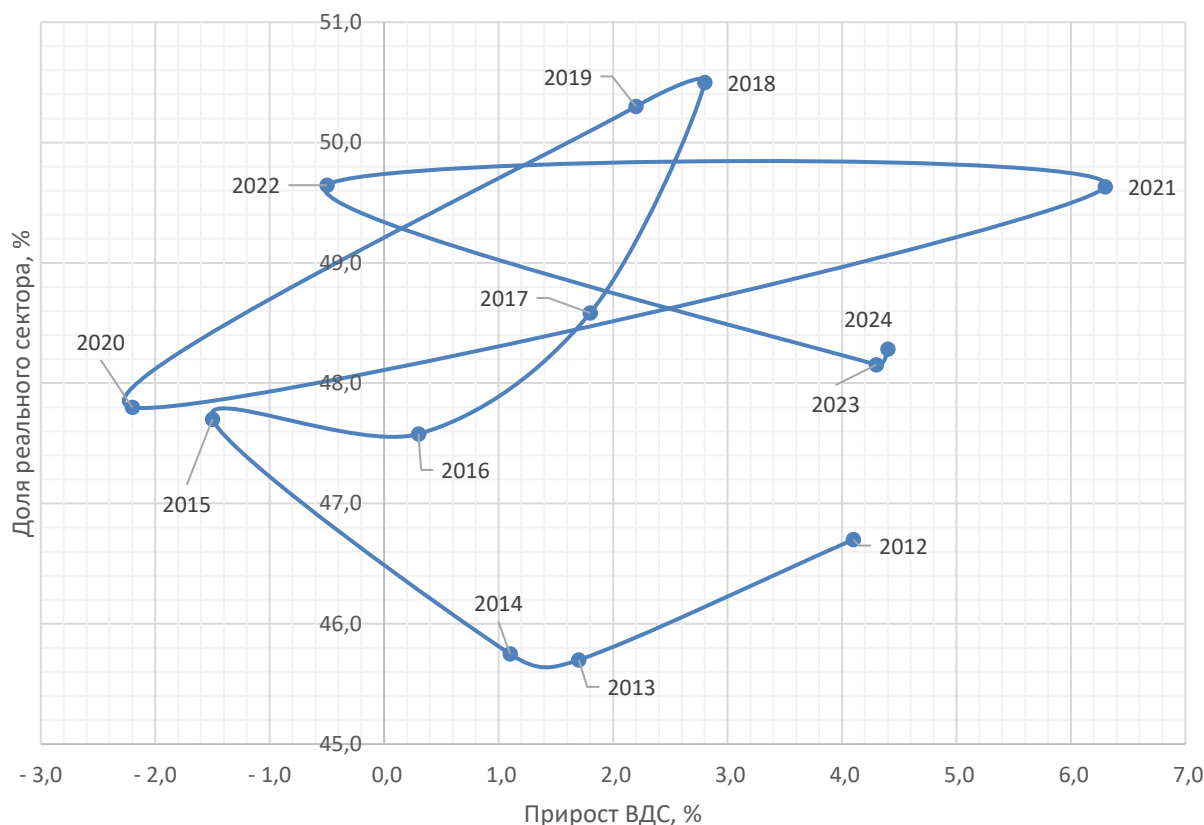

Рис. 2. Графическое моделирование взаимосвязи доли реального сектора экономики и динамики ВДС России

При этом важна взаимная динамика показателей «прирост ВДС, %» и «доля реального сектора, %». Возможные сочетания этих показателей в виде матричной

структуры, а также их содержательная характеристика с позиций уровня экономической безопасности реального сектора экономики приведена ниже (рис. 3).

		Показатель «доля реального сектора, %»	
		Растет	Снижается
Показатель «прирост ВДС, %»	Растет	I. Экономическая безопасность надежно обеспечена	II. Предкризисное состояние экономической безопасности
	Снижается	III. Экономическая безопасность слабо обеспечена	IV. Системный кризис экономической безопасности

Рис. 3. Матричная модель состояний экономической безопасности реального сектора экономики

Дадим более полную характеристику состояний экономической безопасности реального сектора экономики (рис. 3):

– в первом квадранте матрицы наблюдается одновременный рост национальной экономики и увеличение доли реального сектора. Такие ситуации в Российской Федерации наблюдались (см. рис. 2) в момент посткризисного (постпандемического) «отскока» в 2021 г., а также после «крымских» санкций (период 2015–2018 гг.), которые не нарушили экономической безопасности реального сектора, а, напротив, послужили стимулом для ее укрепления. Причинами этого послужили как своевременно принятые антикризисные меры, так и сравнительная слабость и кратковременность санкционного воздействия на российскую экономику в целом и ее реальный сектор в частности;

– во втором квадранте матрицы наблюдается рост национальной экономики и сжатие реального сектора. Такая ситуация в РФ наблюдается (см. рис. 2) в современном периоде времени (период 2022–2024 гг.; данные за 2025 г. пока что не опубликованы): на фоне довольно устойчивого развития происходит стагнация реального сектора, он находится в предкризисном состоянии, которое в

ближайшей перспективе может распространиться и на национальную экономику в целом. В этой стадии необходимы оперативные меры антикризисного регулирования с тем, чтобы «развернуть» (в буквальном смысле, см. рис. 2) фазовую траекторию, характеризующую его динамику. Представленная графическая модель отчетливо показывает, что из-за торможения реального сектора возможности роста системно ограничиваются, что может вызвать реализацию угроз не только его экономической безопасности, но и экономики в целом;

– в третьем квадранте матрицы наблюдается замедление роста национальной экономики на фоне расширения реального сектора. Это означает, что системное замедление или даже кризис (такая ситуация в РФ наблюдалась в периоде 2014–2015 гг., в момент введения «крымских» санкций) не распространяются на реальный сектор, он сохраняет свою устойчивость и способен за счет этого стать драйвером развития национальной экономики в целом (см. рис. 2). В этой стадии необходима приоритетная поддержка реального сектора со стороны государства, в этом случае он выступит антикризисным фактором для экономики

в целом (что и произошло в период 2015–2018 гг.);

– в четвертом квадранте матрицы наблюдается одновременное замедление национальной экономики и снижение доли реального сектора. Такая ситуация в РФ наблюдалась (см. рис. 2) безотносительно к санкциям в 2012–2013 гг. Эта ситуация весьма опасна, т. к. национальная экономика ослабляется не только количественно (по валовым показателям), но и структурно, что лишает ее «запаса прочности», приводит экономическую безопасность в кризисное состояние. Парадоксально, но фактом является то, что «крымские санкции» с позиций системной динамики и оценки уровня экономической безопасности оказались для России весьма необходимы и своевременны для того, чтобы изменить негативную динамику развития. Точнее, санкции сыграли роль «спускового крючка» для перезапуска экономических процессов, приведших в итоге к восстановлению экономической безопасности.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что разработанная нами и описанная выше методика оценки уровня экономической безопасности реального сектора национальной экономики в условиях санкций позволяет на основании доступных статистических

данных не только смоделировать ситуацию и оценить состояние экономической безопасности, но также разработать научно обоснованный прогноз краткосрочной динамики изменения ситуации с учетом рекомендуемых мер по обеспечению экономической безопасности.

В частности, исходя из анализа участка траектории, приведенной на рисунке 2, относящегося к 2023–2024 гг., можно предположить, что реальный сектор российской экономики «замер в ожидании» и по существу находится в точке бифуркации, после прохождения которой либо испытает очередной период краткосрочного роста, либо, что более вероятно, испытает стагнацию, которая на фоне общего замедления российской экономики в 2025 г., вероятно, в 2026 г. приведет к состоянию «IV. Системный кризис экономической безопасности».

Для недопущения такого сценария развития событий, по нашему мнению, в ближайшее время требуется корректировка ранее принятых в рамках реализуемой экономической политики решений, касающихся роста налоговой нагрузки предприятий реального сектора экономики на фоне ужесточения налогового администрирования, а также высокой банковской ставки, что делает кредитные ресурсы слабо доступными для предприятий реального сектора экономики.

Список литературы

1. Новая парадигма экономического развития в эпоху трансформаций / Ю. В. Вертакова, Т. Н. Бабич, М. Г. Клевцова [и др.]. Курск: Университетская книга, 2022. 140 с.
2. Стратегическое управление устойчивым развитием экономики в новой реальности / А. В. Бабкин, Р. И. Акмаева, Н. С. Алексеева [и др.]. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. 752 с.
3. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 15–21.
4. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями // Экономика и управление. 2023. Т. 29, № 7. С. 747–762.
5. Ягунова Н. А. Точки экономического роста и анализ их приоритетности в контексте обеспечения экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 78–82.

6. Kazantsev S. V. Anti-Russian Sanctions: Then and Now // *Russian Social Science Review*. 2022. Vol. 63 (1-3). P. 2–14.
7. Плотников А. В., Харламов А. В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 1 (139). С. 50–58.
8. Ван Я. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // *Финансы и управление*. 2024. № 4. С. 181–202.
9. Колоткина О. А. Влияние санкций на экономическую безопасность России // *Бюллетень инновационных технологий*. 2023. Т. 7, № 2 (26). С. 35–40.
10. Плотников В. А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1 (52). С. 15–25.
11. Брагина Э. Н. Анализ эволюции подходов к структуризации экономики и оценке сбалансированности ее развития // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 3. С. 95–98.
12. Кондратьев Л. Н. Развитие реального сектора экономики в условиях санкций и социальная стабильность // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2024. № 3 (61). С. 19–24.
13. Плотников А. В. Механизмы нарушения экономической безопасности: анализ с позиций порогового подхода // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2024. № 1 (59). С. 5–10.
14. Рогатин С. И. Проблемы осуществления производства в оборонно-промышленном комплексе в условиях антироссийских санкций // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2023. № 2 (56). С. 10–13.
15. Кондратьев Л. Н. Реальный сектор экономики современной России в условиях санкционных ограничений // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 13, № 9А. С. 30–36.

References

1. Vertakova Yu.V., Babich T.N., Klevtsova M.G., et al. A new paradigm of economic development in the era of transformation. Kursk: Universitetskaya kniga; 2022. 140 p. (In Russ.)
2. Babkin A.V., Akmaeva R.I., Alekseeva N.S., et al. Strategic management of sustainable economic development in a new reality. Saint Petersburg: POLYTECH PRESS; 2022. 752 p. (In Russ.)
3. Plotnikov V.A. Prospects for economic development in post-normality. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = News of Saint Petersburg State Economic University*. 2022;(6):15–21. (In Russ.)
4. Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. State investment policy as a tool to overcome threats to national economic security, you are called by anti-Russian sanctions. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2023;29(7):747–762. (In Russ.)
5. Yagunova N.A. Points of economic growth and analysis of their priority in the context of ensuring economic security. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Saint Petersburg State Economic University*. 2023;(6-1):78–82. (In Russ.)
6. Kazantsev S.V. Anti-Russian Sanctions: Then and Now. *Russian Social Science Review*. 2022;63(1-3):2–14.
7. Plotnikov A.V., Kharlamov A.V. Directions for neutralizing the negative impact of non-economic shocks on the real sector of the Russian economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics*. 2023;(1):50–58. (In Russ.)
8. Wang Ya. Analysis of the impact of sanctions on the economic security of Russia: challenges and opportunities. *Finansy i upravlenie = Finance and Management*. 2024;(4):181–02. (In Russ.)
9. Kolotkina O.A. Impact of sanctions on the economic security of Russia. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of Innovative Technologies*. 2023;7(2):35–40. (In Russ.)

10. Plotnikov V.A. Structural transformations of the Russian economy under the influence of shocks and national economic security. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* = *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2023;(1):15–25. (In Russ.)

11. Bragina E.N. Analysis of the evolution of approaches to structuring the economy and assessing the balance of its development. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* = *Society: Politics, Economics, Law*. 2016;(3):95–98. (In Russ.)

12. Kondratyev L.N. Development of the real sector of the economy under sanctions and social stability. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technology*. 2024;(3):19–24. (In Russ.)

13. Plotnikov A.V. Mechanisms of violation of economic security: analysis from the positions of the threshold approach. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2024;(1):5–10. (In Russ.)

14. Rogatin S.I. Problems of production in the military-industrial complex under anti-Russian sanctions. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technology*. 2023;(2):10–13. (In Russ.)

15. Kondratyev L.N. The real sector of the economy of modern Russia in conditions of sanitary restrictions. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* = *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2023;13(9A):30–36. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кондратьев Леонид Николаевич,
аспирант кафедры общей экономической
теории и истории экономической мысли,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: assasin.screet@yandex.ru

Leonid N. Kondratiev, Postgraduate
at the Department of General Economic
Theory and History of Economic Thought,
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: assasin.screet@yandex.ru

Плотников Владимир Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры общей экономической
теории и истории экономической мысли,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3784-6195

Vladimir A. Plotnikov, Doctor of Sciences
(Economics), Professor, Professor
at the Department of General Economic
Theory and History of Economic Thought,
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3784-6195

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.24

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-150-159>

Трансмиссия внешних рисков на российский рынок ценных бумаг: эмпирический анализ

Т. С. Колмыкова¹✉, Н. А. Субботин¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kgtn_fk@list.ru

Резюме

Актуальность исследования современного состояния финансового рынка России обусловлена значительными изменениями, вызванными геополитическими факторами и санкционными ограничениями. Новые условия для участников финансового рынка обусловлены как экзогенными вызовами и угрозами, так и широкомасштабным распространением цифровых сервисов и технологий. Цифровая трансформация финансовой среды и высокая неопределенность, вызванная внешними обстоятельствами, создают потребность в инновационных финансовых продуктах и услугах, а также формируют новый инновационный ландшафт.

Цель исследования состоит в комплексном изучении глубинных структурных трансформаций отечественного финансового рынка и выработке новых подходов к стратегическому инвестированию в новых условиях.

Задачи исследования состоят в оценке динамики долгового и долевого сегмента финансового рынка, систематизации ключевых трендов его развития с акцентом на внешние шоки.

Методология исследования базируется на комплексном подходе, который сочетает методы системного и сравнительного анализа, статистической обработки эмпирических данных по объекту исследования и визуализации данных.

Результаты исследования подтверждают необходимость разработки адаптивных инвестиционных стратегий для участников финансового рынка, направленных на повышение устойчивости в сложившихся условиях. Обосновано, что архитектура финансового рынка эволюционирует в направлении закрепления модели, где доминирует государственный и квазигосударственный капитал. Анализ подтвердил сокращение интереса отечественных инвесторов к стратегическим активам, снижение горизонта планирования, рост спекулятивной составляющей.

Выводы, полученные в результате исследования, указывают на то, что перспективы развития российского финансового рынка определяются его способностью адаптироваться к условиям новой реальности, минимизируя системные угрозы и находя новые точки роста в условиях структурной трансформации.

Ключевые слова: финансовая система; структурная трансформация финансовой системы; внешние риски; рынок акций; рынок облигаций; рыночная капитализация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Колмыкова Т. С., Субботин Н. А., 2026

Для цитирования: Колмыкова Т. С., Субботин Н. А. Трансмиссия внешних рисков на российский рынок ценных бумаг: эмпирический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 150–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-150-159>

Поступила в редакцию 14.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Transmission of external risks to the Russian securities market: an empirical analysis

Tatyana S. Kolmykova¹✉, Nikolai A. Subbotin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Abstract

The relevance of studying the current state of the Russian financial market is due to significant changes caused by geopolitical factors and sanctions restrictions. The new conditions for financial market participants are driven by both exogenous challenges and threats, as well as the widespread adoption of digital services and technologies. The digital transformation of the financial environment and the high level of uncertainty caused by external circumstances create a need for innovative financial products and services, as well as shape a new innovative landscape.

The purpose of the study is to comprehensively examine the deep-seated structural transformations of the domestic financial market and develop new approaches to strategic investment in the new conditions.

The objectives of the study are to assess the dynamics of the debt and equity segments of the financial market, systematize the key trends of its development, and focus on external shocks.

Methodology. The research methodology is based on a comprehensive approach that combines methods of systematic and comparative analysis, statistical processing of empirical data on the subject of research, and data visualization.

The results of the study confirm the need to develop adaptive investment strategies for financial market participants aimed at increasing their resilience in the current conditions. It is substantiated that the architecture of the financial market is evolving towards a model dominated by state and quasi-state capital. The analysis confirms a decrease in the interest of domestic investors in strategic assets, a shorter planning horizon, and an increase in the speculative component.

Conclusions. The findings of the study indicate that the prospects for the development of the Russian financial market depend on its ability to adapt to the new reality, minimizing systemic threats and finding new growth opportunities in the context of structural transformation.

Keywords: financial system; structural transformation of the financial system; external risks; stock market; bond market; market capitalization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolmykova T.S., Subbotin N.A. Transmission of external risks to the Russian securities market: an empirical analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):150–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-150-159>

Received 14.12.2025

Accepted 12.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Современное состояние финансового рынка России формируется под влиянием внешних вызовов. По мнению аналитиков, ключевые из них определяются гео-

политическими событиями, повлёкшими за собой санкции, высокую волатильность национальной валюты и ограничения в доступе к зарубежному капиталу [1]. Сложные внешние обстоятельства

сопровожаются глобальными трансформационными процессами, связанными с распространением цифровых технологий и широкомасштабным экосистемным взаимодействием [2].

По мнению В. Ю. Анисимовой и Н. М. Тюкавкина, на фоне усиления внешних рисков и угроз возникает потребность в глубинной перестройке механизмов финансового обеспечения экономического роста на новой технологической основе [3]. Особый интерес у аналитиков вызывают методические аспекты диагностики перспектив экономического развития и его ресурсной базы в условиях цифровой трансформации [4].

П. П. Ковалёв отмечает, что цифровые сервисы и технологии составляют базис новой парадигмы социально-экономического развития [5]. Цифровизация экономического пространства актуализирует направления научных изысканий, связанные с оценкой глубины трансформационных процессов и цифровой зрелости агентов финансовой среды [6]. Технологические компетенции участников и особенности экосистемного взаимодействия определяют способность финансового рынка к адаптивному ответу на внешние вызовы и угрозы [7]. Гибкая и устойчивая к рискам финансовая система создает предсказуемую среду для долгосрочных капиталовложений, повышая отдачу от инвестиций [8].

Развитие финансового рынка в условиях цифровой трансформации выступает системообразующим условием для обеспечения нового качества экономического роста, базирующегося на переходе к цифровой парадигме развития [9]. Цифровая трансформация финансового сектора создаёт более устойчивую, инклюзивную и инновационно ориентированную финансовую среду, способную финансировать долгосрочный технологический суверенитет.

Благодаря цифровой трансформации у участников рынка формируется запрос на новые банковские продукты и услуги, а также решения инвестиционного характера. Совершенствование цифровых тех-

нологических решений в финансовой практике определяет новые форматы ведения бизнеса, в т. ч. на основе цифровых платформ, расширяет возможности удаленного взаимодействия [10]. Распространение инновационных сервисов и технологий ужесточает конкуренцию, диверсифицирует бизнес, способствует формированию инновационных экосистем, включающих финансовые организации, маркетплейсы и прочих участников [11].

Экспертные оценки свидетельствуют о том, что современное состояние российской экономики в целом и отечественного финансового рынка в частности – это уже не временное явление [12]. Внешние шоки трансформировали экономическую и финансовую среду, что привело к важным структурным изменениям. Архитектура финансового рынка эволюционирует в направлении закрепления модели, где доминирует государственный и квазигосударственный капитал. Высокая зависимость от денежно-кредитной и бюджетной политики формирует новую парадигму для инвесторов, где анализ внешних рисков выходит на первый план [13].

Санкционные ограничения и отток иностранного капитала не просто сократили число участников, а качественно изменили инвестиционный ландшафт: исчезла существенная часть долгосрочных стратегических инвесторов, резко снизился горизонт планирования, усилилась спекулятивная составляющая [14]. Указанные обстоятельства определяют новую «нормальность» отечественного финансового рынка.

Материалы и методы

Основу исследования составили эмпирические данные, отражающие динамику российского финансового рынка. В подготовке аналитической части использованы материалы Банка России, Мосбиржи, обзоры экспертных агентств о состоянии долевого и долгового сегментов отечественного финансового рынка, а также специализированные отраслевые

публикации. Изучены научные работы, посвященные исследованию факторов внешней среды, повлекших структурные трансформации финансового рынка России. Применены методы системного и сравнительного анализа, статистической обработки информации и визуализации данных, что позволило обеспечить комплексность и достоверность выводов.

Результаты и их обсуждение

Анализ рынка ценных бумаг России проведем с позиции оценки динамики двух сегментов – акций и облигаций. Данные активы составляют основу национального фондового рынка. Для иссле-

дования текущего состояния рынков акций и облигаций обратимся к рыночным индексам.

Ключевым для оценки рынка акций является индекс Мосбиржи, который является главным индикатором российского фондового рынка. Его расчет строится на основе цен пятидесяти наиболее ликвидных акций крупнейших отечественных компаний и учитывает их рыночную капитализацию. Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. значительно повлияло на котировки российских акций, что отразилось в изменившихся значениях индекса Мосбиржи (рис. 1).

Рис. 1. Динамика индекса Мосбиржи в 2021–2025 гг.¹

Значение индекса опустилось ниже минимальных отметок 2020–2021 гг., периода пандемии COVID-19. В день начала военных действий, 24 февраля 2022 г., индекс Мосбиржи в ходе торгов падал на 54,4%, но к закрытию торгов снижение сократилось до 44,1%.

Рецессия, которая началась в российской экономике в мае 2024 г., характеризуется периодом активного повышения ключевой ставки Банка России. В условиях повышения процентов по вкладам инвесторы распродавали ценные бумаги и размещали средства в депозитах. Такая стратегия является предпочтительной, по-

скольку условия для дальнейшего роста рынка становятся менее прогнозируемыми, а доходность по вкладам растет [15].

Поставленный в октябре 2024 г. максимум по ключевой ставке на уровне 21% сохранялся в течение последующих восьми месяцев. Несмотря на это, котировки не стояли на месте, а рынок показывал стремительный рост даже в столь неблагоприятных макроэкономических условиях. Смягчение денежно-кредитной

¹ Котировки индекса Мосбиржи в 2021–2025 гг. URL: <https://www.tradingview.com/x/hXITu4uq> (дата обращения: 06.11.2025).

политики, начавшееся в июне, не оказало поддержки фондовому рынку. Рост индекса Мосбиржи так и не состоялся.

Дополним оценку фондового рынка на основе исследования индекса РТС.

Этот показатель используется среди иностранных инвесторов, учитывающих валютные риски в своих инвестициях. Динамика индекса РТС позволяет сделать следующие выводы (рис. 2).

Рис. 2. Динамика индекса РТС в 2021–2025 гг.¹

Имеют место расхождения в динамике между индексами ММВБ и РТС в период повышенной турбулентности на валютном рынке. После резкого падения в феврале 2022 г. уже к июню значение индекса РТС практически вернулось к уровню, наблюдавшемуся до начала СВО. Это восстановление во многом было обеспечено укреплением рубля по отношению к доллару. Тогда доллар снизился со 120 руб. до 51,4 руб. за единицу валюты.

Новый этап активного снижения цен на рынке начался в мае 2024 г., когда регулятор перешел к ужесточению денежно-кредитной политики. Ситуацию усугубила также негативная динамика на валютном рынке. В этот период заметна более строгая синхронизация между индексами. Данная ситуация сохраняется и на сегодняшний момент.

Оценивая связь между индексами ММВБ и РТС, следует отметить высокую степени схожести их динамики. Расхождения в основном наблюдаются в перио-

ды высокой рыночной волатильности на финансовых рынках.

Более упрощённую оценку изменениям на рынке акций России даёт показатель его капитализации (табл. 1).

За истекшие пять лет наибольшее значение по данному показателю зафиксировано в 2021 г. до начала СВО. Тогда капитализация рынка составляла 62,6 трлн руб. В 2022 г. капитализация снизилась на 38,9% до 38,2 трлн руб.

Восстановившись в 2023 г. до уровня 56,9 трлн руб., рынок по итогам 2024 г. значительных изменений не показал. Таким образом, на пятилетнем горизонте национальный рынок долгосрочных инвестиций демонстрирует неустойчивость.

Вызывает интерес оценка рынка с точки зрения произошедших структурных изменений. Значительную долю рынка занимают десять наиболее крупных российских компаний. За последние пять лет этот показатель колебался в диапазоне от 60,9% до 66,7%. Это свидетельствует о серьёзной структурной проблеме, поскольку чрезмерная зависимость от нескольких эмитентов повышает волатильность всего отечественного фондового рынка.

¹ Котировки индекса РТС в 2021–2025 гг.
URL: <https://www.tradingview.com/x/mWsjTPSB/>
(дата обращения: 06.11.2025).

Таблица 1. Показатели развития рынка акций России в 2020–2024 гг.¹

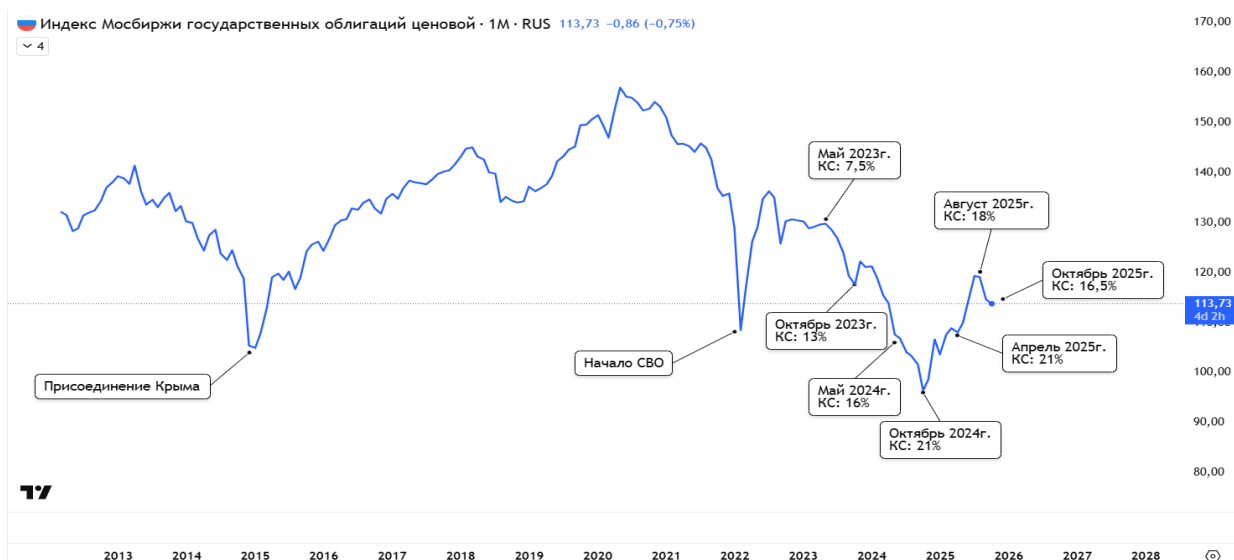
Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Капитализация рынка акций РФ, млрд руб.	51427	62603	38238	56980	53015
Темпы прироста (убыли), %	–	+21,7	–38,9	+49	–6,9
Объем топ-10 крупнейших эмитентов, млрд руб.	33702	41798	23297	36049	33517
Доля топ-10 эмитентов в структуре рынка, %	65,5	66,7	60,9	63,2	63,2
Всего доступно акций (обыкновенные + привилегированные), шт.	262	257	239	240	251
Всего физических лиц с открытыми брокерскими счетами, млн чел.	14	17	22,9	29,7	35,1
Темпы прироста, %	–	21,4	34,7	29,6	18,1

Наблюдается статичная ситуация с количеством эмитентов на бирже. Одна из проблем российского рынка в том, что мало компаний выходят на IPO, что ограничивает возможности инвестирования.

О повышенном интересе к работе фондового рынка в целом можно судить по данным о росте числа физических лиц с открытыми брокерскими счетами. На 1 января 2025 г., по информации Московской биржи, количество частных лиц, имеющих такие счета, достигло 35,1 млн человек². За последние пять лет наблюда-

ется серьезный рывок в повышении уровня финансовой грамотности населения страны. По сравнению с 2020 г., данный показатель вырос в 2,5 раза. Это формирует объективные предпосылки к развитию рынка ценных бумаг в России. Привлеченный капитал может стать драйвером для переоценки акций и других финансовых инструментов.

Для оценки сегмента облигаций обратимся к индексу RGBI (Russian Government Bond Index) (рис. 3).

Рис. 3. Изменение индекса RGBI в 2012–2025 гг.³

¹ Рыночная капитализация по данным Московской биржи. URL: <https://www.moex.com/s26> (дата обращения: 06.11.2025).

² Индекс Московской биржи. URL: <https://www.moex.com/ru/index/IMOEX> (дата обращения: 06.11.2025).

³ Котировки индекса RGBI. URL: <https://www.tradingview.com/x/8HNB8wyNE/> (дата обращения: 06.11.2025).

RGBI представляет собой биржевой индекс, который отражает общее движение цен на самые ликвидные долгосрочные государственные облигации (ОФЗ) с фиксированным купоном. Его значение напрямую зависит от того, дорожают или дешевеют ценные бумаги.

Исходя из рисунка 3, можно сделать вывод, что индекс государственных облигаций в 2024 г. обновил своё наименьшее значение – 98 б.п., которое было зафиксировано в период присоединения Крыма в 2014 г. Так, в октябре 2024 г. инвесторам был предоставлен беспрецедентный случай для вложений в ОФЗ. Торгуясь с глубоким дисконтом, ОФЗ позволяли получить наиболее высокую купонную доходность по самым надежным инструментам на рынке, а также рассчитывать на ценовой рост имеющихся облигаций.

В отличие от рынка акций на долговом рынке наблюдается более строгая корреляция котировок с ключевой ставкой Банка России. Начавшийся цикл смягчения денежно-кредитной политики поддержал рынок ОФЗ. За 10 месяцев (с октября 2024 г. по август 2025 г.) индекс отыграл падение с 95 до 122 пунктов (+27,5%). Это отражает предсказуемость динамики в сегменте долговых ценных бумаг.

Облигации считаются востребованным источником заёмных средств для организаций и государства. Это отражает устойчивый растущий тренд по выпущенным на внутреннем рынке долговыми бумагам (рис. 4). За пятилетний период совокупный объём рынка облигаций продемонстрировал рост с 31,161 трлн руб. до 53,424 трлн руб. Номинальный прирост составил 71,4%.

На фоне подобной динамики на рынке облигаций появляется всё больше эмитентов, предоставляющих свои бумаги инвесторам. Такая диверсификация компаний-заёмщиков положительно сказывается на фондовом рынке страны, даёт возможность инвесторам выбирать лучшие инструменты и формировать более сбалансированные портфели исходя из своих целей, уровня риска и ожидаемой доходности. Рост числа эмитентов способствует повышению конкуренции за средства инвесторов, что, в свою очередь, стимулирует компании улучшать условия размещения и повышать прозрачность своей финансовой отчётности. В результате усиливается доверие к рынку корпоративных облигаций, а сам рынок становится более ликвидным и устойчивым.

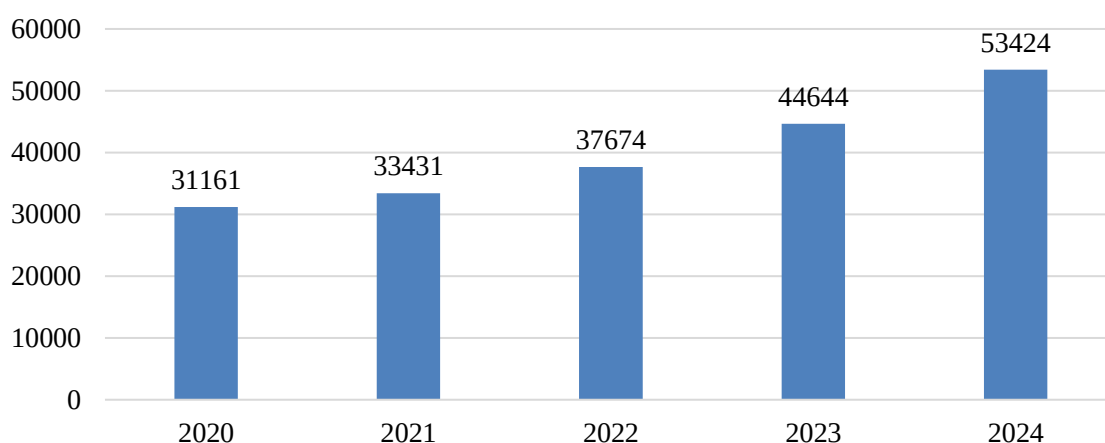

Рис. 4. Совокупный объем долговых ценных бумаг, выпущенных на внутреннем рынке, в 2020–2024 гг., млрд руб.¹

¹ Объем внутреннего рынка долговых бумаг России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue (дата обращения: 06.11.2025).

Тенденция возрастания конкурентной борьбы за средства инвесторов подтверждается динамикой вложений физических лиц в облигационные инструменты (рис. 5). Наблюдается ситуация, при

которой объём инвестиций розничных инвесторов остаётся недостаточным для полного покрытия объёма эмиссий на внутреннем рынке.

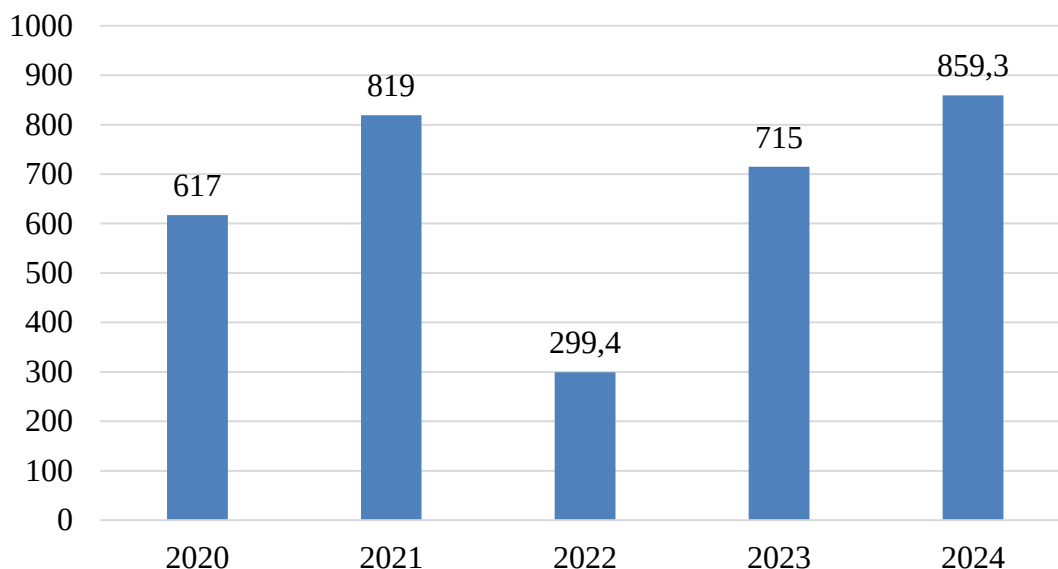

Рис. 5. Объём вложений физических лиц в облигации в 2020-2024 гг., млрд руб.¹

По итогам 2024 г. физические лица вложили в облигации 859,3 млрд руб., что является рекордом за последние пять лет. В 2023 г. частные инвесторы также проявили высокую активность, разместив в облигациях более 715 млрд руб. Этот показатель превысил результат за 2022 г. на 138,8%. В структуре инвестиций корпоративные облигации заняли 72%, тогда как на долю федеральных и региональных бумаг пришлось 28%.

Выводы

На сегодняшний день рынок акций остаётся значительно более чувствительным к политическим и внешнеэкономическим факторам. В сложившихся условиях именно геополитическая неопределённость выступает ключевым ограничителем для роста рыночной капитализации.

Несмотря на сохраняющиеся макроэкономические и геополитические риски, сегмент долгового рынка демонстрирует

высокую степень устойчивости и способность к дальнейшему развитию. Его динамика свидетельствует о сформировавшихся механизмах адаптации к изменяющимся условиям финансовой среды, что позволяет рассматривать рынок облигаций как один из наиболее стабильных элементов национальной финансовой системы.

Таким образом, отечественный финансовый рынок остаётся заложником геополитической неопределённости. В новой финансовой реальности рынок облигаций берёт на себя роль основного драйвера развития, компенсируя повышенную волатильность и ограниченный потенциал роста рынка акций, который продолжает оставаться под сильнейшим давлением внешних факторов.

¹ Специальный обзор долгового рынка от ГК Регион. URL: https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/Region_FIR_3M2024.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

Список литературы

1. Ковальчук Ю. А., Степнов И. М. Стратегии технологического лидерства: возможности для ресурсно-богатых стран и действие ресурсного проклятия // Новые орбиты международных связей: экспорт, миграция, космос: монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2024. С. 328–334.
2. Колмыкова Т. С., Ковалев П. П. Экосистемы как глобальный тренд цифровизации экономического пространства // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 123–128.
3. Анисимова В. Ю., Тюкавкин Н. М. Исследование реинжиниринга инноваций в инвестиционных бизнес-процессах организаций // Вестник Академии. 2022. № 2. С. 14–24.
4. Маслов А. Ю. Методический инструментарий оценки ресурсного обеспечения региона в новых экономических условиях // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 14 (164), № 11. С. 145–152.
5. Ковалёв П. П. Совершенствование инновационной среды высокотехнологичных производств в интересах национальной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 3 (66). С. 181–186.
6. Бабкин А. В., Глухов В. В., Шкарупета Е. В. Методика оценки цифровой зрелости отраслевых промышленных экосистем // Организатор производства. 2022. Т. 30, № 3. С. 7–20.
7. Зеленов А. В., Мерзлякова Е. А., Колмыкова Т. С. Человеческий капитал в цифровой экономике: тенденции развития, особенности измерения, возможности управления: монография. Курск: Университетская книга, 2021. 149 с.
8. Мерзлякова Е. А., Ковалёв П. П., Бридский Е. В. Аналитические аспекты исследования цифровизации региональной экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 4 (91). С. 92–102.
9. Лобанов И. В. Исследование направлений и перспектив регионального экономического развития в условиях цифровой трансформации // Финансовый бизнес. 2025. № 9. С. 43–46.
10. Колмыкова Т. С., Ковалев П. П. Цифровая трансформация бизнеса в контексте стратегии непрерывного совершенствования // Управленческий учет. 2022. № 7-2. С. 250–256.
11. Колмыкова Т. С., Астапенко Е. О., Грибов Р. В. Распространение инновационных сервисов и технологий как фактор роста конкуренции на финансовом рынке // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 1 (121). С. 76–81.
12. Адаптивная стратегия развития организации в условиях цифровой трансформации / О. П. Овчинникова, Н. И. Турко, С. В. Чемезов, П. Г. Филиппов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1, № 12 (165). С. 191–199.
13. Обухова А. С., Ершова И. Г., Семенов Р. В. Научно-инновационный потенциал как драйвер государственного управления технологическим развитием // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 570–573.
14. Астапенко Е. О., Владимирова А. Р., Субботин Н. А. О направлениях денежно-кредитной политики и защитных мерах по предотвращению негативного воздействия санкций на национальную экономику // Управленческий учет. 2023. № 5. С. 250–257. <https://doi.org/10.25806/uu52023250-257>
15. Губернаторов А. М., Ивко Д. Г. К вопросу об оценке ценности акций российских компаний на основе применения метода мультипликаторов // Индустриальная экономика. 2022. № 6. С. 70–79.

References

1. Kovalchuk Yu.A., Stepnov I.M. Technological leadership strategies: opportunities for resource-rich countries and the impact of the resource curse. In: New orbits of international relations: export, migration, space. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet aéro-kosmicheskogo priborostroeniya; 2024. P. 328–334. (In Russ.)
2. Kolmykova T.S., Kovalev P.P. Ecosystems as a global trend in the digitalization of the economic space. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* = *Society: Politics, Economics, Law*. 2023;(5):123–128. (In Russ.)

3. Anisimova V.Yu., Tyukavkin N.M. Research of innovation reengineering in investment business processes of organizations. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*. 2022;(2):14–24. (In Russ.)
4. Maslov A.Yu. Methodological tools for assessing the resource provision of a region in new economic conditions. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025;14(11):145–152. (In Russ.)
5. Kovalev P.P. Improvement of the innovation environment of high-tech industries in the interests of the national economy. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2024;(3):181–186. (In Russ.)
6. Babkin A.V., Glukhov V.V., Shkarupeta E.V. Methodology for assessing the digital maturity of industrial ecosystems. *Organizer of Production*. 2022;30(3):7–20. (In Russ.)
7. Zelenov A.V., Merzlyakova E.A., Kolmykova T.S. Human Capital in the Digital Economy: Development Trends, Measurement Features, Management Opportunities. Kursk: Universitetskaya kniga; 2021. (In Russ.)
8. Merzlyakova E.A., Kovalev P.P., Bridsky E.V. Analytical aspects of studying the digitalization of the regional economy. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2022;(4):92–102. (In Russ.)
9. Lobanov I.V. Research of directions and prospects of regional economic development in the conditions of digital transformation. *Finansovyi biznes = Financial Business*. 2025;(9):43–46. (In Russ.)
10. Kolmykova T.S., Kovalev P.P. Digital transformation of business in the context of the strategy of continuous improvement. *Upravlencheskii uchet = Management accounting*. 2022;(7-2):250–256. (In Russ.)
11. Kolmykova T.S., Astapenko E.O., Gribov R.V. The spread of innovative services and technologies as a factor in increasing competition in the financial market. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economy and Management: Problems, Solutions*. 2022;2(1):76–81. (In Russ.)
12. Ovchinnikova O.P., Turko N.I., Chemezov S.V., Filippov P.G. Adaptive strategy for organization development in the context of digital transformation. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025;1(12):191–199. (In Russ.)
13. Obukhova A.S., Ershova I.G., Semenov R.V. Scientific and innovative potential as a driver of public management of technological development. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(1):570–573. (In Russ.)
14. Astapenko E.O., Vladimirova A.R., Subbotin N.A. On the directions of monetary policy and protective measures to prevent the negative impact of sanctions on the national economy. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2023;(5):250–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.25806/uu52023250-257>
15. Gubernatorov A.M., Ivko D.G. On the issue of assessing the value of shares of Russian companies based on the application of the multipliers method. *Industrial'naya ekonomika = Industrial Economics*. 2022;(6):70–79. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Колмыкова Татьяна Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

Tatyana S. Kolmykova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

Субботин Николай Александрович, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ykmpbd@gmail.com

Nikolai A. Subbotin, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ykmpbd@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 336.02

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-160-177>**Оценка эффективности контрольной деятельности
Федеральной налоговой службы России в условиях
цифровой трансформации налогового администрирования****Ю. Ф. Аношина¹✉, С. Ю. Симонов²**

¹ Российский государственный социальный университет
ул. Стромынка, д. 18/4, г. Москва 107076, Российская Федерация

² Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
ул. Земляной Вал, д. 73, г. Москва 109004, Российская Федерация

✉ e-mail: AnoshinaluF@rgsu.net

Резюме

Актуальность. В условиях ускоренной цифровой трансформации налогового администрирования, глубокой трансформации предпринимательской среды (включая рост самозанятости и сокращение числа юридических лиц) и перехода к риск-ориентированному контролю возрастает необходимость комплексной оценки эффективности деятельности Федеральной налоговой службы, Российской Федерации, учитывающей как фискальные, так и качественные показатели, включая уровень сервиса и цифровую зрелость системы.

Цель исследования – оценить эффективность контрольной деятельности налоговых органов Российской Федерации на основе анализа динамики налоговых поступлений, собираемости, задолженности, а также структурных изменений в составе налогоплательщиков и моделях налогового контроля за 2020–2024 гг.

Задачи. Для достижения цели решались следующие задачи: анализ динамики численности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и самозанятых; оценка результативности камеральных и выездных проверок; исследование объемов доначислений; изучение уровня цифровизации взаимодействия с налогоплательщиками и изменения кадрового обеспечения Федеральной налоговой службы.

Методология. В работе использованы системный, сравнительный и структурно-логический анализ, а также количественные методы обработки статистики: группировка, индексный, трендовый и SWOT-анализ. Информационную базу составили официальные данные Федеральной налоговой службы России, Министерства финансов Российской Федерации и Росстата.

Результаты. Установлено, что налоговые поступления выросли в 2,7 раза (до 56,3 трлн руб.), число выездных проверок сократилось на 47,5% при сохранении их результативности на уровне 97,4%, объем доначислений увеличился на 63 % (до 408 млрд руб.), число самозанятых выросло в 7,6 раза (до 12,17 млн), а охват цифровыми кабинетами – с 22 до 66,7 млн человек при сокращении численности персонала Федеральной налоговой службы на 2%.

Выводы. Модель налогового администрирования ФНС России демонстрирует высокую адаптивность и эффективность, однако требует дальнейшего развития доверительных отношений с налогоплательщиками, усиления превентивного контроля, дифференциации подходов в зависимости от профиля рисков и повышения налоговой грамотности населения.

Ключевые слова: налоговый контроль; камеральные проверки; выездные проверки; налоговая собираемость; цифровизация; риск-ориентированный подход.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю., 2026

Для цитирования: Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю. Оценка эффективности контрольной деятельности Федеральной налоговой службы России в условиях цифровой трансформации налогового администрирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 160–177. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-160-177>

Поступила в редакцию 18.12.2025

Принята к публикации 15.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Assessment of the effectiveness of the control activities of the Federal Tax Service of Russia in the context of the digital transformation of tax administration

Yulia F. Anoshina¹, Sergey Yu. Simonov² ✉

¹ Russian State Social University
18/4 Stromynka Str., Moscow 107076, Russian Federation

² K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)
73 Zemlyanoy Val Str., Moscow 109004, Russian Federation

✉ e-mail: AnoshinaluF@rgsu.net

Abstract

Relevance. In the context of the accelerated digital transformation of tax administration, the deep transformation of the business environment (including the growth of self-employment and the reduction of the number of legal entities) and the transition to risk-oriented control, the need for a comprehensive assessment of the effectiveness of the Federal Tax Service, the Russian Federation, taking into account both fiscal and qualitative indicators, including the level of service and digital maturity of the system.

The purpose of the study – to assess the effectiveness of the control activities of the tax authorities of the Russian Federation based on an analysis of the dynamics of tax revenues, collection, debt, as well as structural changes in the composition of taxpayers and tax control models for 2020-2024.

Objectives. To achieve the goal, the following tasks were solved: analysis of the dynamics of the number of legal entities, individual entrepreneurs and self-employed; assessment of the effectiveness of desk and field inspections; study of the volume of additional charges; study of the level of digitalization of interaction with taxpayers and changes in staffing of the Federal Tax Service.

Methodology. The paper uses system, comparative and structural-logical analysis, as well as quantitative methods for processing statistics: grouping, index, trend and SWOT analysis. The information base was compiled by official data from the Federal Tax Service of Russia, the Ministry of Finance of the Russian Federation and Rosstat.

Results. It was established that tax revenues increased 2.7 times (up to 56.3 trillion rubles), the number of field inspections decreased by 47.5% while maintaining their effectiveness at 97.4%, the volume of additional charges increased by 63% (up to 408 billion rubles), the number of self-employed increased 7.6 times (up to 12.17 million), and coverage of digital offices – from 22 to 66.7 million people with a reduction in the number of personnel of the Federal Tax Service by 2%.

Conclusions. The tax administration model of the Federal Tax Service of Russia demonstrates high adaptability and efficiency, however, it requires further development of trust relations with taxpayers, strengthening preventive control, differentiating approaches depending on the risk profile and increasing the tax literacy of the population.

Keywords: tax control; desk audits; field audits; tax collection; digitalization; risk-based approach.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Anoshina Y.F., Simonov S.Yu. Assessment of the effectiveness of the control activities of the Federal Tax Service of Russia in the context of the digital transformation of tax administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):160–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-160-177>

Received 18.12.2025

Accepted 15.01.2026

Published 27.02.2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):160–177

Введение

Налоговая система РФ играет ключевую роль в формировании доходов бюджетов всех уровней. В условиях цифровой трансформации, внешних вызовов и трансформации предпринимательской среды возрастает значимость эффективной деятельности ФНС России как центрального органа налогового администрирования. Современные задачи требуют перехода от репрессивного контроля к проактивной, клиентоориентированной модели, основанной на аналитике и доверительном взаимодействии с добросовестными налогоплательщиками.

Оценка эффективности ФНС сегодня предполагает не только анализ фискальных показателей (поступления, собираемость, задолженность), но и учёт качественных аспектов – уровня цифровизации, качества сервиса и операционной эффективности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного осмысления изменений в налоговом контроле за 2020–2024 гг. и выработки стратегических направлений его развития на среднесрочную перспективу.

Материалы и методы

В качестве теоретической и информационной базы исследования использованы нормативно-правовые акты (Налоговый кодекс Российской Федерации, федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, приказы Федеральной налоговой службы России) и открытые статистические данные с официальных ресурсов Федеральной налоговой службы (<https://analytic.nalog.ru>, nalog.gov.ru).

Период анализа – 2020–2024 гг., охватывающий ключевые макроэкономические вызовы (пандемия, геополитическая напряжённость, санкции) и налоговые реформы (введение Единого налогового счёта, платформы «Налог-3», налога на профессиональный доход и др.).

Методологическую основу составили системный подход, анализ, синтез, срав-

нительный анализ, SWOT-анализ, а также методы группировки и классификации.

В центре внимания – показатели: объём налоговых поступлений, собираемость, задолженность, количество и результативность камеральных и выездных проверок, объёмы доначислений, уровень цифровизации (личные кабинеты, машинчитаемые доверенности) и численность персонала Федеральной налоговой службы. Такой комплексный подход обеспечил всестороннюю оценку эффективности контрольной деятельности и позволил сформулировать обоснованные выводы и рекомендации.

Результаты и их обсуждение

Федеральная налоговая служба (ФНС) России – ключевой орган государственного управления в сфере налогообложения, подведомственный Минфину РФ. Она обеспечивает соблюдение налогового законодательства и формирование доходной базы бюджетов всех уровней. Деятельность ФНС основана на принципах законности, справедливости, прозрачности и защиты прав налогоплательщиков¹.

Структура ФНС отличается высокой степенью централизации и функциональной специализации: она включает центральный аппарат, территориальные управления по субъектам РФ, инспекции по районам и городам, а также специализированные межрегиональные инспекции [1]. Последние решают узконаправленные задачи: координацию по федеральным округам, контроль за крупнейшими налогоплательщиками, обработку данных, камеральный анализ, управление долгом, надзор за использованием бюджетных средств, регулирование ценооб-

¹ Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 г. № 506. URL: <https://base.garant.ru/70170954/> (дата обращения: 16.11.2025).

разования и взаимодействие с региональными налогоплательщиками. В условиях цифровой трансформации всё большее значение приобретают технологические, аналитические и регуляторные функции службы.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации, являясь центральным органом налогового администрирования, осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах в отношении всех категорий налогопла-

тельщиков – юридических и физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей (ИП) и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). В условиях растущей сложности экономических процессов, цифровизации предпринимательской деятельности и трансформации организационно-правовых форм ведения бизнеса масштаб и структура налогоплательщиков становятся ключевыми индикаторами как деловой активности, так и эффективности государственного регулирования (рис. 1).

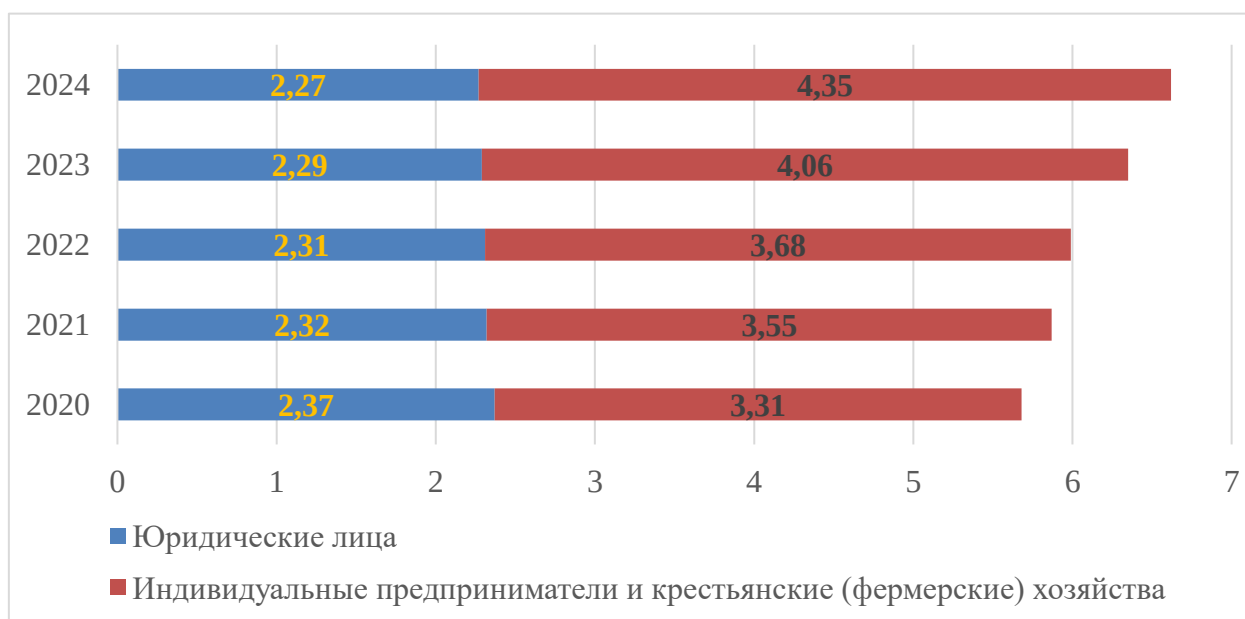

Рис. 1. Динамика количества юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, зарегистрированных в Российской Федерации в 2020–2024 гг. (на конец года), млн ед. (https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/fts/activities_fts/)

В 2020–2024 гг. в России наблюдается структурная трансформация предпринимательской среды: число юридических лиц сократилось с 2,37 млн до 2,27 млн (на 4,2%), что связано с оптимизацией бизнеса, ужесточением регулирования и исключением неактивных компаний из ЕГРЮЛ. В то же время количество индивидуальных предпринимателей и крестьянских хозяйств выросло с 3,31 млн до 4,35 млн (+31,4%), отражая рост интереса к более гибким и менее затратным формам ведения деятельности. В целом совокупное число субъектов предпринимательства увеличилось с 5,68 млн до

6,62 млн (+16,6%), подтверждая расширение предпринимательской базы страны.

В условиях трансформации экономической среды и усиления роли цифровых технологий в налоговой политике особое значение приобретает анализ структурных изменений в составе субъектов предпринимательской деятельности как одного из ключевых индикаторов деловой активности и эффективности государственного регулирования. Данные о количественной динамике юридических лиц, индивидуальных предпринимателей (ИП), субъектов малого и среднего пред-

принимательства (МСП), а также самозанятых граждан позволяют оценить не только уровень предпринимательской

инициативы, но и степень адаптации экономики к изменяющимся налогово-административным условиям (рис. 2).

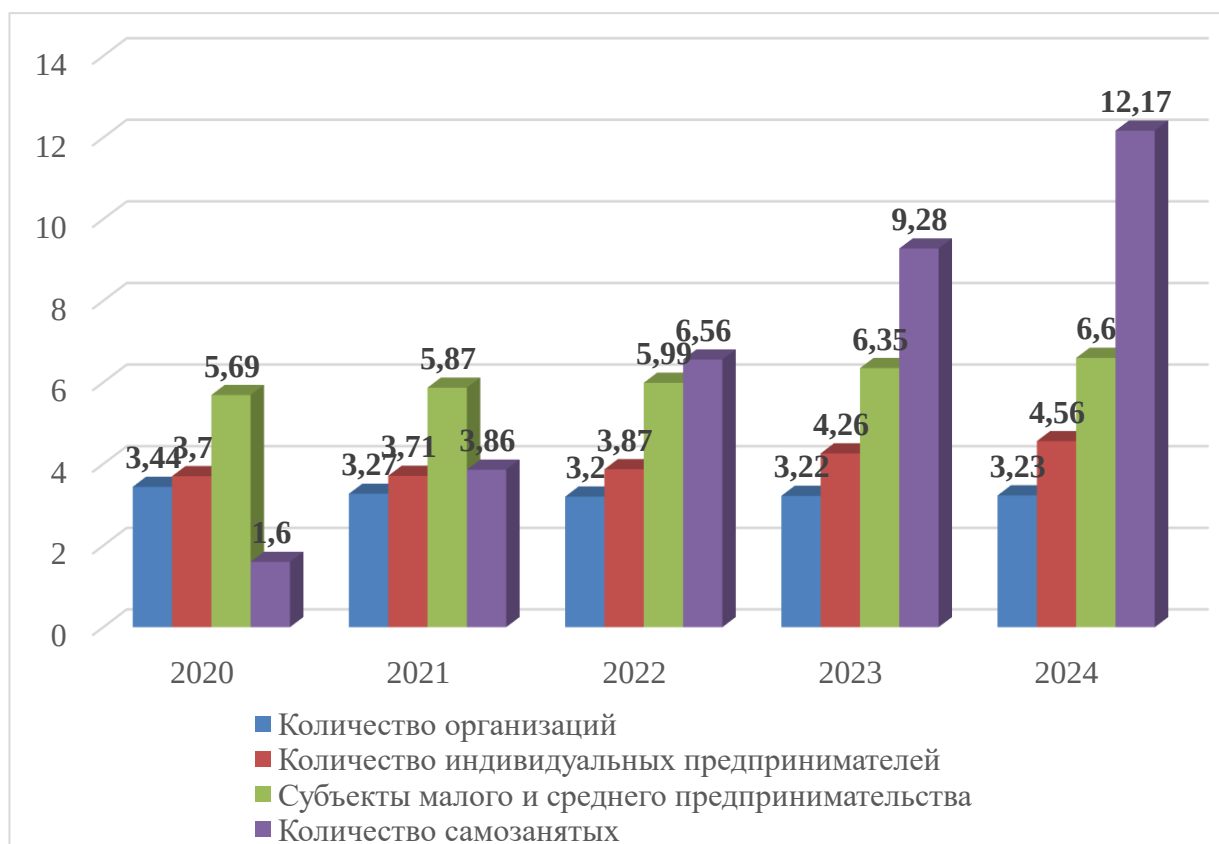

Рис. 2. Динамика количества субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации в 2020–2024 гг. (на начало года), млн ед. (<https://analytic.nalog.gov.ru/>)

Анализ динамики количественных показателей субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации за 2020–2024 гг. в рамках оценки эффективности контрольной деятельности налоговых органов свидетельствует о глубокой структурной трансформации предпринимательской среды, обусловленной как регуляторными инициативами, так и адаптационными стратегиями экономических агентов.

За 2020–2024 гг. наблюдается устойчивый рост числа индивидуальных предпринимателей (+23,2%, в т. ч. +7,0% в 2024 г.), что свидетельствует о переходе деловой активности к более гибким и менее регулируемым формам ведения бизнеса. Этот тренд обусловлен льготными налоговыми режимами, упрощенной ре-

гистрацией и усилиями ФНС по легализации теневой занятости.

Сектор малого и среднего предпринимательства (МСП) вырос на 15,99%, подтвердив свою роль как ключевого драйвера занятости и налоговых поступлений.

Особо выделяется экспоненциальный рост числа самозанятых – с 1,60 млн до 12,17 млн (+760,6%), что стало результатом успешного внедрения налога на профессиональный доход, цифровизации (приложение «Мой налог») и разъяснительной работы ФНС. Самозанятые стали важным каналом легализации неформальной экономики и источником доходов для региональных и местных бюджетов.

Для контроля за соблюдением налогового законодательства налоговые органы проводят налоговые проверки.

Камеральные налоговые проверки представляют собой один из ключевых инструментов контрольной деятельности ФНС России, направленных на обеспечение соблюдения налогового законодательства без проведения выездных мероприятий [2]. В условиях цифровой трансформации налогового администрирования, усиления автоматизированного анализа отчётности и расширения использования аналитических платформ (таких как «Налоговый мониторинг» и «АСК НДС-2»), эффективность камерального контроля становится важным индикатором качества налогового администрирования [3]. Данные за 2020–2024 гг. (рис. 3) позволяют оценить как масштабы применения камеральных проверок, так и

их результативность в выявлении налоговых правонарушений, что особенно актуально в контексте научного исследования, посвящённого оценке эффективности контрольной деятельности налоговых органов. Анализ динамики данных показателей демонстрирует не только трансформацию объёмов контрольной нагрузки, но и то, как налоговая служба адаптируется к новым вызовам, в частности, усиливает борьбу с уклонением от уплаты налогов и способствует росту прозрачности предпринимательской деятельности.

Рассмотрим основные тенденции ключевых показателей контрольной работы по камеральным налоговым проверкам за 2020–2024 гг. (рис. 3).

Рис. 3. Динамика проведенных камеральных проверок по России в 2020–2024 гг. (<https://www.nalog.gov.ru/rn77/>)

Общее число камеральных проверок сократилось с 61,5 млн в 2020 г. до 52,7 млн в 2023 г. (–14,2%), что отражает переход ФНС от массового контроля к риск-ориентированному подходу. В 2024 г. объём проверок умеренно вырос до 54,1 млн (100,2% от уровня 2020 г.), что может свидетельствовать о завершении

этапа оптимизации и стабилизации контрольной нагрузки.

При этом количество выявленных нарушений в 2024 г. составило 2,46 млн (на 6% больше, чем в 2023 г., и лишь на 4,7% меньше, чем в 2020 г.), несмотря на снижение общего числа проверок. Это указывает на рост точности и целена-

правленности контроля. Резкий скачок в 2022 г. (2,98 млн нарушений) был, вероятно, связан с ужесточением контроля в условиях макроэкономической нестабильности [4], а последующая стабилизация в 2023–2024 гг. отражает переход к

более сбалансированной и предсказуемой модели администрирования.

Ключевым индикатором эффективности является доля результативных проверок (выявивших нарушения) в общем числе проведённых камеральных налоговых проверок (рис. 4).

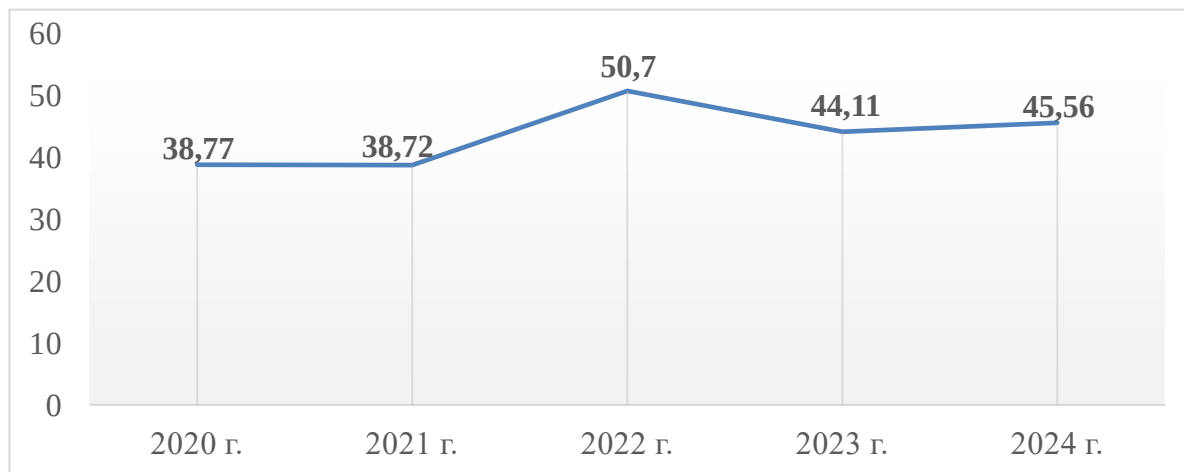

Рис. 4. Доля результативных проверок (выявивших нарушения) в общем числе проведённых камеральных налоговых проверок в 2020–2024 гг. (<https://www.nalog.gov.ru/rn77/>)

В среднем за 2020–2024 гг. на каждую 1 000 камеральных проверок приходилось 43,6 выявленных нарушения. Максимальная результативность зафиксирована в 2022 г. (50,7 нарушения на 1 000 проверок), что связано с усилением цифрового контроля и аналитических возможностей ФНС после пандемии. В последующие годы показатель оставался выше докризисного уровня, подтверждая рост качества и целенаправленности камерального контроля.

В условиях цифровой трансформации и внедрения платформ («Налог-3», «АСК НДС», «Налоговый мониторинг») эффективность камеральных проверок всё чаще оценивается не только по числу нарушений, но и по объёму доначисленных платежей (налоги, пени, штрафы), что отражает успешность использования цифровых инструментов для выявления недоимок и снижения налоговых рисков. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика платежей, дополнительно начисленных в ходе проведённых камеральных проверок, в 2020–2024 гг. (на конец года)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2024 в % к 2020	2024 в % к 2023
Всего дополнительно начислено платежей, млн руб.	37733	52518	94712	96070	130740	254,60	136,09
Из них налогов	21484	352140	65795	79788	97046	371,38	121,63
Доля налогов в доначислениях по результатам камеральных проверок, %	56,94	670,51	69,47	83,05	74,23	145,87	89,38

Примечание. Составлено на основе <https://www.nalog.gov.ru/rn77/>.

В 2020–2024 гг. объём доначислений по итогам камеральных проверок вырос с 37,7 млрд до 130,7 млрд руб. (в 2,5 раза), что свидетельствует о росте аналитического потенциала ФНС и усилении контрольных механизмов. Налоговая составляющая увеличилась с 21,5 млрд до 97,0 млрд руб. (в 4,5 раза), однако её доля в общем объёме доначислений снизилась с 89,4% в 2023 г. до 74,2% в 2024 г., что указывает на значительный рост пени и штрафов, вероятно, из-за выявления более сложных и длительных нарушений или ужесточения ответственности [5].

Выездные проверки остаются наиболее интенсивной формой контроля, направленной на выявление нарушений среди организаций, ИП и физических лиц [6]. В условиях цифровизации и усиления

камерального контроля их объём и структура отражают переход ФНС к риск-ориентированному надзору и снижению административной нагрузки на добросовестных налогоплательщиков. Данные за 2020–2024 гг. позволяют оценить, как меняется интенсивность выездного контроля, какие категории налогоплательщиков остаются в фокусе внимания налоговых органов и насколько эффективно используются ресурсы ФНС для выявления нарушений (табл. 2). В контексте научного исследования, посвящённого оценке эффективности контрольной деятельности ФНС России, представленный анализ служит ключевым эмпирическим основанием для анализа трансформации подходов к налоговому контролю в РФ.

Таблица 2. Динамика выездных налоговых проверок и выявленных в их рамках нарушений в Российской Федерации в 2020–2024 гг. (на конец года)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2024 в % к 2020	2024 в % к 2023
Выездные проверки организаций, индивидуальных предпринимателей и других лиц, занимающихся частной практикой	7 909	5 934	7 773	5 212	4 741	59,94	90,96
Из них выявившие нарушения	6967	5 658	7 428	5 050	4 630	66,46	91,68
Выездные проверки физических лиц (за исключением индивидуальных предпринимателей и лиц, занимающихся частной практикой)	1425	230	356	216	155	10,88	71,76
Из них выявившие нарушения	1255	219	300	186	137	10,92	73,66
Выездные проверки организаций, индивидуальных предпринимателей, лиц, занимающихся частной практикой и физических лиц, всего	9 334	6 164	8 129	5 428	4 896	52,45	90,20
Из них выявившие нарушения	8 977	5 877	7 728	5 236	4 767	53,10	91,04

Примечание. Составлено на основе <https://www.nalog.gov.ru/rn77/>.

В 2020–2024 гг. наблюдалось последовательное сокращение числа выездных налоговых проверок – с 9 334 до 4 896 (52,45% от уровня 2020 г.), что свидетельствует о стратегическом переходе

ФНС России к риск-ориентированному и избирательному надзору. Снижение объёмов контроля обусловлено как стремлением уменьшить административную нагрузку на добросовестных налогопла-

тельщиков, так и перераспределением ресурсов в пользу цифровых форм контроля (камеральный анализ, налоговый мониторинг). Особенно заметно сократилось число проверок физических лиц, не являющихся ИП: с 1 425 до 155 (10,88% от исходного уровня), что подтверждает отказ от массовых, низкоэффективных мероприятий.

Несмотря на сокращение масштабов, результативность выездных проверок остаётся стабильно высокой: в 2024 г. нарушения выявлены в 97,4% случаев (4 767 из 4 896). В сегменте организаций, ИП и лиц частной практики этот показатель достиг 97,7%. Соотношение темпов сокращения числа проверок и выявленных нарушений указывает на сохранение

высокой точности контроля, что подтверждается ростом количества выявленных нарушений на 1 000 проведённых проверок – с 961,8 в 2020 г. до 973,7 в 2024 г. Таким образом, ФНС России фокусируется на работе с высокорисковыми и капиталоемкими субъектами, обеспечивая максимальную фискальную отдачу при снижении общего контрольного давления.

Оценка эффективности налогового контроля требует не только количественного учёта проведённых мероприятий, но и анализа их результативности, в частности способности выявлять факты несоблюдения налогового законодательства (рис. 5).

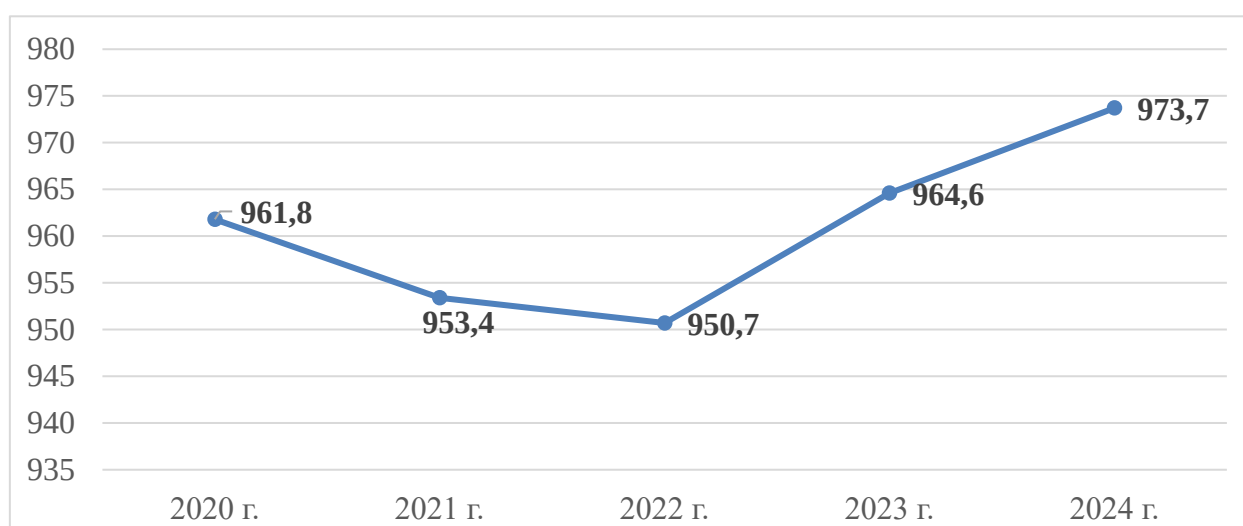

Рис. 5. Доля результативных проверок (выявивших нарушения) в общем числе проведённых выездных налоговых проверок в 2020–2024 гг. (<https://www.nalog.gov.ru/rn77/>)

Анализ динамики результативности выездных проверок в 2020–2024 гг. свидетельствует о повышении качества контрольной деятельности ФНС России: несмотря на сокращение числа проверок почти вдвое, доля выявленных нарушений на 1 000 мероприятий выросла с 961,8 до 973,7. Минимальный уровень (950,7) зафиксирован в 2022 г., вероятно, из-за макроэкономической нестабильности и временной дестабилизации контроля; в 2023–2024 гг. наблюдается устойчивое восстановление [7].

В 2024 г. нарушения выявлены в 97,4% проверок, что подтверждает высокую точность отбора объектов и зрелость аналитических возможностей ФНС, основанных на цифровых платформах («Налог-3», «АСК НДС», «Налоговый мониторинг») и анализ big data. Это свидетельствует о переходе от массового надзора к проактивному, риск-ориентированному контролю, нацеленному на реальные риски уклонения от уплаты налогов.

Несмотря на сокращение объёмов, выездные проверки сохраняют ключевую роль в выявлении значительных нарушений, особенно среди крупных и средних налогоплательщиков. Их экономическая эффективность определяется не столько количеством мероприятий, сколько объёмом доначисленных платежей (налоги,

пени, штрафы). Анализ структуры доначислений за 2020–2024 гг. позволяет оценить сдвиги в приоритетах администрирования: рост доли налогов по сравнению с санкциями может свидетельствовать либо о повышении качества контроля, либо о переходе от карательной модели к профилактической (табл. 3).

Таблица 3. Динамика платежей, дополнительно начисленных в ходе проведенных выездных проверок, в 2020–2024 гг. (на конец года)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2024 в % к 2020	2024 в % к 2023
Всего дополнительно начислено платежей, млн руб.	196970	378611	670781	336611	333610	169,37	99,11
Из них налогов	136273	253473	441747	312315	295580	216,90	94,64
Доля налогов в доначислениях по результатам выездных проверок, %	69,18	66,95	65,86	92,78	88,60	128,06	95,49

Примечание. Составлено на основе <https://www.nalog.gov.ru/rn77/>.

Анализ доначислений по итогам выездных проверок в 2020–2024 гг. показывает тенденцию к концентрации контрольных усилий на наиболее рискованных и капиталоемких налогоплательщиках. В 2024 г. объём доначислений составил 333,6 млрд руб. – почти на уровне 2023 г. (99,1%) и значительно выше показателя 2020 г. (169,4%), однако заметно ниже пика 2022 г. (670,8 млрд руб.), что связано с завершением масштабных проверок и перераспределением ресурсов в пользу камерального контроля.

Доля налогов в доначислениях в 2024 г. достигла 88,6% (295,6 млрд руб.), превысив уровни 2020–2022 гг. (65,9–69,2%), но немного уступив пику 2023 г. (92,8%). Это подтверждает фокус ФНС на восстановлении недоимок, а не на наложении санкций, что соответствует принципам «умного регулирования».

Таким образом, эффективность деятельности ФНС всё больше оценивается не по количеству проверок, а по качественным индикаторам в условиях цифровизации, трансформации предпринимательской среды и усиления риск-ориентированного подхода [8].

Рассмотрим динамику основных показателей за 2020–2024 гг., отражающую как макроэкономические колебания (в том числе последствия внешних шоков и изменения структуры экономики), так и системные изменения в подходах к налоговому контролю (табл. 4).

Анализ динамики показателей эффективности деятельности ФНС России в 2020–2024 гг. свидетельствует о системной трансформации налогового администрирования: от массового формального контроля к проактивной, аналитически обоснованной и экономически ориентированной модели. Ключевым индикатором стал рост налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ в 2,7 раза – с 21,01 до 56,3 трлн руб. [9], при этом наибольший прирост зафиксирован по страховым взносам (+137%) [10], НДФЛ (+98%) и доходам региональных бюджетов (+147%) [11]. Снижение поступлений в федеральный бюджет в 2024 г. (с 36,2 до 18,7 трлн руб.) обусловлено методологическими изменениями в бюджетной классификации, а не падением фискальной дисциплины.

Таблица 4. Динамика показателей эффективности деятельности ФНС России

Показатель	Период					2024	2024
	2020	2021	2022	2023	2024	в % к 2020	в % к 2023
Налоговые поступления, всего, трлн руб.	21,01	40,3	28,53	46,8	56,3	267,97	120,30
Из них:							
– федеральный бюджет	10,98	15,88	19,4	36,2	18,7	170,31	51,66
– консолидированные бюджеты регионов	10,03	16,2	12,65	19,6	24,8	247,26	126,53
В том числе:							
– НДФЛ	4,25	5,3	4,79	3,7	8,4	197,65	227,03
– имущественные налоги	1,34	1,45	1,28	1,5	1,84	137,31	122,67
– страховые взносы	5,4	8,09	6,52	9,0	12,8	237,04	142,22
– спецрежимы	0,65	1,11	0,87	0,8	1,45	223,08	181,25
Количество налогоплательщиков, уплачиваемых налоги в связи с применением спецрежимов, тыс. плательщиков	10,3	3,54	3,96	14,9	22,7	220,39	152,35
Общий объём дополнительно доначисленных платежей по результатам всех видов контроля, млрд руб.	250,0	285	320,0	361,0	408,0	163,20	113,02
Уровень оцифровки доверенностей, млн ед.	0,1	0,3	0,6	1,3	1,9	1900,00	146,15
Общий охват налогоплательщиков цифровыми кабинетами, млн ед.	22,0	41,2	56,4	62,3	66,7	303,18	107,06
Годовое количество визитов на официальный сайт ФНС России, млн ед.	115	128	140	152	165	143,48	108,55
Среднее число визитов на одного зарегистрированного пользователя	5,23	3,11	2,48	2,44	2,5	47,80	102,46
Численность персонала ФНС России, тыс. чел.	149	149	149	148	146	97,99	98,65

Примечание. Составлено автором на основании <https://analytic.nalog.gov.ru/>.

Отмечается устойчивый рост объёма доначисленных платежей на 63% – с 250 млрд руб. в 2020 г. до 408 млрд руб. в 2024 г., что указывает на повышение качества контроля и фокус на аналитически подтверждённые риски. В 2024 г. 63% доначислений (258 млрд руб.) обеспечено за счёт камерального и аналитического контроля, что подтверждает приоритет «умных» инструментов над ресурсоёмкими выездными проверками.

Произошла кардинальная цифровизация взаимодействия с налогоплательщиками [12]: охват цифровыми кабинетами вырос с 22,0 млн до 66,7 млн чел. (+203%), а объём машиночитаемых доверенностей – с 0,1 млн до 1,9 млн (+1800%). Снижение среднего числа визитов на пользователя (с 5,23 до 2,5) свидетельствует о росте юзабилити и самодостаточности цифровых сервисов [13].

Несмотря на сокращение персонала (с 149 тыс. до 146 тыс. чел.), наблюдается рост производительности труда, что подтверждает переход ФНС к модели, основанной на автоматизации, big data и профилактике нарушений, а не на репрессивном контроле. Таким образом, ФНС демонстрирует адаптивность, сочетая фискальную эффективность с качеством госуслуг в соответствии с мировыми практиками налогового управления.

Анализ деятельности ФНС России показывает, что ведомство обладает значительным потенциалом благодаря высокой цифровизации, развитой аналитической базе и эффективным контрольным инструментам. Вместе с тем оно сталкивается с внутренними ограничениями – чрезмерной регуляторной нагрузкой, нестабильностью законодательства, низкой налоговой грамотностью населения и репутационными рисками [14]. Внешняя среда открывает возможности для технологического и институционального развития, но одновременно несёт угрозы: рост теневой экономики, сужение налоговой базы и макроэкономическая нестабильность.

Устойчивое развитие налоговой системы возможно лишь при переходе от

контрольно-репрессивной модели к партнёрской, ориентированной на профилактику нарушений, упрощение администрирования и повышение доверия налогоплательщиков. Это требует системного подхода, сочетающего технологическую модернизацию с гибким, прозрачным регулированием и диалогом с бизнесом и обществом.

Современный этап трансформации российской налоговой системы, обусловленный как внутренними вызовами, так и глобальными трендами, требует от ФНС переосмысления фискальных отношений [15]. Ключевым становится смещение акцента с репрессивного контроля на превентивную, клиентоориентированную и аналитически насыщенную модель, обеспечивающую баланс между фискальной эффективностью и поддержкой добросовестного бизнеса. На горизонте 2025–2030 гг. ФНС определяет приоритетные направления, направленные на укрепление налоговой базы, оптимизацию администрирования и повышение качества взаимодействия с налогоплательщиками, что систематизировано в таблице 5 на основе анализа данных за 2020–2024 гг.

Таблица 5. Основные направления совершенствования деятельности ФНС России на 2025–2030 гг.

Направление деятельности	Мероприятия и цели	Обоснование и связь с текущими тенденциями
1. Усиление фискальной базы и трансформация специальных налоговых режимов	- Снижение порога освобождения от уплаты НДС для УСН и ПСН с 60 млн до 10 млн руб. - Сокращение перечня видов деятельности, подпадающих под ПСН. - Отмена льготного тарифа страховых взносов (15%) для МСП с переходом на общий тариф 30% с 2026 г. - Повышение НДС до 22%, при сохранении 10% ставки для социально значимых товаров	За 2020–2024 гг. численность плательщиков спецрежимов выросла в 2,2 раза (с 10,3 до 22,7 тыс.), а поступления по ним – на 123% (с 0,65 до 1,45 трлн руб.). При этом рост числа налогоплательщиков на фоне высоких темпов роста общих поступлений (268 % за период) выявил дисбаланс: спецрежимы всё чаще используются не для поддержки малого бизнеса, а как инструмент снижения налоговой нагрузки. Это создаёт риски ухода от налогообложения в «налоговые убежища», что требует корректировки условий применения льгот

Окончание табл. 5

Направление деятельности	Мероприятия и цели	Обоснование и связь с текущими тенденциями
2. Развитие превентивной, а не репрессивной модели налогового администрирования	• Сокращение выездных проверок и усиление камерального и аналитического контроля. • Доведение доли автоматизированных доначислений до 70–75%. • Расширение механизмов расщелчки и досудебного урегулирования (в 2024 г. – 45% споров). • Введение обязательной медиации с 2027 г.	Несмотря на сокращение выездных проверок, совокупные доначисления по итогам всех форм контроля выросли на 63% за 2020–2024 гг. (с 250 до 408 млрд руб.). Это подтверждает эффективность перехода к модели «умного контроля», ориентированного на профилактику нарушений и восстановление доходов бюджета без разрушения бизнеса. Такой подход соответствует глобальной практике налогового администрирования, ориентированного на сотрудничество, а не на конфронтацию
3. Углубление цифровой экосистемы и расширение межведомственного информационного взаимодействия	• Расширение налогового мониторинга и национальной системы прослеживаемости. • Интеграция данных из маркетплейсов, Росреестра, ГИБДД, Роструда и др. • Обеспечение 100%-ного охвата инвестиционных льгот системой «Эффективность льгот». • Развитие цифровой платформы распределённого реестра на базе АИС «Налог-3»	Рост количества пользователей цифровых кабинетов с 22 до 66,7 млн (в 3 раза) за 2020–2024 гг. и 19-кратный рост машиночитаемых доверенностей (до 1,9 млн) свидетельствуют о зрелости цифровой инфраструктуры. Одновременно в 2024 г. фиксируется сокращение численности персонала ФНС на 2%, что требует дальнейшей автоматизации процессов. Интеграция внешних данных позволяет повысить точность выявления рисков и сократить количество ручных операций
4. Внедрение дифференцированного подхода к налогоплательщикам	• Классификация плательщиков по масштабу, обороту и дисциплине. • Преференции для стратегически важных отраслей. • Повышенный контроль в «рисковых» секторах. • Внедрение бездекларационного администрирования НДФЛ	Поступления НДФЛ выросли на 98% (с 4,25 до 8,4 трлн руб.), а региональных доходов – на 147%. На фоне такого роста универсальный подход утратил эффективность. Дифференциация позволяет целенаправленно стимулировать приоритетные отрасли и одновременно ограничивать уклонение в секторах с высокой мобильностью капитала. Кроме того, снижение числа визитов на сайт (на 12% с 2020 по 2024 г.) при росте охвата говорит о смене поведенческих паттернов: налогоплательщики всё чаще взаимодействуют через кабинеты, а не через поиск информации, что требует персонализации сервисов
5. Обеспечение налоговой безопасности бизнеса через повышение уровня профессиональной поддержки	• Ориентация на 95%-ных добросовестных налогоплательщиков. • Поддержка квалифицированного налогового консультирования. • Переход от «пожаротушения» к стратегическому налоговому планированию. • Развитие человекоцентричных сервисов и механизмов обратной связи	В условиях стремительного роста налоговых поступлений (+168% за 4 года) и учащения изменений в законодательстве (в 2024 г. – не менее 4 корректировок в единый налоговый счёт) возрастает потребность бизнеса в стабильности и предсказуемости. ФНС признаёт, что налоговая безопасность – совместная ответственность. Развитие доверительного взаимодействия и профессионального консалтинга снижает транзакционные издержки и способствует честному соблюдению требований

Примечание. Составлено автором на основании Плана деятельности Федеральной налоговой службы на 2025 год и плановый период 2026–2030 годов (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498317/).

Представленные в таблице 5 направления отражают стратегический курс ФНС России на формирование устойчивой, эффективной и сбалансированной налоговой системы, адекватной вызовам современной экономики [16]. Ужесточение условий специальных налоговых режимов направлено на устранение диспропорций и предотвращение их использования для искусственного снижения налоговой нагрузки. Одновременно усиление аналитического контроля и развитие механизмов досудебного урегулирования свидетельствуют о переходе от репрессивной модели к профилактике нарушений и поддержке бизнеса. Цифровая трансформация, межведомственная интеграция и персонализация сервисов выступают ключевыми драйверами повышения качества администрирования и снижения транзакционных издержек для добросо-

вестных налогоплательщиков. В совокупности эти меры закладывают основу для налоговой политики, ориентированной не на максимизацию доходов любой ценой, а на предсказуемость, справедливость и долгосрочную устойчивость бюджетной системы и экономики в целом.

В условиях роста фискальной нагрузки и структурной трансформации экономики ФНС России определяет приоритеты налогового администрирования до 2030 г., акцентируя внимание на сочетании надёжного наполнения бюджета, снижении бюрократической нагрузки и укреплении доверительных отношений с налогоплательщиками (табл. 6). Эта стратегия знаменует переход от массового контроля к точечному, проактивному и риск-ориентированному подходу [7], что подтверждается динамикой ключевых показателей за 2020–2025 гг.

Таблица 6. Стратегические векторы налогового администрирования ФНС России до 2030 г.

Вектор развития	Ключевые меры и инструменты	Ожидаемый эффект	Подтверждающие тенденции (2020–2025)
1. Цифровая экосистема налогового администрирования	• Развитие АИС «Налог-3» и платформы распределённого реестра. • Внедрение бездекларационного НДС/ЕНП. • Интеграция с ЕРН, ГИС ТОР, Росреестром, маркетплейсами	Снижение ручного ввода данных на 70%, автоматизация 75% проверок, рост удовлетворённости налогоплательщиков до 90%	К 2024 г. доля электронных деклараций – 80,5%; средняя оценка мобильных приложений – 4,4 балла; 66,7 млн пользователей цифровых кабинетов
2. Риск-ориентированный контроль вместо массовых проверок	• Фокус на аналитике и камеральном контроле. • Сокращение выездных проверок на 50%. • Применение AI для выявления «схем» и фиктивных операций	Рост эффективности: доля результативных проверок – до 97,5%; налоговые доначисления на 1 проверку – свыше 300 млн руб.	В 2024 г. всего 4 896 выездных проверок (–52% к 2020 г.), при этом 97,4% выявили нарушения; доначисления по камеральным проверкам выросли до 130,7 млрд руб. (+255% к 2020 г.)
3. Дифференцированный подход к налогоплательщикам	• Классификация по масштабу, дисциплине и отрасли. • Преференции для МСП и стратегических отраслей. • Ужесточение контроля за «рисковыми» сегментами (например, самозанятые с высоким оборотом)	Снижение неформального сектора, рост собираемости в приоритетных отраслях, защита легального бизнеса	Число самозанятых выросло до 12,17 млн (+760% к 2020 г.); рост поступлений НДС/ЕНП – на 98%; число «фирм-однодневок» – менее 5% от ЕГРЮЛ

Окончание табл. 6

Вектор развития	Ключевые меры и инструменты	Ожидаемый эффект	Подтверждающие тенденции (2020–2025)
4. Снижение административной нагрузки при сохранении фискальной дисциплины	• Единый налоговый счёт и платёж. • Упрощённые режимы (АУСН, НПД). • Автоматическое формирование налоговых обязательств	Сокращение времени на уплату налогов в 3 раза, рост числа малых предприятий, переходящих на легальные режимы	В 2025 г. ожидается 100% охват ИНЛ системой «Эффективность льгот»; 45% споров решаются в досудебном порядке
5. Превентивное взаимодействие и «налоговая безопасность» бизнеса	• Расширение налогового мониторинга до 800 компаний. • Согласительные процедуры и рассрочка. • Онлайн-консультирование и проактивное информирование	Снижение числа банкротств на 15%, рост доверия к ФНС, повышение добровольной уплаты	В 2024 г. 339 участников мониторинга; на 2026 г. планируется довести долю согласительных процедур до 60%

Концепция налогового администрирования ФНС России до 2030 г. – это не просто набор технических улучшений, а системная перестройка всей модели взаимодействия государства и бизнеса. Акцент смещается с наказания на предупреждение, с массового контроля на точечное сопровождение, с бумажного документооборота на автоматизированный обмен данными.

Такой подход позволяет одновременно снижать издержки добросовестных налогоплательщиков и повышать фискальную эффективность, что подтверждается статистикой: несмотря на сокращение числа юридических лиц на 2%, налоговые поступления к 2024 г. выросли почти в 2,7 раза [17].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что ФНС России в период 2020–2024 гг. осуществила системную и глубокую трансформацию своей деятельности, перейдя от модели массового, формального контроля к проактивной, аналитически обоснованной и экономически ориентированной системе управления фискальными отношениями.

Ключевым достижением ФНС стало сочетание роста фискальной эффективности и улучшения качества взаимодействия с налогоплательщиками. Это под-

тверждается рядом статистических данных:

1) налоговые поступления в консолидированный бюджет выросли почти в 2,7 раза;

2) объём дополнительно доначисленных средств увеличился на 63%, при этом доля камерального (дистанционного) контроля в этих доначислениях достигла 63 %;

3) количество выездных проверок сократилось более чем вдвое, но их результативность осталась на рекордно высоком уровне (97,4% проверок выявляют нарушения);

4) наблюдается кардинальная цифровизация: количество пользователей цифровых кабинетов выросло в 3 раза, а охват машиночитаемыми доверенностями – в 19 раз.

Одновременно с этим произошли структурные изменения в предпринимательской среде – снижение числа юридических лиц на фоне резкого роста численности самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Это свидетельствует о том, что налоговая политика, включая внедрение специальных режимов (НПД, АУСН), способствует легализации неформальной экономической активности.

Анализ стратегических векторов развития ФНС России до 2030 г. показывает, что ведомство осознаёт свои ключевые

преимущества, такие как высокий уровень цифровизации и развитая аналитическая база, а также внешние вызовы, включая рост теневой экономики и демографический спад. Стратегический курс ФНС направлен на формирование партнёрской, а не репрессивной модели взаимодействия с бизнесом, основанной на профилактике нарушений, персонализации сервисов и укреплении доверия со стороны налогоплательщиков.

Таким образом, несмотря на внешние вызовы и внутренние структурные про-

блемы, ФНС России демонстрирует устойчивую адаптационную способность, соответствующую лучшим мировым практикам налогового управления. Успех дальнейших реформ будет зависеть от баланса между укреплением фискальной базы и снижением административной нагрузки, а также от последовательного перехода к ориентированной на налогоплательщика модели «налоговой безопасности».

Список литературы

1. Аношина Ю. Ф. Актуальные аспекты налогового консультирования // МЭИ.RU: сборник статей Всероссийской междисциплинарной научно-практической заочной конференции / под общей редакцией В. И. Семенов. М.: Московский экономический институт, 2019. С. 15–26.
2. Гурулева М. Д. Камеральные налоговые проверки и их эффективность // Молодой ученый. 2021. № 9 (351). С. 40–43.
3. Уписков Р. О., Калашникова Е. Б. Особенности камеральных проверок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3 (74). С. 222–225.
4. Минаева Е. В., Аношина Ю. Ф. Налогообложение прибыли организаций как регулятор макроэкономических процессов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 122–126.
5. Минаева Е. В., Юткина О. В., Александрова М. В. Налоговый потенциал страны как фактор инновационного развития регионов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 125–129.
6. Романов А. Н., Колчин С. П. Налоги и налогообложение. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2023. 391 с.
7. Симонов С. Ю. Особенности государственного налогового регулирования в России // Вестник сельского развития и социальной политики. 2020. № 3 (27). С. 13–17.
8. Казакова Н. А., Ефремова Е. И. Методология риск-ориентированного контроля и контроллинга эффективности бизнеса: монография / под ред. проф. Н. А. Казаковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. 152 с.
9. Аношина Ю. Ф. Сущность земельного налога, его место и роль в налоговой системе Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2019. № 7. С. 180–188.
10. Аношина Ю. Ф. Сущность транспортного налога, его место и роль в налоговой системе Российской Федерации // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7, № 4. С. 56–60.
11. Аношина Ю. Ф., Александрова М. В., Юткина О. В. Налог на доходы физических лиц – как индикатор социально-экономического развития регионов // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8, № 2. С. 21–25.
12. Синельников-Мурылев С. Г., Милоголов Н., Берберов А. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 2. С. 8–33.
13. Староверова О. В. Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 315–319.

14. Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю. Оценка величины налоговой нагрузки субъектов хозяйствования в экономике России // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита: материалы XII Всероссийской молодежной научно-практической конференции: в 2 т. / под ред. Е. А. Бессоновой; Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 78–88.
15. Галазова С. С., Булацев А. С. Межбюджетные отношения в системе региональной экономики // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1 (65). С. 1061–1064.
16. Самыгин Д. Ю., Туктарова Ф. К. Стратегические модели оценки эффективности и планирования налогового контроля бизнеса // Экономическая среда. 2022. № 4 (42). С. 69–76.
17. Аношина Ю. Ф. Особенности применения специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в России // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7, № 2. С. 21–25.

References

1. Anoshina Yu.F. Actual Aspects of tax counseling. In: Semyonova V.I. (ed.). *MEI.RU: sbornik statei Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi zaochnoi konferentsii = MEI.RU: Collection of Articles of the All-Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Correspondence Conference*. Moscow: Moskovskii ekonomicheskii institute; 2019. P. 15–26. (In Russ.)
2. Guruleva M.D. Custodial tax audits and their effectiveness. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2021;(9):40–43. (In Russ.)
3. Upiskov R.O., Kalashnikova E.B. Features of desk audits. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(11-3):222–225. (In Russ.)
4. Minaeva E.V., Anoshina Yu.F. Taxation of organizational profit as a regulator of macroeconomic processes. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2019;(3):122–126. (In Russ.)
5. Minaeva E.V., Yutkina O.V., Aleksandrova M.V. Tax potential of the country as a factor of innovative development of the regions. State and municipal management. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = Scientific Notes*. 2019;(4):125–129. (In Russ.)
6. Romanov A.N., Kolchin S.P. Taxes and taxation: textbook. Moscow: Vuzovskiy Uchebnik: INFRA-M; 2023. 391 p. (In Russ.)
7. Simonov S.Yu. Features of state tax regulation in Russia. *Vestnik sel'skogo razvitiya i sotsial'noi politiki = Bulletin of Rural Development and Social Policy*. 2020;(3):13–17. (In Russ.)
8. Kazakova N.A., Efremova E.I. Methodology of risk-oriented control and controlling business efficiency. Moscow: INFRA-M; 2021. 152 p. (In Russ.)
9. Anoshina Yu.F. The Essence of Land Tax, Its Place and Role in the Tax System of the Russian Federation. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2019;(7):180–188. (In Russ.)
10. Anoshina Yu.F. The Essence of Transport Tax, Its Place and Role in the Tax System of the Russian Federation. *Russian Journal of Management*. 2019;7(4):56–60. (In Russ.)
11. Anoshina Yu.F., Alexandrova M.V., Yutkina O.V. Personal income tax as an indicator of socio-economic development of regions. *Russian Journal of Management = Russian Journal of Management*. 2020;8(2):21–25. (In Russ.)
12. Sinelnikov-Murylev S.G., Milogolov N., Berberov A. Digitalization of tax administration in Russia: opportunities and risks. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2022;17(2):8–33. (In Russ.)
13. Staroverova O.V. Application of Digital technologies in the control and supervisory activities of tax authorities. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):315–319. (In Russ.)
14. Anoshina Yu.F., Simonov S.Yu. Assessment of the tax burden of economic entities in the Russian economy. In: Bessonova E. A. (ed.). *Aktual'nye problemy bukhgalterskogo ucheta, analiza*

i audita: materialy XII Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual Problems of Accounting, Analysis, and Audit: Proceedings of the XII All-Russian Youth Scientific and Practical Conference. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2020. P. 78–88. (In Russ.)

15. Galazova S.S., Bulatsev A.S. Interbudgetary Relations in the System of the Regional Economy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2015;(12-1):1061–1064. (In Russ.)

16. Samygin D.Yu., Tuktarova F.K. Strategic models for assessing the effectiveness and planning of business tax control. *Ekonomicheskaya sreda = Economic Environment*. 2022;(4):69–76. (In Russ.)

17. Anoshina Yu.F. Features of the application of special tax regimes for small business entities in Russia. *Russian Journal of Management*. 2019;7(2):21–25. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Аношина Юлия Федоровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, финансов и капитала, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: AnoshinaYuF@rgsu.net, ORCID: 0000-0002-5774-9528

Yulia F. Anoshina, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor at the Department of Economics, Finance and Capital, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: AnoshinaYuF@rgsu.net, ORCID: 0000-0002-5774-9528

Симонов Сергей Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: s.simonov@mgutm.ru, ORCID: 0000-0001-9231-600X

Sergey Yu. Simonov, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor at Department of Finance, Accounting and Economic Security, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russian Federation, e-mail: s.simonov@mgutm.ru, ORCID: 0000-0001-9231-600X

Оригинальная статья / Original article

УДК 336

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-178-190>**Оценка влияния социодемографических факторов
на инвестиционные решения****Баянсан Пурэв¹, Энхбаяр Чойжил¹✉, Энх-Амгалан Бямбажав¹**¹ Монгольский государственный университет

Бага Тогиуу 1, Сухэ-Баторский район, г. Улан-Батор 14201, Монголия

✉ e-mail: enkhbayar.ch@num.edu.mn

Резюме

Актуальность исследования определяется тем, что в Монголии индивидуальное инвестирование находится на стадии формирования, и участие населения в фондовом рынке остаётся низким. Недостаточная изученность факторов индивидуального инвестиционного поведения осложняет разработку мер по расширению финансовой инклюзивности. Анализ социально-демографических и поведенческих характеристик позволяет выявить ключевые стимулы и барьеры, влияющие на инвестиционные решения, и способствует укреплению долгосрочной финансовой культуры.

Цель исследования состоит в комплексной оценке влияния социально-демографических и поведенческих факторов на вероятность участия в фондовом рынке и величину инвестируемых средств в условиях Монголии, а также в выявлении механизмов, формирующих различия в инвестиционном поведении.

Задачи исследования включают: определение влияния пола, возраста, размеров домохозяйства и дохода на вероятность приобретения акций; оценку воздействия инвестиционного горизонта, образования, опыта и специализированного обучения на объём инвестиций; сопоставление различных моделей для выявления устойчивых детерминант.

Методология. Методология основана на анализе данных 868 респондентов, собранных за шестнадцать дней, из которых 519 являются активными инвесторами. Применяются пробит-модель для оценки участия и модель Тобита для анализа объёмов инвестиций.

Результаты. Получено, что пол, возраст, размер домохозяйства и доход статистически значимо влияют на участие, тогда как доход, пол, опыт, образование, обучение и инвестиционный горизонт существенно увеличивают объём инвестиций.

Выводы. Результаты подчёркивают необходимость расширения финансового образования, практико-ориентированной подготовки и стимулирования долгосрочного планирования для увеличения вовлечённости населения и укрепления инвестиционной среды Монголии.

Ключевые слова: участие в фондовом рынке; инвестиционная интенсивность; пробит-модель; модель Тобита; Монголия.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего проекта Школы бизнеса Монгольского государственного университета.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Баянсан Пурэв, Энхбаяр Чойжил, Энх-Амгалан Бямбажав. Оценка влияния социодемографических факторов на инвестиционные решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 178–190. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-178-190>

Поступила в редакцию 22.12.2025

Принята к публикации 21.01.2026

Опубликована 27.02.2026

© Баянсан Пурэв, Энхбаяр Чойжил, Энх-Амгалан Бямбажав, 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):178–190

The impact of socio-demographic factors on investment decisions

Bayansan Purev¹, Enkhbayar Choijl¹✉, Enkh-Amgalan Byambajav¹

¹ National University of Mongolia

1 Baga Toiruu, Sukhbaatar District, Ulaanbaatar 14201, Mongolia,

✉ e-mail: enkhbayar.ch@num.edu.mn

Abstract

The relevance of this study arises from Mongolia's emerging retail investment landscape, where public participation in the stock market remains limited. The insufficient understanding of individual investment behavior complicates efforts to enhance financial inclusion. Examining socio-demographic and behavioral characteristics helps identify the incentives and constraints shaping investment decisions and strengthens the foundation for long-term financial culture.

The purpose of the study is to provide a comprehensive assessment of how socio-demographic and behavioral factors influence both the likelihood of participating in the stock market and the amount invested, as well as to clarify the mechanisms through which differences in investment behavior emerge.

Objectives. The objectives include evaluating the effects of gender, age, household size, and income on the probability of purchasing stocks; assessing how investment horizon, education, prior experience, and specialized training affect investment amounts; and comparing model specifications to identify stable determinants of investment activity.

Methodology. The methodology relies on a dataset of 868 respondents collected over sixteen days, of whom 519 were identified as active investors. A probit model is applied to estimate participation probabilities, while a Tobit model examines the determinants of investment amounts.

Results. The findings show that gender, age, household size, and income significantly influence participation decisions, whereas income, gender, investment horizon, education, experience, and training strongly increase investment volume.

Conclusions. The study highlights the need to expand financial education, strengthen practice-oriented training, and promote long-term planning as key measures to increase public engagement and support the development of a more robust investment environment in Mongolia.

Keywords: participation in the stock market; investment intensity; probit model; Tobit model; Mongolia.

Funding: The research was carried out with the financial support of an internal project of the School of Business of the Mongolian State University.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bayansan Purev, Enkhbayar Choijl, Enkh-Amgalan Byambajav. The impact of socio-demographic factors on investment decisions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):178–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-178-190>

Received 22.12.2025

Accepted 21.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Инвестиционные решения представляют собой фундаментальный элемент финансового поведения, определяющий процессы накопления индивидуального благосостояния и функциональную эффективность рынков капитала. Несмотря на доминирование в классической финансовой теории предпосылки о рациональности инвесторов, максимизирую-

щих ожидаемую полезность, современная научная дискуссия всё более подчёркивает значимость социодемографических характеристик: возраста, пола, уровня образования, дохода, профессии и семейного статуса – как ключевых показателей инвестиционного выбора. Указанные факторы формируют не только доступ к

финансовым ресурсам, но и опосредуют влияние поведенческих искажений, субъективных представлений о риске и уровня финансовой грамотности, тем самым воздействуя на структуру инвестиционного портфеля и долгосрочные финансовые результаты.

Всё больше исследований подчёркивают важность демографических характеристик в объяснении различий в поведении инвесторов. Например, возраст тесно коррелирует с толерантностью к риску: молодые инвесторы, как правило, более склонны к инвестициям с высоким риском и высокой доходностью по сравнению со старшими возрастными группами, которые отдают приоритет сохранению капитала. Гендерные различия также хорошо задокументированы: мужчины, как правило, демонстрируют более высокую уверенность и склонность к риску, в то время как женщины часто придерживаются более консервативных стратегий, делая акцент на безопасности и стабильности [1]. Аналогично: уровень образования и дохода положительно коррелирует с финансовой грамотностью, диверсификацией и способностью интерпретировать сложные рыночные сигналы [2]. Эти выводы ставят под сомнение универсальность моделей рационального выбора и подчёркивают необходимость учёта социально-демографического разнообразия в инвестиционном анализе.

Современные систематические исследования акцентируют внимание на том, что социодемографические характеристики тесно взаимодействуют с элементами поведенческих финансов: эвристиками, эффектом избыточной уверенности, стадным поведением и др. — и тем самым формируют инвестиционные исходы [3]. Например, высокий уровень образования уменьшает подверженность когнитивным искажениям, тогда как лица с низкой финансовой грамотностью чаще ориентируются на социальные сигналы

или краткосрочные рыночные тенденции. Различия в доходах и профессиональном статусе обуславливают не только масштаб инвестиций, но и их структурную направленность: инвесторы с высокими доходами, как правило, формируют более диверсифицированные портфели, включающие акции, облигации и недвижимость, тогда как низкодоходные группы ограничиваются преимущественно консервативными и краткосрочными финансовыми инструментами [4].

Изучение указанных взаимосвязей приобретает особую актуальность для развивающихся рынков, где сохраняются существенные разрывы в уровне финансовой грамотности, доступе к финансовым услугам и участии населения в рынке капитала. Анализ влияния социодемографических факторов на инвестиционные решения позволяет формулировать обоснованные рекомендации для государственных институтов и финансовых организаций, включая разработку целевых программ финансового просвещения, создание инклюзивных инвестиционных продуктов и повышение качества консультативных услуг. Настоящее исследование вносит вклад в развитие научной литературы посредством систематического рассмотрения того, каким образом социодемографические характеристики формируют инвестиционное поведение, и предлагает теоретически и практико-ориентированные выводы, направленные на совершенствование процессов принятия решений инвесторами.

Социально-демографические факторы играют не второстепенную, а центральную роль в инвестиционном поведении. Они влияют на толерантность к риску, выбор портфеля и восприимчивость к поведенческим искажениям, что делает их критически важными переменными как для академических исследований, так и для разработки политики.

Рассмотрим теоретические основы исследования. Инвестиционные решения принимаются под влиянием не только рациональных экономических расчетов, но и социально-демографических характеристик, определяющих толерантность к риску, состав портфеля и поведенческие предубеждения. Традиционная теория финансов предполагает, что инвесторы действуют рационально, стремясь максимизировать полезность [5]; однако, современные исследования в области поведенческих финансов и экономики показывают, что демографическое разнообразие существенно влияет на результаты инвестиций [6]. Данная концепция объединяет множество теоретических перспектив для объяснения того, как социально-демографические переменные: возраст, пол, образование, доход, профессия и семейное положение – влияют на инвестиционное поведение.

1. *Теория поведенческих финансов.* Она подчеркивает влияние психологических и социальных факторов на процесс принятия решений. Демографические признаки, такие как возраст и пол, определяют подверженность инвесторов поведенческим искажениям – избыточной уверенности, стадному поведению, неприятию потерь и др. Например, молодые инвесторы нередко демонстрируют повышенную склонность к риску, тогда как женщины чаще выбирают более консервативные стратегии [7]. Эти результаты показывают, что социодемографическая гетерогенность приводит к вариативности инвестиционных стратегий, ставя под сомнение универсальность моделей рационального выбора.

2. *Теория человеческого капитала.* Согласно теории человеческого капитала, образование и доход повышают способность индивида обрабатывать финансовую информацию и принимать более сложные и обоснованные инвестиционные решения. Высокий уровень образо-

вания улучшает финансовую грамотность, способствует диверсификации портфеля и стимулирует переход к долгосрочным стратегиям. Доход определяет масштабы и гибкость инвестиционной деятельности, причём более состоятельные инвесторы чаще распределяют средства между различными классами активов [5]. Таким образом, социодемографические характеристики прямо влияют на качество инвестиционных решений посредством знаний и доступности ресурсов.

3. *Гипотеза жизненного цикла.* Она объясняет влияние возраста и семейного статуса на инвестиционное поведение. Молодые инвесторы, как правило, склонны к инвестициям, ориентированным на рост, тогда как более старшие группы уделяют приоритет сохранению капитала и обеспечению пенсионной устойчивости. Женатые и замужние индивиды часто выбирают более консервативные стратегии, ориентированные на долгосрочную финансовую стабильность [6]. Эта теория подчёркивает временное измерение социодемографического влияния на инвестиционные решения.

4. *Теория дефицита и ограниченности ресурсов.* Согласно теории дефицита, низкодоходные группы сталкиваются с когнитивными и финансовыми ограничениями, препятствующими оптимальному инвестированию. Недостаток ресурсов усиливает ориентацию на краткосрочные и низкорисковые инструменты и снижает степень диверсификации. Этот подход объясняет, почему социально-экономические различия приводят к неравным инвестиционным результатам [8].

5. *Синтез теоретических подходов.* В совокупности рассмотренные теории показывают, что социодемографические факторы являются ключевыми показателями инвестиционного поведения. Они формируют уровень риск-толерантности, структуру портфеля и процессы принятия решений, воздействуя на финансовую

грамотность, выраженность поведенческих искажений и доступность ресурсов. Интеграция подходов поведенческих финансов, теории человеческого капитала, гипотезы жизненного цикла и теории дефицита создаёт комплексную теоретическую основу для анализа влияния демографического разнообразия на инвестиционные решения. Эта концептуальная рамка поддерживает эмпирический анализ, помещая социодемографические переменные в контекст устоявшихся экономических и поведенческих моделей.

Материалы и методы

Для выявления социально-демографических факторов, влияющих на инвестиционные решения, а именно на выбор инвестирования или покупки акций, была проведена оценка с использованием моделей Ложит (Logit) и Пробит (Probit), которые обычно применяются в регрессионном анализе с качественными (бинарными) ответами. В этом разделе зависимой переменной было определено, покупал ли респондент акции, а объясняющие переменные были взяты из социально-демографических вопросов анкеты: возраст, уровень образования, пол, личный доход, семейное положение, размер домохозяйства и место жительства (Улан-Батор или сельская местность).

Учитывая, что размер выборки был достаточно большим для аппроксимации генеральной совокупности, для оценки была выбрана модель Пробит, основанная на нормальном распределении.

Спецификация модели Пробит

Функциональная зависимость объясняющих переменных в модели выражается через кривую функции пробит. Модель Пробит напрямую связана со свойствами стандартизированного нормального распределения. Если Z – случайная переменная, подчиняющаяся стандартному нормальному распределению, то

функция модели Пробит выражается в следующей форме:

$$\Phi(z) = P[Z \leq z] = \int_{-\infty}^z \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{-0.5u^2} du.$$

Математическое выражение этой функции представляет собой значение вероятности стандартного нормального распределения слева от точки z . В модели Пробит статистическая форма выражает вероятность p того, что зависимая переменная y примет значение 1 следующим образом:

$$p = P[Z \leq \beta_1 + \beta_2 x] = \Phi(\beta_1 + \beta_2 x).$$

$\Phi(z)$ обозначает пробит-функцию, т. е. функцию распределения (CDF) стандартного нормального распределения.

Интенсивность инвестирования и модель Тобита

После первоначального решения о том, приобретать ли акции, возникает следующий аналитический вопрос: каков объём вложений, т. е. какая часть капитала направляется инвестором на фондовый рынок. Предполагается, что социодемографические характеристики влияют не только на бинарный выбор участия, но и на величину инвестиций.

Существует ряд эконометрических подходов, позволяющих оценить данную зависимость; однако важным условием является использование модели, учитывающей всю выборку и обеспечивающей результаты, репрезентативные для фактического поведения респондентов. В связи с этим для анализа интенсивности инвестирования была применена модель Тобита (цензурированная регрессия).

Спецификация модели Тобит

Модель Тобита подходит в случаях, когда зависимая переменная подвержена цензурированию, т. е. наблюдаемые значения ограничены определенным диапазоном. В предыдущем разделе зависимая переменная была бинарной: принимая

значение 1, если респондент покупал акции, и 0 – в противном случае. В отличие от этого в настоящем анализе рассматривается непрерывный результат – денежная сумма, инвестированная в акции. Таким образом, хотя концептуально модель Тобита связана с более ранними качественными моделями ответа (Logit/Probit), она позволяет оценить интенсивность инвестиций.

Набор данных включает как лиц, купавших акции, так и тех, кто этого не делал. Для инвесторов зависимая переменная отражает фактическую сумму инвестиций, полученных из дохода. Для неинвесторов наблюдаемое значение равно нулю, хотя социально-демографическая информация (доход, размер домохозяйства, возраст, семейное положение, место жительства и т. д.) по-прежнему собирается для всех респондентов. Включение обеих групп позволяет модели Тобита анализировать инвестиционное поведение в зависимости от участия, учитывая при этом цензурирование на нулевом уровне.

Формально спецификация скрытых переменных представлена следующим образом:

$$y_i^* = \beta_1 + \beta_2 x + \dots + e_i,$$

где y_i^* – ненаблюдаемая (скрытая) сумма инвестиций; e_i – случайная ошибка, предполагаемая нормально распределённой, что соответствует предпосылкам пробит-модели. Наблюдаемая зависимая переменная определяется следующим образом:

$$y_i = \begin{cases} y_i^* & \text{при } y_i^* > 0, \\ 0 & \text{при } y_i^* \leq 0. \end{cases}$$

Таким образом, респонденты, не приобретавшие акции, рассматриваются как цензурированные на уровне нуля, в то время как инвесторы сообщают положительные непрерывные значения. Оценка параметров $\beta_1, \beta_2, \dots$ не может

быть выполнена с использованием метода наименьших квадратов (OLS) вследствие цензурированности данных. Вместо этого применяется метод максимального правдоподобия (MLE), который является стандартным подходом для моделей Тобита.

Сбор данных был начат 31 октября 2025 г. посредством электронного распространения ссылки на анкету и QR-кода через Монгольскую ассоциацию дилеров ценных бумаг (MASD) среди 52 входящих в неё компаний – членов. Такая стратегия была направлена на расширение потенциальной аудитории респондентов, а также на повышение скорости и доступности распространения информации.

Дополнительно в период с 3 по 14 ноября 2025 г. были проведены очные встречи с 17 компаниями, осуществляющими деятельность на рынке ценных бумаг, где были представлены цели исследования, его значимость и дальнейшие этапы работы, а также была выражена просьба содействовать более активному участию индивидуальных инвесторов. Эти встречи сыграли важную роль в укреплении доверия к исследованию, повышении вовлечённости респондентов, улучшении качества данных и увеличении репрезентативности выборки.

В период с 5 по 11 ноября 2025 г. активность респондентов значительно возросла: ежедневное число участников варьировалось от 49 до 275 чел. Особенно резкий рост наблюдался в период с 6 по 11 ноября, когда совокупное количество респондентов увеличилось до 694–764 чел., что ясно отражает влияние проведённых очных информационных встреч и призывов к участию, организованных посредством компаний, работающих на рынке ценных бумаг. В последние дни опроса динамика участия стабилизировалась: ежедневно добавлялось от 2 до 33 новых респондентов (рис. 1).

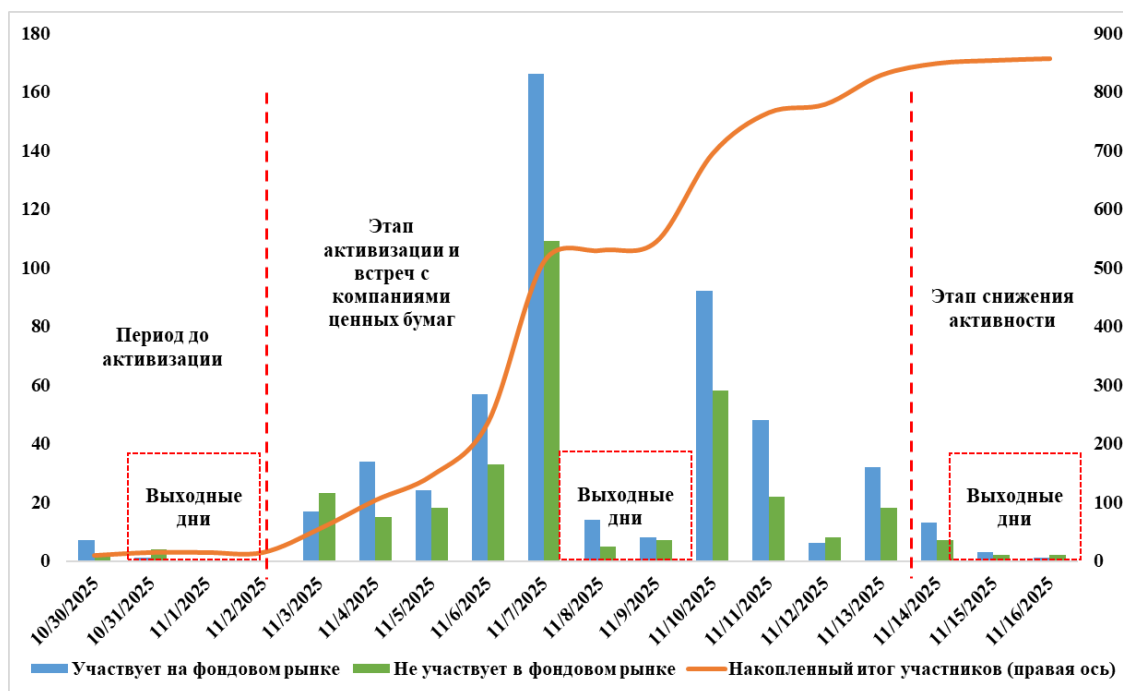

Рис. 1. Активность участия респондентов в опросе

В целом опрос проводился в течение 16 дней и собрал данные от 868 чел., из которых 519 являлись активными участниками рынка капитала.

Результаты и их обсуждение

Оценка пробит-модели

Оценивание пробит-модели осуществлялось методом максимального

правдоподобия (MLE). Анализ был направлен на выявление влияния выбранных социодемографических характеристик на вероятность приобретения акций. В модель были включены следующие переменные: пол, возраст, число членов семьи и доход. Рассмотрим полученные результаты (табл. 1).

Таблица 1. Оценка пробит-модели факторов, влияющих на решение о покупке акций

Variable	Coefficient	Std.errors	Z-Statistic
Constant	−0,233	0,202	−1,152
Gender	0,231***	0,089	2,583
Age	0,008**	0,003	2,404
Number	−0,052*	0,031	−1,667
Income	0,092***	0,027	3,329
* $p < 0,10$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$ – статистическая значимость коэффициентов			

Примечание. McFadden R-squared: 0,03. Observations with Dep = 0 : 339. Observations with Dep = 1 : 529. Log-Likelihood: 32,4.

Как это обычно наблюдается в пробит-моделях, значение псевдо- R^2 Макфаддена относительно невелико, что обусловлено бинарной природой зависимой переменной. Поэтому оценка качества модели

не должна основываться исключительно на данном показателе; более информативной является проверка прогностической способности модели.

Согласно полученным результатам, вероятность того, что респондент не приобретает акции, прогнозируется на уровне 19,47%, тогда как вероятность покупки акций составляет 89,04%. Это свидетельствует о том, что совокупность включённых объясняющих переменных обладает значительной прогностической силой и обеспечивает весомое объяснение инвестиционных решений.

Рассмотрим маржинальные эффекты на вероятность покупки акций (Пробит-модель) (рис. 2).

Пол (+0,231*):** мужчины имеют более высокую вероятность приобретения акций по сравнению с женщинами.

Возраст (+0,008):** у респондентов старшего возраста вероятность покупки акций статистически значимо выше.

Количество членов семьи (−0,052):* увеличение числа членов семьи снижает вероятность приобретения акций.

Доход (+0,092*):** более высокий уровень дохода существенно повышает вероятность инвестирования.

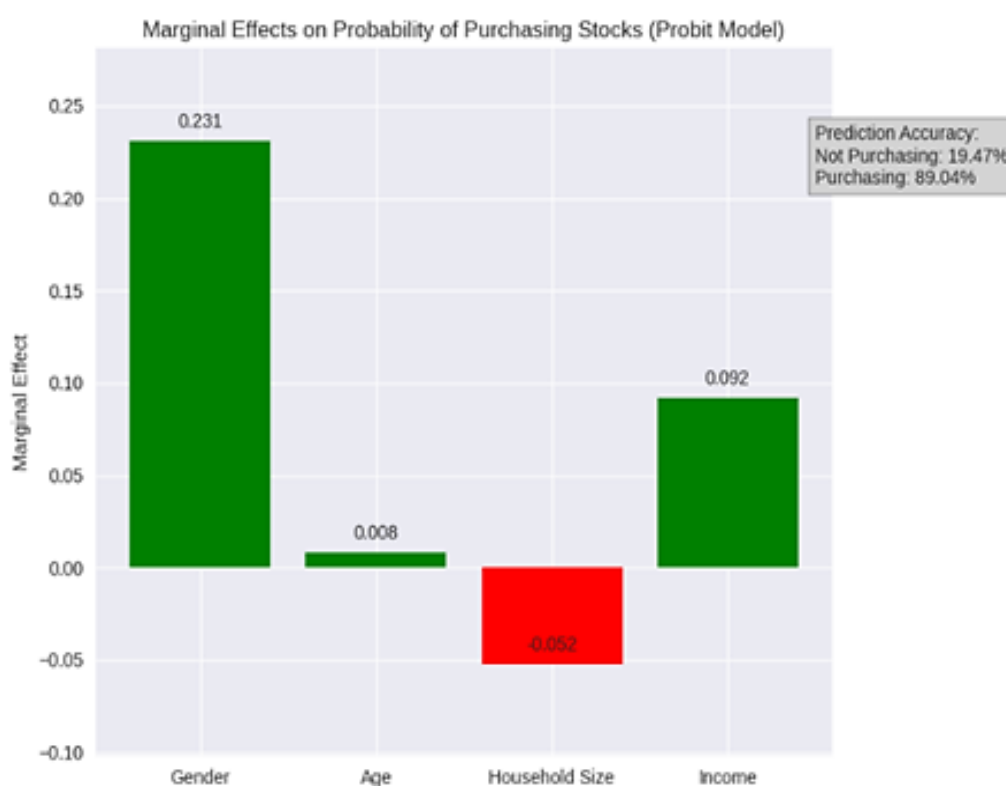

Рис. 2. Маржинальные эффекты на вероятность покупки акций (Пробит-модель)

Оценка модели Тобита

В данной части анализа зависимая переменная определена как объём инвестиций в акции, тогда как объясняющие переменные сформированы на основе социодемографических вопросов анкеты (возраст, образование, пол, доход, семейный статус, размер домохозяйства и место проживания – Улан-Батар или сельская местность).

Кроме того, в модель включены три переменные, относящиеся к инвестиционному поведению:

- 1) инвестиционный опыт (в годах);
- 2) инвестиционный горизонт;
- 3) участие в обучающих программах по рынку капитала.

Рассмотрим результаты оценки модели Тобита факторов, влияющих на объём инвестиций в акции (табл. 2).

Таблица 2. Результаты оценки модели Тобита факторов, влияющих на объём инвестиций в акции

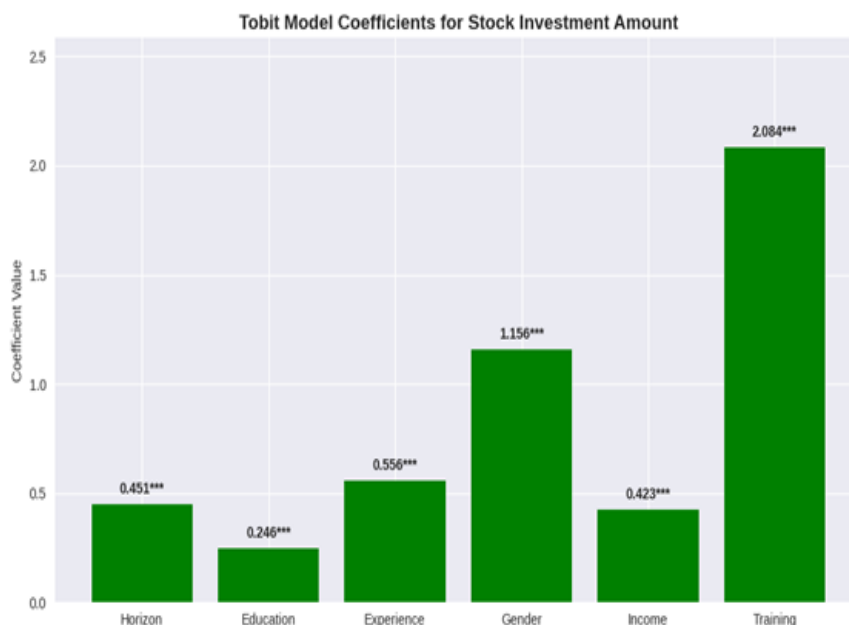
Variable	Coefficient	Std.errors	Z-Statistic
Constant	-7,127***	1,243	-5,731
Horizon	0,451***	0,079	5,656
Education	0,246***	0,090	2,738
Experience	0,556***	0,051	10,778
Gender	1,156***	0,333	3,463
Income	0,423***	0,108	3,890
Training	2,084***	0,365	5,703

*** $p < 0,01$ указывает на статистическую значимость коэффициента

Примечание. Left-censored observations: 339; Uncensored observations: 529; Log-Likelihood: -1681,45.

Модели были оценены методом максимального правдоподобия (MLE). В спецификации модели Тобита объясняющие переменные – пол, доход, инвестиционный горизонт, уровень образования, инвестиционный опыт и участие в обу-

чающих программах по рынку капитала – оказывают положительное и статистически значимое влияние на объём инвестиций в акции. Рассмотрим коэффициенты модели Тобита для суммы инвестиций в акции (рис. 3).

Рис. 3. Коэффициенты модели Тобита для суммы инвестиций в акции

Обучение (2,084*):** оказывает наиболее сильное положительное воздействие – участие в обучающих программах по рынку капитала существенно увеличивает объём инвестиций.

Инвестиционный опыт (0,556*):** каждый дополнительный год опыта статистически значимо повышает уровень инвестиций.

Пол (1,156*):** мужчины в среднем инвестируют большие суммы по сравнению с женщинами.

Доход (0,423*):** более высокий уровень дохода приводит к увеличению объёма инвестиций.

Инвестиционный горизонт (0,451*):** более длительный инвести-

ционный горизонт связан с большими объемами вложений.

Образование (0,246*):** высокий уровень образования положительно влияет на величину инвестиций.

Сравнительный анализ результатов двух моделей

Сопоставление результатов двух моделей показывает, что пол и доход являются устойчиво значимыми переменными как в Пробит-модели (решение о покупке акций), так и в модели Тобита (объем инвестиций). Это свидетельствует о том, что данные факторы влияют не только на вероятность участия в рынке акций, но и на интенсивность инвестирования после вступления в рынок.

Модель Тобита дополнительно подчеркивает важную роль таких переменных, как инвестиционный горизонт, образование, инвестиционный опыт и участие в обучающих программах, которые определяют величину инвестиций, но не влияют на исходное решение о покупке акций.

Пробит-модель, в свою очередь, выявляет возраст и размер домохозяйства как значимые детерминанты участия, однако эти факторы не оказывают статистически значимого влияния на объем инвестиций.

Полученные эмпирические результаты в значительной степени подтверждают закономерности, зафиксированные в предыдущих исследованиях по поведенческим финансам. В соответствии с выводами Barber и Odean [9] и Cueva et al. [10] пол выступает значимым детерминантом как участия в рынке акций, так и интенсивности инвестирования: мужчины демонстрируют более высокую вероятность приобретения акций и вкладывают большие суммы по сравнению с женщинами.

Негативная зависимость между возрастом и участием в фондовом рынке согласуется с предсказаниями гипотезы жизненного цикла, отраженными в рабо-

тах Доан и Йесмин [11], Лан и др. [12] и Тапа и Пун [13], подтверждая, что представители старших возрастных групп склонны к более консервативным инвестиционным стратегиям. Аналогичным образом выявленные сильные положительные эффекты дохода и образования как на решение о покупке акций, так и на объем инвестиций соответствуют результатам Аюб и др. [14], Шах и др. [15] и Лан и др. [12], подчёркивающих роль финансовых ресурсов и способности к обработке информации в формировании инвестиционного поведения.

Результаты, относящиеся к инвестиционному опыту и обучению, также подтверждают международные выводы [16], свидетельствуя о том, что накопление знаний и подготовленность существенно увеличивают величину инвестиций [17].

Особого внимания заслуживает отрицательное влияние размера домохозяйства на участие в рынке акций. Такой результат частично расходится с некоторыми исследованиями, в которых семейные обязательства лишь незначительно снижают склонность к риску. Данное отличие может отражать специфические для Монголии контекстуальные факторы, где крупные домохозяйства, вероятно, сталкиваются с более выраженными ограничениями ликвидности.

В совокупности полученные результаты подтверждают ключевые теоретические положения литературы, одновременно предлагая дополнительные эмпирические доказательства из развивающегося рынка, которые уточняют отдельные аспекты влияния демографических факторов (прежде всего, структуру домохозяйства и взаимодействие между опытом и интенсивностью инвестирования).

Выводы

В настоящем исследовании были проанализированы как решение о покупке акций, так и величина инвестиций на основе данных опроса, собранных среди

участников рынка ценных бумаг Монголии. Методологическая рамка объединяла анализ этапов выборки, оценку пробит-модели для бинарного выбора и оценку модели Тобита для цензурированной зависимой переменной, что позволило получить комплексное представление об инвестиционном поведении.

В целом опрос собрал 868 ответов, из которых 519 являлись активными участниками рынка, что обеспечило репрезентативность данных для эконометрического анализа.

Результаты пробит-модели показали, что пол, возраст, размер домохозяйства и доход статистически значимо влияют на вероятность приобретения акций. Мужчины, респонденты старшего возраста и лица с более высокими доходами демонстрировали более высокую вероятность инвестирования, тогда как увеличение размера домохозяйства снижало вероятность участия.

Результаты модели Тобита расширили анализ, показав, что пол, доход, инвестиционный горизонт, образование, инвестиционный опыт и участие в обучающих программах положительно влияют на объём инвестиций. Особенно сильное влияние оказывают опыт и обучение,

подчёркивая важность знаний и подготовки в формировании инвестиционного поведения.

Сравнительный анализ двух моделей выявил, что:

– пол и доход являются ключевыми детерминантами как решения об инвестировании, так и объёма вложений;

– возраст и размер домохозяйства значимы преимущественно для решения об участии;

– инвестиционный горизонт, образование, опыт и обучение определяют интенсивность инвестирования.

Полученные результаты имеют важное значение как для политики, так и для практики. Они показывают, что программы финансового просвещения, специализированные тренинги, развитие долгосрочного инвестиционного планирования могут существенно повысить как участие, так и объёмы инвестиций на рынке ценных бумаг.

Кроме того, социодемографические характеристики остаются центральным элементом анализа инвестиционного поведения, что указывает на необходимость разработки таргетированных стратегий для вовлечения различных групп потенциальных инвесторов.

Список литературы

1. Bushra B., Srivastav S., Kapoor S. Impact of gender, age, and education on investors' behavior: An empirical study of Delhi-NCR // *International Journal of System Assurance Engineering and Management*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s13198-024-02534-1>
2. Sharma M. R., Vidyapith B., Aggarwal M. Impacts of Demographic Factors On Investment Decision // *International Journal for Research in Engineering Application & Management (IJREAM)*. 2023. N 09. P. 3.
3. Aditi S., Nisha K. Examining the factors influencing investment decisions of investors: Insights from a review of literature // *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2024.
4. Mochi R., Venugopal R. Impact of demographic factors on the investor's investment decision: an empirical study // *International Journal of research and analytical reviews*. 2022.
5. Che Hassan N. Investment intention and decision making: A systematic literature review // *Sustainability*. 2023. N 15 (5). P. 3949.
6. Suhasini V. N., Rao K. V. G. Assessing the influence of demographic factors on investors' investment decisions // *International Journal of Science and Social Science Research*. 2024. N 2 (2). P. 82–93. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13318267>

7. Agarwal S., Singh S. Behavioral biases and investment decision: A systematic literature review // *International Journal of Statistics and Applied Mathematics*. 2023.
8. IJCRT. Socio-Demographic Profile Influences on Investor Decision-Making // *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2018.
9. Barber B. M., Odean T. Boys will be boys: Gender, overconfidence, and common stock investment // *Q. J. Econ.* 2001. N 116 (1). P. 261–92.
10. Boys will still be boys: Gender differences in trading activity are not due to differences in (over)confidence / C. Cueva, I. Iturbe-Ormaetxe, G. Ponti, J. Tomás // *J. Econ. Behav. Organ.* 2019. N 160. P. 100–20.
11. Doan H., Yeasmin S. The impact of demographic factors on financial risk tolerance: A replication study. URL: <https://uu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1891472> (дата обращения: 11.11.2025).
12. Individual investment decision behaviors based on demographic characteristics: Case from China / Q. Lan, Q. Xiong, L. He, C. Ma // *PLoS One*. 2018. N 13 (8). P. e0201916. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201916>
13. Thapa M., Pun D. B. How demographic characteristics shape risk tolerance: A study of individual investors in Nepal // *The Lumbini Journal of Business and Economics*. 2025. N 13 (1). P. 122–32.
14. Financial risk tolerance based on demographic factors: Pakistani perspective / M. S. Ayuub, H. M. N. Saleem, M. Latif, S. Aslam // *International Journal of Information, Business and Management*. 2015. Vol. 7, N 2. P. 202–238.
15. An empirical analysis of financial risk tolerance and demographic factors of business graduates in Pakistan / N. H. Shah, W. Khalid, S. Khan, M. Arif, M. A. Khan // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2020. N 10 (4). P. 220–234.
16. Hamurcu Ç., Hazar A., Babuşcu Ş. A portfolio-focused behavioral model linking financial literacy and risk tolerance: Evidence from mutual fund investors in Türkiye // *Borsa Istanbul Review*. 2025. N 25. P. 119–127.
17. van den Bergh-Lindeque A., Ferreira-Schenk S., Dickason-Koekemoer Z. Individual investor risk tolerance from a behavioural finance perspective in Gauteng, South Africa // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2021. N 11(4). P. 53–65.

References

1. Bushra B., Srivastav S., Kapoor S. Impact of gender, age, and education on investors' behavior: An empirical study of Delhi-NCR. *International Journal of System Assurance Engineering and Management*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s13198-024-02534-1>
2. Sharma M.R., Vidyapith B., Aggarwal M. Impacts of Demographic Factors On Investment Decision. *International Journal for Research in Engineering Application & Management (IJREAM)*. 2023;(09):3.
3. Aditi S., Nisha K. Examining the factors influencing investment decisions of investors: Insights from a review of literature. *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2024.
4. Mochi R., Venugopal R. Impact of demographic factors on the investor's investment decision: an empirical study. *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2022.
5. Che Hassan N. Investment intention and decision making: A systematic literature review. *Sustainability*. 2023;(15):3949.
6. Suhasini V.N., Rao K.V.G. Assessing the influence of demographic factors on investors' investment decisions. *International Journal of Science and Social Science Research*. 2024;(2):82–93. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13318267>
7. Agarwal S., Singh S. Behavioral biases and investment decision: A systematic literature review. *International Journal of Statistics and Applied Mathematics*. 2023.

8. IJCRT. Socio-Demographic Profile Influences on Investor Decision-Making. *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2018.
9. Barber B.M., Odean T. Boys will be boys: Gender, overconfidence, and common stock investment. *Q. J. Econ.* 2001;(116):261–92.
10. Cueva C., Iturbe-Ormaetxe I., Ponti G., Tomás J. Boys will still be boys: Gender differences in trading activity are not due to differences in (over)confidence. *J. Econ. Behav. Organ.* 2019;(160):100–20.
11. Doan H., Yeasmin S. The impact of demographic factors on financial risk tolerance: A replication study. Available at: <https://uu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1891472> (accessed 11.11.2025).
12. Lan Q., Xiong Q., He L., Ma C. Individual investment decision behaviors based on demographic characteristics: Case from China. *PLoS One*. 2018;(13):e0201916. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201916>
13. Thapa M., Pun D.B. How demographic characteristics shape risk tolerance: A study of individual investors in Nepal. *The Lumbini Journal of Business and Economics*. 2025;(13):122–32.
14. Ayuub M.S., Saleem H.M.N., Latif M., Aslam S. Financial risk tolerance based on demographic factors: Pakistani perspective. *International Journal of Information, Business and Management*. 2015;7(2):202–238.
15. Shah N.H., Khalid W., Khan S., Arif M., Khan M.A. An empirical analysis of financial risk tolerance and demographic factors of business graduates in Pakistan. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2020;(10):220–234.
16. Hamurcu Ç., Hazar A., Babuşcu Ş. A portfolio-focused behavioral model linking financial literacy and risk tolerance: Evidence from mutual fund investors in Türkiye. *Borsa Istanbul Review*. 2025;(25):119–127.
17. van den Bergh-Lindeque A., Ferreira-Schenk S., Dickason-Koekemoer Z. Individual investor risk tolerance from a behavioural finance perspective in Gauteng, South Africa. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2021;(11):53–65.

Информация об авторах / Information about the Authors

Баянсан Пурэв, старший преподаватель кафедры финансов Бизнес-школы, Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: bayansan.p@num.edu.mn

Bayansan Purev, Senior Lecturer at the Department of Finance of the School of Business, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: bayansan.p@num.edu.mn

Энхбаяр Чойжил, профессор кафедры финансов Бизнес-школы, Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: enkhbayar.ch@num.edu.mn

Enkhbayar Choijl, Professor at the Department of Finance of the School of Business, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: enkhbayar.ch@num.edu.mn

Энх-Амгалан Бямбажав, доцент кафедры финансов Бизнес-школы, Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: enkhamgalan@num.edu.mn

Enkh-Amgalan Byambajav, Associate Professor at the Department of Finance of the School of Business, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: enkhamgalan@num.edu.mn

Оригинальная статья / Original article

УДК 004.738.5

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-191-200>**Чат-боты в банковской сфере: перспективы внедрения и эффективность использования****Н. В. Пьянова¹✉, Е. А. Алекса², Д. Д. Даровых², Р. Р. Пьянов¹**

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орел 302026, Российская Федерация

² Орловский автодорожный техникум
ул. Советская, д. 16, г. Орел 302002, Российская Федерация

✉ e-mail: rus.bagira@mail.ru

Резюме

Актуальность изучения роли и возможностей применения чат-ботов в банковской сфере обусловлена глобальным переходом к цифровой экономике и необходимостью постоянного повышения качества обслуживания клиентов. Современная банковская отрасль испытывает серьезные вызовы, обусловленные ростом популярности мобильных устройств, распространением «умных» ассистентов и усилением требований к удобству и скорости предоставляемых услуг. Все это диктует потребность модернизации существующих подходов к работе с клиентами и создание эффективных цифровых решений, направленных на удовлетворение растущих ожиданий пользователей.

Цель – анализ использования чат-ботов в банковской индустрии, изучении их возможностей и ограничений.

Задачи. Для достижения указанной цели предполагается решение ряда взаимосвязанных задач: проанализировать имеющуюся научно-методическую литературу по проблемам внедрения и использования чат-ботов в банковской сфере; определить современное состояние рынка банковских чат-ботов и охарактеризовать лучшие практики их применения ведущими мировыми банками; выявить факторы, способствующие успешной интеграции чат-ботов в систему обслуживания клиентов и предложить модели внедрения данных технологий; разработать рекомендации по дальнейшему развитию и масштабированию использования чат-ботов в российских банках.

Методология исследования включает в себя эмпирический и аналитический методы, также применяются сравнительный и статистический анализы.

Результаты. Выделены рекомендации по эффективному применению чат-ботов в банковской среде, создана концепция поэтапного внедрения чат-ботов в финансовую организацию с рекомендациями по улучшению клиентского обслуживания. Проведен сравнительный анализ банков, активно использующих чат-боты, и тех, кто пока ограничивается традиционными методами работы с клиентами.

Выводы. В результате исследования было выявлено, что внедрение чат-ботов способно значительно повысить качество обслуживания клиентов, снизить издержки банков и укрепить их позицию на рынке. Такие технологии особенно эффективны при решении повторяющихся задач, быстрой обработке большого объема запросов и помощи пользователям в выполнении повседневных действий.

Ключевые слова: чат-боты; банковская сфера; клиентское обслуживание; цифровая экономика; цифровизация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Модель оценки финансовой устойчивости строительных организаций с учетом регионального критерия / Н. В. Пьянова, Е. А. Алекса, Д. Д. Даровых, Р. Р. Пьянов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 191–200. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-191-200>

Поступила в редакцию 10.12.2025

Принята к публикации 09.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Chatbots in banking: implementation prospects and usage effectiveness

Natalia V. Pyanova¹✉, Elizaveta A. Aleksa²,
Darov D. Darovykh², Ruslan R. Pyanov¹

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev
95 Komsomolskaya Str., Oryol 302026, Russian Federation

² Oryol Highway Technical College
16 Sovetskaya Str., Oryol 302002, Russian Federation

✉ e-mail: rus.bagira@mail.ru

Abstract

The relevance of studying the role and possibilities of using chatbots in the banking sector is due to the global transition to a digital economy and the need to constantly improve the quality of customer service. The modern banking industry is facing significant challenges due to the growing popularity of mobile devices, the widespread use of smart assistants, and the increasing demands for convenient and fast services. These factors necessitate the modernization of existing customer service approaches and the development of effective digital solutions to meet the growing expectations of users.

The purpose is to analyze the use of chatbots in the banking industry and explore their capabilities and limitations.

Objectives. To achieve this goal, a number of interrelated tasks need to be solved: to analyze the existing scientific and methodological literature on the problems of implementing and using chatbots in the banking sector; to determine the current state of the banking chatbot market and characterize the best practices of using chatbots by leading global banks; to identify the factors that contribute to the successful integration of chatbots into the customer service system and propose models for implementing these technologies; and to develop recommendations for further development and scaling of the use of chatbots in Russian banks.

Methodology. The research methodology includes empirical and analytical methods, as well as comparative and statistical analysis.

Results. Recommendations for the effective use of chatbots in the banking environment have been identified, and a concept for the gradual introduction of chatbots into a financial organization has been created, along with recommendations for improving customer service. A comparative analysis has been conducted between banks that actively use chatbots and those that still rely on traditional methods of customer service.

Conclusions. The study has revealed that the implementation of chatbots can significantly improve the quality of customer service, reduce the costs of banks, and strengthen their position in the market. These technologies are particularly effective in solving repetitive tasks, quickly processing large volumes of requests, and assisting users in performing everyday activities.

Keywords: chatbots; banking; customer service; digital economy; digitalization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Pyanova N.V., Aleksa E.A., Darovykh D.D., Pyanov R.R. Chatbots in banking: implementation prospects and usage effectiveness. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):191–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-191-200>

Received 10.12.2025

Accepted 09.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Современный рынок банковских услуг характеризуется высоким уровнем конкуренции, стремительным развитием цифровых технологий и изменением

предпочтений потребителей. Вопросы использования цифровых платформ и чат-ботов остаются актуальными практически во всех сферах деятельности.

Цель исследования заключается в анализе использования чат-ботов в бан-

ковской индустрии, изучении возможностей и ограничений с целью повышения качества обслуживания клиентов.

Чат-боты – это программные агенты, которые способны автоматически вести диалог с пользователями через текстовые или голосовые интерфейсы. В банковской среде они выступают в роли виртуальных помощников, которые облегчают и ускоряют взаимодействие клиентов с банком, предоставляя информацию и выполняя базовые операции в режиме онлайн [1].

Использование чат-ботов в банках позволяет повысить качество обслуживания, снизить нагрузку на сотрудников колл-центров, оперативно отвечать на запросы клиентов и обеспечивать круглосуточную поддержку. Они помогают быстро решать стандартные вопросы, принимать платежи, консультировать по продуктам и услугам, а также уведомлять о важных изменениях. Благодаря этому банки становятся более доступными и удобными для клиентов, а также оптимизируют свои внутренние процессы [2].

Чат-боты нашли свое применение еще до появления современных приложений и мессенджеров. Первые попытки создания цифровых собеседников появились ещё в середине XX века, когда учёные начали исследовать идеи моделирования человеческого общения с компьютером [3]. Так, в 1966 г. реализовывался проект под названием ELIZA, идея которого заключалась в создании простой программы, предназначенной для симуляции беседы психолога-психотерапевта с пациентом. Хотя алгоритм был довольно примитивным и базировался исключительно на шаблонных ответах, программа продемонстрировала большой потенциал технологии в создании иллюзии осмысленного разговора¹.

¹ 10 главных трендов маркетинга в 2017 году // Ibusiness. URL: <http://ibusiness.ru/blog/future/42397> (дата обращения: 10.11.2025).

Современные чат-боты основаны на технологиях глубокого обучения и нейронных сетях. Они обладают способностью понимать естественный язык, учиться на примерах и адаптироваться к новым ситуациям [4].

Выделим основные характерные особенности чат-ботов.

Во-первых, автоматизация взаимодействия потребителя и производителя – чат-боты способны самостоятельно вести диалог, отвечая на типовые вопросы и запросы.

Во-вторых, интерактивность – взаимодействие происходит в режиме диалога, что делает общение более естественным и удобным.

В-третьих, доступность 24/7 – чат-боты работают круглосуточно, что значительно увеличивает скорость и качество обслуживания пользователей. Так, например, пользователь получит ответ на свой вопрос уже в течение 5 минут, исключая расчет на время суток, сложность вопроса или финансовую составляющую [5].

Таким образом, делая промежуточные итоги вышесказанного, мы можем сформулировать понятие, что чат-бот – это программное обеспечение, созданное для имитации общения с пользователями в текстовом или голосовом формате согласно поставленным целям и запросам компаний. По сути, чат-боты выступают в роли виртуальных ассистентов, которые автоматически отвечают на вопросы, выполняют определённые задачи и взаимодействуют с пользователями без участия человека.

Материалы и методы

Хоть и история возникновения чат-ботов имеет характер более медицинского и научного направления, касательно бизнес-среды чат-боты не заставили долго ждать. «Чат-боты пришли в бизнес не просто как онлайн-инструмент для общения с потенциальными потребителями, а

как инструмент, способный оптимизировать издержки, сокращать расходы бизнеса и автоматизировать процессы» [6].

Данную теорию подтверждают труды исследователей, таких как Фредерик Лайонс, Нил Гольдштейн, Дженнифер Харри, Стив Коэн. К примеру, Фредерик Лайонс подчеркивал способность чат-ботов снижать стоимость обслуживания клиентов путем автоматизации типовых запросов. Дженнифер Харрис, – ведущий специалист по менеджменту и организационному развитию, утверждал, что чат-боты повышают производительность сотрудников, освобождая их от рутинных задач и давая возможность заниматься более творческими и важными делами [7]. Также данная теория находила себя и в работах российского исследователя. Чат-боты снижают затраты на обработку типовых запросов и позволяют освободить сотрудников для выполнения стратегических задач [8]. Помимо этого, следует подчеркнуть теории С. А. Нестеровой, А. С. Иванова, С. А. Белозёрова, В. Д. Васильева.

К основным трендам в интернет-маркетинге чат-ботов принято относить к 2017 г.¹ «Чат-боты и искусственный интеллект выходят в мейнстим (англ. *mainstream* – основное течение)» [9]. Основоположителем первой программы, способной предоставлять пользователю информационные услуги и развлекать его, поддерживая при этом естественное общение, считается Джозеф Вейзенбаум, написавший в 1966 г. программу ELIZA, которую мы приводили ранее [10].

Результаты и их обсуждение

Функциональность современных чат-ботов весьма широка и охватывает множество сфер и задач, что, следовательно, выявляет множество достоинств [11].

¹ 10 главных трендов маркетинга в 2017 году // Ibusiness. URL: <http://ibusiness.ru/blog/future/42397> (дата обращения: 10.11.2025).

Так, в банковской сфере чат-боты:

- помогают быстро отвечать на вопросы клиентов, например, о балансе или последних операциях;
- освобождают сотрудников банка от рутинной работы, позволяя им заниматься сложными задачами;
- ускоряют обслуживание, делая его доступным 24/7;
- повышают удобство для клиентов и улучшают качество сервиса.

Помимо этого, предоставляют помощь в обучении, выполняют HR-задачи, контроль поставок, выбор маршрута в логистике, юридическое консультирование, поддержку и техническую помощь и многое другое.

Многие крупные и средние российские банки активно внедряют технологии чат-ботов, понимая их огромную пользу для улучшения качества обслуживания клиентов и оптимизации внутренних процессов [12].

К таким относится Сбербанк, Райффайзенбанк, Альфа-Банк, ВТБ, Газпромбанк, Промсвязьбанк. Сбербанк лидирует в применении цифровых технологий, включая чат-ботов. Один из наиболее популярных его проектов – виртуальный помощник «Сберсалют», работающий как в мобильном приложении, так и на сайте банка. Сберсалют принимает участие в обработке платежей, выдаче кредитов, консультациях по картам и тарифам, оформлении страховок и других услугах. Помимо этого, Сбер реализует технологию Салюта в качестве помощника для партнёров и клиентов в экосистеме банка².

Приведем наглядный пример. Клиент Сбербанка не может понять, как оплатить себе проездной. Он заходит в

² Искусственный интеллект: словарь для ритейлеров // New retail. URL: https://new-retail.ru/tehnologii/iskusstvennyy_intellekt_slovarik_dlya_riteylerov3336/ (дата обращения: 13.11.2025).

чат-бот Сбербанка и задает ему вопрос: «Как оплатить проездной?»; чат-бот ему отвечает пошаговой инструкцией «1. На вкладке платежи зайдите в опцию оплата услуг. 2. Выберите оплата проездных билетов. 3. Введите именную карту и оплатите». Таким образом, чат-боты в банках делают обслуживание проще, быстрее и эффективнее и помогают банкам работать лучше.

ВТБ также активно развивает собственные чат-боты, один из которых называется V-bot (рис. 1). V-bot работает круглосуточно и доступен в официальном приложении ВТБ онлайн. Этот бот может подсказать информацию о балансе счета, кредитной задолженности, курсах валют, провести платежи и переводы, заблокировать карту в экстренных ситуациях и многое другое.

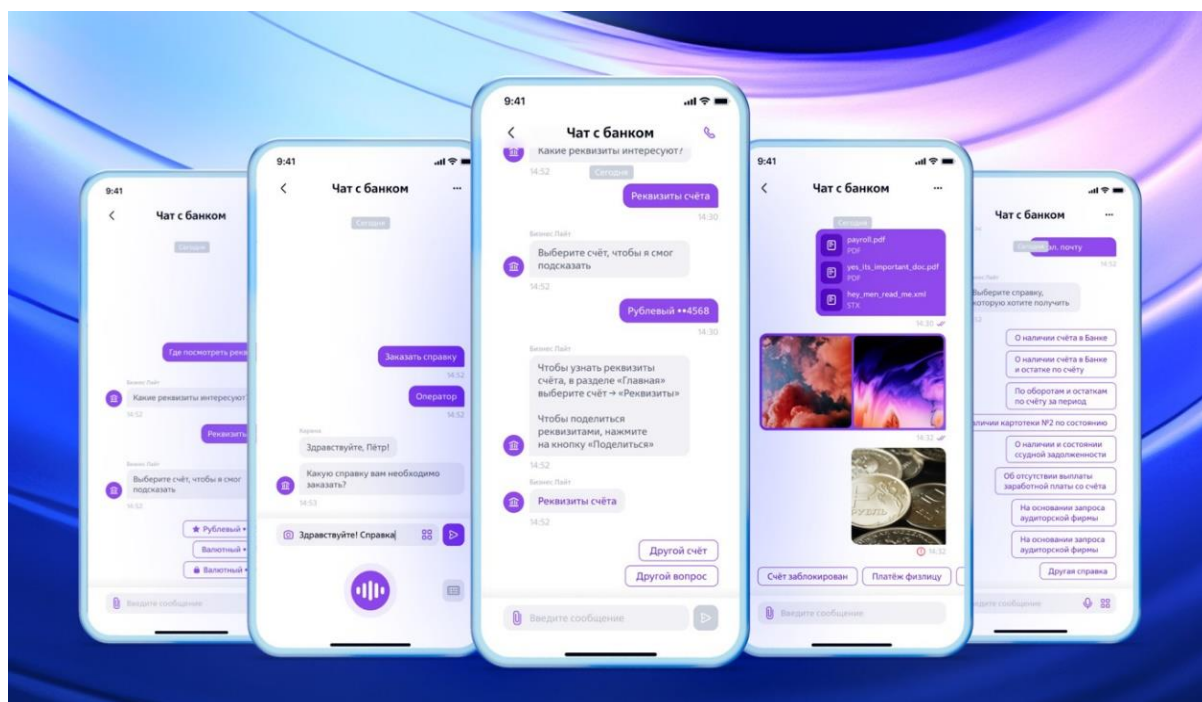

Рис. 1. Чат-бот ВТБ в приложении

Основные функции банковских чат-ботов:

1. Ответы на часто задаваемые вопросы. Чат-боты быстро и автоматически дают клиентам информацию по ключевым запросам: проверка баланса, актуальные курсы валют, тарифы на услуги. Это позволяет избежать ожидания в очереди на звонок и получить нужные данные моментально.

2. Помощь в проведении операций. С помощью чат-бота можно удобно и безопасно совершать базовые финансовые операции: переводить деньги между счетами, оплачивать счета и услуги. Все действия проходят через интегрирован-

ные банковские системы, что гарантирует надежность и защиту транзакций¹.

3. Консультации по банковским продуктам. Чат-боты информируют пользователей о доступных продуктах и сервисах, помогают выбрать наиболее подходящие варианты, например кредитные программы, вклады или карты, объясняя условия и выгоды.

4. Напоминания о важных датах. Боты автоматически уведомляют клиентов о сроках оплаты кредитов, счетов и дру-

¹ Модели для написания сценариев чат-ботов // VC.RU. URL: <https://vc.ru/services/102218-modeli-dlya-napisaniya-scenariiev-chat-botov> (дата обращения: 26.11.2025).

гих финансовых обязательств, чтобы избежать просрочек и штрафов, тем самым улучшая финансовую дисциплину.

5. Сопровождение в оформлении кредитов и карт. Чат-бот помогает шаг за шагом пройти процесс подачи заявки на кредит или оформление банковской карты, собирает необходимые данные и отвечает на возникающие вопросы, делая эту процедуру более простой и быстрой.

6. Обработка жалоб и техническая поддержка. В случае проблем с сервисами или неполадок чат-бот принимает жалобы, фиксирует запросы и при необходимости перенаправляет их на специалистов для решения более сложных вопросов.

7. Технологические аспекты. Банковские чат-боты работают на основе техно-

логий обработки естественного языка (NLP), что позволяет им понимать и корректно реагировать на запросы клиентов, сформулированные обычным разговорным языком. Они используют машинное обучение для улучшения качества общения и адаптации к новым ситуациям. Интеграция с внутренними банковскими системами обеспечивает безопасный доступ к персональным данным и выполнение финансовых операций. Кроме того, соблюдаются строгие стандарты безопасности и защиты информации, что особенно важно для финансовой отрасли¹.

На рисунке 2 отображаются данные исследования среди 500 российских потребителей в 2017 г.

Почему чат-боты — перспективный канал продаж: четыре причины

Рис. 2. Исследование потребительского спроса на использование чат-ботов в бизнес-среде

Устойчивое положение, что чат-боты работают без перерывов – круглые сутки и без выходных. Это действительно верно и означает, что клиенты могут получить помощь в любое время, даже ночью или в выходные дни, когда офисы и колл-центры обычно закрыты. Такие боты быстро отвечают на стандартные вопросы, например, о балансе счета или карте, что помогает решить проблемы без ожидания оператора.

Все эти боты обычно имеют рабочий сервер, подключенный к бесперебойнику,

что позволяет им постоянно быть в сети и часто поддерживать общение в формате «вопрос – конкретный ответ» (предлог дополнить или расписать).

¹ Smart Bots: Chatbots are Learning How to Help You – Rob Jenkins. Исследование применения интеллектуальных чат-ботов, включая кейсы из банковской среды. URL: https://bothelp.io/ru?utm_source=yandex&utm_medium=112219438&utm_campaign=16946458157&utm_content=bot%20help&yclid=18129551068791832575 (дата обращения: 26.11.2025).

Круглосуточная поддержка – спасение по сравнению с ситуацией, когда помощи ждать неоткуда. Ожидание оператора поддержки Сбербанка – настоящий квест. Приведем пример из собственного опыта: необходимо было оформить студенческий проездной в прошлом году. На запрос был дан ответ: если хотите, можем перенаправить вас в службу поддержки (номер горячей линии), и дозвониться с первого раза, естественно, не получалось.

Поговорим о том, насколько же было бы проще работать с чат-ботом в данной ситуации. Вот самые ощутимые аспекты в разнице между человеком и чат-ботом в поддержке:

1. Сокращение времени ожидания. Поскольку чат-боты автоматически отвечают на часто задаваемые вопросы, нагрузка на сотрудников банка значительно снижается. Клиентам не приходится долго ждать, чтобы получить элементарную информацию, – бот моментально дает ответ. Это ускоряет обслуживание, особенно в часы пик, когда телефонные линии или чат-сервисы могут быть перегружены [13].

2. Персонализация обслуживания. Современные чат-боты умеют анализировать информацию о клиенте – его истории операций, предпочтениях, интересах. Благодаря этому они могут предлагать именно те услуги и советы, которые будут полезны конкретному человеку, например, рекомендации по управлению финансами, напоминания о платежах или предложения инвестиционных продуктов [14].

3. Повышение эффективности процессов. Благодаря чат-ботам многие операции проходят быстрее и проще. Заполнение заявок, переводы денег, получение справочной информации – все это становится автоматическим и максимально удобным. Это помогает банку сокращать внутренние расходы и оптимизировать работу сотрудников, которые теперь занимаются более сложными задачами [4].

4. Снижение риска ошибок. Автоматизация рутинных операций снижает вероятность человеческих ошибок, которые

могут возникнуть из-за невнимательности или усталости. Чат-боты строго следуют алгоритмам, что повышает точность и надежность выполнения базовых банковских задач, например, при проверке данных или проведении платежей.

Таким образом, чат-боты в банках делают обслуживание клиентов быстрее, удобнее, безопаснее и эффективнее, улучшая как клиентский опыт, так и работу самой организации.

Чат-боты в банках значительно улучшают качество обслуживания клиентов, ускоряют выполнение рутинных операций и снижают нагрузку на персонал [15]. Благодаря им банки уменьшают операционные расходы и повышают уровень удовлетворенности клиентов. Внедрение таких технологий становится стратегическим приоритетом для банков, стремящихся соответствовать требованиям цифровой эпохи [16] и оставаться конкурентоспособными на рынке, а также повышать свою откликаемость и стабильность в обслуживании клиентов.

Выводы

Согласно проведенной опытно-аналитической работе, целесообразно выделить рекомендации по использованию и внедрению чат-ботов в банковскую среду:

1. Определение целей и задач:

– чётко сформулируйте, какие функции должен выполнять чат-бот: консультирование по продуктам, поддержка клиентов, проведение транзакций, сбор обратной связи;

– учитывайте интересы и потребности различных сегментов клиентов.

2. Выбор технологий и платформы:

– используйте современные NLP-технологии для понимания естественного языка;

– интегрируйте чат-бота с CRM-системами и внутренними базами данных банка;

– обеспечьте мультиканальность (веб, мобильное приложение, мессенджеры).

3. Безопасность и конфиденциальность:

- реализуйте надёжную защиту данных клиентов: шифрование, двухфакторную аутентификацию;
- чётко соблюдайте требования законодательства (например, GDPR, ФЗ-152 в РФ);
- внедрите меры для предотвращения мошенничества, снизьте риски социального инжиниринга.

4. Пошаговая интеграция:

- начните с пилотного проекта на ограниченной группе пользователей для тестирования и сбора обратной связи;
- постепенно расширяйте функционал и аудиторию;
- обеспечьте возможность перехода на взаимодействие с живым оператором при сложных запросах.

5. Обучение и поддержка:

- регулярно обновляйте базу знаний чат-бота с учётом продуктов, изменений в политике и типичных вопросов клиентов;

- обучайте сотрудников банка работать совместно с чат-ботом.

6. Аналитика и оптимизация:

- внедрите системы аналитики для отслеживания эффективности, выявления проблем и улучшения сценариев общения.
- используйте данные для персонализации предложений и улучшения клиентского опыта.

7. Коммуникация с клиентами:

- объясняйте клиентам выгоды использования чат-бота и возможности его функционала;
- поддерживайте прозрачность в том, когда общение ведётся с роботом, а когда – с человеком.

Успешное внедрение чат-ботов в банке требует тщательного планирования, внимания к безопасности, постепенного расширения функционала и постоянной оптимизации на основе данных и обратной связи. Это поможет повысить качество обслуживания, снизить нагрузку на сотрудников и улучшить клиентский опыт.

Список литературы

1. Полпудников С. В., Степанова А. С. Чат-боты в банковской сфере: наступление новой банковской эры // Финансовая экономика. 2019. № 2. С. 76–78.
2. Салтанаева Е. А., Эшлиоглу Р. И. Чат-боты: новые информационные технологии и новые экономические возможности // Экономика и предпринимательство. 2024. № 9 (170). С. 1142–1145.
3. Прокопьева Е. Л., Селигеев С. Ф. Чат-боты в цифровой экономике: риски, регулирование, перспективы // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7 (156). С. 1073–1077.
4. Положенцева Ю. С., Непочатых О. Ю. Стратегические направления цифровой трансформации социально-экономических систем // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции, г. Курск, 22 марта 2022 г. / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 184–187.
5. Стороженко В. А. Чат-боты и голосовые помощники как инструменты кастомизации и оптимизации банковского сектора // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 7 (64). С. 265–269.
6. Хрущева А. А. Чат-боты в бизнес-коммуникации: виды и функции // Медиасреда. 2022. № 1. С. 154–159.
7. Золотухина, Ю. В., Адаменко А. А., Крыжановская О. А. Выбор стратегии трансформации бизнеса организациями – участниками информационного взаимодействия в условиях цифровой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 37 (5). С. 116–123.
8. Шульгина Ю. В., Мальцева И. Ф. Трансформация системы управления персоналом: цифровые технологии в социально-трудовом мониторинге // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей Межрегиональной научно-практической

конференции, г. Курск, 14–15 ноября 2019 г. / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2019. Т. 1. С. 214–219.

9. Смыслова Л. В. Чат-бот как современное средство интернет-коммуникаций // Молодой ученый. 2018. № 9 (195). С. 36–39.

10. Иванова Е. Г. Интеллектуальные диалоговые интерфейсы в системах электронной коммерции // Известия ЮФУ. Технические науки. 2007. № 2. С. 42–52.

11. Чарочкина Е. Ю., Крыжановская О. А. Тенденции цифровизации предпринимательского сектора экономики России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 4 (210). С. 65–71.

12. Корнина А. Е. Машинное обучение и нейронные сети в бизнесе // Хроноэкономика. 2018. Вып. 2 (10). С. 112–113.

13. Мальцева И. Ф., Шульгина Ю. В. Использование систем искусственного интеллекта в управленческих и производственных процессах // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 220–228.

14. Старкова М. И., Крыжановская О. А. Разработка и реализация управленческого решения о выборе стратегии трансформации бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 34–46.

15. Демидова С. В., Непочатых О. Ю. Управление финансовыми ресурсами // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2012: материалы Международной молодежной научной конференции: в 3 т. / ответственный редактор А. А. Горохов. Курск: Университетская книга, 2012. Т. 1. С. 105–108.

16. Бессонова Е. А., Батталов Р. М. Формирование инновационной экосистемы в условиях цифровизации // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9, № 1. С. 221–225.

References

1. Polpudnikov S.V. Chat bots in the banking sector: the onset of a new banking era. *Finansovaya ekonomika = Financial Economy*. 2019;(2):76–78. (In Russ.)

2. Saltanaeva E.A., Eshelioglu R.I. Chat bots: new information technologies and new economic opportunities. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2024;(9):1142–1145. (In Russ.)

3. Prokopyeva E.L., Seligeev S.F. Chatbots in the digital economy: risks, regulation, prospects. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*. 2023;(7):1073–1077. (In Russ.)

4. Polozhentseva Yu.S., Nepochatykh O.Yu. Strategic directions of digital transformation of socio-economic systems. In: *Strategiya formirovaniya ekosistemy tsifrovoi ekonomiki: sbornik nauchnykh statei 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kursk, 22 marta 2022 g. = Strategy for the formation of the ecosystem of the digital economy: A collection of scientific articles of the 4th International Scientific and Practical Conference, 22 March 2022, Kursk*. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2022. P. 184–187. (In Russ.)

5. Storozhenko V.A. Chat bots and voice assistants as tools for customizing and optimizing the banking sector. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2023;4(7):265–269. (In Russ.)

6. Khrushcheva A.A. Chat bots in business communication: types and functions. *Mediasreda = Media Environment*. 2022;(1):154–159. (In Russ.)

7. Zolotukhina, Yu.V., Adamenko A.A., Kryzhanovskaya O.A. Choice of business transformation strategy by organizations – participants in information interaction in the digital economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and Humanitarian Research*. 2021;(37):116–123. (In Russ.)

8. Shul'gina Yu.V., Maltseva I.F. Transformation of the personnel management system: digital technologies in social and labor monitoring. In: *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kursk, 14–15 noyabrya 2019 g. = Digital economy: problems and development prospects: Collection of scientific articles of the Interregional Scientific and Practical Conference, 14–15 November 2019, Kursk*. Vol. 1. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2019. P. 214–219. (In Russ.)

9. Smyslova L.V. Chatbot as a modern means of internet communications. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2018;(9):36–39. (In Russ.)
10. Ivanova E.G. Intelligent dialog interfaces in e-commerce systems. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = Proceedings SFU. Technical Sciences*. 2007;(2):42–52. (In Russ.)
11. Charochkina E. Yu., Kryzhanovskaya O. A. Trends in digitalization of the entrepreneur sector of the Russian economy. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2022;(4):65–71. (In Russ.)
12. Kornina A.E. Machine learning and neural networks in business. *Khronoekonomika = Chronoeconomics*. 2018;2:112–113. (In Russ.)
13. Maltseva I.F., Shulgina Yu.V. The use of artificial intelligence systems in management and production processes. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Research*. 2024;(5):220–228. (In Russ.)
14. Starkova M.I., Kryzhanovskaya O.A. Development and implementation of a management decision on the choice of a business transformation strategy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(2):34–46. (In Russ.)
15. Demidova S.V., Nepochatykh O. Yu. Financial Resource Management. In: Gorokhov A.A. (ed.). *Pokolenie budushchego: Vzglyad molodykh uchenykh – 2012: materialy Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii = Generation of the Future: The View of Young Scientists – 2012: Materials of the International Youth Scientific Conference*. Vol. 1. Kursk: Universitetskaya kniga; 2012. P. 105–108. (In Russ.)
16. Bessonova E.A., Battalov R.M. Formation of an innovation ecosystem in the conditions of digitalization. *Russian Journal of Management*. 2021;9(1):221–225. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Пьянова Наталия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: rus.bagira@mail.ru, Researcher ID: N-3589-2016, ORCID: 0000-0003-0763-2214

Natalia V. Pyanova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Service, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: rus.bagira@mail.ru, Researcher ID: N-3589-2016, ORCID: 0000-0003-0763-2214

Алекса Елизавета Александровна, преподаватель, Орловский автодорожный техникум, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: elizaveta.aleksa@mail.ru, Researcher ID: N-3589-2016, ORCID: 0000-0003-0763-2214

Elizaveta A. Aleksa, Lecturer, Oryol Highway Technical College, Orel, Russian Federation, e-mail: elizaveta.aleksa@mail.ru, Researcher ID: N-3589-2016, ORCID: 0000-0003-0763-2214

Пьянов Руслан Романович, студент факультета физической культуры и спорта, Орловский государственный университет, им. И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: ruslan.pjanov@yandex.ru

Ruslan R. Pyanov, Student at the Faculty of the Physical Culture and Sports, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: ruslan.pjanov@yandex.ru

Даровых Даниил Дмитриевич, студент, Орловский автодорожный техникум, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: dmitrijdarovyh@gmail.com

Daniil D. Darov, Student, Oryol Highway Technical College, Orel, Russian Federation, e-mail: dmitrijdarovyh@gmail.com

Анализ концепции «Обучение на протяжении всей жизни»

С. В. Шманёв¹✉, Д. Е. Морковкин¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Резюме

Актуальность. На основании статистических данных Организации Объединённых Наций о снижении среднемирового суммарного коэффициента рождаемости в мире, всемирного роста бедности, активизации частных и государственных структур в области внедрения цифровизации во все сферы жизнедеятельности, а также государственных расходов на академическое образование был сделан вывод, что целью процесса глобальной цифровизации является полный контроль над поведением человека, его знаниями и навыками. В проведённом исследовании был использован синергетико-институциональный подход.

Целью данного исследования является выявление экономико-политических причин подмены классического образования широкомасштабным внедрением концепции «обучение на протяжении всей жизни» и перехода на дистанционное образование в условиях глобальной цифровой трансформации.

Задачи: выявить различие в понятиях «образование» и «обучение»; провести анализ задач и перспектив непрерывного обучения; сравнить качества, доступности и перспектив классического и дистанционного образования в условиях цифровых трансформаций; оценить влияния процесса цифровых трансформаций на рынок труда и образования; дать прогнозную оценку роли цифровизации в повышении уровня эксплуатации населения планеты.

Методология. Методологическую основу работы составили синергетико-институциональный подход, а также методы политической экономии (формально-логический и диалектический).

Результаты исследования показали, что концепция «обучение на протяжении всей жизни» в современных условиях реализуется не столько как гуманистическая идея саморазвития, сколько как инструмент адаптации личности к постоянно меняющимся требованиям рынка труда и цифровой экономики.

Выводы работы заключаются в том, что процессы цифровизации образования и продвижения концепции непрерывного обучения следует рассматривать как часть глобальной экономико-политической трансформации.

Ключевые слова: население; уровень жизни; синергетико-институциональная концепция; непрерывное образование.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шманёв С. В., Морковкин Д. Е. Анализ концепции «Обучение на протяжении всей жизни» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 201–213. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-201-213>

Поступила в редакцию 27.12.2025

Принята к публикации 25.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Analyzing the concept of "Lifelong learning"

Sergey V. Shmanev¹✉, Dmitry E. Morkovkin¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: efv05@mail.ru

Abstract

Relevance. Based on the United Nations statistics on the decline in the global total fertility rate, the worldwide increase in poverty, the activation of private and public structures in the field of digitalization in all areas of life, as well as public spending on academic education, it was concluded that the goal of the global digitalization process is to fully control human behavior, knowledge, and skills. The study used a synergistic-institutional approach.

The purpose of this study is to identify the economic and political reasons for the substitution of classical education by the widespread implementation of the concept of "lifelong learning" and the transition to distance education in the context of global digital transformation.

Objectives. The objectives of the study are to identify the differences between the concepts of "education" and "learning"; to analyze the tasks and prospects of continuous learning; to compare the quality, accessibility, and prospects of classical and distance education in the context of digital transformations; to assess the impact of digital transformations on the labor market and education; and to provide a forecast of the role of digitalization in increasing the level of exploitation of the global population.

Methodology. The study is based on a synergistic-institutional approach, as well as methods of political economy (formal-logical and dialectical).

The results of the study showed that the concept of "lifelong learning" is implemented in modern conditions not so much as a humanistic idea of self-development, but rather as a tool for adapting individuals to the ever-changing requirements of the labor market and the digital economy.

Conclusions. The study concludes that the processes of digitalization of education and the promotion of the concept of lifelong learning should be viewed as part of a global economic and political transformation.

Keywords: population; standard of living; synergetic and institutional concept; continuing education.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shmanev S.V., Morkovkin D.E. Analyzing the concept of "Lifelong learning". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):201–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-201-213>

Received 27.12.2025

Accepted 25.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Впервые идея обучения на протяжении всей жизни была озвучена на конференции ЮНЕСКО в 1965 г. П. Ленграндом как непрерывный познавательный процесс в течение всей жизни человека. С этой концепцией согласуется доклад Э. Форэ «Учиться, чтобы жить» в 1972 г. на заседании ЮНЕСКО, рекомендации которого были приняты в качестве основы для формирования принципа реформирования образования в целом.

Доклад Делора, представленный через 24 года (в 1996 г.), стал результатом работы Международной комиссии по образованию для XXI века. Выдвинутая концепция образования на протяжении всей жизни носит как социальную, так и политическую основу, направленную на соблюдение прав человека против распространения рыночного подхода к образованию. Такой подход противоречит сегодняшнему пониманию процесса образования как системы, обеспечивающей условия непрерывного экономического

роста, так как он основан на стремлении извлечения экономической выгоды, а не всестороннего и гармоничного развития личности.

Следующим значимым этапом формирования системы образования в контексте развития непрерывного обучения взрослого населения стала V Международная конференция ЮНЕСКО по образованию взрослых, состоявшаяся в Гамбурге (Германия) с 14 по 18 июля 1997 г. Итоговые документы конференции определили стратегические направления и приоритеты развития образования в XXI в., закрепив концепцию обучения на протяжении всей жизни как ключевую парадигму образовательной политики.

Таким образом, развитие непрерывного образования рассматривается не только как педагогическая, но и как социально-экономическая необходимость, обусловленная изменениями глобального характера. Современная мировая экономика, пережившая серию системных кризисов, находится в состоянии бифуркации [1], что указывает на неопределённость дальнейших траекторий развития мировой цивилизации. В этой связи мировое сообщество активно обсуждает трансформацию существующей социально-экономической модели и необходимость её адаптации к новым вызовам и условиям глобального развития.

Это приводит к необходимости фундаментального пересмотра многих общечеловеческих ценностей цивилизации, формирования новой системы хозяйствования, основанной на внедренных в производственные процессы цифровых технологиях, обеспечивающих рост производительности труда, что является залогом повышения доходов населения и, как следствие, высокого уровня благосостояния.

Для решения этих задач нужны высокообразованные и высококвалифицированные кадры, что, в свою очередь, требует полного пересмотра подхода к

процессам образования и обучения. В связи с этим представляется интересным рассмотреть тенденции и причины инициации в современном мире процесса непрерывного образования с привлечением дистанционных форм обучения, а также определить влияние на него глобализации и коммерциализации современных социально-экономических отношений.

Институционализм как одна из школ экономической теории, изучающий эволюцию социальных институтов и их влияние на экономическое поведение людей, получил развитие в работах D. North [2], Н. Simon [3], G. Stigler [4], G. Becker [5], Дж. Неймана и О. Моргенштерна [6].

В современных условиях большой неопределенности политической и экономической ситуации и при отсутствии эффективно действующих институтов очень высоки риски принятия необоснованного решения. Это вынуждает государственных руководителей разного ранга и представителей бизнеса осуществлять дополнительные расходы на оценку возможных рисков и принятие мер по их снижению. К таким можно отнести риск получения низкой ожидаемой выгоды от планируемых инвестиций в человеческий капитал, что может в конечном итоге привести к отказу от запланированных мероприятий.

Становление синергетики как науки началось с работ А. Богданова [7], И. Пригожина и И. Стенгерс [7], Г. Хакена [8], С. Курдюмова [9]. В синергетическом подходе процесс развития реально существующих систем (в том числе социально-экономических) связывают с развитием и усложнением рассматриваемых структур, сопровождаемых отклонением их от состояния равновесия и ростом числа возможных неустойчивых состояний. Переход системы в новое состояние происходит скачком в точке бифуркации (её еще называют точкой принятия решения).

Использование синергетико-институционального подхода к социально-экономи-

ческим структурам [7] дает возможность подойти к вопросу регулирования управляющих воздействий с позиции самоорганизующихся, нелинейных и неравновесных систем с учетом текущих институциональных изменений, не снижая их качество.

Проблемами непрерывного образования занимались R. Barros [10], A. Cropley [11], C. Tan [12], D. Luț [13], T. Piketty [14], S. McLean [15], H. Simon [3].

Подход к изучению непрерывного образования как источника формирования будущего глобального общества, основанного на равенстве и ответственности всех и каждого за будущее человечества, рассмотрен на Форуме Юнеско в 1965 г., в докладах Э. Фора в 1972 г. и Ж. Делора в 1996 г., как к процессу обучения взрослых представлялся на Международных конференциях ЮНЕСКО по образованию взрослых раз в 12 лет (первая Конференция состоялась в Эльсиноре (Дания) в 1949 г.); проблемам, связанным с вопросами образования взрослого населения, науки и культуры, была посвящена Генеральная конференция Организации Объединенных Наций в 1976 г. в г. Найроби. В 1997 г. принята Гамбургская декларация об обучении взрослых, эта же проблема освещена в докладе IV Международной конференции организации труда 2011 г., и с ней же связана VII Международная конференция по образованию взрослых в Марракеше (Марокко, 15 июня 2022 г.), а также рассмотрена в форсайт-проекте «Образование – 2030».

Проблемы и возможные перспективы влияния цифровизации на социально-экономические процессы и вопросы доступности качественного академического системного и дистанционного образования, а также вопросы инвестирования в человеческий капитал рассмотрены в работах М. Прохоровой [16], Barros [10], С. Глазьева [17], С. Шманёва [18] и т. д.

Задачи усиления эксплуатации наемного труда как закономерного результата

хаотической системы капиталистического способа воспроизводства в условиях глобализации и ограниченности ресурсов рассмотрены в Конвенции Международной организации труда и в Законопроекте Российской Федерации.

Целью данного исследования является выявление экономико-политических причин подмены классического образования широкомасштабным внедрением концепции «обучение на протяжении всей жизни» и перехода на дистанционное образование в условиях глобальной цифровой трансформации.

Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие задачи:

- выявить различие в понятиях «образование» и «обучение»;
- провести анализ задач и перспектив непрерывного обучения;
- сравнить качества доступности и перспектив классического и дистанционного образования в условиях цифровых трансформаций;
- оценить влияние процесса цифровых трансформаций на рынок труда и образования;
- дать прогнозную оценку роли цифровизации в повышении уровня эксплуатации населения планеты.

Материалы и методы

Исследование посвящено анализу и систематизации концепции обучения на протяжении жизни как ключевого механизма развития человеческого капитала в условиях трансформации экономики знаний.

Информационную базу составили научные статьи, монографии и аналитические отчёты отечественных и зарубежных исследователей, отражающие современные подходы к организации непрерывного образования.

В процессе работы использованы методы анализа и синтеза для обобщения теоретических подходов и классификации моделей концепции обучения на протяжении жизни: системный подход – для

рассмотрения непрерывного образования как комплексной социально-экономической системы; сравнительный анализ – для сопоставления международных и национальных практик; методы классификации и систематизации – для структурирования инструментов и форм реализации; абстрагирование и конкретизация – для выделения ключевых характеристик концепции; статистический анализ – для оценки тенденций и эффективности внедрения программ обучения взрослых.

Методологическую основу работы составили синергетико-институциональный подход, а также методы политической экономии (формально-логический и диалектический). Синергетическая экономика позволила рассматривать трансформацию образовательной системы как нелинейный и неравновесный процесс, в котором локальные изменения могут приводить к масштабным социально-экономическим сдвигам.

Научная новизна исследования заключается в интерпретации глобальных изменений в системе образования не только как педагогического феномена, но и как элемента более широкой экономико-политической стратегии, направленной на установление системного контроля над знаниями, навыками и поведением человека.

Результаты и их обсуждение

Довольно часто два близких понятия «обучение» и «образование» употребляются как синонимы. Несмотря на то, что это взаимосвязанные понятия, образование и обучение – далеко не одно и то же.

Обучение является частной стороной образования: одна сторона процесса взаимодействия обучает, а другая при этом обучается, усваивает материал, приобретает практические навыки. Термин «обучение» несколько проще, он более однозначен. Поэтому результаты обучения проще измерить.

Образование же – это то, что мы ожидаем от школы, среднего специального или высшего учебного учреждения. Это не только получение знаний, а целая система определенного мировоззрения, кругозора и эрудиции, включающая также воспитание и формирование социально адаптированной, высококультурной личности с навыками мышления и принятия решений. В ходе образования человек получает интеллектуальное развитие, приобретает способность в дальнейшем самостоятельно усваивать новый материал, становится активным гражданином. Образование – это процесс, который начинается с рождения и продолжается всю жизнь. Он непрерывен и уникален для каждого человека. Именно поэтому не только учителя и педагоги формируют личность обучающегося, но и его окружение.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что образование – это и процесс, и его результат, а обучение – это процесс, во время которого человек перенимает определенные знания и опыт.

В Инчхонской декларации и Рамочной программе действий «Образование – 2030» говорится, что именно образование должно рассматриваться как механизм мониторинга и отчетности по ЦУР 4 (Цели в области устойчивого развития) и по вопросам образования в рамках других ЦУР.

В настоящее время в мировой экономике наблюдается кризис: локальные конфликты, рост безработицы, инфляция. Все они вызваны перестройкой привычного миропорядка процессами глобализации и цифровизации. Это означает, что экономика находится в так называемой точке бифуркации (точке принятия решений), и предсказать последствия этих изменений и вектор дальнейшего развития цивилизации практически невозможно. Ясно только одно: если мы справимся с каскадом катаклизмов, лихорадящих нашу планету, то мы вступим в эпоху цифровых технологий и искусственного

интеллекта, что вызовет необходимость коренного пересмотра привычных для нас общечеловеческих ценностей и системы хозяйствования.

Эти вызовы, которые были отмечены еще во Всемирном докладе по мониторингу образования за 2020 г., стали еще более острыми: несмотря на декларируемые заявления отдельных государств, большое число учащихся в мире до сих пор сталкиваются с непреодолимыми препятствиями на пути к получению качественного образования. Это было и до пандемии COVID-19, когда из сферы образования полностью выпадал каждый пятый ребенок, подросток и молодой человек, это было во время пандемии, когда были закрыты школы, что отразилось более чем на 90% учащихся мира, это происходит и сейчас, во времена обострения энергетического, политического и экономического кризисов, когда вероятность социального разрыва усилилась, что может привести к утрате доступа к знаниям наименее обеспеченных слоев общества. В результате развития негативных социально-экономических процессов за последние 15 лет в странах со средним уровнем дохода только $\frac{3}{4}$ детей в возрасте 15-ти лет посещают школу. Согласно статистическим данным, около 258 миллионов детей разного возрастного периода и молодежи не посещают школу, что составляет 17% от общего количества.

Указанные тенденции в полной мере отражаются и в сфере образования. В последние годы в странах Африки к югу от Сахары наблюдаются отрицательные тенденции, выражающиеся в увеличении числа детей, подростков и молодых людей, не охваченных системой школьного образования. По данным международных организаций, данный показатель превысил аналогичные значения, зафиксированные в странах Центральной и Южной Азии. В государствах со средним уровнем дохода, таких как Бразилия, Индонезия и Уругвай, с 2018 г. отмечается со-

стояние стагнации в образовательной сфере. Несмотря на незначительный рост показателей посещаемости школ, качество обучения остаётся недостаточным: уровень подготовки примерно половины учащихся не достигает установленного минимального стандарта.

Не менее тревожная ситуация наблюдается и в странах с высоким уровнем дохода. Согласно данным Программы международной оценки образовательных достижений учащихся (ПМОУ), за последние пятнадцать лет компетенции каждого пятого школьника снизились до уровня, не соответствующего минимальным требованиям. Эти тенденции свидетельствуют о глобальной проблеме неравенства в доступе к качественному образованию, которая становится одним из ключевых вызовов для обеспечения устойчивого развития и формирования человеческого потенциала XXI века.

Одной из причин этих тенденций является недостаточное внимание к образованию ряда государств, ориентирующихся на пороговые показатели (4% ВВП и 15% общегосударственных расходов), прописанные в Рамочной программе действий «Образование – 2030». Ситуация не изменилась даже в 2020 г. ни в России, ни в мире [19]. Так, согласно исследованиям, проведенным в ВШЭ, в 2020 г. расходы на образование в России составили 4% к ВВП и вроде бы стали сравнимы в процентном отношении с Великобританией (4,2%), США (4,1%), Италией (4,0%), правда, оказались несколько меньше, чем в Канаде (4,4%), Германии (4,65%), Швеции (7,0%).

С 2000 г. наблюдается застой в объемах государственного финансирования образования в Латинской Америке, Северной Африке и Западной Азии. Что касается помощи этим странам со стороны основных доноров, то с 2005 г. она оставалась на одном и том же уровне и составляла около 0,3% от их валового национального дохода, и только в 2018 г.

объем помощи на цели образования увеличился и достиг максимума в 15,6 млрд долл. за весь период наблюдения. В общей же сложности 47 из 141 страны, по которым имеются статистические данные, не достигли ни одного контрольного показателя в сфере образования [19].

Проведенный анализ данных показал: чем беднее страна, тем выше в расходах на образование доля самих домохозяйств, которые частично компенсируют низкие государственные расходы.

Учитывая, что мировое сообщество взяло курс на инновационное развитие на базе цифровизации экономики, вопрос развития системы непрерывного обучения как составной части образования стал особенно актуален в настоящее время. Однако система образования сейчас ориентирована на формирование у обучаемого набора компетенций, которые, по мнению ряда специалистов, создадут все необходимые условия для разностороннего развития личностных качеств и обеспечат ему возможность быстро реагировать на изменения ситуации и эффективно действовать в сложившихся экономических реалиях. Концепция непрерывного обучения опирается на принципы, которые должны лежать в основе непрерывного образования: непрерывности, целесообразности, гибкости, оптимальности, адекватности потребностям на рынке труда. Таким образом, произошла подмена понятия непрерывного обучения на непрерывность образования в течение всей жизни.

Это позволяет СМИ, представителям бизнеса и просто частным лицам утверждать, что школа, средние и высшие учебные заведения отстают от потребностей общества, что они не способны дать необходимые навыки обучающемуся и не обеспечивают возможность получения высокооплачиваемой работы. Поэтому желающим сделать карьеру, реализовать свои творческие амбиции, быть успешным и самодостаточным предоставляется множество курсов повышения квалифи-

кации от месяца до года, которые и предлагают все необходимые знания. Кстати, довольно часто эти курсы и учебные площадки организывают люди в возрасте 25–27 лет, не имеющие ни глубоких знаний, ни опыта обучения и работы. Произошла коммерциализация и системы образования, и процесса обучения: зачем государству, родителям (за своего ребенка) или самому частному лицу тратить деньги на образование в течение 4–6 лет, если фирмы или многочисленные учебные площадки за короткий срок обучат необходимым навыкам. При этом никто не задумывается о том, что им дают не систематизированное образование, способствующее дальнейшему развитию личности и возможности дальнейшего самостоятельного обучения, а набор навыков, необходимых работодателю для ведения успешного бизнеса [20].

Только человек, получивший системное образование, может оценить качество предоставляемых курсов, которые, как правило, еще и платные. Напряженный ритм жизни не позволяет ему своевременно реагировать на новые тенденции и технологии, появляющиеся в рамках его специальности. Поэтому курсы повышения квалификации, несомненно, очень важны. Но если вы решили сменить свою специальность, то получение второго образования просто необходимо.

При таком подходе можно рассматривать необходимость обучения в течение всей жизни. Это позволит человеку своевременно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и социальной среды, и сферы профессиональной деятельности. Основные сложности, которые встречает он в ходе жизнедеятельности, — это нехватка времени, высокий уровень напряженности в течение рабочего дня и, как следствие, усталость от работы, отсутствие опыта в составлении программ для самостоятельного непрерывного обучения, недостаточное количество финансовых средств для оплаты курсов. Это становится невозможным для людей с

невысокой квалификацией независимо от уровней общего благосостояния и развития экономики в той или иной стране.

Также следует обратить внимание и на высокую насыщенность курсов в системе онлайн-образования, что усложняет правильный выбор. Видится, что главными критериями должны выступать время нахождения курсов на рынке, их востребованность и количество положительных отзывов.

Сейчас большинство государств наметили курс на цифровизацию образования, и он является одной из важнейших глобальных тенденций современности. Цифровое образование трактуется как образование будущего, построенное на использовании технологий нейронных сетей и искусственного интеллекта, которые дают возможность автоматизировать многие операции и функции, что позволяет создать специализированные образовательные пространства, определяющие новые способы мышления, поведения и восприятия.

В настоящее время лидерами в развитии и внедрении цифровых технологий в экономику стали Китай (с цифровым сектором 30% от ВВП), США (с долей цифровизации в 11% от ВВП) и страны Европейского союза, которые взяли с 2015 г. курс на единый цифровой рынок [1].

Итогом оценки качества традиционного и дистанционного образования можно считать опрос студентов российских и зарубежных вузов, который показал, что более 95,2% респондентов считают самым эффективным типом обучения смешанное.

Таким образом, как мы видим, основной вопрос состоит не в том, нужно ли фундаментальное образование и обучение в течение жизни, а в доступности и качестве образования как основных факторов благосостояния общества [16].

Цели и соответствующие им задачи, разработанные в 2015 г. на период до 2030 г. на Генеральной ассамблее ООН в

качестве прогноза достижения в будущем устойчивого развития для всех, предлагались как глобальные, которые должны ответить на вызовы эпохи и обеспечить мир и процветание на всей земле. Впервые вопрос обучения на протяжении всей жизни был включен и проработан как важная часть ЦУР 4. И хотя в масштабах планеты прогресс рассмотрен в области грамотности как молодежи, так и взрослых, вопрос обучения взрослых упоминается только как дополнение к показателю, определяющему количество людей, которые должны приобрести новые навыки в течение жизни, не говоря уже о получении ими качественного образования, о чем в тексте нет ни слова. Все достижения в ходе реализации ЦРТ (целей развития тысячелетия) по-прежнему сосредоточены только на молодежи, да и само понятие образования в ЦРТ упоминается только во второй цели «Обеспечение всеобщего начального образования». Во Всемирном докладе по мониторингу за 2015 год (ВДМ) сказано, что цель – сократить вдвое число неграмотных взрослых к 2015 г. не была достигнута. В мире порядка 770 млн человек (что составляет около 10% всего населения Земли), в т. ч. 126 млн молодых людей от 14 до 25 лет, не умеют читать и писать [10].

Что же происходит на самом деле с образованием взрослого населения планеты? Произошла подмена понятий: термин «образование взрослых» заменили термином «обучение в течение всей жизни». Причем это изменение поддержали многие участники различных форумов, конференций, совещаний, в т. ч. и те, кто в свое время ратовал за образование взрослых. Однако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что планы не были выполнены, и акцент был сделан на обучение детей и молодежи. Что же касается взрослых, то, настаивая на индивидуальности в обучении, государство тем самым перенесло ответственность за обучение на самих взрослых, что значительно ослабило образовательную систе-

му и уменьшило институциональную поддержку государства этой важнейшей сферы деятельности [1].

Модель влияния инвестиций в интеллектуальную сферу как фактора экономического роста

Исторически, исходя из развития производительных сил и производственных отношений, экономика развивалась за счет привлечения в производство все большего количества ресурсов, в т. ч. трудовых. Но для XI в. характерно не только снижение численности работоспособного населения в развитых странах, но и истощение природных невозобновляемых ресурсов.

Воспринимая сложность и многогранность экономических систем и понимая, что возникающие проблемы невозможно решить через привычные либерально-рыночные подходы и модели, многие экономисты-ученые предпринимают попытки через междисциплинарный подход выявить реальные законо-

мерности протекания экономических процессов и все чаще обращаются к другим областям науки, например к синергетике, которая рассматривает открытые системы с позиции нелинейности, необратимости, самоорганизации и саморазвития [7].

Мы предлагаем рассмотреть модель влияния инвестиций в интеллектуальную сферу как фактора экономического роста.

Производство, основанное на современных технологиях, требует для увеличения объема выпускаемой продукции постоянного увеличения количества ресурсов, что в условиях их ограниченности вызывает необходимость дополнительных расходов. Отсюда мы предлагаем математическую модель, увязывающую объем производства, ограниченность материальных ресурсов и уровень интеллектуального потенциала работников фирмы. Предлагаемая модель представляет собой систему трех уравнений:

$$\begin{cases} X(t+1) = (p_0 + p_1(A(t))) \frac{X \cdot R}{R + g \cdot X}, \\ R(t+1) = R(t) - \frac{X \cdot R}{R + g \cdot X} + h + b(A(t) + \alpha A(t)(A_{\max} - A(t))), \\ A(t) = \frac{k_1 \cdot \beta \cdot X}{k_2 - k_1} (e^{-k_2 t} - e^{-k_1 t}), \end{cases}$$

где $X(t)$ – производственные мощности хозяйствующей системы; $R(t)$ – количество ресурсов, доступных при данном технологическом уровне; $A(t)$ – уровень интеллектуального потенциала используемого системой в конкретных условиях; $k_{1,2}$ – константы отражающие динамику усвоения нововведений от уровня инвестиций в интеллектуальную сферу ($k_{1,2} > 0, k_1 \neq k_2$); α, g, p, β – коэффициенты пропорциональности между управляемыми и управляющими параметрами; b – коэффициент усвоения нововведений; h – объем ресурсов, которые могут возобновляется естественным путем.

Представленная модель показала, что даже если имеются большие объемы неиспользованных ресурсов, образование государством финансируется в достаточной объеме, но в производстве не используется интеллектуальный потенциал работников, а следовательно, инновационные разработки общества, то рост объема производства приведет к довольно быстрому исчерпанию природных ресурсов и, как следствие, к падению производства. В дальнейшем экономика работает только на возобновляемых ресурсах h (рис. 1).

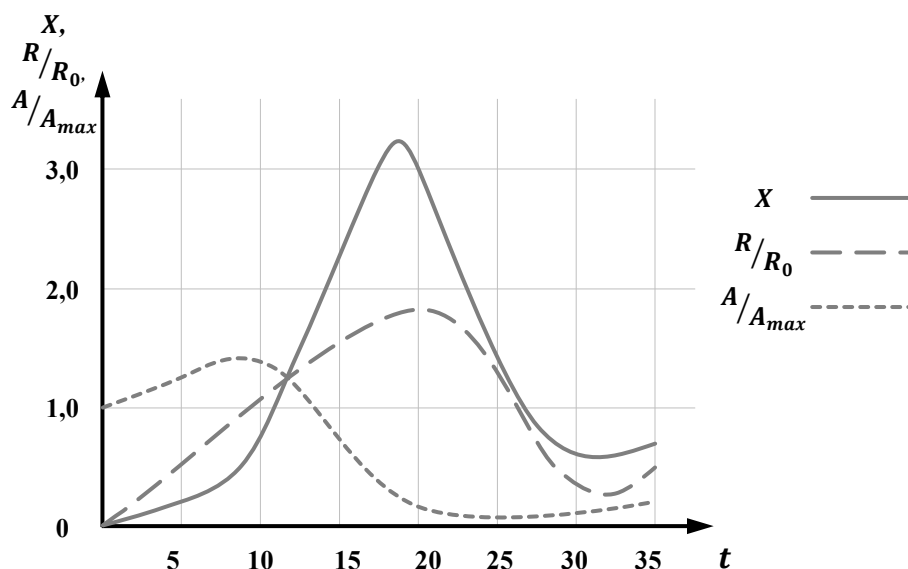

Рис. 1. Динамика развития экономики, невосприимчивой к инновациям

Если же при всех прежних исходных данных параметр усвоения инноваций (b) возрастет, то ситуация со временем стабилизируется, объемы производства восстановятся и начнут расти за счет использования новых ресурсов. Дальней-

шее развитие экономики произойдет за счет эффективного использования в производственных процессах интеллектуальной сферы. Рассмотрим динамику развития экономики, восприимчивой к инновациям (рис. 2).

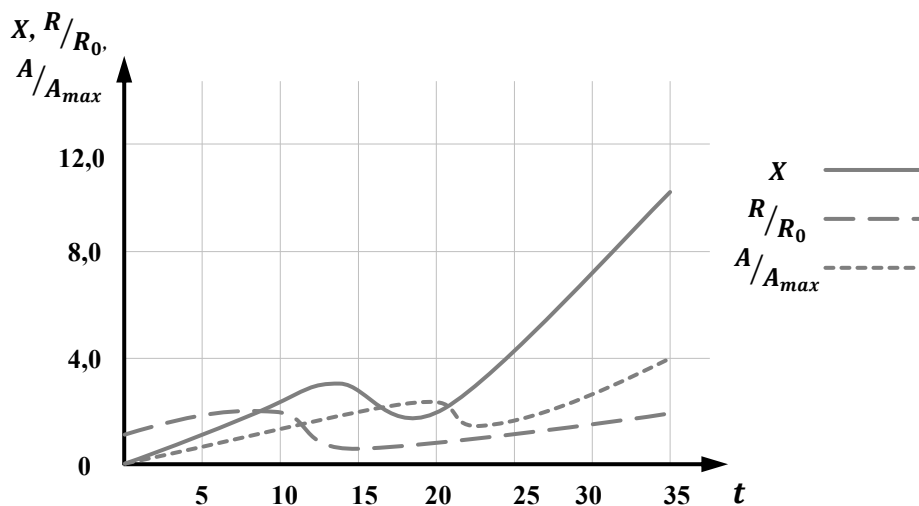

Рис. 2. Динамика развития экономики, восприимчивой к инновациям

Если же финансирование образования уменьшить хотя бы на 30%, то квалификация работников будет недостаточной к моменту спада производства для поддержания темпов экономического развития. Экономика замедлит свой рост, и общество в дальнейшем будет разви-

ваться по сценарию, описанному в первом случае.

В представленной модели мы видим, что уровень образования и квалификации работников является важнейшим условием развития экономики и общества. При этом существуют минимальные уровни

финансирования образования государством и/или частными компаниями, опустившись ниже которого интеллектуальная сфера перестает способствовать развитию экономики и общества.

Выводы

Подводя итог проведенному анализу концепции «обучение на протяжении всей жизни», можно отметить, что вектор развития цивилизации, направленный на глобализацию и цифровизацию экономики, породил много вопросов и проблем: уже сейчас в индустриально развитых странах из 100 человек в сельском хозяйстве задействованы всего 2 (они способны прокормить не только себя, но и остальных 98); в промышленности работает 10 человек и 13 – в управлении. Чем должны заниматься остальные 75 человек? К какой деятельности можно их привлечь, как обеспечить им источник жизнедеятельности, ведь безработные являются потенциальным источником социальной напряженности? Окончательных ответов мы пока не получили.

Большинство разрабатываемых компьютерных программ и технологий (кроме разработок для производственных процессов и финансовых операций) подстраиваются под наши способности и по-

требности и не предусматривают серьезного изучения и освоения компьютерной грамотности. Это объясняется тем, что при рассмотрении глобальных перспектив цифровой экономики единственной целью является непрерывный рост. Такая экономика не ориентирована на человека.

Коммерциализация образовательного процесса привела к устранению государства от ответственности за его качество, вследствие чего государственные расходы на образование в процентах от мирового ВВП из года в год сокращаются. Так, за прошедшие несколько лет государственные расходы в странах с переходной экономикой составляли 4,8%, в развивающихся – 3,9%, а в наименее развитых странах – 2%. Такая политика государства вызвала подмену термина «непрерывное образование» на «непрерывное обучение», что нивелирует качество и важность традиционного образования, переключая интересы общества на обучающие программы и курсы довольно часто сомнительного качества, выводит из материальной заинтересованности бизнеса и государства вопрос обучения и переподготовки взрослого населения, перекладывая финансирование и ответственность на самих людей.

Список литературы

1. Шманёв С. В. Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 44–52.
2. North D. C. Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
3. Simon H. A. Rationality as Process and as Product of Thought // The American Economic Review. 1978. Vol. 68, N 2. P. 1–16.
4. Stigler G. J. The economics of Information // The Journal of Political Economy. 1961. Vol. 69, N 3. P. 213–225.
5. Becker G. S. The economic approach to human behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 324 p.
6. Neumann J., Morgenstern von O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton: Princeton University Press, 2007. 776 p.
7. Шманёв С. В. Синергетический подход к управлению социально-экономическими процессами в условиях глобализации // Самоуправление. 2022. № 3 (131). С. 97–101.

8. Haken H. Synergetics. An Introduction Nonequilibrium Phase Transitions and Self-Organization in Physics, Chemistry and Biology. Berlin: Springer, 1978. 355 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-96469-5>
9. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего: монография. 3-е изд. М.: Издательская группа URSS, 2003. 288 с.
10. Barros R. From lifelong education to lifelong learning. Discussion of some effects of today's neoliberal policies // European journal for Research on the Education and Learning of Adults. 2012. Vol. 3, N 2. P. 119–134.
11. Cropley A. J., Dave R. H. Foundations of lifelong education. New York: Pergamon Press Oxford, 1976. 382 p.
12. Tan C. Lifelong learning through the SkillsFuture movement in Singapore: challenges and prospects // International Journal of Lifelong Education. 2016. Vol. 36, N 3. P. 278–291. <https://doi.org/10.1080/02601370.2016.1241833>
13. Luț D. M. The role of lifelong education and training in human capital development // Quaestus. 2017. Vol. 11. P. 9–18.
14. Piketty T. Top Incomes in France in the Twentieth Century: Inequality and Redistribution 1901–1998. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 1280 p. <https://doi.org/10.4159/9780674986213>
15. McLean S. Understanding the evolving context for lifelong education: global trends, 1950–2020 // International Journal of Lifelong Education. 2021. Vol. 41, N 1. P. 5–26. <https://doi.org/10.1080/02601370.2021.2015634>
16. Прохорова М. П., Минеева О. А., Благодинова В. В. Изучение отношения обучающихся вуза к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 2. С. 19.
17. Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране: монография. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2003. 192 с.
18. Шманев С. В. Деграция человечества как возможный результат «Великой Перегрузки» // Самоуправление. 2022. № 3 (131). С. 101–104.
19. Шманев С. В. Молодежь как необходимый элемент развития научного потенциала вуза // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 2 (48). С. 138–141.
20. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, Switzerland: World Economic Forum, 2016. 172 p.

References

1. Shmanev S.V. The current state of the digital economy in Russia and prospects for its development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(3):44–52. (In Russ.)
2. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. Cambridge; Cambridge University Press; 1990. 152 p.
3. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. *The American Economic Review*. 1978;68(2):1–16.
4. Stigler G.J. The economics of Information. *The Journal of Political Economy*. 1961;69(3):213–225.
5. Becker G.S. The economic approach to human behavior. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 324 p.
6. Neumann J., Morgenstern von O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton: Princeton University Press; 2007. 776 p.
7. Shmanev S.V. Synergetic Approach to Managing Socio-Economic Processes in the Context of Globalization. *Samoupravlenie = Self-Management*. 2022;(3):97–101. (In Russ.)
8. Haken H. Synergetics. An Introduction Nonequilibrium Phase Transitions and Self-Organization in Physics, Chemistry and Biology. Berlin: Springer; 1978. 355 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-96469-5>

9. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetics and Forecasts of the Future: A Monograph, 3rd Edition. Moscow: URSS Publishing House; 2003. 288 p. (In Russ.)
10. Barros R. From lifelong education to lifelong learning. Discussion of some effects of today's neoliberal policies. *European Journal for Research on the Education and Learning of Adults*. 2012;3(2):119–134.
11. Cropley A.J., Dave R.H. Foundations of lifelong education. New York: Pergamon Press Oxford; 1976. 382 p.
12. Tan C. Lifelong learning through the SkillsFuture movement in Singapore: challenges and prospects. *International Journal of Lifelong Education*. 2016;36(3):278–291. <https://doi.org/10.1080/02601370.2016.1241833>
13. Luţ D.M. The role of lifelong education and training in human capital development. *Quaestus*. 2017;11:9–18.
14. Piketty T. Top Incomes in France in the Twentieth Century: Inequality and Redistribution 1901–1998. Cambridge: Harvard University Press; 2018. 1280 p. <https://doi.org/10.4159/9780674986213>
15. McLean S. Understanding the evolving context for lifelong education: global trends, 1950–2020. *International Journal of Lifelong Education*. 2021;41(1):5–26. <https://doi.org/10.1080/02601370.2021.2015634>
16. Prokhorova M.P., Mineeva O.A., Blagodinova V.V. Studying the Attitude of University Students to the Digitalization of Education. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2020;8(2):19. (In Russ.)
17. Glazyev S.Yu. Welfare and Justice: How to Overcome Poverty in a Rich Country. Moscow: B.S.G.-PRESS; 2003. 192 p. (In Russ.)
18. Shmanev S.V. Humanity's Degradation as a Possible Result of the "Great Reset". *Samopravlenie = Self-Management*. 2022;(3):101–104. (In Russ.)
19. Shmanev S.V. Youth as a Necessary Element of the University's Scientific Potential Development. *OrelGIET Bulletin = Vestnik OrelGIET*. 2019;(2):138–141. (In Russ.)
20. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, Switzerland: World Economic Forum; 2016. 172 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шманев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: shmanev_s_v@mail.ru, Researcher ID: A-5585-2016, ORCID: 0000-0003-1243-5100, Scopus ID: 57195103671

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: morkovkinde@mail.ru, Researcher ID: AAA-7037-2022, ORCID: 0000-0002-5372-8519, Scopus ID: 57094200800

Sergey V. Shmanev, Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Department of Enterprise Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: shmanev_s_v@mail.ru, Researcher ID: A-5585-2016, ORCID: 0000-0003-1243-5100, Scopus ID: 57195103671

Dmitry E. Morkovkin, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Taxes and Tax Administration, Leading Researcher at the Institute of Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: morkovkinde@mail.ru, Researcher ID: AAA-7037-2022, ORCID: 0000-0002-5372-8519, Scopus ID: 57094200800

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.354:351

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-214-225>

«Культурный поворот» в стратегии взаимодействия армии США с социальными науками

А. П. Абрамов¹ ✉

¹ Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Фотиевой, д. 6/1, г. Москва 119333, Российская Федерация

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Резюме

Актуальность. На протяжении многих веков человечество втягивалось в бесконечное множество войн и конфликтов. Ведение боевых действий всегда порождает объективную потребность в изучении будущего театра военных действий путем интеграции культурного понимания в планирование, подготовку и проведение военных операций. Опыт США может быть наиболее полезен, поскольку именно американская социология стояла у истоков военной социологии. Конфликтная реальность настоящего заставляет российское научное сообщество консолидироваться и обратиться, в том числе и к зарубежному опыту, в котором социальным наукам отводится особое место, а их социокультурный потенциал открывает новые горизонты для познавательной и исследовательской деятельности.

Цель – представить возможности взаимодействия социальных наук и Министерства обороны США при реализации исследовательских проектов «Камелот», «Системы человеческого ландшафта» и «Миневра».

Задачи: охарактеризовать значение культурного фактора при ведении боевых действий; определить плюсы и минусы «культурного поворота» в стратегии и тактике ведения боевых действий армии США; проиллюстрировать меры социальной поддержки ветеранов боевых действий.

Методология. В основу научного поиска положен социокультурный подход, императивы которого позволили представить практики взаимодействия социальных наук с органами управления армии США.

Результаты. Охарактеризованы основные социальные проекты, выявившие причины неудач в военных конфликтах с участием армии США и составившие основу «культурного поворота» в отношениях социальных наук и армии. Показано, что особое место при проведении социологических исследований отводится ветеранам боевых действий.

Выводы. Использование междисциплинарного подхода в русле социокультурной методологии позволяет интегрировать социальные науки в военные исследования и найти наиболее эффективные решения, адаптированные к специфике каждого военного конфликта.

Ключевые слова: военная культура; армия США; «Камелот»; «Системы человеческого ландшафта»; «Миневра»; ветераны боевых действий; социальные программы.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Абрамов А. П., 2026

Для цитирования: Абрамов А. П. «Культурный поворот» в стратегии взаимодействия армии США с социальными науками // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 214–225. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-214-225>

Поступила в редакцию 11.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Опубликована 27.02.2026

The "Cultural Turn" in the U.S. Army's strategy for engaging with social sciences

Alexander P. Abramov¹ ✉

¹ Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
6/1 Fotieva Str., Moscow 119333, Russian Federation

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

Relevance. For many centuries, humanity has been drawn into an endless number of wars and conflicts. The conduct of military operations always creates an objective need to study the future theater of war by integrating cultural understanding into the planning, preparation, and execution of military operations. The experience of the United States can be particularly useful, as American sociology was at the forefront of military sociology. The conflictual reality of the present is forcing the Russian scientific community to consolidate and turn to foreign experience, in which social sciences are given a special place, and their sociocultural potential opens up new horizons for cognitive and research activities.

The purpose is to present the possibilities of interaction between social sciences and the U.S. Department of Defense in the implementation of research projects such as Camelot, Human Landscape Systems, and Minerva.

Objectives: to characterize the significance of the cultural factor in warfare; to identify the advantages and disadvantages of the "cultural turn" in the strategy and tactics of the U.S. Army's warfare; and to illustrate the measures of social support for combat veterans.

The methodology is based on a sociocultural approach, which allowed us to present the practices of interaction between social sciences and the U.S. Army's management bodies.

Results. The article describes the main social projects that identified the causes of failures in military conflicts involving the U.S. Army and formed the basis for the "cultural turn" in the relationship between social sciences and the military. It shows that combat veterans play a special role in conducting sociological research.

Conclusions. The use of an interdisciplinary approach based on sociocultural methodology allows for the integration of social sciences into military research and the development of effective solutions tailored to the specific characteristics of each military conflict.

Keywords: military culture; U.S. Army; Camelot; Human Landscape Systems; Minerva; combat veterans; social programs.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Abramov A.P. The "Cultural Turn" in the U.S. Army's strategy for engaging with social sciences. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2026;16(1):214–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-214-225>

Received 11.12.2025

Accepted 10.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Военная культура формирует идентичность вооруженных сил. Она включает особые нормы, ценности и модели по-

ведения. Они отличают военную жизнь от гражданского общества. Необходимость повышения культурного потенциала подчеркивается посредством практи-

ческого применения культуры в военной среде путем интеграции культурного понимания в планирование, подготовку и проведение военных операций. Современные конфликты и войны все более наполняются культурным контекстом. Это включает в себя учет социальных, культурных и экономических последствий операций при принятии стратегических и тактических решений, а также сотрудничество с местными сообществами для поиска устойчивых и ответственных решений.

После окончания Второй мировой войны США стали участником многих войн и конфликтов. В свою очередь, именно американская социология накопила богатый эмпирический материал учета социокультурных факторов при ведении боевых действий. Социологические исследования при реализации социальных проектов могут дать практическую информацию военным специалистам по планированию боевых действий, свести к минимуму потери и негативные последствия для местных сообществ. Кроме того, культурные факторы оказывают значительное влияние на многонациональные миссии, оказывая влияние на коммуникацию, сотрудничество и общую эффективность.

Корпоративный (командный) дух является еще одним ключевым аспектом военной культуры. Это способствует развитию чувства принадлежности и лояльности среди военнослужащих. Этот дух товарищества часто выходит за рамки действительной службы, создавая прочные социальные связи между ветеранами боевых действий. Поэтому изучение подобного опыта будет весьма полезно для осмысления процессов современной российской реальности в практиках взаимодействия армии и социальных наук, в социальной защите ветеранов.

Материалы и методы

Теоретическая конструкция исследования построена на использовании соци-

окультурной методологии, позволившей определить значение культурного фактора, вскрыть плюсы и минусы «культурного поворота» при ведении боевых действий армией США.

Результаты зарубежных исследований, изложенные в работах ученых Колорадского университета (Л. Дауни, А. Якобуччи и Канзасского университета США (Д. Киппа, К. Принслоу, Д. Смита и Л. Грау и др.), составили первооснову аналитических процедур и научного поиска. Обсуждение результатов строится на исследованиях российских авторов: А. Смирнова, Н. Кандабарова, С. Зеленцова и др.

Статистические материалы, опубликованные на специализированном сайте *statista.com*, использованы при характеристике мер социальной поддержки ветеранов боевых действий.

Принципы системности и объективности, методы анализа, сравнения и аналогии позволили определить логику исследования, сопоставить факты и аргументировать выводы.

Результаты и их обсуждение

Со второй половины XX в. зарубежные военные аналитики активно привлекают социальные науки для анализа провалов и неудач военных кампаний, проводимых армией США и блоком НАТО. Как показывает практика, все организационные структуры подвержены множеству рисков в условиях быстро меняющейся внешней среды. Не избежали этой участи и крупные организации, такие как, например, Министерство обороны.

Стабильность подобной государственной структуры в США представлена исследователями из университета Колорадо А. Якобуччи и Л. Дауни, которые проанализировали способность этого военного ведомства исправлять ошибки в ходе проведения военных операций во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в Афганистане. При этом Министерство обороны при принятии управленческих решений опирается на научное сообщество,

которое получает финансовую поддержку в виде грантов на проведение социологических исследований в географических и тематических областях, согласно Стратегии национальной безопасности США. А. Якобуччи и Л. Дауни продемонстрировали возможности социальных наук при реализации трех крупных исследовательских проектов: «Камелот», «Системы человеческого ландшафта» и «Миневра», которые помогли вскрыть руководству Министерства обороны США промахи и ошибки в военных конфликтах и минимизировать организационные сбои в системе управления [1]. В результате были выявлены основные причины неудач армии США, которые виделись во влиянии социокультурных факторов в быстро меняющейся организационной среде. И как итог – «культурный поворот» в стратегии и тактике ведения боевых действий. Недостаточное понимание культурных особенностей потенциальных союзников и противников в регионе предстоящих боевых столкновений являлось, по мнению аналитиков Министерства обороны, главной «слабостью» военного управления.

Для уяснения социальных и культурных факторов, влияющих на военные действия и операции, используется антропологический арсенал, который подчеркивает важность учета местных условий, развития у военнослужащих культурных компетенций для улучшения взаимодействия с местным населением. Взаимодействие между культурно далекими обществами во время войны подчеркивает сложность различных норм и представлений, касающихся применения военной силы. Миссия антропологов – помочь военным понять культурный контекст и точно интерпретировать действия и коммуникативные коды местного населения на театрах военных действий. В свою очередь, задача социологов – получить на конкретном эмпирическом материале достоверные данные о стремительно меняющейся картине мира с его мно-

гочисленными культурными, этническими, религиозными и иными конфликтами [2, с. 613].

Одним из первых проектов проведения социологических исследований по сопровождению военных стратегий в новых после окончания Второй мировой войны условиях стал «Камелот» (1964–1965 гг.). Изначально предполагалось задействовать социологический инструментарий (опросы, полевые исследования и т. д.) с целью понимания культурной среды, построения прогнозных моделей развития событий и создания единой информационно-аналитической базы о социальном составе населения «неблагополучных» стран, где повстанческие и революционные настроения наиболее остры. Продлившись около года, проект был закрыт по ряду причин [3], основными из которых, по мнению американских исследователей, стали:

- общее недовольство со стороны общественности и научного сообщества в отношении всех проектов, финансируемых Министерством обороны США, ведущим войну во Вьетнаме;

- критика теории модернизации, положенной в основу «Камелота» со стороны некоторой части социологов, считавших проект инструментом по отвлечению представителей стран третьего мира от борьбы за свою свободу и независимость;

- обвинения в шпионаже против стран Латинской Америки, где работали социологи проекта, сокрытии военной поддержки, фальсификация документов по его финансированию;

- непопулярность в то время партнерства научного сообщества с военными [4].

Несмотря на фиаско «Камелота», главным его итогом стало понимание Министерством обороны необходимости сотрудничества с представителями социальных наук для минимизации новых организационных проблем, связанных с учетом новых культурных практик, порождающих революционные и повстан-

ческие движения. Решение использовать социологию для решения военных задач стало объективной необходимостью.

Другой, более поздний проект «Системы человеческого ландшафта» (HTS) стал объективно необходимым в результате потери имиджа американской армии после затяжных конфликтов в Афганистане и Ираке. После пилотного тестирования в июле 2005 г. – августе 2006 г. исследование, главной целью которого стало изучение «человеческого фактора» на войне, было запущено, продлившись до 2014 г. Бюджет проекта составил более 725 млн долл.¹ Американскими социологами было доказано значение социокультурных, социально-экономических, социально-политических и этнографических факторов, влияющих на поведение людей и определяющих действия вооруженных сил. Понять человеческую среду – один из важнейших инструментов работы с населением территорий, на которых ведутся боевые действия [5]. По мнению Р. Гонсалеса, Д. Гилмора и других ученых, именно недостаточное внимание к «человеческому фактору» привело к неудачам во вьетнамской войне и в подавлении мятежей в Латинской Америке. Прежде чем начинать военную операцию, необходимо понять культурную среду будущего театра боевых действий [6]. Реализация проекта HTS преследовала три главных задачи [7]:

- стать «мягкой силой в борьбе с повстанцами», обеспечить поддержку общественности путем ребрендинга военных действий;
- сбор разведывательных данных о театре боевых действий;
- поддержка революционного развития.

Для решения этих главных задач в состав исследовательских аналитических групп проекта были включены специалисты в области культурологии, регионове-

дения, свободно владеющие местным языком, географы и военные². Результатом работы исследовательских групп должна была стать каталогизированная этнографическая и социокультурная база данных по району проведения военных операций, которая предоставлялась конкретным командирам (руководителям).

В отличие от «Камелота», HTS был более продуманным проектом, поскольку отличался своей направленностью на связи с общественностью, более «мягкую» работу с местным населением и молодым составом исследовательских групп из числа социологов, антропологов и военных. Кроме того, сбор информации осуществлялся в режиме реального времени, что позволяло оперативно реагировать на все изменения социальной среды. Но и этот проект был свернут, поскольку по-прежнему не находил достаточной легитимности со стороны авторитетных социологов и антропологов, которые не желали принимать в нем участие, всячески критикуя борьбу с повстанцами. В общественном мнении также не получилось найти сторонников. Работа исследовательских групп довольно часто сводилась к выполнению разведывательных функций, что подрывало имидж программы. Трое исследователя были убиты повстанцами, а один – похищен, что нашло негативный резонанс в СМИ. Необходимо отметить, что доверие со стороны общественности [8] является значимым фактором в построении гражданско-военных отношений [9]. В результате руководство Министерства обороны США в 2014 г. пришло к решению закрыть проект и сосредоточится на ином подходе, основанном на анализе больших данных, отказавшись от программ на местах³.

² The Human Terrain System: A CORDS for the 21st Century / J. Kipp, L. Grau, K. Prinslow, D. Smith // Military Review. 2006. 8–15 September-October.

³ Gentile G. Counterinsurgency: The Graduate Level of War or Pure Hokum? // E-International Relations. 2003. 3 August.

¹ Vanden Brook T. \$725m Program Army 'Killed' Found Alive, Growing // USA Today. 2016. 9 March.

Третья попытка по привлечению социологии в сферу военной деятельности была предпринята Министерством обороны США в начале 20-х годов XXI века. Уроки прошлого опыта взаимодействия социальных наук с армией составили основу очередного проекта «Минерва», реализуемого с 2008 г. по 2025 г. Особенности данной программы состояли в следующем:

- 1) конкретные исследования носили более широкий охват и не были привязаны к конкретным военным операциям;
- 2) к исследованиям привлекались гражданские университетские ученые, не работавшие в военном ведомстве;
- 3) ученым была предоставлена возможность самим определять, что и как изучать, тем самым усилилась легитимность исследований.

Несмотря на определенную степень свободы, исследования были ориентированы на положения «Стратегии национальной безопасности США», которая ежегодно корректировалась в зависимости от меняющейся обстановки в мире, вызовов и интересов руководства США. Как правило, финансирование в рамках проекта «Минерва» получали исследования, направленные на прогнозирование радикализации, насильственных действий, политической и экономической нестабильности в регионах, где у вооруженных сил США есть опорные пункты или интересы. Так, например, в «Стратегии» 2022 г. приоритетными вопросами были заявлены следующие положения:

- забота о благополучии семей военнослужащих;
- поддержка гражданского контроля над вооруженными силами, признавая, что здоровые гражданско-военные отношения, основанные на взаимном уважении, необходимы для военной эффективности;
- поощрение разнообразия и инклюзивности; активизация усилий по предотвращению самоубийств; устранение таких бедствий, как сексуальное насилие, домогательства и другие формы насилия,

надругательств и дискриминации; искоренение насильственного экстремизма.

- забота о военных ветеранах и их семьях¹.

Подобная тематика была положена в основу прикладных социологических исследований. «Минерва» преследовала три главные цели:

- 1) получение на основе строгой социальной методологии объективных знаний об изучаемых явлениях;
- 2) создание сообщества военнослужащих и социологов, основанного на сотрудничестве;
- 3) обеспечение научной поддержки принятия решений органами военного управления.

Кроме того, должен осуществляться постоянный мониторинг уровня доверия населения к военной организации в отношении расходов на их содержание [10].

В результате реализации данных целей не только научное сообщество и заинтересованная общественность получили информацию о деятельности вооруженных сил, но и управленческие структуры армии обогатились опытом работы с учеными из ведущих университетов и колледжей США. Министерство обороны получило необходимые коммуникационные навыки взаимодействия с различными социокультурными средами и интеграции знаний о культуре в конкретные военные операции. Кроме того, военные управленцы научились определять наиболее значимые и актуальные темы и методы исследований в области социальных наук. Но и этот проект был закрыт, что, по мнению военных аналитиков и ученых, противоречит научному и оборонному консенсусу в отношении роли социальных наук в подготовке поля боя, военнослужащих и страны в целом к возникающим угрозам национальной безопасности.

¹ National security strategy. URL <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 13.11.2025).

В ходе реализации социальных проектов, по мнению зарубежных ученых, исследовательское поле и, как результат, управленческое воздействие включают в себя следующие аспекты:

1) социокультурный анализ предполагаемого района проведения военных операций (понимание традиций, ценностей, социальных норм, структур власти и культурных особенностей);

2) подготовка военнослужащих к взаимодействию в различных культурных контекстах (изучение местных языков, понимание культурных обычаев и практики, развитие военнослужащих навыков межкультурной коммуникации);

3) организация планирования с учетом культурных особенностей, разработка тактики и стратегии, исходя из конкретной динамики местных сообществ;

4) построение отношений доверия и сотрудничества с местным населением.

Тем самым будет заложена основа для установления прочного мира, продвижения демократических ценностей и уважения культурного разнообразия [11].

Как мы отметили выше, особое место при проведении полевых социологических исследований отводится ветеранам боевых действий, что соответствует положениям «Стратегии национальной безопасности США», в которой из года в год закрепляется подобная задача.

Военный ветеран по-американски – это человек, который служил или про-

должает служить в вооруженных силах страны. В общественной жизни США значительное место занимает забота о военных ветеранах, при этом особое внимание уделяется вопросам их социализации, психологического самочувствия, обеспечения жильем, предоставлением услуг здравоохранения и трудоустройством. Несмотря на достигнутый прогресс в улучшении поддержки ветеранов после службы, их социально-экономическое положение иногда рассматривается в сочетании с культурным уважением к армии и программами восстановления государственного и военного престижа внутри страны [12].

Западные аналитики утверждают, что в XXI в. успешная реинтеграция ветеранов в гражданское общество является неотъемлемой частью легитимности вооруженных сил политической системе современного общества и поэтому является главной заботой политиков, поставщиков услуг третьего сектора и средств массовой информации [13]. Военные ветераны в США – носители культурного кода армии, отсюда и такое внимание к ним со стороны государственного управления.

Приведем данные официальной статистики из открытых источников с сайта *statista.com*. Так, процентная доля ветеранов войны в общем количестве населения США (2023 г.), в разбивке по возрасту и полу представлена ниже (рис. 1).

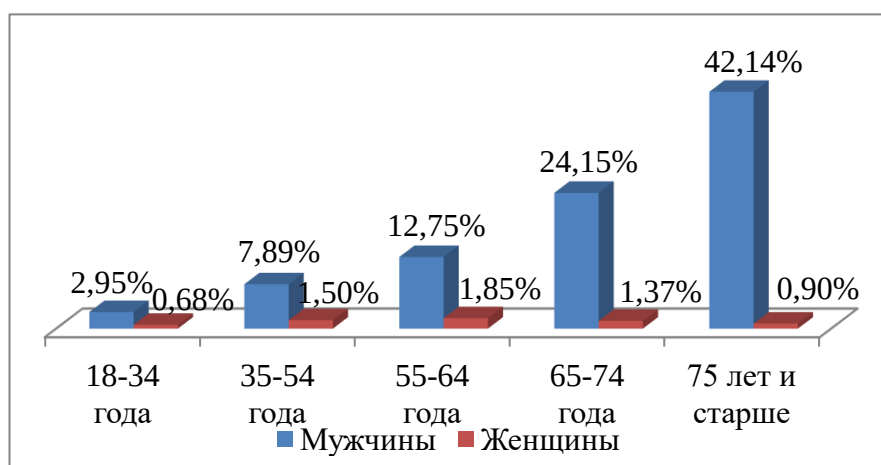

Рис. 1. Соотношение мужчин и женщин ветеранов к общему числу населения в 2023 г., % (<https://www.statista.com/>)

По данным Бюро переписи населения США, в 2024 г. в Соединенных Штатах насчитывалось около 13,96 млн мужчин-ветеранов. Женщины составляли около 2 млн.

В целом численность ветеранов стареет; в 2024 г. их средний возраст составил 62 года.

Возрастные группы:

- 21,1% ветеранов были моложе 45 лет;
- 41,2% в возрасте от 45 до 64 лет.
- 37,1% в возрасте 65 лет или старше.

Многие из старшей возрастной группы 65+ служили во время Второй миро-

вой войны, Корейской или Вьетнамской войнах.

Вместе с тем растет и число молодых ветеранов. Так в 2023 г. средний возраст женщин-ветеранов составлял 52 года.

Численность ветеранов становится все более разнообразной в расовом и этническом отношении. По прогнозам, число женщин-ветеранов значительно возрастет – с 11% в 2023 г. до 18% в 2048 г. Средний возраст всех ветеранов несколько снизится, но средний возраст женщин-ветеранов существенно возрастет¹. Рассмотрим число ветеранов в Соединенных Штатах в 2023 г. в разбивке по периоду военной службы (рис. 2).

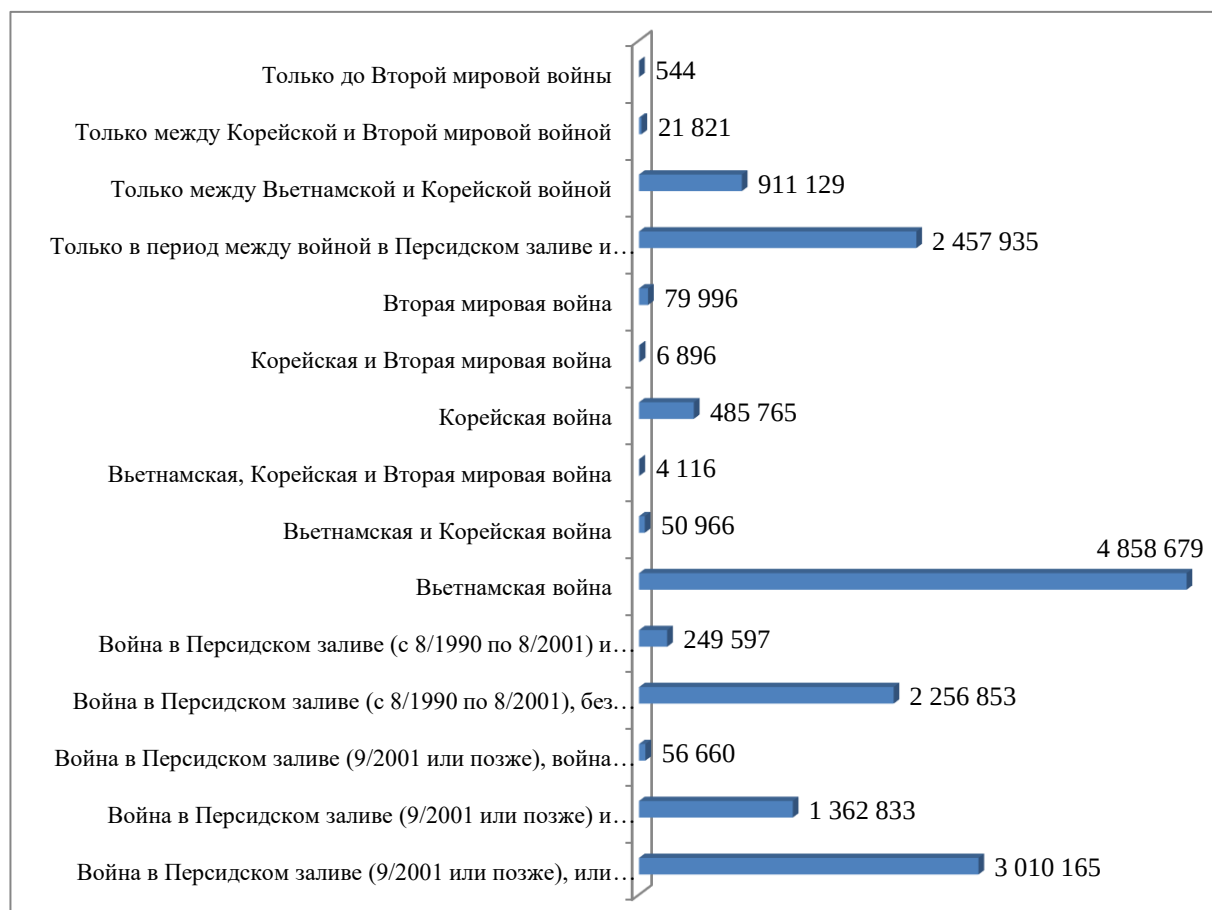

Рис. 2. Число ветеранов в США по периодам военной службы на начало 2024 г. (<https://www.statista.com/>)

¹ Number of veterans in the United States in 2023, by period of military service. URL: <https://www.statista.com/statistics/250279/us-veterans-by-period-of-military-service> (дата обращения: 12.11.2025).

По состоянию на начало 2024 г. самая многочисленная группа ветеранов – участники войны во Вьетнаме, за ними следуют ветераны войны в Персидском заливе. В настоящее время самыми пожилыми из оставшихся в живых ветеранов являются те, кто участвовал во Второй мировой войне, в которой США были

вовлечены с 1941 по 1945 гг. Последний оставшийся в живых ветеран Первой мировой войны умер в 2018 г.

Иллюстрация расходов 20 штатов США (с наибольшей долей участия) на поддержку ветеранов военной службы продемонстрирована ниже (рис. 3).

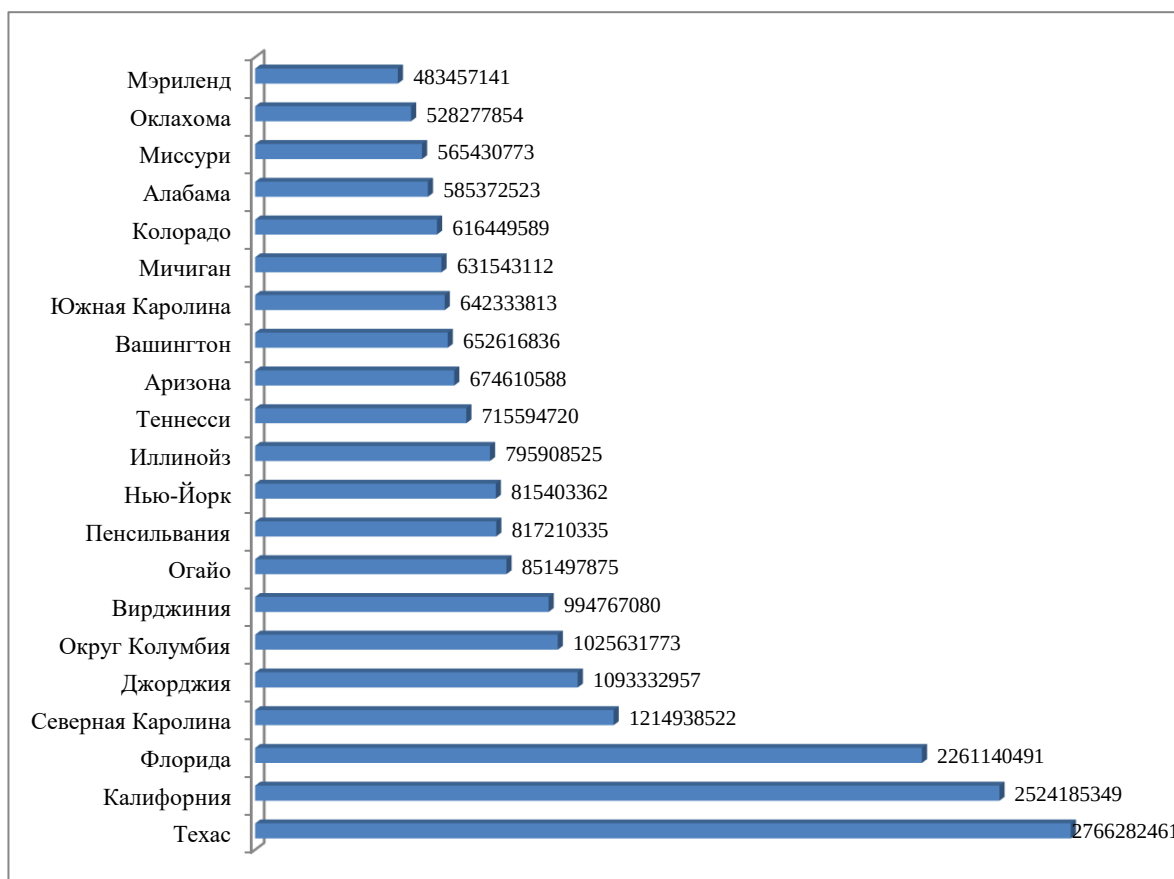

Рис. 3. Расходы на ветеранов в США в 2023 г. (топ-20 по штатам) (<https://www.statista.com/>)

Как видим, в Техасе, Калифорнии и Флориде расходы на ветеранов боевых действий максимальные, что свидетельствует о наличии средств на реализацию социальных программ и наиболее благоприятной и комфортной среде, создаваемой для них со стороны властей этих штатов.

В 2024 г. средний доход женщин-ветеранов в США составлял 49 250 долл. США в год. Для женщин, не являющихся ветеранами, этот показатель был значительно ниже – 35 597 долл. США в год. Мужчины зарабатывают больше женщин.

Их годовой доход составляет 55 968 долл. (у не ветеранов – 50 655 долл. США). Ветераны зарабатывают на 5,3 тыс. долл. больше, чем не ветераны¹.

Департамент США по делам ветеранов (United States Department of Veterans Affairs) является главным государственным органом по реализации мер соци-

¹ Espinosa C. Total U. S. servicemembers and living veterans of major conflicts 1941–2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1333557/us-personnel-military-veterans-major-conflicts/> (дата обращения: 11.11.2025).

альной поддержки ветеранов. Структурные подразделения Департамента занимаются вопросами медицинского обслуживания, страхования, жилищного обеспечения, реабилитации, образования трудоустройства, погребения и расследования уголовных дел в отношении ветеранов войны. Кроме того, в последние десятилетия службы Департамента сосредоточились на тех областях, в которых у ветеранов особенно часто наблюдаются неблагоприятные жизненные обстоятельства: высокий уровень самоубийств, посттравматическое стрессовое расстройство и бездомность.

Запущенная в 2023 г. программа Supportive Services for Veteran Families основное внимание уделяет борьбе с бездомностью среди ветеранов. Действующее законодательство США реализуют широкий спектр мер, направленных на обеспечение социальной защиты ветеранов и членов их семей в вопросах различных жизненных потребностей [14, с. 21–22].

Российские исследователи выделяют ряд особенностей адаптации ветеранов боевых действий к гражданской жизни:

- перенесенные физические психологические травмы во время службы в армии;

- условия отбора на военную службу по демографическим и психологическим параметрам, которые имеют особые черты в отличие от гражданского общества

- специфика военной социализации (большее сплочение и предсказуемость действий в отличие от гражданских коллективов);

- самостигматизация и угроза подтверждения стереотипа (ожидание, что в гражданской жизни им придется менять

свое поведение, которое отразится на карьере);

- возможная дискриминация из-за сложившихся в гражданском обществе стереотипов по отношению к военным [15, с. 108].

Как видим, проблемы американских ветеранов вполне схожи с российскими.

Выводы

Военная культура формирует идентичность вооруженных сил. Они отличаются военную жизнь от гражданского общества. Процесс социализации в армии прививает военнослужащим эти культурные элементы. Иерархия и дисциплина являются ключевыми элементами военной культуры. Они создают структурированную среду, в которой приказы выполняются беспрекословно. Подобная структура имеет свою социокультурную основу, которая имеет решающее значение для поддержания ее устойчивости.

Социокультурная методология в проведении военных исследований позволяет найти эффективные решения, адаптированные к реальной специфике боевых действий. Поэтому важно продолжать и развивать взаимодействие между социальными науками и органами военного управления для обеспечения лучшего понимания культурного разнообразия и обеспечения того, чтобы военные операции проводились ответственно и с уважением по отношению к местному населению.

Особого внимания заслуживают ветераны боевых действий, которые являются носителями корпоративных военных ценностей, а их модус личности составляет «культурное ядро» армии.

Список литературы

1. Iacobucci A., Downey L. The Minerva Research Initiative: Social Scientific Knowledge Production as Organizational Strategy // *Journal of Political and Military Sociology*. 2023. Vol. 50 (2). P. 121–145.

2. Смирнов А. И. В поисках новых парадигм военно-социологических исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 610–616. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2134>
3. Horowitz I. L. The Life and Death of Project Camelot // *American Psychologist*. 1966. Vol. 21 (5). P. 445–454.
4. Price D. H. *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*. Petrolia and Oakland, CA: CounterPunch and AK Press, 2011. 180 p.
5. Kaplan F. *The Insurgents: David Petraeus and the Plot to Change the American Way of War*. New York: Simon and Schuster, 2013. 418 p.
6. Gonzalez R. J. Human Terrain: Past, Present and Future Applications // *Anthropology Today*. 2008. Vol. 24 (1). P. 21–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2008.00561.x>
7. Gilmore J. A Kinder, Gentler Counter-Terrorism: Counter-Insurgency, Human Security, and the War on Terror // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42 (1). P. 25–26. <https://doi.org/10.1177/0967010610393390>
8. Burbach D. T. Partisan Dimensions of Confidence in the U.S. Military, 1973–2016 // *Armed Forces & Society*. 2019. Vol. 45 (2). P. 211–233. <https://doi.org/10.1177/0095327x17747205>
9. Барановский М. В. Доверие общества вооруженным силам (зарубежный опыт социологических исследований) // *Общество: Социология, психология, педагогика*. 2019. № 6 (62). С. 26–31. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.6.3>
10. Citizen Support for Military Expenditure Post-9/11: Exploring the Role of Race, Ethnicity, and Place of Birth / C. A. Simon, N. P. Lovrich, B. Liu, Y. D. Wei // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44 (4). P. 688–706. <https://doi.org/10.1177/0095327x17741462>
11. Talmaçhi M-L., Ispas L., Pinzariu A. The Development of Perspectives on Cultural Anthropology with Applicability in the Military Operational Environment // International conference Knowledge – based organization. Romania: Nicolae Balcescu Land Forces Academy of Sibiu, 2024. Vol. 30 (2). P. 188–197. <https://doi.org/10.2478/kbo-2024-0074>
12. Сысолятин А. А. Поиски образа мирного времени в культуре США 1970–1980-х гг. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2024. Т. 26, № 4. С. 232–246. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.071>
13. McSorley K. Doing military fitness: Physical culture, civilian leisure, and militarism // *Critical Military Studies*. 2016. Vol. 2 (1-2). P. 103–119.
14. Кандабаров Н. А. Системы социальной защиты ветеранов в США и странах Европы // *Страховое дело*. 2024. № 9 (378). С. 19–25.
15. Зеленцов С. Ю., Жуков Д. В., Зелененький И. А. Проблемы адаптации ветеранов вооруженных сил при трудоустройстве в гражданской сфере // *Научная мысль*. 2022. Т. 19, № 1–1 (43). С. 104–113.

References

1. Iacobucci A., Downey L. The Minerva Research Initiative: Social Scientific Knowledge Production as Organizational Strategy. *Journal of Political and Military Sociology*. 2023;50(2):121–145.
2. Smirnov A.I. In Search of New Paradigms in Military Sociology Research // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(6):610–616. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2134>
3. Horowitz I.L. 1966. The Life and Death of Project Camelot. *American Psychologist*. 1966;21(5):445–454.
4. Price D.H. *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*. Petrolia and Oakland, CA: CounterPunch and AK Press; 2011. 180 p.

5. Kaplan F. The Insurgents: David Petraeus and the Plot to Change the American Way of War. New York: Simon and Schuster; 2013. 418 p.
6. Gonzalez R.J. Human Terrain: Past, Present and Future Applications. *Anthropology Today*. 2008;24(1):21–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2008.00561.x>
7. Gilmore J.A. Kinder, Gentler Counter-Terrorism: Counter-Insurgency, Human Security, and the War on Terror. *Security Dialogue*. 2011;42(1):25–26. <https://doi.org/10.1177/0967010610393390>
8. Burbach D.T. Partisan Dimensions of Confidence in the U.S. Military, 1973–2016. *Armed Forces & Society*. 2019;45(2):211–233. <https://doi.org/10.1177/0095327x17747205>
9. Baranovsky M. V. Public trust in the armed forces (foreign experience of sociological research). *Obshchestvo: Sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2019;6(62):26–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2019.6.3>
10. Simon C.A., Lovrich N.P., Liu B., Wei Y.D. Citizen Support for Military Expenditure Post-9/11: Exploring the Role of Race, Ethnicity, and Place of Birth. *Armed Forces & Society*. 2018;44(4): 688–706. <https://doi.org/10.1177/0095327x17741462>
11. Talmaçhi M-L., Ispas L., Pinzariu A. The Development of Perspectives on Cultural Anthropology with Applicability in the Military Operational Environment. In: *International conference Knowledge – based organization*. Vol. 30(2). Romania: Nicolae Balcescu Land Forces Academy of Sibiu; 2024. P. 188–197. <https://doi.org/10.2478/kbo-2024-0074>
12. Sysolyatin A.A. Search for an Image of Peacetime in the American Culture of the 1970s–1980s. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki = Ural Federal University Bulletin. Series 2: Humanities*. 2024;26(4):232–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.071>
13. McSorley K. Doing military fitness: Physical culture, civilian leisure, and militarism. *Critical Military Studies*. 2016;2(1-2):103–119. <https://doi.org/10.1080/23337486.2016.1148292>
14. Kandabarov N.A. Systems of social protection of veterans in the USA and European countries. *Strakhovoye delo = Insurance Business*. 2024;9(378):19–25. (In Russ.)
15. Zelentsov S.Yu., Zhukov D.V., Zelenenkiy I.A. Problems of adaptation of veterans of the armed forces when finding employment in the civilian sphere. *Nauchnaya mysl = Scientific Thought*. 2022;19(43):104–113. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Абрамов Александр Петрович, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: abramov_ap@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-9913-2449

Alexander P. Abramov, Doctor of Sciences (Sociological), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: abramov_ap@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-9913-2449

Оригинальная статья / Original article

УДК 316

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-226-235>**Социально-экономическое самочувствие жителей Приволжья
после введения санкций****О. В. Рогач¹** ✉¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр-т Ленинградский, д. 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: OVRogach@fa.ru

Резюме

Актуальность. Социально-экономическое самочувствие населения выступает как отражением уровня и качества жизни в регионе, так и показателем эффективности политики региональных властей, мер по снижению рисков дестабилизации общественных отношений, учета интересов различных социально-демографических групп.

Цель исследования заключается в анализе социально-экономического самочувствия жителей Приволжского федерального округа.

Задачи: определение субъективных оценок респондентов, их восприятия перемен, вызванных давлением антироссийских санкций; анализ региональной дифференциации в оценках проблематизации основных сфер общественной жизни.

Методология. Метод исследования – социологический опрос населения Приволжского федерального округа, число респондентов составило 1320 человек.

Результаты исследования показали, что жители Приволжья весьма болезненно отреагировали на введение антироссийских санкций, ими были даны негативные оценки произошедшим изменениям в большинстве сфер общественной жизни. Наиболее критичные интерпретации перемен в образе жизни, занятости, потребления характерны для жителей Саратовской области. Тревожность, неуверенность в завтрашнем дне чаще других отмечали респонденты, проживающие в Республике Мордовия. Более благоприятная ситуация по данному показателю зафиксирована в ответах жителей Республики Марий Эл и Чувашия. Сельские жители Приволжья в своих ответах продемонстрировали повышенную устойчивость к кризисным явлениям в экономике; их оценки произошедших перемен более позитивны в сравнении с горожанами. Сельчане реже отмечали проблемы с занятостью, жильем, потреблением.

Выводы. Геополитические трансформации, экономические турбулентности отражаются на субъективных оценках благополучия населения, детерминируя рост тревожности, неуверенности в завтрашнем дне, ухудшение социально-экономического самочувствия. Роль региональных властей в данном контексте видится в смягчении негативных последствий экономического кризиса, оказании мер поддержки наиболее уязвимым социально-демографическим группам.

Ключевые слова: население; качество жизни; санкции; тревожность; социальное благополучие; доход.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Рогач О. В. Социально-экономическое самочувствие жителей Приволжья после введения санкций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 226–235. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-226-235>

Поступила в редакцию 21.12.2025

Принята к публикации 20.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Socioeconomic well-being of residents of the Volga region after the introduction of sanctions

Olga V. Rogach¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: OVRogach@fa.ru

Abstract

Relevance. The socio-economic well-being of the population is both a reflection of the level and quality of life in the region, and an indicator of the effectiveness of regional government policies, measures to reduce the risks of destabilization of social relations, and taking into account the interests of various socio-demographic groups.

The purpose is of an analysis of the socio-economic well-being of residents of the Volga Federal District.

Objectives: determination of subjective assessments of respondents, their perception of changes caused by the pressure of anti-Russian sanctions; analysis of regional differentiation in assessments of the problematization of the main spheres of public life.

Methodology. Sociological survey of the population of the Volga Federal District, the number of respondents was 1320 people.

Results of the study showed that residents of the Volga region reacted very painfully to the introduction of anti-Russian sanctions, they gave negative assessments of the changes that occurred in most areas of public life. The most critical interpretations of changes in lifestyle, employment, and consumption are typical for residents of the Saratov region. Anxiety and uncertainty about the future were most often noted by respondents living in the Republic of Mordovia. A more favorable situation for this indicator was recorded in the responses of residents of the Republic of Mari El and Chuvashia. Rural residents of the Volga region demonstrated increased resistance to crisis phenomena in the economy in their responses, their assessments of the changes that occurred were more positive in comparison with city dwellers. Rural residents less often noted problems with employment, housing, and consumption.

Conclusions. Geopolitical transformations and economic turbulences are reflected in subjective assessments of the well-being of the population, determining the growth of anxiety, uncertainty about the future, and deterioration of socio-economic well-being. The role of regional authorities in this context is seen in mitigating the negative consequences of the economic crisis, providing support measures to the most vulnerable socio-demographic groups.

Keywords: population; quality of life; sanctions; anxiety; social well-being; income.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Rogach O.V. Socioeconomic well-being of residents of the Volga region after the introduction of sanctions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):226–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-226-235>

Received 21.12.2025

Accepted 20.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В современных условиях устойчивое развитие российских регионов актуализирует роль качества жизни местного населения как приоритета социально-экономического планирования. При этом, согласно исследованиям, проведенным на эмпирическом материале субъектов РФ [1], ключевым показателем качества жизни населения становится социальное са-

мочувствие [2], иллюстрирующее состояние региона, эффективность государственного управления и стабильность социальной системы в целом [3]. По мнению В. П. Шеломенцевой, С. С. Донцова и Е. В. Игнатовой, принимаемые на уровне государства решения находят практическое воплощение в трансформации социальной структуры общества, способах удовлетворения жизненных по-

требностей жителей [4]. В этом контексте социально-экономическое благополучие населения становится маркером способности государства учитывать интересы различных социально-демографических групп, нивелировать риски дестабилизации общественных отношений.

В работе А. В. Сметанина и Л. М. Сметаниной социальное самочувствие также рассматривается как индикатор качества жизни населения, однако, по мнению авторов, методологически важно рассматривать данный феномен как опосредованное отражение общественного бытия человека, мотиватор его активной деятельности [5]. Такой подход позволяет рассматривать социальное благополучие населения в инкорпорированном единстве с экономической составляющей (материальным положением, уровнем дохода, трудовыми отношениями). Схожая позиция имеет место и в зарубежных исследованиях, где социально-экономическое благополучие работников в кризисный период определяет выбор их карьерных стратегий на рынке труда [6].

Согласно сложившемуся в научном дискурсе мнению, пристальное внимание к данной проблеме определяется необходимостью выбора оптимального вектора социальной политики, который выступает элементом детерминантной цепи трансформаций в материальном положении граждан, системе трудовых отношений, в также в привычном образе жизни [7]. Возможно, поэтому сегодня разработано достаточное количество методик, позволяющих произвести оценку качественных показателей жизни человека, в числе которых принято выделять индекс счастья, индекс благополучия и прочее [8].

Для нашего исследования интерес представляет категория «социально-экономическое самочувствие», которая иллюстрирует субъективное восприятие населением чувства безопасности (защищенности от разного рода рисков), материальной стабильности (наличие/потеря

работы, ухудшение материального положения), психоэмоционального состояния (тревожность, неуверенность в завтрашнем дне) [9]. Данные показатели социально-экономического благополучия особенно актуализированы в условиях кризисных явлений, когда сужаются горизонты планирования будущего, а воспроизводство привычного образа жизни различных групп населения может быть затруднено.

В работе В. А. Сушко убедительно доказывается тезис, что условия нестабильности и, как следствие, трансформация социально-экономического благополучия населения сопровождаются изменением ценностной структуры российского общества [10]. Это связано с тем, что благополучие как системный конструкт интегрирует ценностные смыслы, продуцируемые общественным сознанием [11]. Необходимость получения обратной связи от населения (субъективной оценки социально-экономического благополучия), по мнению экспертов, детерминирована связью данной категории с доминирующими социальными настроениями, чувством удовлетворенности от своей жизни [12].

Введение санкций, возникновение новых угроз и вызовов российской экономике, несомненно, создают основу для социальных потрясений [9]. В работе ряда российских [13] и зарубежных авторов [14] также делается вывод, что дестабилизация экономики может оказать разрушительное влияние на социально-экономическое благополучие населения [15].

Материалы и методы

В данной статье приводятся материалы социологического опроса населения Приволжья (N = 1320 чел.). Выбор федерального округа детерминирован неоднородностью развития регионов в него входящих, что позволяет увидеть различия в оценках социально-экономического положения местного населения. На первой

ступени были отобраны субъекты Приволжского ФО¹; на второй – проведено районирование по типу городское и сельское поселение (68,6% vs 31,4%); на третьей – проведено квотирование респондентов с соблюдением пропорций по по-

лу (М = 43,6%, Ж = 56,4%) и возрасту (рис. 1). Организационную поддержку в проведении анкетирования жителей Приволжского федерального округа оказал Российский университет кооперации.

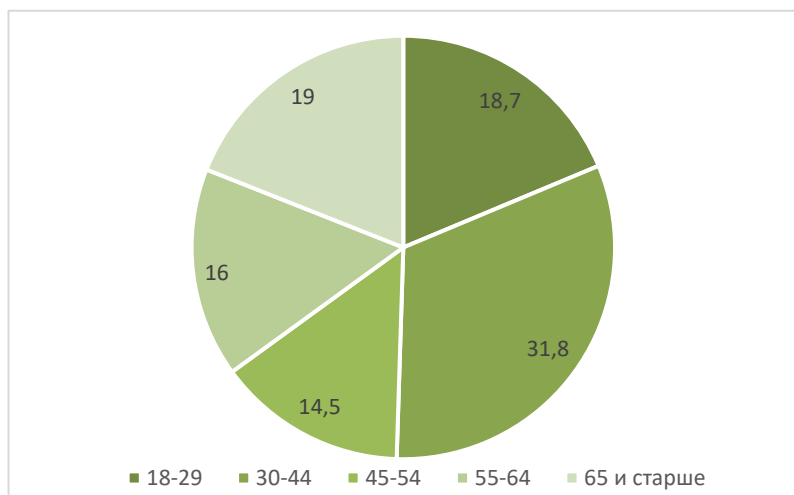

Рис. 1. Распределение респондентов по признаку возраста, %

Результаты и их обсуждение

Введение санкций оказало существенное влияние на все сферы общественной жизни жителей Приволжья (рис. 2). Оценивая произошедшие с ними изменения, респонденты отмечают: сложности с работой (ее потеря) – 59,1%, снижение доходов – 60,0%, необходимость снизить траты и изменить образ жизни – 65,4%. Наиболее чувствительны к ухудшению материального благополучия оказались женщины, как правило, состоящие в браке. Среди данной категории респондентов доля согласия с выдвинутыми утверждениями стабильно выше, чем в среднем по выборке, на 3–4 п. п.

Региональный срез ответов респондентов показал, что Саратовская область демонстрирует существенное превышение по всем показателям: на данной территории население испытывает больше сложностей с работой, снижением доходов, жилищными условиями и пр. Жители Саратовской области в большей степени, чем население Приволжья в целом, испытывают тревожность и неуверен-

ность в завтрашнем дне, ими отмечается значительный рост преступности и учащение конфликтов. Общее превышение доли респондентов, кто отмечает у себя указанные выше негативные последствия, после введения санкций выше на 29,2–40,0 п. п., чем среднее значение по выборке.

В других регионах можно заметить следующие распределения: в Республике Башкортостан и Республике Татарстан высокая доля респондентов, отметивших у себя наличия сложностей с работой после введения санкций (62,4% и 53,6%). Следствием потери работы для половины опрошенных в данных регионах стало снижение доходов (57,3% и 57,6% соответственно). Замыкает тройку лидеров по данному показателю Республика Мордовия (56,8%). В четырех регионах При-

¹ Республика Башкортостан (31,8%), Республика Татарстан (24,3%), Саратовская область (17,1%), Удмуртская Республика (9,2%), Чувашская Республика (8,2%), Республика Мордовия (5,7%) и Республика Марий Эл (3,7%).

волжья (Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Удмуртия и Республика Мордовия) жителями чаще отмечался тот факт, что с введением санкций им пришлось изменить образ жизни, уменьшить траты. Данный показатель существенно ниже в Республике Чувашия (33,6%, что ниже средних значений на 31,8 п. п.). Получение кредита

как некоторого компенсатора снижения уровня дохода не рассматривается большинством опрошенных в качестве действенного механизма поддержания установленного образа жизни (46,7% в целом по регионам Приволжского ФО). Данный процент существенно ниже в таких регионах, как Республика Удмуртия (12,4%) и Республика Чувашия (23,4%).

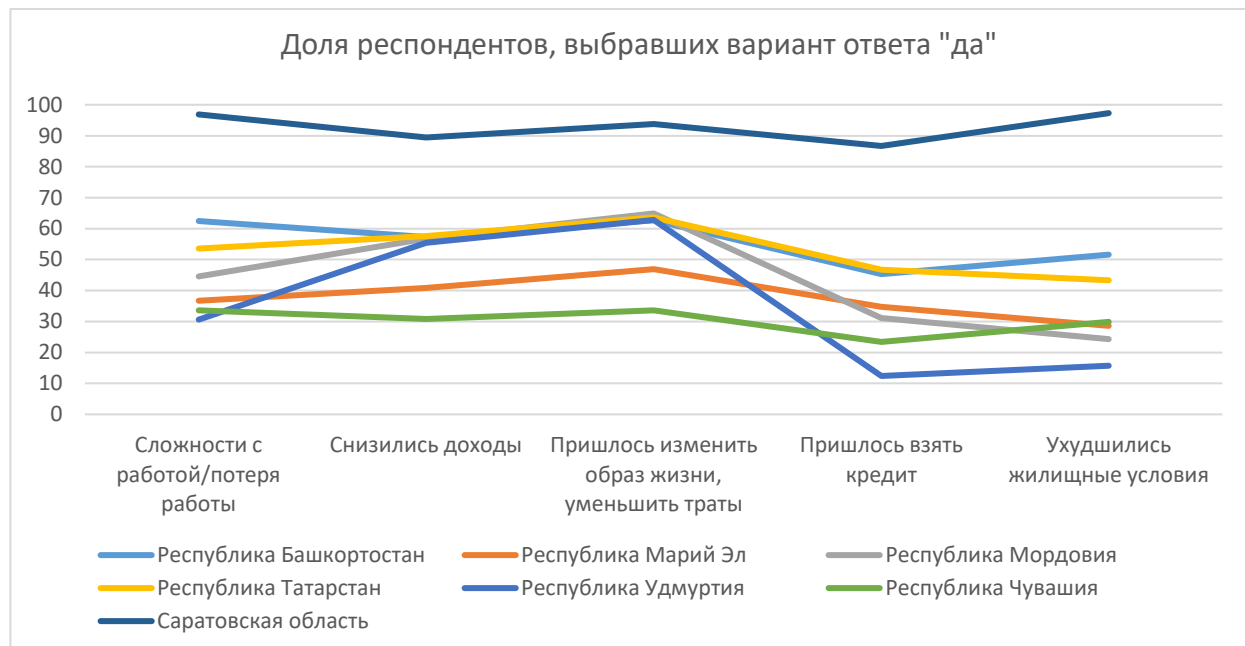

Рис. 2. Региональный срез ответов респондентов на вопрос о жизненных обстоятельствах, которые затронули их после введения санкций, %

Схожие выводы прослеживаются в работе О. Л. Лушниковой. По мнению ученого, в условиях кризиса трудовая деятельность выступает одним из ключевых детерминант, определяющих тональность оценок населения своего социального самочувствия. Наличие постоянной занятости рассматривается гражданами как синоним стабильного дохода, что выступает некой гарантией поддержания в будущем желаемого качества жизни [16].

Согласно полученным данным, не все регионы одинаково ощутили на себе последствия от введения санкций. Однако можно заметить, что в регионах, где присутствие иностранных компаний на российском рынке было более существенно, их уход также спровоцировал

большую дестабилизацию. Контур восприятия жителями Приволжья связи таких последствий от ведения санкций, как закрытие магазинов, пропаша товаров, сложности с ремонтом иностранных товаров, практически идентичны. Проблемы в одном из секторов могут являться предикатом дисфункций в другом.

Стоит отметить, что в своей работе Л. А. Беляева и К. В. Ракова пришли к противоположным выводам. С опорой на данные эмпирического исследования ученые установили, что «благодаря высокой адаптированности населения к экономическим изменениям ... значительно укрепилась материальная составляющая качества жизни: выросли доходы, улучшились оценки качества жилья,

доступности качественных товаров и услуг» [17, с. 52]. Несмотря на эмпирические факты, достаточно сложно согласиться с высказанным заключением. В частности, социально-экономические последствия от введения санкций сказались на эмоционально-психологическом состоянии жителей Приволжья: многими респондентами отмечается появление у них чувства тревожности и неуверенность в завтрашнем дне. Данные показатели выше в Республике Мордовия (на 7,9 п. п.). Более благоприятно ситуация обстоит в Республике Марий Эл (ниже на 25,6 п. п.) и Республике Чувашия (на 22,5 п. п.). Каждым вторым респондентом в ходе опроса отмечался рост преступности и увеличение частоты краж (51,7%). Данный показатель также ниже в Республике Удмуртия (на 23,6 п. п.) и Республике Чувашия (на 23,7 п. п.). Самые высокие значения продемонстрировала Сара-

товская область (выше средних значений на 34,6 п. п.). В Республике Татарстан показатель роста преступности в оценках респондентов приближен к средним значениям по выборке (49,2%).

Анализ оценок городского и сельского населения в части жизненных обстоятельств, которые коснулись их после введения санкций, позволяет сделать следующие выводы (рис. 3). По всем указанным показателям ситуация обстоит хуже в городских поселениях. По ряду показателей расхождение в ответах наиболее существенно: «сложности с работой / потеря работы» (62,2% vs 51,9%), «ухудшились жилищные условия» (53,2% vs 43,0%), «участились конфликты» (60,0% vs 47,3%). Вместе с тем ряд показателей приближен к средним значениям, и расхождения в ответах не столь существенны: «пришлось изменить образ жизни / уменьшить траты» – 66,7 vs 62,6%.

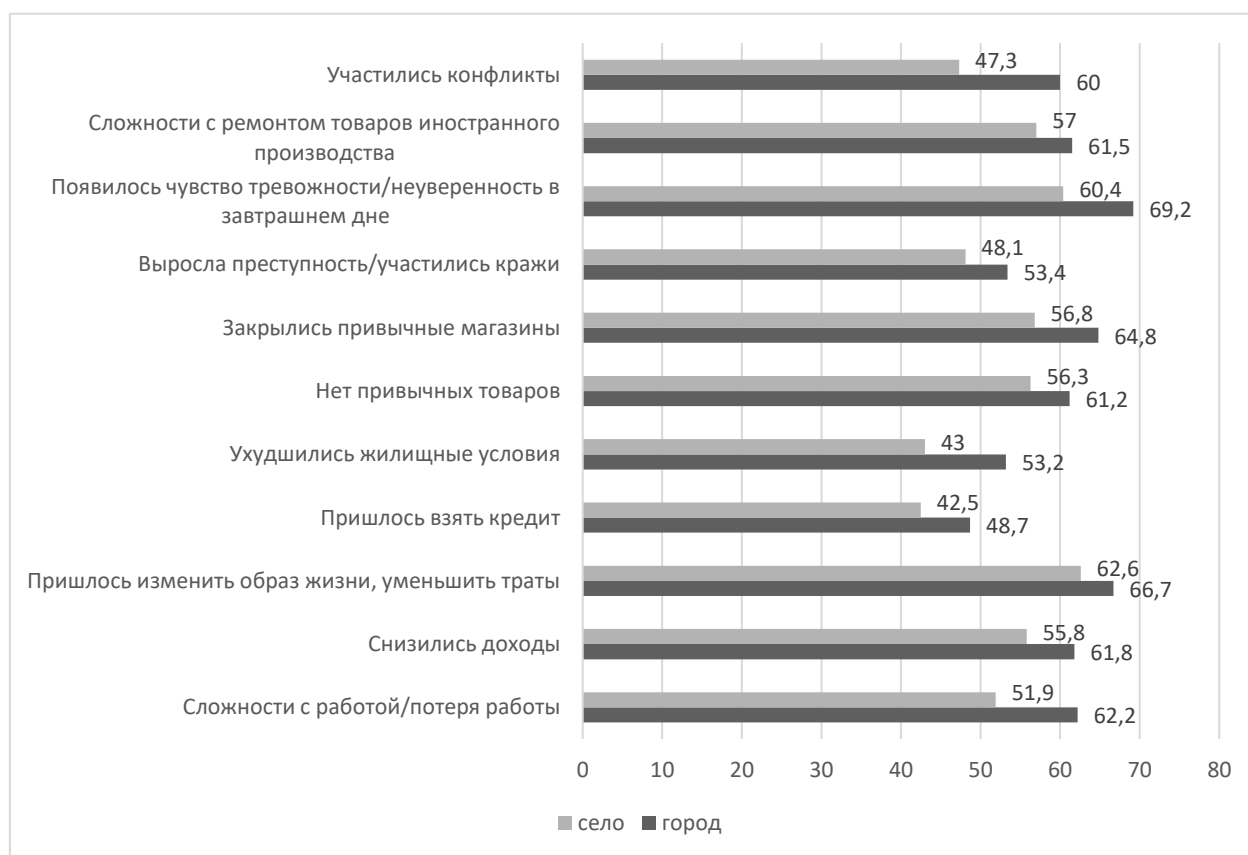

Рис. 3. Сравнительный анализ ответов респондентов на вопрос о жизненных обстоятельствах, которые затронули их после введения санкций, %

В открытых вариантах ответа респондентами часто высказывались следующие мнения: «проблемы с отдыхом за границей», «выросли цены на все, создается ажиотаж на товары первой необходимости, люди начали скупать товары(жилье), чтобы не потерять отложенные деньги», «многих сократили, их просто выставили за дверь и никто им не заплатил», «уровень дохода повысился, а покупательная способность упала».

В разрезе Вологодской области анализ социально-экономического благополучия населения в 2022 г. позволил И. Н. Дементьевой и Е. Э. Леонидовой прийти к схожим выводам. Согласно полученным данным, треть жителей данной

области также испытывают напряжение и страх (30,9%). Несмотря на то, что данный показатель в Вологодской области ниже, чем по субъектам Приволжского ФО, распределение оценок изменения материального благополучия в условиях кризиса имеет схожие тенденции: улучшение материального положения наблюдалось среди среднеобеспеченных жителей, тогда как наименее обеспеченные отметили его ухудшение [18].

Анализ материалов авторского исследования показал ожидаемое наличие корреляционной зависимости между оценками респондентов своего материального положения и снижением уровня доходов во время санкций (табл. 1).

Таблица 1. Зависимость оценок материального положения респондентов и изменений в уровне дохода, %

Как бы Вы оценили свое материальное положение?	Снизился ли уровень доходов за время введения санкций		
	да	нет	всего
Хорошо	58,3	41,7	100,0
Средне	59,2	40,8	100,0
Плохо	72,1	27,9	100,0
<i>Среднее значение по выборке</i>	60,0	40,0	100,0

По мнению Е. В. Фроловой, естественное стремление человека к социально-экономическому благополучию становится основой для его мотивации к активным социальным действиям [19]. В данной связи представляют интерес планы (стратегии адаптации) жители Приволжья, учитывая ситуацию кризиса и введение санкций. Рейтинг ответов респондентов возглавляют такие позиции, как: «продавать возможные продовольственные издержки» – 39,5%; «менять сферу профессиональной деятельности» – 37,6% и «получить дополнительное образование» – 36,4%. Пассивные настроения (выбор варианта «ничего») свойственны 16,8% опрошенных. Полученное распределение ответов показало, что более трети опрошенных ориентиро-

ваны на получение дополнительного образования.

Анализ схожих по дизайну исследований позволил установить наличие различий в стратегиях адаптации к кризисным явлениям в зависимости от этнического признака. В Республике Тыва коренному населению в большей степени свойственны «выжидающие» стратегии (пассивные практики или повышение квалификации), тогда как у русской части жителей Республики выражены миграционные настроения стремление сменить работу [20]. Стоит отметить, что в авторском исследовании отсутствуют возможности для установления этнических различий в адаптационных стратегиях жителей Приволжья, однако в дальнейшем данное направление может быть рас-

смотрено как перспективное для проведения более углубленных исследований.

Выводы

Социально-экономическое самочувствие населения выступает одним из ключевых показателей уровня жизни в регионе. Как показали результаты исследования, жители Приволжского ФО весьма болезненно отреагировали на негативные трансформации экономики, обусловленные введением антироссийских санкций. Субъективное восприятие социально-экономических перемен характеризуется критичной интерпретацией ситуации в различных сферах общественной жизни: труда и занятости, доходов, образа жизни, потребления. В региональном разрезе наиболее высокий уровень проблематизации в оценках жителей свойственен Саратовской области. В данном регионе респонденты чаще отмечали наличие сложностей с работой, ухудшение жилищных условий, рост конфликтов, сжатие потребительских практик, падение доходов. Ощущение тревожности, неуверенность в завтрашнем дне чаще других отмечали жители Республики Мордовия. Более благоприятная ситуация характерна для Республики Марий Эл и Чувашской Республики.

Таким образом, экономический кризис, геополитическая нестабильность оказали существенное влияние социально-экономическое самочувствие жителей Приволжья. Указанные тренды свидетельствуют о необходимости фокусировки внимания региональных властей на антикризисных мерах поддержки населения, реализации своевременных мероприятий в сфере обеспечения занятости, импортозамещения, информационной политике.

Результаты исследования показали, что сельские жители Приволжья восприняли давление антироссийских санкций и связанные с ними экономические трансформации более сдержанно. В частности, респонденты, проживающие в сельских поселениях, реже отмечали сложности с потерей работы, ухудшение жилищных условий, рост конфликтности. Формирование тревожности, неуверенности в завтрашнем дне в большей степени свойственно городским жителям. Можно предположить, что адаптационный потенциал сельского населения оказывается существенно выше в условиях кризиса. Отсутствие завышенных ожиданий и рациональное отношение к потреблению в данном контексте выступают амортизаторами негативных вызовов экономики.

Список литературы

1. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 20 (4). С. 905–918.
2. Петрова Е. В., Ван И. Д. Социальное самочувствие групп с разными доходами (по материалам социологического исследования в Бурятии) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3 (181). С. 17–21.
3. Анисимова Т. Г. Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 3 (61). С. 13–21.
4. Шеломенцева В. П., Донцов С. С., Игнатова Е. В. Оценка социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. № 2. С. 101–114.
5. Сметанин А. В., Сметанина Л. М. К вопросу понятия «социальное самочувствие» // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 230 (4). С. 312–318.
6. COVID-19 induced redundancy and socio-psychological well-being of tourism employees: implications for organizational recovery in a resource-scarce context / A. N. Kimbu, I. Adam, F. Dayour, A. de Jong // Journal of Travel Research. 2023. N 62 (1). P. 55–74.

7. To W. M., Gao J. H., Leung E. Y. W. The effects of job insecurity on employees' financial well-being and work satisfaction among Chinese pink-collar workers // *SAGE Open*. 2020. N 10 (4). P. 1–11.
8. Балина Т. А., Столбов В. А. Социальное самочувствие населения в контексте поведенческой географии // *Географический вестник*. 2023. № 1 (64). С. 72–83.
9. Фролова Е. В., Рогач О. В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. // *Социологические исследования*. 2023. № 5. С. 160–166.
10. Сушко В. А. Ощущаемое качество жизни и ценностная структура российского населения // *Социология*. 2021. № 1. С. 61–74.
11. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона (на материалах социологического исследования) // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11, № 1. С. 70–83.
12. Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8, № 1. С. 48–62.
13. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2021. № 21 (4). С. 805–824.
14. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley and London: University of California Press, 1982. P. 222.
15. Tiwari D. N., Misra G. Personality and Value Preference as Predictors of Social Well-being // *Journal of Human Values*. 2021. N 27(2). P. 161–174.
16. Лушников О. Л. Занятость как фактор социального самочувствия сельчан // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 3. С. 272–277.
17. Беляева Л. А., Ракова К. В. Российское общество в 1990–2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2025. № 1. С. 29–56.
18. Дементьева И. Н., Леонидова Е. Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2022 году // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 1. С. 176–185.
19. Фролова Е. В., Рогач О. В. Социальное благополучие жителей Камчатского края в условиях санкций // *Известия Дальневосточного федерального университета*. Экономика и управление. 2024. № 2 (110). С. 21–33.
20. Балакина Г. Ф. Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 4. С. 255–273.

References

1. Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Social well-being of student youth (regional aspect). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020;20(4):905–918. (In Russ.)
2. Petrova E.V., Van I.D. Social well-being of income groups (based on a sociological survey in Buryatia). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2023;(3):17–21. (In Russ.)
3. Anisimova T.G. Structural features of the social well-being of the population of Tuva: gender aspect. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023;(3):13–21. (In Russ.)
4. Shelomentseva V.P., Dontsov S.S., Ignatova, E.V. An assessment of socio-psychological well-being of the population of Eastern Kazakhstan. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika = Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2022;(2):101–114. (In Russ.)

5. Smetanin A.V., Smetanina L.M. On the issue of the concept of «social well-being». *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(230):312–318. (In Russ.)
6. Kimbu A.N., Adam I., Dayour F., de Jong, A. COVID-19 induced redundancy and socio-psychological well-being of tourism employees: implications for organizational recovery in a resource-scarce context. *Journal of Travel Research*. 2023; (62):55–74.
7. To W.M., Gao J.H., Leung E.Y.W. The effects of job insecurity on employees' financial well-being and work satisfaction among Chinese pink-collar workers. *SAGE Open*. 2020;(10):1–11.
8. Balina T.A., Stolbov V.A. Social well-being of the population in the context of behavioral geography. *Geograficheskiy vestnik = Geographical Bulletin*. 2023;(1):72–83. (In Russ.)
9. Frolova E.V., Rogach O.V. Social well-being of Russians in the spring of 2022. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2023;(5):160–166. (In Russ.)
10. Sushko V.A. The feeling quality of life and the value structure of the Russian population. *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(1):61–74. (In Russ.)
11. Kostina E.Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O. Social well-being in the assessments of residents of the Far Eastern region (based on the materials of a sociological study). *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(1):70–83. (In Russ.)
12. Sushko P.E. Happiness and social well-being in the assessments of Russians: the problem of delineating concepts. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2020;8(1):48–62. (In Russ.)
13. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Assessment of social well-being of families in Russian regions: sociological analysis. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2021; (21):805–824. (In Russ.)
14. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley and London: University of California Press; 1982. P. 222.
15. Tiwari D.N., Misra G. Personality and Value Preference as Predictors of Social Well-being. *Journal of Human Values*. 2021;(27):161–174.
16. Lushnikova O.L. Employment as a factor of social well-being of rural population. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(3):272–277. (In Russ.)
17. Belyaeva L.A., Rakova K.V. Russian Society in 1990–2023: An Empirical Assessment of Social Structure, Life Quality, and Socio-Psychological Climate. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1):29–56. (In Russ.)
18. Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in 2022. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2023;27(1):176–185. (In Russ.)
19. Frolova E.V., Rogach O.V. Kamchatka Krai under sanctions: social welfare of inhabitants. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye = News of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2024; (2):21–33. (In Russ.)
20. Balakina G. F. Specificity of adaptation practices of ethnic groups of the Republic of Tuva. *Novyye issledovaniya Tuvy = New studies of Tuva*. 2023;(4):255–273. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Рогач Ольга Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3031-4575

Olga V. Rogach, Doctor of Sciences (Sociological), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3031-4575

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.612

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-236-246>Роль потребительского поведения в формировании
социальной идентичности студенческой молодежиТ. Н. Каменева¹✉, А. И. Рожко¹¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр-т Ленинградский, д. 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: kalibri0304@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях трансформации социальной реальности, расширения потребительского пространства и усиления роли цифровых медиа потребительское поведение приобретает выраженный символический характер. Для студенческой молодежи, находящейся на этапе формирования жизненных стратегий и социальной идентичности, потребительские практики становятся важным инструментом самовыражения и социальной дифференциации. В сложившихся условиях возрастает необходимость социологического анализа потребительского поведения как фактора формирования социальной идентичности студенческой молодежи.

Цель исследования заключалась в выявлении роли потребительского поведения в процессе формирования социальной идентичности студенческой молодежи.

Задачи: анализ теоретических подходов к изучению потребительского поведения и социальной идентичности; выявление моделей потребительского поведения студенческой молодежи; определение влияния значимого социального окружения на формирование потребительских практик; классификация групп студентов в зависимости от доминирующих моделей потребления.

Методология исследования основывалась на качественном социологическом подходе. Эмпирической базой послужили результаты социологического исследования, проведенного методом глубинного интервью в мае 2025 года среди студентов 3-4 курсов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (N = 17). Теоретической основой исследования выступили концепции П. Бурдьё, И. Гоффмана, Т. Веблена, М. Вебера и Э. Эриксона.

Результаты. В ходе исследования были выявлены основные модели потребительского поведения студенческой молодежи – рациональная (осознанная) и имиджевая (символическая). Установлено, что на выбор потребительских практик значительное влияние оказывает социальное окружение молодых людей. В зависимости от доминирующих моделей потребления выделены условные группы студентов: минималисты, модники и технологичные потребители.

Выводы. Потребительское поведение студенческой молодежи выполняет символическую функцию и является значимым фактором формирования социальной идентичности. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости направленности организационных усилий образовательной среды современного вуза на развитие компетенций осознанного потребления и финансовой грамотности студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенческая молодежь; потребительское поведение; социальная идентичность; потребительские практики; осознанное потребление.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Каменева Т. Н., Рожко А. И. Роль потребительского поведения в формировании социальной идентичности студенческой молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 236–246. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-236-246>

Поступила в редакцию 14.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Опубликована 27.02.2026

The role of consumer behavior in shaping the social identity of student youth

Tatyana N. Kameneva¹✉, Anastasia I. Rozhko¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: kalibri0304@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of transforming social reality, expanding consumer space, and the increasing role of digital media, consumer behavior is acquiring a pronounced symbolic character. For student youth, who are at the stage of developing their life strategies and social identity, consumer practices are becoming an important tool for self-expression and social differentiation. Under these circumstances, the need for a sociological analysis of consumer behavior as a factor in the formation of student social identity is growing.

The purpose of the study was to identify the role of consumer behavior in the formation of student social identity.

The objectives: analyzing theoretical approaches to the study of consumer behavior and social identity; identifying patterns of student consumer behavior; determining the influence of significant social environments on the formation of consumer practices; and classifying student groups based on dominant consumption patterns.

The methodology was based on a qualitative sociological approach. The empirical basis for this study was the results of a sociological study conducted in-depth interviews in May 2025 among third- and fourth-year students at the Financial University under the Government of the Russian Federation (N = 17). The theoretical foundation of the study was based on the concepts of P. Bourdieu, I. Goffman, T. Veblen, M. Weber, and E. Erickson.

Results. The study identified the main models of consumer behavior among students: rational (conscious) and image-based (symbolic). It was established that the social environment of young people significantly influences their choice of consumer practices. Depending on the dominant consumption patterns, students were divided into groups: minimalists, fashionistas, and tech-savvy consumers.

Conclusions. The consumer behavior of students fulfills a symbolic function and is a significant factor in the formation of social identity. The results demonstrate the need for organizational efforts in the educational environment of modern universities to focus on developing conscious consumption competencies and financial literacy among students.

Keywords: students; consumer behavior; social identity; consumer practices; conscious consumption.

Funding: This article was prepared based on the results of research conducted with budgetary funds under a state assignment for the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kameneva T.N., Rozhko A.I. The role of consumer behavior in the formation of social identity among students. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):236–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-236-246>

Received 14.12.2025

Accepted 12.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В современных условиях стремительных изменений, развития цифровых технологий в существенной степени ме-

няется образ жизни молодежи. Своеобразие общественных трансформаций актуализирует необходимость изучения практик потребительского поведения студен-

ческой молодежи как передовой демографической группы и активных участников рынка. Более того, потребительское поведение может служить индикатором социальных изменений и тенденций и инструментом для формирования социальной идентичности. Молодые люди, выбирая стиль жизни и сопутствующие ему атрибуты (товары, услуги), выражают свои ценностные установки, определяют место в стратификационной структуре общества, находят единомышленников, формируют сеть социальных связей и укрепляет свою идентичность в рамках определенной группы. Однако, с другой стороны, сформированное потребительское поведение может ограничивать проявление индивидуальности молодых людей, заставляя их подстраиваться под массовые тренды и ожидания общества. Например, господствующие стереотипы, давление со стороны сверстников приводят к формированию «однородной» идентичности, что снижает уровень самовыражения и их способность выделяться в разнообразии культурных и социальных контекстов. Подобное положение вещей свидетельствует о сложившемся противоречии, которое заключается в том, что современные студенты сталкиваются со множеством факторов, влияющих на их потребительские привычки, которые, в свою очередь, оказывают значительное влияние на формирование их социальной идентичности. В условиях активного использования социальных медиа потребление становится не только средством удовлетворения потребностей [1], но и важным аспектом самоидентификации [2] и социального взаимодействия [3]. В этой связи можно отметить, что понимание того, как потребительские привычки влияют на социальную идентичность студенческой молодежи [4], будет способствовать установлению механизма самоопределения современных молодых людей в обществе.

Материалы и методы

Исследование влияния потребительских привычек было осуществлено мето-

дом глубинного интервью, позволившего получить углубленное понимание мнений, взглядов и опыта молодых людей о их потребительском поведении. В интервью приняли участие студенты Финансового университета при Правительстве РФ 3-4 курсов очной формы обучения (N = 17). Гайд интервью включал 5 блоков: общая информация, значение потребительских привычек в формировании потребительского поведения, влияние социальной среды на потребительское поведение, потребление и социальная идентичность, заключительная часть. Следует отметить, что проведенное исследование носило качественный, разведывательный характер и не претендует на репрезентативность полученных результатов. Целью исследования являлось выявление смыслов, установок и моделей потребительского поведения студентов, а не количественное обобщение полученных данных. Анализ интервью осуществлялся путем тематической интерпретации высказываний информантов, что позволило выделить устойчивые стратегии и типы потребительского самопозиционирования. Теоретической основой стали положения теорий потребительского поведения (П. Бурдьё), ролевой идентичности (И. Гоффман), современной потребительской культуры (Ж. Бодрийяр), теории потребления (Т. Веблен), социального действия (М. Вебер), социальной идентичности (Э. Эриксон).

Результаты и их обсуждение

Потребительское поведение является формой экономического поведения человека и в полной мере отражает социальный статус группы и личности [5]. В рамках социологического подхода под потребительским поведением понимается поведение потребителей в контексте их места в социальной структуре общества и включения потребителей как ролевой группы в систему социальных отношений и социального взаимодействия [6]. Такое поведение может быть как рациональным, так и иррациональным [7]. Потреб-

бительское поведение складывается из набора определенных потребительских привычек как повторяющихся моделей поведения, которые потребители демонстрируют при выборе и покупке товаров и услуг. Это сложный социальный феномен, отражающий культурные, социальные и экономические процессы. На формирование потребительского поведения, на потребительские привычки оказывают влияние культурные и социальные факторы [8]. Традиции, ценности могут определять предпочтения в отношении конкретных продуктов или услуг. Например, в определенные праздничные сезоны может возникнуть повышенный спрос на традиционную одежду или украшения [9].

На покупательские предпочтения воздействует социальная идентичность как характеристика индивида с точки зрения его «принадлежности к какой-либо социальной общности или группе (половой, возрастной, экономической, этнической, профессиональной и т. д.). Например, мотивация покупать продукты или бренды, связанные с более высоким социальным статусом или желаемым образом жизни»¹. Потребительское поведение и социальная идентичность взаимосвязаны, так как через потребление люди транслируют свои ценности, убеждения и социальную принадлежность к какой-либо группе, сообществу. Потребительское поведение, в свою очередь, может выступать маркером построения системы самоидентификации личности. Благодаря приобретаемым товарам человек поддерживает и демонстрирует свою личностную и социальную определенность, передает информацию о себе другим людям, тем самым заявляет о себе в социуме [10].

Обращаясь к теории потребительского поведения П. Бурдье, отметим, что

превращение желаний в потребности происходит через взаимодействие между индивидуальным выбором и социальными правилами. Вкусы социально обусловлены, а объекты потребительского выбора отражают символическую иерархию, которая определяет и поддерживает социальную дифференциацию в обществе [11]. Как пишет в своих работах Е. А. Кучеренко, «Бурдье понимает потребление как поле властных отношений – многомерное пространство позиций, в которых позиция субъекта определяется количеством разных типов "капитала", которыми он обладает. Наиболее важными являются экономический и культурный формы капитала» [11]. Согласно Бурдье, потребительское поведение связано с социальными структурами и классовыми позициями. Люди из разных социальных классов имеют различные габитусы, которые влияют на их предпочтения и вкусы. Например, предпочтения в еде, одежде, искусстве и образовании отражают классовые различия и помогают воспроизводить социальное неравенство. Потребление является способом выражения и укрепления социальной идентичности и статуса. Потребительские практики служат для демонстрации культурного и экономического капитала, а также для создания и поддержания социальных различий. Например, выбор дорогих и эксклюзивных товаров может сигнализировать о высоком статусе и принадлежности к элите. Таким образом, потребление не является простым актом удовлетворения материальных потребностей, а является сложной социальной практикой, включающей символические аспекты.

В теории ролевой идентичности И. Гоффмана фокусируется внимание на технике самовыражения и создания впечатлений о себе, а также на общих случайностях в ситуациях, связанных с применением этих техник. По мнению Гоффмана, смысл ролевого поведения состоит в создании определённого впечатления о себе у партнёра по взаимодействию или

¹ Тарakanовская Е. В. Потребительское поведение российской молодежи в условиях рыночных отношений: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2007. 24 с. EDN NIQBPV

аудитории [12]. Политика идентичности в работах Гоффмана есть не что иное, как влияние человека на информацию о себе, продуцируемую на социальное окружение [13]. Роль потребительских привычек в формировании социальной идентичности с точки зрения теории Гоффмана заключается в том, что стиль потребления выступает способом конструирования социальной идентичности индивида. Потребление, носящее жизнеобеспечивающий или символический характер, и социальная идентичность связаны двояким образом: на основе разных видов потребления формируются соответствующие стили жизни, а социальная идентичность проявляется в потреблении и через него.

Согласно теории современной потребительской культуры Ж. Бодрийяра, общество потребления представляет серьёзную угрозу и разрушает социальные отношения, а также приводит к потере идентичности и индивидуальности человека. Культура потребительского поведения должна способствовать сохранению человеческих ценностей и идентичности в условиях нового социума [14]. Объектом потребления является не материальный объект, а смысл, заложенный в этой вещи. Потребляются не сами вещи, а знаки, которыми они наделены. Объект потребления воспринимается по своим знаковым особенностям, теряется его функциональная сущность. Ценность создаётся не полезными свойствами, а исходя из знаковой стоимости [15]. Люди потребляют для того, чтобы сконструировать свою идентичность. Они приобретают одежду, продукты питания, мебель или способы проведения досуга не для того, чтобы выразить существующую социальную принадлежность, а, наоборот, чтобы сконструировать свою идентичность [15].

В теории потребления Т. Веблена сформулированы понятия демонстративного и престижного потребления. Демонстративное потребление означает приобретение благ или предметов в том количестве, в котором индивид явно не нуждается. Согласно концепции Веблена,

люди всегда находятся в соперничестве друг с другом, постоянно сравнивая себя, свой уровень и стиль потребления с уровнями и стилем потребления других индивидов. Таким образом, человек показывает своё положение в обществе и поддерживает уровень своей репутации. Престижное потребление означает следование тенденциям моды в обществе. В этом случае человек приобретает те товары или услуги, которые престижны в данном социуме, невзирая на необходимость и не обращая внимания на полезность данного товара или услуги [15]. Теория Веблена объясняет, как потребительские практики становятся средством, воспроизводящим социальное неравенство и влияющим на формирование социальной идентичности студентов, которые стремятся показать своё сходство с окружающими, чтобы те признали их членами определённой группы или категории.

Согласно положениям теории социального действия М. Вебера, человек просчитывает каждое своё действие, ищет какую-то выгоду для себя и знает, что хочет получить в конце. Он использует людей, связи, предметы, чтобы добиться желаемого. Это позволяет классифицировать поведение людей и выявить причинно-следственные связи, проанализировать влияние потребительских привычек на социальную идентичность студентов, учитывая мотивы и ценности, которые определяют их поведение.

В рамках теории социальной идентичности Э. Эриксона процесс формирования идентичности связан со взаимодействием в социальной среде [16], что даёт основания для анализа роли потребительских ритуалов (например, походов по магазинам, совместных покупок) в укреплении социальных связей и формировании чувства принадлежности к группе.

В рамках настоящего исследования теоретические подходы П. Бурдьё, И. Гоффмана, Ж. Бодрийяра, Т. Веблена, М. Вебера и Э. Эриксона используются не как

единая концептуальная модель, а как взаимодополняющие аналитические перспективы, позволяющие рассмотреть потребительское поведение и социальную идентичность на различных уровнях анализа. Такое сочетание подходов обусловлено многомерным характером исследуемого феномена.

В современных исследованиях авторы приходят к выводам, что потребление становится социокультурным фактором, влияющим на формирование идентичности. Потребление превращается в инструмент конструирования социальной идентичности, необходимый индивиду для социокультурной интеграции в общество [17].

В работах И. Ц. Доржиевой и В. В. Мисайловой отмечается, что на выбор студентами товаров и услуг оказывают влияние социальные связи, качество товара и уровень дохода [18].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что потребительское поведение напрямую связано с социальной идентичностью, так как потребление – это социальный процесс, который в существенной степени оказывает влияние на формирование социальной идентичности.

В ходе качественного социологического исследования было установлено, что молодые люди ориентированы на контроль расходов и предпочитают избегать необдуманных трат: *«Для меня покупки – это в первую очередь необходимость, а не какое-то средство самовыражения. Я вообще стараюсь избегать импульсивных трат и выбирать вещи, которые мне прослужат долго. Мне важно, чтобы каждая моя покупка была как-то обоснована»* (девушка, социолог, 4 курс); *«Я всегда стараюсь контролировать свои траты и не поддаваться на всякие маркетинговые штучки и уловки. Мне важно, чтобы покупки приносили какую-то пользу»* (юноша, социолог, 4 курс).

В качестве основных источников дохода молодые люди называли финансовую поддержку родителей, стипендию,

подработку, что свидетельствует о смешанном типе доходов студентов: сочетание собственного заработка и внешней поддержки [19]. Такая тенденция указывает на переходный этап экономической самостоятельности. В целом потребительское поведение участников исследования носило рациональный характер и способствовало самовыражению. Молодые люди отмечали важность функциональности и практичности вещей, которые они покупают, старались отказываться от импульсивных и брендовых покупок. Можно предположить, что для участников исследования характерны установки на бережливость и осознанность, своего рода прагматическая идентичность. Оценка покупок как способ транслировать миру свою идентичность, статус и вкусы свидетельствует о демонстративном типе поведения с самопрезентующей идентичностью. При этом выявленная ориентация на рациональность и контроль расходов не исключает символического измерения потребления. Даже в условиях доминирования прагматичных установок отдельные покупки могут выполнять функцию самопрезентации и выражения идентичности. Рациональная и символическая модели потребительского поведения в практиках студентов не противопоставляются, а сосуществуют и дополняют друг друга.

В качестве основных статей расходов студенты упоминали питание, проезд, покупку одежды, техники, развлечения. Расходы опрошенных выражают как жизненные приоритеты, так и идентификационные стратегии. *«Большая часть расходов у меня уходит на питание, транспорт и на книги. Я редко покупаю одежду и технику, так как выбираю такие вещи, которые мне еще долго придется менять. И при выборе я обращаю внимание на цену, но, конечно, не в ущерб качеству»* (юноша, 22 года, экономический факультет, 4 курс).

В качестве критериев пригодности к покупки были отмечены следующие качества: цена, функциональность, бренд,

стиль, фасон. Потребительское поведение студентов отличается рациональностью и символизмом: «качество и цена» – основные критерии для совершения покупки, однако для части студентов были отмечены «стиль и бренд».

В интервью практически все студенты отметили, что совершают символические покупки (16 из 17 опрошенных), следовательно, даже у прагматично ориентированных студентов есть вещи, которые несут в себе символический смысл. Такие вещи являются не только элементом имиджа, но и частью воспоминаний.

Анализ результатов интервью позволил установить 3 основные стратегии потребительского самопозиционирования студенческой молодежи: рационалисты, транслирующие образ осознанных, практичных людей; эстеты – образ стильных, успешных молодых людей; техноориентированных потребителей, для них техника и знания – это часть идентичности [20].

Таким образом, можно предположить, что потребительское поведение студенческой молодежи как вид экономического поведения отражает их ценности, жизненные стратегии и символизм. В зависимости от пола участников интервью отмечено, что юноши больше ориентированы на функциональность и статусность, а девушки чаще воспринимают одежду как инструмент самовыражения и коммуникации: «...мой рюкзак, который со мной уже много лет, мы многое с ним вместе прошли. И выбрал я его не из-за бренда, а из-за его функциональности. Этот рюкзак для меня стал таким неким символом разумного потребления и стабильности» (юноша 22 года, маркетинг, 3 курс; «... у меня есть дизайнерская сумка, которую я давно хотела. Она классно дополняет мои образы и символизирует определенный уровень жизни», девушка, 23 года, маркетинг, 3 курс). Выявленные гендерные различия носят тенденциозный характер и основаны на интерпретации качественных данных. Полученные выводы отражают особенности

восприятия и самопрезентации отдельных информантов и не претендуют на универсальность или статическое обобщение.

Полученные в ходе проведения исследования данные позволяют установить схожесть потребительских привычек студентов с ближайшим окружением и зависимость от профессиональной среды. Именно друзья чаще выступают в роли группы образца потребительской идентификации. Семья же, в свою очередь, является носителем традиционного или более рационального потребления, в отличие от потребительских стратегий информантов.

В то же время современные студенты следят за блогерами, модой, и покупки для них часто мотивированы визуальной привлекательностью [1] и актуальностью трендов [2]. Интерпретация ответов информантов показывает формирование микрогрупп с потребительскими стилями: модники, минималисты, айтишники, что указывает на ролевую и символическую функцию потребления: «В моей семье более практичный подход к покупкам. Родители считают, что лучше купить одну дорогую вещь и носить ее долго. С друзьями у нас схожие взгляды, мы вдохновляемся разными селебам и делимся друг с другом всякими находками» (юноша, 21 год, социолог, 3 курс); «Влияние соцсетей минимальное, но я часто смотрю обзоры на разную технику, сравниваю и потом уже принимаю решение о покупке» (девушка, 22 года, социолог, 3 курс).

Студенты, принявшие участие в интервью, считали, что сформированные потребительские привычки могут многое рассказать о вкусах, интересах, но они не являются единственными или универсальными критериями. Большинство студентов признавали, что покупки могут нести информацию о личности, но при этом относились к этому критически и подчеркивали важность контекста, мотивов покупок и возможной неоднозначно-

сти восприятия. Следует отметить, что все информанты осознавали принадлежность к определенным социальным группам и считали, что модель «*потребления служит для них инструментом самовыражения*».

Молодые люди отмечали произошедшие за последние годы изменения в своих потребительских привычках и их зависимость от ценностных установок. Студенты подчеркивали важность осознанности и рациональности, а также понимания собственных приоритетов в сфере потребления. Выявленная тенденция к рефлексивному потреблению связана с периодом взросления, расширением опыта и повышением финансовой ответственности [21].

Выводы

Анализ результатов, полученных в ходе качественного исследования, позволил установить влияние потребительского поведения на формирование социальной идентичности студенческой молодежи. Во-первых, потребительское поведение студенческой молодежи прослеживается в двух доминирующих моделях: рациональная / осознанная – ориентированная на качество, экономичность; имиджевая / символическая – мода, стиль, самовыражение через покупки. Во-вторых, на потребительское поведение молодых людей оказывает влияние социальное окружение (друзья, информационные ресурсы,

социальные сети). В-третьих, молодые люди идентифицируют себя с условными группами: минималисты, модники, технологичные потребители. Потребительские привычки в данном случае выступают в качестве инструмента символического самоопределения. В-четвертых, установлен переход практик потребительского поведения студентов от импульсивных покупок к контролю финансов.

Следует отметить, что проведенное исследование носит качественный, разведочный характер и не претендует на репрезентативность полученных результатов. Целью исследования являлось выявление смыслов, установок и моделей потребительского поведения студентов, а не количественное обобщение полученных данных. Анализ интервью осуществлялся путем тематической интерпретации высказываний информантов, что позволило выделить устойчивые стратегии и типы потребительского самопозиционирования. С учетом полученных в ходе исследования результатов представляется целесообразным направить организационные усилия образовательной среды вуза на развитие компетенций осознанного потребления и финансовой грамотности с целью формирования способности отличать социально навязанные желания от реальных потребностей, осознанно использовать образы, транслируемые в медиа, вырабатывать собственный стиль и модель потребления.

Список литературы

1. Федоров А. А. Анализ концепций потребительского общества // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 540–542. EDN HLTDNW
2. Якимова Е. В., Симонова О. А. Теория идентичности Э. Г. Эриксона: социологические аспекты. Брянск: Изд-во «Курсив», 2011. 196 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология: Реферативный журнал. 2012. № 4. С. 64–75.
3. Тюриков А. Г., Грызенкова Ю. В., Кунижева Д. А. О финансовой культуре студенческой молодежи // Социологические исследования. 2023. Т. 49, № 2. С. 143–149. <https://doi.org/10.31857/S013216250023451-9>
4. Бессчетнова О. В. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2 (106). С. 17–22.

5. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
6. Сидорова Т. Н. Потребительская идентичность как трансформация социальной идентичности // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2016. № 4 (04). С. 38–44.
7. Оломский А. А. Зарубежные подходы к изучению идентичности личности в психологии // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 января 2017 г. СПб.: Инновационный центр развития образования и науки, 2017. Вып. 4. С. 156–161. EDN YJQCBR
8. Полякова М. В., Харькова О. А. Зарубежные подходы к изучению понятия «идентичность» // Инновационная наука. 2019. № 7-8. С. 130–132.
9. Буланова М. Б. Neet-молодежь: методы и подходы к изучению // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2019. С. 13–22.
10. Avci H., Baams L., Kretschmer T. A systematic review of social media use and identity development in adolescents // *Adolesc. Res. Rev.* 2025. N 10 (2). P. 219–236. <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00251-1>
11. Субеев Р. Т., Коротаева Т. В. Феномен потребления в социологии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1 (77). С. 536–542.
12. Wilska T.-A., Holkkola M., Tuominen J. The role of social media in shaping young people's consumer identity // *Sage Open*. 2023. N 13 (2). P. 21582440231177030. <https://doi.org/10.1177/21582440231177030>
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
14. Карпова М. К., Мони́на М. А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 158–167.
15. Волкова А. Д., Иванова Н. Л., Патоша О. И. Социальная идентичность и предпочтения потребителей: исследование взаимосвязи (на примере продуктов питания отечественных производителей) // Национальный психологический журнал. 2021. № 4 (44). С. 39–52.
16. Кучеренко Е. А. Теория показного потребления Т. Веблена через призму концепции П. Бурдьё // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 101–103.
17. Бадараев Д. Д., Цыденов А. Б. Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект // Власть. 2024. № 2. С. 181–189.
18. Шабанова М. А. О социальном механизме становления новых потребительских практик в России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 14–25.
19. Власова О. А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 5–19.
20. Бородулина С. В. Потребление и идентичность (обзор теоретических подходов к взаимосвязи явлений) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 247–250. EDN RAPNEF
21. Доржиева И. Ц., Мисайлова В. В. Факторы потребительского поведения студенческой молодежи: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 23–25. <https://doi.org/10.24158/tpor.2017.5.4>. EDN YNEVAN

References

1. Fedorov A.A. Analysis of the Concepts of Consumer Society. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2022;(24):540–542. (In Russ.) EDN HLTDNW
2. Yakimova E.V., Simonova O.A. E.G. Erikson's Theory of Identity: Sociological Aspects. Bryansk: Kursiv Publishing House, 2011. 196 p. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11, Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11, Sociology: Abstract Journal*. 2012;(4):64–75. (In Russ.)
3. Tyurikov A.G., Gryzenkova Yu.V., Kunizheva D.A. On the Financial Culture of Student Youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2023;49(2):143–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250023451-9>
4. Besschetnova O.V. Value Orientations of Modern Student Youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2023;(2):17–22. (In Russ.)
5. Baudrillard J. The Consumer Society: Its Myths and Structures. Moscow: Respublika: Kul'turnaya Revolyutsiya; 2006. 268 p.
6. Sidorova T.N. Consumer Identity as a Transformation of Social Identity. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya = Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2016;(4):38–44. (In Russ.)
7. Olomsky A.A. Foreign Approaches to the Study of Personality Identity in Psychology. In: *Aktual'nye voprosy psikhologii i pedagogiki v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 11 yanvarya 2017 g. = Actual Issues of Psychology and Pedagogy in Modern Conditions: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, 11 January 2017*. Is. 4. Saint Petersburg: Innovatsionnyi tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki; 2017. P. 156–161. (In Russ.) EDN YJQCBR
8. Polyakova M.V., Kharkova O.A. Foreign Approaches to the Study of the Concept of Identity. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*. 2019;(7-8):130–132. (In Russ.)
9. Bulanova M.B. Neet Youth: Methods and Approaches to Study. In: *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XXII Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati professora L.N. Kogana. Ekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet = Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Materials of the XXII International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan*. Yekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet; 2019. P. 13–22. (In Russ.)
10. Avci H., Baams L., Kretschmer T. A systematic review of social media use and identity development in adolescents. *Adolesc. Res. Rev*. 2025;(10):219–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00251-1>
11. Subeev R.T., Korotaeva T.V. The Phenomenon of Consumption in Sociology. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki = Skif. Issues of Student Science*. 2023;(1):536–542. (In Russ.)
12. Wilska T.-A., Holkkola M., Tuominen J. The role of social media in shaping young people's consumer identity. *Sage Open*. 2023;(13):21582440231177030. (In Russ.) <https://doi.org/10.1177/21582440231177030>
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life Strategies of Young People: Realization of Expectations and Social Sentiments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
14. Karpova M.K., Monina M.A. Social networks as a special channel of individual self-presentation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2018;6(1):158–167. (In Russ.)

15. Volkova A.D., Ivanova N.L., Patosha O.I. Social Identity and Consumer Preferences: A Study of the Relationship (Based on the Example of Domestic Food Products). *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* = *National Psychological Journal*. 2021;(4):39–52. (In Russ.)
16. Kucherenko E.A. The Theory of Display Consumption by T. Veblen through the Prism of P. Bourdieu's Concept. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and Practice of Social Development*. 2013;(8):101–103. (In Russ.)
17. Badaraev D.D., Tsydenov A.B. Research on Social Identity in the Context of Digital Sociology: A Theoretical and Methodological Aspect. *Vlast'* = *Power*. 2024;(2):181–189. (In Russ.)
18. Shabanova M.A. On the Social Mechanism of the Emergence of New Consumer Practices in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Research*. 2016;(12):14–25. (In Russ.)
19. Vlasova O. A. The Sociology of Man by Irving Goffman: Personality as Resistance to the Social in the Theories of Stigmatization and Total Institutions. *Sotsiologicheskii zhurnal* = *Sociological Journal*. 2011;(4):5–19. (In Russ.)
20. Borodulina S.V. Consumption and Identity (Review of Theoretical Approaches to the Relationship of Phenomena). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Izvestiya of the Altai State University*. 2013;(2-1):247–250. (In Russ.) EDN RAPNEF
21. Dorzhieva I.Ts., Misailova V.V. Factors of Consumer Behavior of Student Youth: Sociological Analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(5):23–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.5.4>. EDN YNEVAH

Информация об авторах / Information about the Authors

Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: kalibri0304@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0250-2421

Tatyana N. Kameneva, Doctor of Sciences (Sociological), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: kalibri0304@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0250-2421

Рожко Анастасия Игоревна, студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российской Федерации, e-mail: r.nestea@list.ru, ORCID: 0009-0007-3109-3931

Anastasia I. Rozhko, Student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: r.nestea@list.ru, ORCID: 0009-0007-3109-3931

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 10100:349.6:621.039

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-247-258>

Концепция К. Поппера «трёх миров» в зеркале советского мультфильма «Полигон» (1977)

А. Д. Немцев¹, А. Л. Панищев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая научная статья посвящена анализу концепции «трёх миров» Карла Поппера применительно к содержанию советского мультипликационного фильма «Полигон» 1977 года. В статье отражена мысль об ответственности учёного за окружающих людей. В контексте современных возможностей науки тема этики учёного особенно актуальна.

Цель. Основной целью настоящего исследования является анализ и интерпретация концепции «трёх миров» Карла Поппера в контексте советского мультипликационного фильма «Полигон» 1977 года.

Задачами данной статьи являются: 1) анализ взаимосвязи «трёх миров» в учении К. Поппера в контексте мультфильма «Полигон»; 2) исследование этики учёного на примере мультфильма «Полигон».

Методология исследования включает философский анализ концепции Поппера, семиотический анализ элементов мультфильма и компаративный подход для установления связей между ними.

Результаты. Мультфильм «Полигон» представляет собой историю о создании «беспилотного» танка, способного читать мысли противника и реагировать на импульс страха. Физическое воплощение танка и его функционирование на полигоне рассматриваются как элементы Мира 1. Субъективные переживания персонажей – страх военных, горе изобретателя, замысел мести – интерпретируются как проявления Мира 2. Наиболее интересным аспектом является анализ искусственного интеллекта танка, его способности к «обучению» и принятию решений, а также самой идеи «совершенного оружия» и антивоенного послания фильма как составляющих Мира 3. В работе демонстрируется объективное знание, воплощенное в алгоритмах танка.

Выводы. Мультфильм «Полигон» предлагает богатый материал для иллюстрации и осмысления попперовской модели, особенно в части взаимодействия Мира 2 и Мира 3, а также автономности Мира 3.

Ключевые слова: мультфильм «Полигон»; К. Поппер; война; техника; человек; этика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Немцев А. Д., Панищев А. Л. Концепция К. Поппера «трёх миров» в зеркале советского мультфильма «Полигон» (1977) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 247–258. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-247-258>

Поступила в редакцию 19.12.2025

Принята к публикации 18.01.2026

Опубликована 27.02.2026

© Немцев А. Д., Панищев А. Л., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):247–258

Karl Popper's concept of "three worlds" in the mirror of the Soviet cartoon "Polygon" (1977)

Alexander D. Nemtsev, Aleksey L. Panishchev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Abstract

Relevance. This scientific article is devoted to the analysis of Karl Popper's concept of "three worlds" in relation to the content of the Soviet animated film "Polygon" from 1977. The article reflects the idea of a scientist's responsibility for the people around them. In the context of modern scientific capabilities, the topic of a scientist's ethics is particularly relevant.

Purpose. The main purpose of this research is to analyze and interpret Karl Popper's concept of "three worlds" in the context of the Soviet animated film "Polygon" from 1977. The objectives of this article are: 1) analysis of the relationship between the "three worlds" in the teachings of Karl Popper in the context of the cartoon "Polygon"; 2) study of the ethics of a scientist using the example of the cartoon "Polygon".

Methodology. includes a philosophical analysis of Popper's concept, a semiotic analysis of the elements of the cartoon, and a cThe research methodology includes a philosophical analysis of Popper's concept, a semiotic analysis of the elements of the cartoon, and a comparative approach to establish connections between them.

Results. The animated film "Polygon", directed by Anatoly Petrov and based on a short story by Sever Gansovsky, tells the story of the creation of an "unmanned" tank capable of reading enemy thoughts and responding to fear impulses. The physical embodiment of the tank and its functioning at the testing ground are considered elements of World 1. The characters' subjective experiences – the soldiers' fear, the inventor's grief, the plot for revenge – are interpreted as manifestations of World 2. The most interesting aspect is the analysis of the tank's artificial intelligence, its ability to "learn" and make decisions, as well as the very idea of a «perfect weapon» and the film's anti-war message as components of World 3. The work demonstrates how objective knowledge, embodied in the tank's algorithms and cultural products (the idea of a weapon, the anti-war narrative), can be autonomous and exert a causal influence on the physical world through mental states.

Conclusions. The cartoon "Polygon" offers rich material for illustrating and understanding Popper's model, particularly in regard to the interaction between World 2 and World 3, as well as the autonomy of World 3. The findings highlight the relevance of philosophical reflection on technological progress and the moral and ethical dilemmas presented in works of art. This article contributes to interdisciplinary research at the intersection of the philosophy of science, cultural theory, and animation, offering a new perspective for understanding classical philosophical concepts through the lens of art.

Keywords: cartoon "Polygon", K. Popper, war, technology, humanity, ethics.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Nemtsev A.D., Panishchev A.L. Karl Popper's concept of "three worlds" in the mirror of the Soviet cartoon "Polygon" (1977). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):247–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-247-258>

Received 19.12.2025

Accepted 18.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Философские концепции, несмотря на свою абстрактность, часто находят глубокое отражение в произведениях искусства, предлагая новые перспективы для их интерпретации и понимания. Мультипликация как форма художественного выражения обладает уникаль-

ной способностью визуализировать сложные идеи, делая их доступными для более широкой аудитории и одновременно обогащая их новыми смыслами. В данном исследовании мы обращаемся к одной из таких концепций – теории «трёх миров» Карла Поппера, выдающегося философа XX века, и ее потенциальному

проявлению в советском антивоенном мультфильме «Полигон» 1977 г.

Концепция «трех миров» Поппера, представленная в его поздних работах, является попыткой решить психофизическую проблему и обосновать объективный статус научного знания. Поппер выделяет: Мир 1 – мир физических объектов и состояний (материальная реальность); Мир 2 – мир субъективных переживаний, психических и ментальных состояний (сознание); Мир 3 – мир объективного знания, продуктов человеческого духа, таких как научные теории, гипотезы, художественные произведения, языки и институты. Эти миры взаимосвязаны: Мир 1 порождает Мир 2; Мир 2 создает Мир 3; Мир 3, хотя и является продуктом человеческой деятельности, приобретает определенную автономию и может влиять на Мир 1 через Мир 2.

Мультфильм «Полигон» (1977) режиссера Анатолия Петрова, основанный на антивоенном рассказе Севера Гансовского, представляет собой научно-фантастическую притчу о танке, способном читать мысли и реагировать на страх противника. Этот фильм, созданный в период идеологического противостояния, несет в себе глубокое антивоенное послание и поднимает вопросы об ответственности ученых, природе насилия и последствиях технологического прогресса. Сочетание сложной философской теории и глубокого художественного произведения создает благодатную почву для междисциплинарного анализа, который может обогатить наше понимание как самой концепции Поппера, так и смысловых слоёв мультфильма.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, концепция «трёх миров» Карла Поппера остаётся важной в современной философии, эпистемологии и философии сознания, предлагая нередукционистский подход к пониманию реальности и объективности знания. Её применение к конкретным художественным произведени-

ям позволяет продемонстрировать универсальность и применимость философских идей за пределами академического дискурса. Во-вторых, мультфильм «Полигон» является значимым произведением советской анимации, известным своей художественной выразительностью и глубоким философским содержанием. В контексте постоянно развивающихся технологий и возрастающих угроз, связанных с автономными системами и искусственным интеллектом, антивоенное послание «Полигона» и его этические дилеммы приобретают особую остроту, делая его предметом постоянного переосмысления. Актуальность темы машинного управления, искусственного интеллекта в контексте взаимодействия техносферы с человеком особенно значима для современного человечества. «Полноту человекообразности... можно оценить через осмысление уровня антропологической адекватности новых достижений технонауки, в частности цифровых технологий, которые определяют современный этап развития общества» [1, с. 158]. Несмотря на то, что категория техники исследуется уже давно, уточнения в данном направлении не окончены [2, с. 401]. Наконец, искусственный интеллект постепенно занимает определённое место в обществе, влияя на его социальные институты [3, с. 280-281]. В-третьих, междисциплинарный подход, объединяющий философию и анализ анимационного искусства, способствует расширению границ обоих полей, предоставляя новые инструменты для интерпретации культурных феноменов и углубления философских размышлений. Здесь ставится вопрос о новом стиле мышления, в котором технологичность совмещалась бы с антропологичностью. Взаимодействие между людьми и машинами уже обозначилась как неизбежная перспектива в развитии человечества, что на фоне развития искусственного интеллекта становится проблемой в общем развитии людей [4, с. 9]. «Современная эпоха требует новой раци-

ональности, нового образа мышления, релевантного в условиях непрерывно меняющегося и усложняющегося мира» [5, с. 361]. Все эти обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности данной темы.

Целью данного исследования является выявление и интерпретация проявлений этих «трёх миров» в сюжете, персонажах и основной идее мультфильма «Полигон», который, будучи создан в разгар холодной войны, поднимает глубокие философские вопросы о природе войны, технологического прогресса и человеческой ответственности.

Научная новизна данного исследования заключается в предложении оригинального междисциплинарного подхода к интерпретации мультфильма «Полигон» через призму концепции «трёх миров» Карла Поппера. Несмотря на признанную философскую глубину как концепции Поппера, так и самого мультфильма, систематический анализ их взаимосвязи до сих пор не проводился. Впервые предпринимается попытка детально соотнести конкретные элементы анимационного произведения (танк как физический объект, страх и намерения персонажей, алгоритмы ИИ, антивоенная идея) с категориями Мира 1, Мира 2 и Мира 3. Это позволяет не только углубить понимание смысловых слоёв «Полигона», но и продемонстрировать эвристический потенциал концепции Поппера для анализа культурных феноменов, выходящих за рамки традиционной философии науки. Исследование расширяет горизонты интерпретации советской анимации, показывая, как она могла затрагивать сложнейшие онтологические и эпистемологические вопросы, и способствует развитию дискуссии о философских основаниях искусственного интеллекта и этике технологического развития в художественном контексте.

Исследование концепции «трёх миров» Карла Поппера имеет богатую традицию в философской литературе. Поппер

представил свою теорию в конце 1960-х годов, развивая её в таких работах, как «Объективное знание: эволюционный подход». Основные положения концепции детально изложены в работах самого Поппера и многочисленных комментариях к ним. К. Поппер выдвинул гипотезу трёх миров: Мир физических объектов и состояний, Мир психических и ментальных состояний сознания и Мир объективного знания, включающий содержание научных гипотез, литературные произведения и другие, независимые от субъективного восприятия объекты¹. Н. С. Юлина в своей работе «Философия Карла Поппера» подчёркивает, что концепция «трёх миров» была создана Поппером для решения проблемы отношения между духовным и телесным, а также для обоснования роста научного знания, возникавшего в дискуссиях 60-70-х годов XX века [6]. Она описывает Мир 1 как физические сущности, Мир 2 как мир духовных состояний, включая сознание, и Мир 3 как мир содержания мышления и продуктов человеческого духа.

В статье «Концепция трех миров Карла Поппера в научной теологии Алистера Макграта» А. Б. Невсеев также приводит эту классификацию, уточняя, что Мир 3 – это мир объективного знания, которое не зависит от субъективных особенностей и существует вне субъекта знания [7]. Поппер сам пояснял, что Мир 3 «полностью реален, поскольку мы можем воздействовать на него» и «объекты мира 3 могут действовать на мир 1» через Мир 2. Важно отметить, что Поппер признавал сходство своего Мира 3 с платоновским миром идей, однако настаивал на том, что Мир 3 является творением человека и не является статичным или божественным. Объективность и автономность Мира 3 по отношению к инди-

¹ What Are Karl Popper's Three Worlds? // TheCollector. URL: <https://www.thecollector.com/karl-popper-three-worlds/> (дата обращения: 14.11.2025).

видуальному субъекту являются центральными характеристиками. При этом, как отмечает Г. Д. Левин в статье «Проблема «Третьего мира» в современной эпистемологии», Поппер не считает себя первооткрывателем «третьего мира», приписывая эту честь Платону [8]. Критика концепции Поппера также существует, затрагивая вопросы ее легитимности и возможности существования мира, созданного человеком, но полностью независимого от человеческого разума.

Систематических исследований, непосредственно связывающих сюжетные и идейные аспекты «Полигона» с концепцией «трёх миров» Карла Поппера, в доступной литературе не обнаружено. Данная работа призвана заполнить этот пробел, предложив оригинальную философскую интерпретацию мультфильма. Также в контексте данного исследования имеет смысл обратиться к трудам, посвящённым этическим аспектам в области применения искусственного интеллекта и машинного обучения [9].

Материалы и методы

Настоящее исследование строится на принципах философского анализа, герменевтической интерпретации и компаративного метода. В первую очередь будет проведён детальный концептуальный анализ теории «трех миров» Карла Поппера с целью точного определения содержания каждого мира и характера их взаимодействия, опираясь на первоисточники и авторитетные комментарии. Параллельно будет осуществлён семиотический анализ мультфильма «Полигон», включающий разбор его сюжетной линии, образов персонажей (изобретатель, генерал, танк), ключевых символов (остров, оружие, страх) и художественных приёмов (фотографика, музыка). Основным методом станет компаративный анализ, направленный на выявление структурных и содержательных параллелей между элементами мультфильма и

категориями попперовских миров. Это позволит не просто констатировать наличие сходств, но и глубоко интерпретировать, как художественные образы «Полигона» могут иллюстрировать и даже обогащать философскую концепцию, а также как концепция Поппера помогает раскрыть новые смысловые грани мультфильма.

Результаты и их обсуждение

В мультфильме Мир 1 представлен осязаемыми, материальными элементами. Центральное место здесь занимает сам «беспилотный» танк – сложная механическая конструкция, созданная человеком. Его физические характеристики: броня, пушка, гусеницы, способность передвигаться по пересеченной местности – это чистые объекты Мира 1. Также к Миру 1 относится тропический остров, на котором происходят испытания, военный корабль, солдаты, их вооружение (снаряды, ракеты), а также разрушения, вызванные действиями танка, – горящий корабль, взрывы. Эти объекты и их физические взаимодействия формируют базовую, наблюдаемую реальность мультфильма. Техника «фотографики», использованная в анимации, усиливает реалистичность и осязаемость этих физических объектов, делая их почти материальными для зрителя. Здесь важно учесть то, что «научное знание, имеющее корни в эмпирических данных, является независимым от общества или социальной группы. Социальное происхождение научного знания почти не связано с его содержанием, ибо последнее определено лишь природой самого физического мира» [10, с. 314]. И в мультфильме человек исследует свои идеи, фиксирует их научность через реализацию этих знаний в предметном мире. Однако источник знаний тут не столько в физическом бытии, сколько в разуме человека, из которого он, подобно декартовскому «пауку», извлекает матери-

ал для научного роста. Отсюда мы переходим к Миру 2.

Мир 2 в «Полигоне» проявляется через богатый спектр субъективных переживаний и ментальных состояний персонажей. Наиболее ярко это демонстрируется через несколько эмоций: 1) страх: ключевой элемент сюжета – танк реагирует на импульс страха противника. Этот страх, будь то у военных, осознающих свою уязвимость, или у капитана корабля, опасającego неизвестного, является чистым проявлением Мира 2. Танк, по сути, «считывает» эти ментальные состояния; 2) эмоции и намерения военных: планы по модернизации вооружений, желание превосходства, жадность, цинизм, сожаления генерала о потере колоний – все это относится к Миру 2. Эти внутренние состояния определяют их действия и решения; 3) горе и месть изобретателя: трагедия изобретателя, потерявшего сына на войне, и его последующий замысел создания «умного» оружия, которое в итоге обращается против его создателей, является глубоким проявлением Мира 2. Его воспоминания о сыне, его боль и стремление отомстить – это субъективные ментальные состояния.

Хотя танк не обладает сознанием в человеческом смысле, его способность «читать мысли» и «улавливать биотоки» противника, а также реагировать на них можно интерпретировать как метафорическое взаимодействие с Миром 2. Он обрабатывает информацию, которая исходит из ментальных состояний других существ.

Мир 3 представлен в мультфильме наиболее многогранно. Идея «беспилотного» танка и его алгоритмы: сама концепция танка, способного читать мысли, является продуктом человеческого интеллекта. Алгоритмы, заложенные в его систему, обеспечивающие его способность к обороне и атаке, представляют собой объективное знание, которое существует независимо от конкретного изобретателя или военного. Эти алгоритмы, будучи записанными и реализованными, становятся частью Мира 3.

Научные гипотезы и инженерные решения: процесс создания танка, включающий теоретические разработки, инженерные чертежи, испытания и усовершенствования, относится к Миру 3. Это объективные знания и методы, которые могут быть переданы, изучены и развиты другими.

Антивоенное послание и этические дилеммы: главная идея мультфильма – предупреждение об опасностях войны, бессмысленности насилия и этической ответственности за создание смертоносного оружия – является частью Мира 3. Это объективное содержание мысли, которое существует в культурном пространстве, передается от поколения к поколению и формирует общественное сознание. Сюда же относятся проблемы, которые поднимает мультфильм, например, проблема того, что оружие, созданное для защиты, может обернуться против своих создателей.

Сам мультфильм «Полигон» как художественное произведение является объектом Мира 3. Его сюжет, символы, антивоенная идея, режиссёрские решения – все это объективное содержание, доступное для интерпретации и анализа, независимо от субъективных переживаний его создателей или зрителей.

Взаимодействие миров проявляется в том, что идеи (Мир 3) о создании совершенного оружия, рождённые в сознании изобретателя (Мир 2) и военных (Мир 2), воплощаются в физический объект (Мир 1) – танк. Этот танк, в свою очередь, через свою способность «читать» страх (Мир 2) военных действует в Мире 1, уничтожая их корабль. Таким образом, Мир 3 (идея оружия и его алгоритм) влияет на Мир 1 (физическое разрушение) через посредство Мира 2 (страх).

Анализ мультфильма «Полигон» через призму концепции «трёх миров» Карла Поппера демонстрирует не только применимость этой философской рамки к произведениям искусства, но и раскрывает дополнительные слои смысла в самом мультфильме. Центральным в дискуссии

является вопрос о взаимодействии этих миров, особенно о том, как Мир 3, будучи продуктом человеческого разума, приобретает автономию и оказывает причинное воздействие на Мир 1 через Мир 2.

Танк в «Полигоне» – это не просто физический объект (Мир 1). Его уникальность заключается в заложенном в нем алгоритме, который позволяет ему «читать мысли» и реагировать на страх. Этот алгоритм как форма объективного знания принадлежит Миру 3. Он был создан изобретателем (Мир 2), но после создания обрёл определённую независимость. Танк действует не по прямому приказу, а в соответствии с заложенной в него логикой, которая предписывает ему атаковать при обнаружении импульса страха. Это иллюстрирует попперовскую идею о том, что объекты Мира 3, хотя и созданы человеком, могут развиваться по своим собственным законам и даже превосходить намерения своих создателей.

Субъективные состояния военных (Мир 2) – их страх, жажда власти, агрессивные намерения – являются топливом для функционирования танка. Именно эти ментальные импульсы активируют его алгоритмы (Мир 3), которые, в свою очередь, приводят к физическим действиям (Мир 1) – уничтожению корабля. Таким образом, мультфильм наглядно демонстрирует, как субъективные переживания могут быть «считаны» и обработаны объективным знанием, а затем воплощены в материальной реальности. Это подчеркивает неразрывную связь между мирами и показывает, что даже самые абстрактные идеи могут иметь катастрофические последствия в физическом мире.

Важным аспектом является антивоенное послание мультфильма, которое также относится к Миру 3. Идея о том, что оружие может обернуться против своих создателей, является объективным знанием, которое существует в культуре, передаётся через произведения искусства и служит предостережением. Эта идея,

будучи частью Мира 3, стремится повлиять на Мир 2 (изменить сознание людей, их отношение к войне) и, как следствие, на Мир 1 (предотвратить создание и применение подобного оружия). Мультфильм, таким образом, сам является активным элементом Мира 3, который, как и научные теории, призван критически осмысливать реальность и предлагать пути её улучшения.

Безусловно, если следовать строго учению К. Поппера, то автономность Мира 3 является условной, так как он происходит от взаимодействия между Мирами 1 и 2. Некоторые исследователи воззрений К. Поппера считают, что «автономия «Мира 3» заключается не в том, что знание существует само по себе, но в том, что знание одного отдельного индивида может его пережить, будучи передано следующим поколениям» [11, с. 201]. Тем не менее в мультфильме «Полигон», события которого локализованы далёким островом, не факт, что технология, пережившая своего создателя, будет передана следующим поколениям, но при этом она живёт своей жизнью, воздействуя на окружающий мир (это показано в конце мультфильма на примере крейсера). «Судить о существовании и развитии "трёх миров" мы можем только путём усвоения и переработки их информационной составляющей, присутствие которой является сигналом о наличии пространственно-временной организации универсума» [12, с. 316]. В мультфильме искусственно смоделировано такое пространство, в котором зрителю удобно увидеть взаимодействия между этими тремя мирами. В реальной жизни не факт, что человечество осознает результаты взаимодействий Мира 1 и Мира 2 и, следовательно, сможет осознать Мир 3.

Существуют и потенциальные ограничения сопоставления этих трёх миров. Концепция Поппера в первую очередь ориентирована на философию науки, и её применение к художественным произведениям требует определённой метафори-

ческой интерпретации. Например, «сознание» танка, способного «читать мысли», является художественным приёмом, а не прямым аналогом человеческого сознания (Мира 2). Тем не менее эта метафора эффективно служит для иллюстрации того, как объективные системы (Мир 3) могут взаимодействовать с субъективными состояниями (Мир 2) и оказывать влияние на физический мир (Мир 1).

Для русской культуры, тем более развивающийся в советский период, данный мультфильм важен и с позиции справедливости. Тем более что месть учёного была объективной, но не могла быть однозначно признанной справедливой. Тут важно учесть, что «социальная справедливость оказывается в зависимости от институциональной эволюции человечества, в которой справедливость не всегда очевидна» [13, с. 40]. Смерть военнослужащих ничего не исправила, а лишь более рельефно обнаружила пороки капиталистического общества.

Также учтём то, что мультфильм «Полигон» был создан в советском контексте, где философские идеи часто были подчинены идеологическим целям. Антивоенная тематика, хотя и универсальна, могла иметь специфические коннотации. Однако концепция Поппера с её акцентом на объективность знания и критический рационализм предлагает универсальный инструмент для анализа, который позволяет выйти за рамки идеологических интерпретаций и сосредоточиться на фундаментальных философских вопросах. Таким образом, «Полигон» становится не просто антивоенной агиткой, а глубоким размышлением о природе знания, сознания и их материальных воплощений. Тема этики учёного в мультфильме также занимает важное место, главный герой не соответствует моральным качествам, которые должны быть свойственными коллективу учёных [14, с. 47], за что пострадали и окружающие люди, и он сам. Тема социальной ответственности является для учёного

принципиально значимой, причём в контексте его личных переживаний, индивидуального восприятия [15, с. 348].

Исследование концепции «трёх миров» Карла Поппера в контексте советского мультипликационного фильма «Полигон» 1977 года позволило не только продемонстрировать глубокую философскую насыщенность этого анимационного произведения, но и подтвердить эвристический потенциал попперовской онтологической модели для анализа культурных феноменов. Мультфильм, изначально задуманный как антивоенная притча, раскрывается как многослойное повествование, в котором чётко прослеживаются взаимосвязи между физической реальностью, субъективными переживаниями и объективным знанием.

Выводы

Мы установили, что Мир 1 в «Полигоне» представлен осязаемыми физическими объектами: самым танком как высокотехнологичной машиной, островом-полигоном, военным кораблём и актами физического разрушения. Эти элементы формируют материальный фон, на котором разворачиваются события и проявляются взаимодействия других миров. Техника «фотографики» усиливает их реалистичность, делая их практически тактильными для восприятия зрителя.

Мир 2, мир субъективных психических состояний, играет решающую роль в сюжете. Страх военных, являющийся ключевым триггером для танка, а также их амбиции, цинизм, горе и месть изобретателя – все это яркие проявления ментальной сферы. Мультфильм наглядно демонстрирует, как эти внутренние состояния, будучи невидимыми, оказывают прямое влияние на ход событий, выступая в роли посредника между объективным знанием и физическим миром. Способность танка «считывать» эти импульсы страха подчёркивает его метафорическую связь с Миром 2.

Наиболее глубокие и сложные аспекты исследования связаны с Миром 3 – миром объективного знания и продуктов человеческого духа. К нему относятся не только технические алгоритмы, заложенные в танк, позволяющие ему функционировать и «принимать решения», но и сама идея создания такого «совершенного оружия». Важно подчеркнуть, что антивоенное послание мультфильма, его морально-этические дилеммы и предостережения о последствиях бесконтрольного технологического развития также являются неотъемлемой частью Мира 3. Эти идеи, будучи объективными культурными конструктами, обладают автономией и способны влиять на коллективное сознание (Мир 2) и, как следствие, на материальный мир (Мир 1), формируя отношение общества к войне и технологиям. Таким образом, сам мультфильм «Полигон» выступает как мощный объект Мира 3, который несёт в себе критическую рефлексию и стимулирует философские размышления.

Взаимодействие «трёх миров» в «Полигоне» является динамичным и многомерным. Идея (Мир 3) создания «умного» танка, рождённая в сознании изобретателя (Мир 2), воплощается в физическом объекте (Мир 1). Этот физический объект, руководствуясь заложенными в него алгоритмами (Мир 3), реагирует на страх военных (Мир 2), что приводит к физическому уничтожению (Мир 1). Этот цикл наглядно иллюстрирует попперовскую модель, где Мир 3, хотя и является творением человека, приобретает соб-

ственную логику развития и может воздействовать на Мир 1 через посредство Мира 2.

Результаты исследования подтверждают, что «Полигон» – это не просто развлекательный или пропагандистский фильм, а произведение искусства, глубоко укоренённое в философских вопросах онтологии, эпистемологии и этики. Анализ через призму концепции Поппера позволяет зрителю и исследователю выйти за рамки поверхностного восприятия и осмыслить более фундаментальные аспекты человеческого существования, технологического прогресса и ответственности.

Данное исследование открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных работ. Можно рассмотреть, как другие философские концепции могут быть применены к анализу советской и мировой анимации, особенно той, что затрагивает темы искусственного интеллекта, войны и общества. Также интересно было бы исследовать эволюцию представления о трёх мирах в искусстве в разные исторические периоды и культурные контексты. В конечном итоге такие исследования способствуют углублению нашего понимания как философии, так и искусства, демонстрируя их неразрывную связь в поиске ответов на вечные вопросы бытия. Выводы исследования подчеркивают актуальность философского осмысления технологического прогресса и морально-этических дилемм, представленных в художественных произведениях.

Список литературы

1. Асеева И. А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // *Общественные науки и современность*. 2022. № 5. С. 156–164. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050082>. EDN FAWKAU
2. Асеева И. А., Белкина В. А. Техносфера: философские концепты, тенденции развития и практические вызовы // *Современные исследования социальных проблем*. 2022. Т. 14, № 4. С. 399–415. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-399-415>. EDN GXLVEL
3. Асеева И. А. Социальные роли искусственного интеллекта. Часть 1. Этика человеко-машинного взаимодействия в личной и государственной сферах // *Известия Юго-Западного*

государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 278–286. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-278-286>. EDN NFHKKT

4. Асеева И. А. Проблема человеко-машинного взаимодействия в исследовательских практиках // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки: сборник статей 8-й Международной научной конференции молодых ученых, г. Курск, 22 мая 2025 года. Курск: Университетская книга, 2025. С. 9–10. EDN CPNPGW

5. Малкин В. Р. Научная рациональность: этапы эволюции // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты: сборник статей 4-й Международной научной конференции молодых ученых, г. Курск, 17 мая 2024 года. Курск: Университетская книга, 2024. С. 359–364. EDN WRSMYJ

6. Юлина Н. С. Философия Карла Поппера // Философия науки. 1995. Т. 1, № 1. С. 8–25. EDN UJHWFV

7. Невеев А. Б. Концепция трех миров Карла Поппера в научной теологии Алистера Макграта // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 1. С. 240–247. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.19.1.021>. EDN CPSCJW

8. Левин Г. Д. Проблема «Третьего мира» в современной эпистемологии // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. № 39 (1). С. 96–110.

9. Катунина Н. С. Этические и правовые ограничения искусственного интеллекта в современном обществе // Гуманитарные ведомости Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого. 2024. Т. 2, № 3 (51). С. 120–127. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2024-3-2-120-127>. EDN BKNXNP

10. Ушакова Г. П., Клемянич Карл Д. Ю. Поппер: Критика стандартной концепции науки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1 (3). С. 313–321. EDN HQTFTS

11. Белоногов И. Н. Теория «трех миров» Карла Поппера на пути к реализму. Онтологический статус «Третьего мира» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 199–205. EDN YXIJNP

12. Дятел Е. П. Мир объективного знания и социально-экономическая реальность (К. Поппер & К. Маркс) // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16, № 3-2. С. 311–332. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.3.2-311-332>. EDN RHNEAW

13. Лойко А. И. Концепт справедливости в структуре социальной этики: институциональный подход // Проблемы социальной справедливости и современный мир: материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, г. Череповец, 24–26 марта 2016 года / под редакцией: О. В. Козловой (отв. ред.), А. Е. Новикова, Н. В. Алексеевой. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2016. С. 40–44. EDN WGKTCZ

14. Панищев А. Л. Методология и история теологии. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2021. 242 с.

15. Ермолаева С. А. Социальная ответственность ученого // Знания молодых – будущее России: сборник статей XXI Международной студенческой научной конференции. Киров, 05–07 апреля 2023 года. Киров: Вятский государственный агротехнологический университет, 2023. Ч. 5. С. 347–351. EDN CBYHMG

References

1. Aseeva I.A. Anthropological Adequacy as an Indicator of the Human Dimension of Digitalization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2022;(5):156–164. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050082>. (In Russ.) EDN FAWKAU

2. Aseeva I.A., Belkina V.A. Technosphere: Philosophical Concepts, Development Trends, and Practical Challenges. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Research of Social*

Problems. 2022;14(4):399–415. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-399-415>. EDN GXLVEL

3. Aseeva I.A. Social Roles of Artificial Intelligence. Part 1. Ethics of Human-Machine Interaction in the Personal and Public Spheres. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2022;12(5):278–286. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-278-286>. EDN NFHKKT

4. Aseeva I.A. The Problem of Human-Machine Interaction in Research Practices. In: *Istoricheskie, filosofskie, metodologicheskie problemy sovremennoi nauki: sbornik statei 8-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, g. Kursk, 22 maya 2025 goda = Historical, Philosophical, and Methodological Problems of Modern Science: Collection of Articles from the 8th International Scientific Conference of Young Scientists, 22 May 2025, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2025. P. 9–10. (In Russ.) EDN CPNPGW

5. Malkin V.R. Scientific Rationality: Stages of Evolution. *Aktual'nye problemy so-vremennoi nauki: istoricheskie, filosofskie, metodologicheskie aspekty: sbornik statei 4-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, Kursk, 17 maya 2024 goda = Actual Problems of Modern Science: Historical, Philosophical, and Methodological Aspects: Collection of Articles from the 4th International Scientific Conference of Young Scientists, 17 May 2024, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2024. P. 359–364. (In Russ.) EDN WRSMYJ

6. Yulina N.S. Karl Popper's Philosophy. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*. 1995;1(1):8–25. (In Russ.) EDN UJHWFB

7. Nieveev A.B. The Concept of Three Worlds by Karl Popper in the Scientific Theology of Alister McGrath. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2020;21(1):240–247. (In Russ.) <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.19.1.021>. EDN CPSCJW

8. Levin, G.D. The Problem of the "Third World" in Modern Epistemology. *Epistemology & Philosophy of Science = Epistemology & Philosophy of Science*. 2014;(39):96–110. (In Russ.)

9. Katunina N.S. Ethical and Legal Restrictions of Artificial Intelligence in Modern Society. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni L.N. Tolstogo = Humanitarian Bulletin of the Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy*. 2024;2(3):120–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2024-3-2-120-127>. EDN BKNXNP

10. Ushakova G.P., Klemyatich Karl D.Yu. Popper: Criticism of the Standard Concept of Science. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2004;(1):313–321. (In Russ.) EDN HQTFTS

11. Belonogov I.N. The Theory of the Three Worlds by Karl Popper on the Way to Realism. The Ontological Status of the Third World. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2018;8(1):199–205. (In Russ.) EDN YXIJHP

12. Dyatel E.P. The world of objective knowledge and socio-economic reality (K. Popper & K. Marx). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2024;16(3-2):311–332. (In Russ.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.3.2-311-332>. EDN RHNEAW

13. Loiko A.I. The Concept of Justice in the Structure of Social Ethics: An Institutional Approach. In: Kozlova O.V. (eds.). *Problemy sotsial'noi spravedlivosti i sovremennyi mir: materialy VI Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Cherepovets, 24–26 marta 2016 goda = Problems of Social Justice and the Modern World: Proceedings of the 6th All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference, 24–26 March*

2016, *Cherepovets*. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet; 2016. P. 40–44. (In Russ.) EDN WGKTCZ

14. Panishchev A.L. Methodology and History of Theology. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M; 2021. 242 p. (In Russ.)

15. Ermolaeva S.A. Social Responsibility of a Scientist. In: *Znaniya molodykh – budushchee Rossii: sbornik statei XXI Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii = Knowledge of the Young – the Future of Russia: Collection of Articles of the XXI International Student Scientific Conference, 05–07 April 2023, Kirov*. Kirov: Vyatka State University of Agrotechnology, 2023. P. 347–351. Pt. 5. (In Russ.) EDN CBYHMG

Информация об авторах / Information about the Authors

Немцев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: aleksn3@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-2488-2595

Alexander D. Nemtsev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: aleksn3@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-2488-2595

Панищев Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Alexeipl1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4327-1225

Aleksey L. Panishchev, Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, Professor at the Russian Academy of Natural Sciences, Associate Professor at the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Alexeipl1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4327-1225

Оригинальная статья / Original article

УДК 17.025 (0.91)

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Страх смерти и духовное пробуждение: экзистенциальная трансформация личности в религиозной философии Л. Н. Толстого

Н. В. Волохова¹ ✉, Н. В. Воробьев¹

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Проблема страха смерти и духовного пробуждения личности занимает центральное место в религиозно-философском наследии Л. Н. Толстого и сохраняет актуальность в условиях современного кризиса ценностей и смыслов. Обращение к экзистенциальному опыту, лежащему в основе толстовской антропологии, позволяет по-новому осмыслить природу человеческой свободы, ответственности и ненасилия как альтернативы социальному и идеологическому насилию.

Цель – осмыслить роль страха смерти в формировании философско-религиозной антропологии Л. Н. Толстого и выявить механизмы духовного пробуждения личности в его религиозной философии.

Задачи: выявить значения экзистенциального переживания смерти в мировоззренческом кризисе Толстого, анализе противопоставления «животной» и «духовной» жизни, раскрытии роли внутреннего нравственного закона любви в преодолении страха смерти, а также в определении связи этих идей с формированием толстовской этики ненасилия.

Методология. В качестве методологической основы использовались исторический, компаративистский методы и критический анализ. Системный подход позволил рассмотреть учение Толстого о смерти и духовном преображении как целостную философско-антропологическую концепцию; метод историко-философской реконструкции был применён для выявления эволюции взглядов мыслителя; герменевтический подход обеспечил смысловой анализ и интерпретацию ключевых текстов.

Результаты. Установлено, что страх смерти у Толстого выступает ключевым экзистенциальным импульсом, инициирующим духовную трансформацию личности. Показано, что преодоление страха достигается через переход к духовной жизни, основанной на любви, совести и отказе от насилия.

Вывод. Экзистенциальное осмысление смерти является системообразующим элементом религиозной философии Толстого и определяет его понимание человека как существа, способного к внутреннему нравственному пробуждению и духовной свободе.

Ключевые слова: страх смерти; духовное пробуждение; экзистенциальная философия; религиозная антропология; духовная жизнь; нравственное самопознание; смысл жизни.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Волохова Н. В., Воробьев Н. В. Страх смерти и духовное пробуждение: экзистенциальная трансформация личности в религиозной философии Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 259–269. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Поступила в редакцию 11.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Ontological crisis and epistemological reflection: cognitive practices of the precariat in conditions of fragmentation

Natalia V. Volokhova¹ ✉, Nikita V. Vorobyov¹

¹ Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. The problem of the fear of death and spiritual awakening of the individual occupies a central place in the religious and philosophical heritage of Leo Tolstoy and remains relevant in the context of the contemporary crisis of values and meanings. Turning to the existential experience underlying Tolstoy's anthropology makes it possible to reconsider the nature of human freedom, responsibility, and nonviolence as an alternative to social and ideological violence.

The purpose is to analyze the role of the fear of death in the formation of Leo Tolstoy's philosophical and religious anthropology and to identify the mechanisms of spiritual awakening of the individual in his religious philosophy.

Objectives: include identifying the significance of the existential experience of death in Tolstoy's worldview crisis, analyzing the opposition between «animal» and «spiritual» life, revealing the role of the internal moral law of love in overcoming the fear of death, as well as determining the connection of these ideas with the formation of Tolstoy's ethics of nonviolence.

Methodology. The methodological basis of the study includes historical and comparative methods, as well as critical analysis.

Results. It is established that the fear of death in Tolstoy's philosophy acts as a key existential impulse initiating the spiritual transformation of the individual. It is shown that overcoming this fear is achieved through the transition to a spiritual mode of life based on love, conscience, and the rejection of violence.

Conclusion. The existential comprehension of death constitutes a system-forming element of Tolstoy's religious philosophy and determines his understanding of the human being as a creature capable of inner moral awakening and spiritual freedom.

Keywords: fear of death; spiritual awakening; existential philosophy; religious anthropology; spiritual life; moral self-knowledge; meaning of life.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volokhova N.V., Vorobyov N.V. The fear of death and spiritual awakening: the existential transformation of personality in L.N. Tolstoy's Religious Philosophy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):259–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Received 11.12.2025

Accepted 10.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Религиозная философия Л. Н. Толстого складывается как результат глубокого духовного кризиса и напряжённого поиска ответов на предельные вопросы человеческого существования. В центре его размышлений находится проблема жизни и смерти, рассматриваемая не в догматическом или теологическом смысле, а как

внутренняя духовная реальность, определяющая отношение человека к Богу, миру и самому себе. Для Толстого религия не является системой вероучительных положений или внешним институтом; она выступает прежде всего как живой опыт внутреннего соединения человека с божественным началом и как путь нравственного преображения личности.

Проблема смысла жизни в религиозной философии Толстого неотделима от осмысления смерти. Именно осознание конечности индивидуального существования разрушает иллюзии, связанные с земным благополучием, социальной успешностью и внешней праведностью. В своих философских трактатах и художественных произведениях Толстой неоднократно подчёркивает, что без осознания смерти невозможно подлинное религиозное пробуждение. Он приходит к выводу, что жизнь человека, понимаемая в религиозном измерении, есть стремление к благу, выходящему за пределы телесного и временного существования: «Жизнь человека есть стремление к благу» [1, т. 26, с. 369]. Однако это стремление неизбежно сталкивается с трагическим фактом смертности личности, что и порождает внутренний конфликт, лежащий в основе религиозного поиска.

Толстой обращает внимание на то, что человеческий разум изначально устремлён к поиску такого блага, которое не уничтожалось бы ни борьбой между людьми, ни страданиями, ни смертью [1, т. 2, с. 267]. В религиозной философии писателя это стремление приобретает форму поиска Бога как высшего смысла и основания жизни. При этом Бог мыслится не как внешняя трансцендентная сила, а как внутренний закон любви и разума, присутствующий в каждом человеке. Религиозная истина, по Толстому, не навязывается извне и не утверждается авторитетом традиции, а раскрывается через личный духовный опыт, связанный с преодолением страха смерти и внутреннего раздвоения.

Важнейшим элементом религиозной философии Толстого является различие между плотской и духовной жизнью. Плотская жизнь ориентирована на удовлетворение временных потребностей и неизбежно оказывается связанной со страхом утраты и смерти. Духовная жизнь, напротив, основывается на разум-

ном сознании и на следовании внутреннему нравственному закону. Толстой подчёркивает, что человек приходит к религии не через внешние обряды, а через осознание ограниченности плотского существования и внутреннее обращение к духовному началу. В этом смысле религия для Толстого есть форма разумного отношения к жизни и смерти.

В трактате «О жизни» Толстой вводит понятие разумной жизни, в которой духовное начало признаётся высшей реальностью, а телесное – временным и подчинённым. Именно разум, соединённый с нравственным чувством, позволяет человеку поверить в существование «силы жизни», не зависящей от времени и пространства. Эта сила в религиозной философии Толстого отождествляется с божественным началом, проявляющимся в любви, сострадании и отказе от насилия. Страх смерти, переживаемый человеком, становится не препятствием, а необходимым этапом на пути к осознанию этой силы.

Религиозное пробуждение личности в философии Толстого связано с радикальным пересмотром жизненных ценностей. Осознание смерти разрушает внешнюю религиозность и приводит человека к внутренней вере, основанной на личной ответственности и нравственном выборе. В этом процессе страх смерти утрачивает свой парализующий характер и превращается в источник духовного обновления. Исследование данной трансформации и составляет предмет настоящей статьи, посвящённой анализу религиозно-философского понимания смерти и духовного пробуждения в наследии Л. Н. Толстого.

Материалы и методы

Основу настоящего исследования составляют публицистические тексты Л. Н. Толстого, а также его религиозно-философские трактаты, прежде всего те из них, которые вызвали широкий обще-

ственный резонанс и неоднозначную реакцию современников. Именно в этих работах наиболее полно раскрывается религиозное измерение философии писателя, связанное с проблемами смысла жизни, страха смерти и духовного преображения личности. Религиозные сочинения Толстого нередко воспринимались как вызов устоявшимся духовным и социальным представлениям, что обусловило противоречивый характер их восприятия в интеллектуальной среде конца XIX – начала XX века.

Оценка религиозно-философского наследия Толстого в этот период отличалась значительным многообразием подходов и интерпретаций. Среди наиболее авторитетных и принципиальных критиков его мировоззрения следует отметить В. Ф. Асмуса, А. Белого, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, Вяч. Иванова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва, Е. И. Трубецкого, С. Л. Франка, Г. В. Флоровского, Л. И. Шестова и других мыслителей, в трудах которых осмысливались религиозные и экзистенциальные аспекты толстовской философии.

При рассмотрении религиозно-философских оснований учения Толстого о жизни и смерти значимым является также корпус исследований отечественных и зарубежных толстоведов. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли представители советского периода: Э. Г. Бабаев, Г. Я. Галаган, Г. Н. Ищук, Д. Ю. Квитко, Н. С. Козлов, Н. В. Кудрявая, Г. Б. Курляндская, К. Н. Ломунов, Л. Д. Опульская, В. И. Толстых, М. Б. Храпченко и другие авторы, чьи работы заложили основы научного анализа философских и религиозных взглядов писателя.

Современные исследования развивают эти подходы, обращаясь к экзистенциальным, религиозным и этическим аспектам наследия Толстого. В данном контексте особого внимания заслуживают труды Н. В. Волоховой [2], С. В. Аля-

бевой [3], И. А. Белой, М. Л. Гельфонд [4], Е. Д. Мелешко [5], И. П. Чередниченко, а также работы П. В. Басинского [6], А. А. Горелова, А. А. Гусейнова, Ю. Н. Давыдова, А. А. Зориной, Ли Со Ен, М. А. Лукацкого, И. Б. Мардова, В. Н. Назарова, И. А. Некрасова, Г. А. Попова, Е. И. Рачина [7], В. Б. Ремизова, И. В. Рождественской, О. С. Соиной, О. В. Сливицкой, Б. Н. Тарасова и других исследователей. Их труды позволяют рассматривать религиозную философию Толстого как целостную систему, в которой осмысление страха смерти и духовного пробуждения личности занимает одно из ключевых мест.

Для проведения исследования применялись следующие методы:

1) исторический метод. Использование данного метода позволило проследить процесс формирования религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого в контексте его биографии и духовного кризиса, а также установить причинно-следственные связи между переживанием страха смерти, мировоззренческим переломом писателя и становлением его учения о духовном пробуждении личности. Исторический подход дал возможность рассмотреть развитие этих идей в динамике – от ранних произведений к поздним религиозным трактатам;

2) компаративистский метод. Сравнительный анализ был использован для сопоставления различных этапов религиозно-философского творчества Толстого, а также для выявления сходств и различий между его взглядами и концепциями представителей экзистенциальной философии. Применение данного метода позволило раскрыть специфику толстовского понимания смерти, духовной жизни и нравственного пробуждения в сравнении с иными философскими традициями;

3) критический анализ. Данный метод применялся для интерпретации религиозно-философских и художественных текстов Толстого с целью выявления их смысловых, ценностных и экзистенци-

альных оснований. Критический анализ позволил рассмотреть концепты страха смерти, разумной жизни и духовного возрождения в их внутренней логике, а также оценить их значение для формирования целостной религиозной философии писателя.

Результаты и их обсуждение

Размышления о смерти занимают в философии Толстого уникальное место, поскольку представляют собой не абстрактную теоретическую проблему, а живое, пережитое испытание, повлиявшее на всю его духовную эволюцию.

Писатель в «Исповеди» подробно описал глубинное чувство страха и потери перед лицом осознания собственной смерти, охватившее его в путешествии в возрасте 42 лет и позже обозначаемое им как «арзамасский ужас». Также неоднократно на страницах своих произведений он обращается к феномену смерти, его смыслу.

Перед духовным, или вторым, рождением каждого человека неизменно приходит момент, когда он вдруг с ужасающей ясностью осознает свою смертность. Обычно это откровение приходит неожиданно, вызывая у человека глубокий, почти парализующий страх перед неизбежностью конца [2].

Это состояние оказывается столь сильным, что лишает его возможности жить привычной жизнью, наполняя каждое действие абсурдом. Страх смерти становится разрывом между прежним жизненным укладом и необходимостью новых оснований.

Толстой переживает страх смерти как столкновение двух уровней бытия – животного и духовного. Животная жизнь стремится к продолжению рода, к удовольствиям, к материальному обеспечению, но осознаёт свою обречённость. Именно эта конечность и вызывает страх. Духовная же жизнь, напротив, не зависит от телесного существования и потому не боится смерти. Но переход к ней требует

глубокой внутренней работы – того, что Толстой называет «просветлением разума» и «пробуждением духа» [8, с.83].

Здесь страх смерти выполняет двойственную функцию. Во-первых, он полностью разрушает прежнюю картину мира индивида, лишая его возможности и дальше вести автоматическое, нерелексивное существование, пусть даже внешне благополучное. Во-вторых, он создаёт предпосылки для формирования иного взгляда на жизнь [9, с.62].

Таким образом, ужас перед небытием превращается в экзистенциальный перелом. Он развеивает жизненные заблуждения, но одновременно прокладывает дорогу к духовному преображению, становясь не эпизодическим событием, а необходимым этапом на пути к обретению смысла.

Глубокое столкновение со страхом смерти обнажает призрачность всех оснований, на которых зиждется так называемая «животная», биологическая жизнь. Перед лицом конечности человек призван осознать своё подлинное призвание – отстаивать ясность сознания и брать на себя абсолютную ответственность за каждый прожитый день.

Толстой в своих размышлениях демонстрирует, что индивид, сосредоточенный исключительно на достижении вещных, материальных благ, пребывает в состоянии духовной спячки. Он не отдаёт себе отчёта, что его образ жизни уже несёт в себе семя смерти. Всё, к чему он стремится, неизбежно обратится в ничто, а следовательно, лишено подлинной значимости. В данной перспективе страх перед концом – это момент истины, крушение неверного фундамента бытия [10].

Именно такое осознание приводит Толстого к мысли о необходимости коренной переоценки всех ценностей. Он отказывается от литературной славы, ставит под сомнение институт собственности, обличает общественные формы религии, построенные на обряде, а не на внутреннем содержании [11, с. 8].

Этот этап его пути можно назвать «негативным» просветлением: разрушение – ещё не строительство, но оно необходимо для рождения нового смысла. Толстой ощущает пустоту как преддверие истины, а бессмысленность прежней жизни – как очищение пространства для духовного смысла.

Фундаментальным моментом толстовской антропологии становится идея о том, что страх смерти побеждается не философскими аргументами и не религиозными догмами, а радикальным изменением внутренней жизни. Толстой пишет: «Я увидел, что жизнь имеет смысл только тогда, когда основана на внутреннем нравственном законе». Этот закон Толстой формулирует через понятие любви – не чувственной, не эмоциональной, а духовной, выражающей сущность человеческой природы.

Любовь в толстовской системе – это не частное чувство, а принцип, соединяющий человека с вечным. Она позволяет выйти за пределы телесной жизни, преодолеть страх исчезновения, потому что любовь принадлежит не миру смертного, а миру бесконечного.

Толстой пишет о своём пробуждении как о «новом зрении»: он начинает воспринимать себя не как тело, а как духовную сущность, соединённую с другими людьми через взаимное служение добру. В этом состоянии страх смерти исчезает, потому что смерть перестаёт быть угрозой – она становится лишь переходом или внешним изменением формы жизни, но не её сущности.

Так духовное пробуждение оказывается для Толстого не утешением, а трансформацией, открывающей совершенно новый смысл существования.

В результате пережитого кризиса Толстой формирует концепцию «истинной жизни» – центральный элемент его религиозной антропологии. Это жизнь, основанная на исполнении внутреннего закона любви и служения. В ней человек воспринимает себя не как отдельного индивида, противопоставленного миру, а

как часть всеобщего духовного единства [12, с.13].

Толстой подчёркивает, что истинная жизнь не зависит от внешних условий, она возможна в любом положении – и в бедности, и в болезни, и перед лицом смерти. Она не требует принадлежности к той или иной конфессии, не опирается на обряды или институты. Она требует лишь одного – слушать голос совести.

В таком понимании смерть утрачивает статус абсолютного зла. Она становится частью всеобщего потока бытия и потому теряет свою власть над человеком. Личность, нашедшая духовный смысл, воспринимает смерть как явление относительное, не определяющее её сущность.

Тем самым Толстой создаёт цельную антропологическую систему, в которой страх смерти становится началом пути, а духовная любовь – его завершением [13, с. 22].

Толстой последовательно показывает, что страх смерти обусловлен не самой смертью, а ложным пониманием жизни. Пока человек отождествляет себя с телом, с социальными ролями или с материальными достижениями, смерть действительно представляется абсолютным концом всего [14, с. 229]. Но для Толстого подлинная трагедия заключается не в физической гибели, а в духовной слепоте, которая заставляет человека воспринимать смерть как уничтожение целого мира.

В произведении «Исповедь» Лев Толстой описывает переломный момент своего духовного кризиса, вызванного мыслями о смерти: «Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого сначала. Всё это так давно всем известно. Не нынче завтра придут болезни, смерть... на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, забудутся... и меня не будет. Так из чего же хлопотать?» [1, т. 23, с. 13]. Это откровение показывает, что смерть

выступает для него не внешней угрозой, а внутренним откровением, обнажающим бессмысленность жизни, построенной на мирских ценностях. Страх возникает не перед самой смертью, а перед осознанием, что ей нечего противопоставить [15, с. 108].

Это прозрение становится толчком к интенсивному духовному поиску. Толстой ощущает острую потребность найти основу для жизни, которую смерть не может уничтожить. Он объясняет этот императив так: «Мне нужно было узнать смысл жизни... Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже – разум для того, чтобы понять её» [1, т. 23, с. 87]. В этом заключается суть его открытия: чтобы обрести разумное понимание, сама жизнь должна быть перестроена на истинных, непреходящих началах. Смерть становится тем испытанием, которое, подобно вспышке, освещает тёмные уголки души и ставит главный вопрос: ради чего живёт человек? Если ответ – власть, успех или богатство, то страх непреодолим. Если же человек находит внутри источник веры, любви и нравственного закона, смерть теряет статус абсолютного конца.

Толстой подчёркивает, что такое пробуждение невозможно без этапа глубокого отчаяния, которое он детально исследует в «Исповеди». Это не слабость, а необходимая катастрофа, разрушающая ложные опоры. В этом он предвосхищает идеи экзистенциалистов XX века: знание о смерти не только пугает, но и служит мощным импульсом к пробуждению подлинного «Я» [16, с. 56].

Процесс внутренней трансформации у Толстого проходит через несколько стадий: критический разбор прежней, «светской» жизни; переживание экзистенциальной пустоты и бессмысленности; открытие в себе внутреннего, непреходящего нравственного начала (совести); обращение к вере и всеобщей любви как к абсолютному основанию бытия; и наконец, обретение свободы от страха смерти.

Результатом этого мучительного пути становится состояние, которое он описывает как внутренний мир и ясность. Эта «ясность» – новое духовное зрение, позволяющее видеть мир не как поле случайных угроз, а как пространство для исполнения нравственного долга и любви.

Любовь становится центральным понятием, способным преодолеть страх смерти. Это не личное чувство, а универсальный закон бытия, отражение «воли Божией» в человеческой душе. Она соединяет людей в духовной общности, превосходящей пределы телесной жизни.

Толстой утверждает, что человек бессмертен постольку, поскольку он живёт любовью. Всё, что связано с эгоизмом, телесными страстями и земными привязанностями, исчезает со смертью. Но всё, что связано с любовью, продолжается. «Ничего, кроме смерти впереди, и ничего, кроме исполнения должного сейчас! Как это кажется безрадостно и страшно! А между тем положи свою жизнь только в этом: во всё большем и большем сейчас соединении любовью с людьми и богом, и то, что казалось страшным, сделается лучшим, ненарушимым благом» [1, т. 45, с. 489].

Любовь в толстовской антропологии – это акт внутреннего освобождения. Человек, любящий других, перестаёт воспринимать себя как отдельное, изолированное существо. Он видит себя в связи с другими, и потому перестаёт бояться смерти, понимая, что смысл его существования – в служении и единстве, а не в биологическом продолжении жизни [17, с. 205].

Этот взгляд отчётливо выражен в «Пути жизни», где Толстой пишет, что «Любовь уничтожает не только страх смерти, но и мысль о ней» [1, т. 45, с. 459].

Толстой неоднократно подчеркивал, что отношение человека к смерти является нравственным критерием его зрелости. Тот, кто боится смерти, живёт не в соответствии с моральным законом. Тот же, кто принимает смерть спокойно, свиде-

тельствует о внутренней гармонии своей жизни: «Смерть же представляется чем-то совершенно особенным, нарушающим всё простое, ясное и понятное в жизни. И поэтому люди большей частью стараются не думать о смерти. Это большая ошибка. Напротив, надо свести жизнь со смертью так, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, и смерть – часть ясности, простоты и понятности жизни» [1, т. 45, с.464].

Смерть становится экзаменом, показывающим, на чем основана жизнь человека: на временном или на вечном, на эгоизме или на любви, на страхе или на свободе [18, с. 28]. Толстой пишет, что человек, который живёт «истинной жизнью», встретит смерть так же, как встречает естественный переход: спокойно и с достоинством. Этот образ воплощён в «Смерти Ивана Ильича», где герой, всю жизнь проживший ложными ценностями, испытывает мучительный страх, но в последние минуты переживает духовное прозрение и умирает с облегчением [19, с. 156].

Так Толстой показывает, что смерть может стать моментом высшего нравственного прозрения, если человек способен отказаться от лжи и принять истину.

Экзистенциальное переживание смерти становится основой для радикальной перестройки всех представлений Толстого о человеке. До духовного кризиса он воспринимал личность прежде всего как социальное существо, участвующее в жизни общества, государства, культуры. Однако встреча со страхом смерти вскрывает ограниченность такого взгляда: социальный человек оказывается полностью зависимым от внешних обстоятельств и потому абсолютно уязвимым перед лицом смерти.

После кризиса Толстой формирует концепцию личности как духовного существа, чья истинная сущность не определяется телесным существованием. Человек – это сознание, совесть, способность к любви, а не сумма биологических и социальных функций. В этом смысле вся толстовская антропология – это по-

пытка ответить на вопрос: что остаётся в человеке, если убрать всё, что смерть может уничтожить? Ответ Толстого однозначен: остаётся духовное начало.

Таким образом, смерть в философии Толстого выполняет роль решающего критерия: она безжалостно отделяет в человеке подлинное от наносного. Через это радикальное откровение писатель приходит к убеждению: подлинное духовное преобразование снимает оковы страха, а жизнь, посвящённая любви и служению, формирует в человеке непреходящую, вечную основу.

Эта концепция человека составляет прямую альтернативу западному гуманизму XIX в., сосредоточенному на социальной функции и рациональном начале. Толстой переносит акцент на внутренний, нравственный мир личности, утверждая, что человек обретает истинное достоинство лишь через полный отказ от насилия и принятие любви как высшего и безусловного закона.

Для Толстого смерть – не только физический конец, но и смысловая граница, разделяющая мир временного и мир вечного. Она ставит перед человеком главный вопрос о смысле жизни в его самой требовательной и чистой форме. Этот экзистенциальный вызов нельзя удовлетворить умозрительными теориями или научными данными; он требует глубокого личного опыта и внутреннего преобразования. Толстой любил «сравнение жизни со сном, а смерти с пробуждением» [20, с.468]. В этом сравнении заключена вся суть его взгляда: уход из жизни есть переход в качественно иное состояние бытия, где иллюзии материального мира рассеиваются.

В итоге смерть предстаёт как последняя и самая честная проверка, которая обнажает пустоту эгоистических устремлений, демонстрирует тщету материальных ценностей и направляет поиск к основам духовного порядка. Так, встреча с неизбежным концом становится для Толстого ключевым моментом обретения истины о себе и мире.

Для Толстого смерть всегда стоит рядом с жизнью, не как угроза, а как напоминание о необходимости жить в соответствии с нравственным законом. «Смерть есть начало другой жизни» [1, т. 26, с. 398]. В таком понимании смерть становится не отрицанием жизни, а её высшим измерением.

Современная философская антропология также использует толстовский взгляд на смерть как на феномен, открывающий экзистенциальный горизонт личности. Многие исследователи отмечают, что Толстой предвосхитил идеи европейского экзистенциализма: мысль о том, что страх смерти – это фундаментальная данность человеческого существования, а подлинная свобода начинается только с признания этой данности.

Толстой, однако, отличается от атеистического экзистенциализма тем, что предлагает путь преодоления страха смерти через духовную любовь. Если для Хайдеггера человек – это «бытие-к-смерти», то для Толстого – «бытие-к-любви». Смерть остаётся реальностью, но уже не определяет сущность человека.

Выводы

Страх смерти занимает ключевое место в религиозно-философской антропологии Л. Н. Толстого и служит отправной точкой его духовной революции. Встреча с конечностью человеческого существования разрушила прежний мир писателя, основанный на социальном успехе и внешних ценностях, и привела к глубокому переосмыслению смысла жизни.

В толстовском понимании страх перед смертью представляет собой не просто личностный кризис, но и мощный духовный импульс. Этот импульс заставляет человека усомниться в ценности прежних устремлений и указывает направление к жизни подлинной. Смерть выступает здесь как главное мерило. Она с беспощадной ясностью показывает, на чём покоится человеческое существование: на хрупком материальном или на прочном духовном фундаменте, на эгоистичном интересе или на бескорыстной любви.

Писатель убеждён, что победить этот страх возможно лишь в результате глубокой внутренней работы – нравственного пробуждения. Его краеугольным камнем является закон любви, который, связывая людей воедино, преодолевает границы телесного, физического мира. Признание любви универсальным и высшим принципом бытия позволяет человеку освободиться от страха и обрести истинную свободу.

Таким образом, личностная трансформация, которую детально описывает Толстой, ложится в основу его религиозно-философского учения и концепции человека. Внутренняя свобода достигается в тот момент, когда индивид перестаёт видеть свою сущность в бренном теле и начинает жить жизнью духа, руководствуясь совестью, служением и любовью. Согласно Толстому, лишь такое качественное изменение природы человека способно одолеть ужас небытия и открыть путь к бессмертию – не биологическому, а нравственному, сохраняющемуся в духовном наследии и делах любви.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.;-Л., 1928–1958.
2. Волохова Н. В. Смыслжизненная философия Л. Н. Толстого: от прошлого к настоящему: монография. Курск: Курский государственный университет, 2021. 403 с.
3. Алябьева С. В. Вера и самосовершенствование как глубинные смыслы жизни в учении Л. Н. Толстого // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета 2015. № 5. С. 63–66.
4. Гельфонд М. Л. Этика ненасилия Л. Н. Толстого. М.: РПА Минюста России, 2013. 156 с.
5. Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2008. 310 с.

6. Басинский П. В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2023. 640 с.
7. Рачин Е. И. О жизни и ее смысле у Л. Н. Толстого. М., 1997. 190 с.
8. Мураткина Е. Д. Проблема жизни и смерти в творчестве Л. Н. Толстого и Ч. Диккенса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 9. С. 80–85.
9. Евсеева А. А. Взгляд Л. Н. Толстого на сущность жизни и смерти // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 21 (103). С. 27–31.
10. Гладышев А. К. Интерпретация мотива смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 53–63.
11. Зеньковский В. В. О религии Л. Толстого. М., 1912. С. 27–58.
12. Моторина Л. Е. Духовная драма Л. Н. Толстого // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4. С. 6–9.
13. Карако П. С. Феномен смерти и бессмертия человека в творчестве Л. Н. Толстого // Философия и социальные науки. 2008. № 4. С. 21–24.
14. Герасимов С. В. Смерть в мире Толстого // «Толстовские чтения – 2022»: материалы Международной научной конференции. М., 2023. С. 228–233.
15. Волохова Н. В. Проблема смысла жизни и смерти в антропологии Л. Н. Толстого (Часть 1) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 105–111.
16. Чеснова Е. Н., Якимова Е. Г. Философия веры и эсхатологические «Предчувствия» в учении Л. Н. Толстого // Гуманитарные ведомости Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 28–35.
17. Волохова Н. В. Концепция «двух разумов» как квинтэссенция философского учения Л. Н. Толстого о человеке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4. С. 202–209.
18. Гельфонд М. Л. Проблема смысла жизни в нравственно-религиозной философии Л. Н. Толстого // Этическая мысль. 2016. № 1. С. 46–65.
19. Волохова Н. В. Идея бессмертия в религиозно-антропологической системе Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2. С. 153–160.
20. Толстой Л. Н. Путь жизни. М.: ARCHIVE PUBLIKA, 2025. 503 с.

References

1. Tolstoy L.N. Complete Works. Moscow-Leningrad; 1928–1958. (In Russ.)
2. Volokhova N.V. The Philosophy of Life of L. N. Tolstoy: From the Past to the Present. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi universitet; 2021. 403 p. (In Russ.)
3. Alyabyeva S.V. Faith and self-improvement as deep meanings of life in the teachings of L.N. Tolstoy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Proceedings St. Petersburg State Agrarian University*. 2015;(5):63–66. (In Russ.)
4. Gelfond M.L. Ethics of nonviolence by L.N. Tolstoy. Moscow: RPA Minyusta Rossii; 2013. 156 p. (In Russ.)
5. Meleshko E.D. The Christian Ethics of Leo Tolstoy. Moscow: Nauka; 2008. 310 p. (In Russ.)
6. Basinsky P.V. Lev Tolstoy: Escape from Paradise. Moscow: AST; 2023. 640 p. (In Russ.)
7. Rachin E.I. On Life and Its Meaning in Leo Tolstoy's Works. Moscow; 1997. 190 p. (In Russ.)
8. Muratkina E.D. The Problem of Life and Death in the Works of Leo Tolstoy and Charles Dickens. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University*. 2006;(9):80–85. (In Russ.)
9. Evseeva A.A. L.N. Tolstoy's View on the Essence of Life and Death. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of Modern Science and Education*. 2017;(21):27–31. (In Russ.)

10. Gladyshev A.K. Interpretation of the Death Motif in L. N. Tolstoy's Novel "The Death of Ivan Ilyich". *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka = Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science*. 2013;(5):53–63. (In Russ.)
11. Zenkovsky V.V. On Tolstoy's Religion. Moscow; 1912. P. 27–58. (In Russ.)
12. Motorina L.E. Tolstoy's Spiritual Drama. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2010;(4):6–9. (In Russ.)
13. Karako P.S. The Phenomenon of Human Death and Immortality in Leo Tolstoy's Works. *Filosofiya i sotsial'nye nauki = Philosophy and Social Sciences*. 2008;(4):21–24.
14. Gerasimov S.V. Death in Tolstoy's World. In: *Tolstoy Readings 2022: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow; 2023. P. 228–233. (In Russ.)
15. Volokhova N.V. The Problem of the Meaning of Life and Death in the Anthropology of Leo Tolstoy (Part 1). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2013;(2):105–111. (In Russ.)
16. Chesnova E.N., Yakimova E.G. Philosophy of Faith and Eschatological «Antecedents» in the Teachings of Leo Tolstoy. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni L. N. Tolstogo = Humanitarian Bulletin of the Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy*. 2014;(3):28–35. (In Russ.)
17. Volokhova N.V. The concept of «two minds» as the quintessence of L.N. Tolstoy's philosophical doctrine about man. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2019;9(4):202–209. (In Russ.)
18. Gelfond M.L. The Problem of the Meaning of Life in the Moral and Religious Philosophy of L. Tolstoy. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*. 2016;(1):46–65. (In Russ.)
19. Volokhova N.V. The Idea of Immortality in the Religious and Anthropological System of L. Tolstoy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2015;(2):153–160. (In Russ.)
20. Tolstoy L.N. The Way of Life. Moscow: ARCHIVE PUBLIKA; 2025. 503 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID:0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Natalia V. Volokhova, Doctor of Sciences (Philosophical), Professor at the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Воробьев Никита Валерьевич, аспирант кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: v.vorobei@mail.ru, Researcher ID: PEX-4249-2025, ORCID: 0009-0008-7797-2365

Nikita V. Vorobyov, Postgraduate at the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: v.vorobei@mail.ru, Researcher ID: PEX-4249-2025, ORCID: 0009-0008-7797-2365

Оригинальная статья / Original article

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-270-281>Цифровое искусство как механизм сохранения
традиционных ценностейЕ. В. Попов¹, О. В. Комарова²✉, А. А. Осипенко³

¹ Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург 620144, Российская Федерация

² Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45, г. Екатеринбург 620144, Российская Федерация

³ Тюменский государственный университет
ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень 625003, Российская Федерация

✉ e-mail: okkomarova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях развития цифровых технологий вопросы анализа формы и содержания современного цифрового искусства становятся приоритетной научной задачей, что обуславливает необходимость обсуждения в философском, культурно-ценностном и экономическом контексте типологии цифрового искусства и механизма формирования ценностных установок общества. В современных условиях особую актуальность приобретает исследование механизмов цифрового искусства как системы формирования традиционных ценностей.

Цель исследования – разработка концептуальной основы механизма влияния цифрового искусства на формирование системы традиционных ценностей.

Задачи: выявить сущность цифрового искусства и его атрибуты; разработать его типологию, выявить каналы влияния цифрового искусства на систему традиционных ценностей.

Методология. Основой методологии является междисциплинарный анализ трактовки цифрового искусства на основе ценностного, культурологического, технологического и экономического подходов. Для достижения поставленной цели использовались методы семантического анализа и контент-анализа, обзор научных исследований, общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения.

Результаты. В статье обобщены подходы к пониманию цифрового искусства, выявлены атрибуты цифрового искусства – технологического развития, социального взаимодействия и экономической результативности, а также определена матрица применения цифровых инструментов в современных видах искусства. Выявлены элементы, определяющие эффективность цифрового искусства как канала коммуникации в процессе формирования традиционных ценностей: цифровая инклюзивность, интерактивность, социальное взаимодействие, массовость, институционализация.

Выводы. Понимание многоаспектной природы цифрового искусства является основой проработки его влияния на систему традиционных ценностей. Полученные результаты позволят в дальнейшем развить подходы к формированию креативных индустрий и арт-рынка, а также совершенствовать инструменты развития рынков цифрового искусства.

Ключевые слова: цифровое искусство; ценности; цифровая трансформация; арт-рынок; традиционные ценности.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Попов Е. В., Комарова О. В., Осипенко А. А. Цифровое искусство как механизм сохранения традиционных ценностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 270–281. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-270-281>

Поступила в редакцию 18.12.2025

Принята к публикации 17.01.2026

Опубликована 27.02.2026

© Попов Е. В., Комарова О. В., Осипенко А. А., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):270–281

Digital art as a mechanism for preserving traditional values

Evgeny V. Popov¹, Oxana V. Komarova²✉, Alexey A. Osipenko³

¹ Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
8 Marta Str. 66, Yekaterinburg 620144, Russian Federation

² Ural State University of Economics
8 Marta / Narodnoy Voli Str. 62/45, Yekaterinburg 620144, Russian Federation

³ Tyumen State University
6 Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation

✉ e-mail: okkomarova@yandex.ru

Abstract

Relevance. With the development of digital technologies, the analysis of the form and content of contemporary digital art has become a priority research task, necessitating a discussion of the typology of digital art and the mechanisms by which societal values are shaped within a philosophical, cultural, value-based, and economic context. In today's context, the study of the mechanisms of digital art as a system for shaping traditional values is particularly relevant.

The purpose is to develop a conceptual framework for the mechanism by which digital art influences the formation of traditional value systems.

Objectives: to identify the essence of digital art and its attributes, develop its typology, and identify the channels through which digital art influences traditional value systems.

Methodology. The methodology is based on an interdisciplinary analysis of digital art interpretation based on value-based, cultural, technological, and economic approaches. To achieve this goal, methods of semantic and content analysis, a review of scientific research, and general scientific methods of analysis, synthesis, and generalization were used.

Results. This article summarizes approaches to understanding digital art, identifies its attributes – technological development, social interaction, and economic performance, and defines a matrix for the application of digital tools in contemporary art forms. Elements that determine the effectiveness of digital art as a communication channel in the formation of traditional values are identified: digital inclusivity, interactivity, social interaction, mass appeal, and institutionalization.

Conclusions. Understanding the multifaceted nature of digital art is the basis for examining its impact on traditional value systems. The results obtained will allow for the further development of approaches to the formation of creative industries and the art market, as well as the refinement of tools for the development of digital art markets.

Keywords: digital art; values; digital transformation; art market; traditional values.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Popov E.V., Komarova O.V., Osipenko A.A. Digital art as a mechanism for preserving traditional values. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):270–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-270-281>

Received 18.12.2025

Accepted 17.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Важнейшим элементом общественной жизни является развитие и формирование системы ценностей, базирующихся на преемственности поколений (традиционные ценности) и одновременно на соответствии ценностей современности.

Рассматривая современное искусство как искусство, создаваемое в интервале двух-трех десятилетий и соответствующее по средствам выражения и ценностям взглядам наиболее активной части общества, можно выделить такие его характеристики, как авангардность и футуристичность. В условиях смены техноло-

гического уклада и распространения технологических новшеств в различные сферы жизнедеятельности можно отметить, что и цифровизация трансформирует искусство в цифровое.

Цифровое искусство в силу своей доступности и скорости распространения продолжает набирать популярность по всему миру. При этом, будучи частью современного искусства, цифровое искусство транслирует на свою аудиторию присущие современному искусству ценности. В связи с этим возникает необходимость определения сущности цифрового искусства и анализа возможностей управления им.

Многие исследования показывают, что в условиях цифровой трансформации современного общества особое значение приобретает понимание воздействия цифровых технологий на искусство и систему формирования ценностей, что находит отражение в нескольких аспектах. Во-первых, отмечается устойчивый постпереходный запрос общества на гуманистические идеалы [1, с. 29]. Во-вторых, искусство в современном обществе рассматривается как высокоспециализированная и дифференцированная сфера деятельности, тесно связанная с экономикой, политикой, поддержанием национальной культуры и др. [2, с. 107]. В-третьих, искусство приобретает формат креативной индустрии, становясь частью экономической системы общества [3]. В-четвертых, необходима трансформация системы передачи и формирования ценностей, обусловленных повышением скорости распространения информации и ее доступности, слабыми механизмами контроля, поэтому ключевое значение в современном обществе приобретает фундаментальное решение проблемы ценностного содержания цифрового мира: «какой он будет в будущем площадкой для создания образов того идеального и значимого для молодого подрастающего поколения мира, в котором они смогут саморазвиваться, впитывать сформированные ими и обществом ценности» [4, с. 19]. Однако вопросы анализа формы

и содержания современного цифрового искусства остаются без внимания, что обуславливает необходимость обсуждения как в контексте философском, культурно-ценностном, так и экономической типологии цифрового искусства и механизма формирования ценностных установок общества. Это позволило сформулировать цель исследования – обобщить подходы к трактовке сущности цифрового искусства, на основе анализа атрибутов сформулировать направления управления цифровым искусством в контексте формирования системы национальных ценностей. Достижение поставленной цели определило последовательность исследования и его задачи: выявить сущность цифрового искусства и его атрибуты, разработать его типологию, обосновать направления управленческого воздействия в сфере цифрового искусства.

Базисом исследования цифрового искусства является междисциплинарный анализ, основанный на ценностном подходе [5], в рамках которого ценности как общие идеалы и убеждения, определяющие поведение и процессы принятия решений внутри сообщества или социальной группы, рассматриваются в качестве основы формирования социальных установок и направленности деятельности, тем самым определяется наполнение цифрового искусства ценностными основаниями. Второй фундаментальной основой исследования цифрового искусства является культурологический подход, в рамках которого «искусство предстает как часть культуры – мира искусственных, созданных человеком объектов и процессов» [7, с. 14], неразрывно связанных художественным, образно-эмоциональным выражением ценностей и смыслов. Воздействие технологического прогресса на искусство и ценности образует третье основание исследования: под воздействием технического прогресса меняется как форма, так и инструментарий искусства [8, с. 25]. Все большее количество исследователей отмечают экономическую составляющую в развитии искусства, рассматривая данную сферу как рынок или

систему особых экономических отношений [9], как сеть, объединяющую творцов, профессионалов в области искусства и меценатов [10]. Поскольку ценности являются первоосновой любого произведения искусства, а произведения искусства, в свою очередь, поддаются таким же процессам коммерциализации, как и прочие сферы человеческой деятельности, экономическое поведение потребителя при выборе произведения искусства отображает и наиболее предпочтительные для потребителя ценности в сложившихся условиях [11, р. 47].

Таким образом, сфера искусства является сложным объектом исследования, который в условиях цифровой трансформации становится объектом управления. Однако анализ исследований показывает необходимость комплексного анализа современного цифрового искусства, а в контексте ценностной парадигмы развития особую актуальность приобретает развитие модели управления данной сферой общественных и экономических отношений.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использовались методы семантического анализа и контент-анализа, обзор научных исследований общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения.

Результаты и их обсуждение

Обобщая подходы к трактовке цифрового искусства (digital art), можно выделить несколько аспектов проявления цифрового искусства.

Содержательный аспект акцентируется на средствах цифрового искусства, представлен в исследованиях Ф. Поппера (F. Popper) [12], А. Д. Григорьева, Т. Ю. Захарченко [13], А. А. Деникина [14], М. Коста (M. Costa) [15] и рассматривает цифровое искусство как «творческую деятельность, основанную на использовании информационных (компьютерных) технологий, результатом которой являются произведения в цифровой

форме или созданные изначально с применением компьютера, а также принципиально новые виды художественных работ, существующие в компьютерной и сетевой среде» [14, с. 37], т. е. цифровое искусство рассматривается с позиций средств художественного выражения и творческого продукта – сама природа и средств, и продукта является цифровой, что влечет за собой актуальность исследования прав собственности на цифровые объекты и особенности авторских прав в создании произведений с использованием цифровых средств труда.

Коммуникативный аспект, представленный в исследованиях Е. А. Лаврентьевой [16], Л. Н. Нагорной [17], рассматривает цифровое искусство как канал коммуникации и сотворчества, что обеспечивает формирование контента на основе обратной связи с потребителями, формирует доступность объектов культуры и креативность.

Таким образом, цифровое искусство – это новая разновидность художественного и технологического творчества, которая основана на использовании информационных технологий. Анализ сущности цифрового искусства позволяет выделить его ключевые атрибуты, которые представлены ниже (рис. 1).

Дадим краткую характеристику указанным атрибутам (рис. 1). Группа технологических атрибутов – гибкость, машинное обучение, бюджетность – определяется уровнем развития технологий. Так, использование цифровых инструментов (например, Adobe Photoshop, Corel Painter, Procreate, Krita, Clip Studio Paint и т. д.) расширяет возможности по экспериментированию с формой, цветом, стилем и текстурой будущего произведения, формируя гибкость цифрового искусства как возможность находить новые творческие решения и создавать ранее недоступные для традиционного искусства комбинации [18]. Алгоритмы машинного обучения позволяют художникам активно использовать протоколы машинного обучения и генеративный искусственный интеллект (AI) при создании

произведений искусства, значительно сокращая затрачиваемое время. При этом знания об использовании «правильного» программного обеспечения и инструментов генерации в процессе творчества приобретают все большую ценность на арт-рынке. Несмотря на то, что у многих художников и зрителей возникают опасения по поводу возможного падения уровня качества произведений искусства, ИИ открывает новые возможности для само-

выражения, а также повышает финансовый оборот арт-рынка за счет удовлетворения потребности клиентов, нуждающихся в быстром изготовлении простых дизайнов [19, p. 18]. Возможность создавать произведения искусства на большинстве мобильных устройств и ноутбуков при помощи специального софта и различных доступных программ определяет бюджетность как атрибут цифрового искусства.

Рис. 1. Атрибуты цифрового искусства

Вторая группа атрибутов – социальная – рассматривается как развитие механизмов социализации и инклюзивности, что выражается в большей адаптивности искусства для граждан с ограниченными возможностями и формирования впечатлений на основе активного участия. В частности, цифровое творчество, благодаря механизмам интерактивного взаимодействия (интерактивность), позволяет зрителям стать активными участниками творческого процесса, внося элементы игрового взаимодействия и вовлеченности [20, с. 222]: «визуальные искусства, принципиально статические и не игровые, являвшиеся до того "дизайном", начинают обретать динамику с распространением таких игровых практик, как перформанс, хэппенинг и т. п.» [21]. А широкая доступность цифровых технологий, начиная с дизайна, учитывающего потребности дальтоники, и заканчивая альт-текстом изображений для людей с

ограниченными возможностями¹, повышает инклюзивность и побуждает разные группы населения активно участвовать в процессе творчества.

К этой же группе атрибутов можно отнести кросс-платформенность как практику создания цифровых продуктов, обеспечивающих единообразный пользовательский опыт на различных операционных системах и гаджетах, которая гарантирует неизменность функциональности и эстетики продукта независимо от того, на каком устройстве (Windows, iOS, Android и т. д.) пользователи получают к нему доступ. Основная цель кросс-платформен-

¹Technology for social good: how digital artists are using their work to promote inclusivity // The Art Newspaper. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2024/01/18/technology-for-social-good-how-digital-artists-are-using-their-work-to-boost-inclusivity> (дата обращения: 08.11.2025).

ности¹ – повысить удобство использования и доступность, сохранив при этом индивидуальность и целостность произведения, а с распространением современных устройств кросс-платформенный дизайн стал необходим для эффективного охвата широкой аудитории.

Группа экономических атрибутов связана с продвижением цифрового продукта и затратами на создание объектов цифрового искусства. При этом ключевыми фактором создания потребительской ценности является информация в виде big data или small data [18], используемая для отслеживания прав собственности и происхождения произведений искусства, для анализа рыночных тенденций, запросов потребителей в отношении используемых художественных средств, ценностных установок и т. д. Данные в виде информации, в которых представлены цифровые произведения

искусства, можно отправлять по электронной почте, через мессенджеры или социальные сети, значительно упрощают процесс обмена искусством между художниками, коллекционерами и зрителями, что повышает мобильность цифровых объектов искусства.

Проводя сопоставление цифровых инструментов и видов искусства, можно представить матрицу (табл. 1), позволяющую оценить уровень цифровизации искусства и конкретизировать направления его развития и оценки [22]. Основными инструментами цифровизации искусства выступают мультимедийный дизайн, большие данные, виртуальная реальность (VR), искусственный интеллект (AI) и дополненная реальность (AR). Таким образом, формируется представление о наиболее передовых в плане цифрового развития видах искусства: живописи, фотоискусстве, скульптуре, литературе и музыке.

Таблица 1. Применение цифровых инструментов в различных видах искусства

Виды искусства	Цифровые инструменты				
	искусственный интеллект (AI)	большие данные	виртуальная реальность (VR)	дополненная реальность (AR)	мультимедиа
Архитектура	–	–	+	+	–
Живопись	+	+	+	+	+
Скульптура	+	–	+	+	+
Декоративно-прикладное искусство	–	–	–	–	–
Литература	+	–	–	+	+
Музыка	+	+	–	–	+
Театр	–	+	–	+	–
Цирк	–	+	–	–	–
Балет	–	+	–	+	–
Кино	+	+	+	+	+
Фотоискусство	+	+	+	+	+
Эстрада	–	+	–	–	–

¹ Cross-Platform Design // Pangea. URL: <https://pangea.app/glossary/cross-platform-design> (дата обращения: 08.11.2025).

На уровне взаимодействия ценностей цифрового искусства и традиционных ценностей Российской Федерации можно говорить об их близости: влияние цифрового искусства будет комплементарным для формирования традиционных ценностей в виртуальном пространстве. В рамках данной позиции можно утверждать, что глобализация и технологический прогресс выступают как средство распространения народных форм искусства в виртуальном пространстве, а цифровое искусство становится одним из перспективных направлений творческого самовыражения¹. Так, например, дополненная реальность (AR) и социальные медиа позволяют художникам создавать проекты, сочетающие исторические и современные элементы, а невзаимозаменяемые токены (NFT) предлагают новые способы аутентификации и распространения цифровых произведений искусства, отражая потребность приписывать ценность и происхождение предметам искусства.

Современные цифровые платформы предоставляют как возможности, так и несут для формирования системы ценностей некоторые риски. С одной стороны, сохранение культурного наследия в виртуальном пространстве позволяет охватывать более широкую аудиторию, повышать культурное образование и изучать историю различных стран, а также является основой формирования ценностной парадигмы общества и сохранения его национальной идентичности. К возможностям можно отнести и создание цифровых архивов, возрождающих исчезающие языки и сохраняющих культурные ценности и артефакты для будущих поколений. Хотя многие исследования посвящены цифровым инструментам для сохранения наследия, меньше внимания уделяется их влиянию на эволюцию культурных ценностей. Например, высо-

кая контекстуальность цифрового искусства, его зависимость от виртуальных технологий также рискуют размыть уникальные культурные нарративы, что требует сбалансированного подхода [24].

Обобщая различные аспекты развития цифрового искусства, можно констатировать, что эффективность цифрового искусства как канала коммуникации в процессе формирования системы ценностей определяется следующими элементами.

Во-первых, цифровая инклюзивность, которая подразумевает «создание информационных технологий и цифровых сервисов таким образом, чтобы они были удобны в использовании для всех категорий пользователей, включая людей с ограниченными возможностями»². Это означает, что популяризация традиционных ценностей в условиях цифровизации искусства возможна только при высоком охвате всех участников (государства, населения, организаций сферы культуры и т. д.) информационно-коммуникационными технологиями: доступом к Интернету, наличием оборудования, веб-сайтов, онлайн-платформ, мобильных приложений и т. д. В этом случае развитие цифрового контента позволяет населению Российской Федерации в полной мере участвовать в социальной, образовательной и экономической жизни, а улучшение доступности способствует повышению привлекательности продвигаемых ценностей.

Во-вторых, учитывая трансформацию общества, большое значение приобретает интерактивность. Важное отличие цифрового творчества от традиционного, помимо мультисенсорности, – это возможность прямого взаимодействия между творцом и его зрителем, т. е. сотворчество. В современном искусстве отпадают традиционные, только потребительские, парадигмы восприятия. Этот сдвиг в сторону нетрадиционных, цифровых иммер-

¹ Цифровое искусство и традиционные ценности // Всероссийский фестиваль «Наука». URL: <https://festivalnauki.ru/program/tsifrovoe-iskusstvo-i-traditsionnye-tsennosti-240916143213/> (дата обращения: 23.11.2025).

² Цифровая доступность: что это и почему это важно // Umnico. URL: <https://umnico.com/ru/blog/digital-accessibility/> (дата обращения: 08.11.2025).

сивных и интерактивных форм искусства сократил разрыв между аудиторией и самим искусством, предлагая более глубокий способ восприятия¹.

В-третьих, многие цифровые произведения искусства поощряют создание и укрепление социальных связей. Согласно исследованиям, важными темами иммерсивного искусства становятся «семейное единение», «социальный контакт», «поиск стимулов», «встреча или наблюдение за людьми, обучение и открытие», «ностальгия» и «побег» от личного и социального давления². Цифровые произведения и художественные выставки современного искусства способствуют социальному взаимодействию, часто принимая форму групповых занятий, т. к. групповая динамика может влиять на индивидуальные когнитивные процессы и значительно их усиливать.

В-четвертых, внедрение цифровых инструментов расширяет границы арт-рынка, обеспечивая сочетание как элитарного потребления (эффект Веблена), так и формирование массового рынка цифрового искусства, на основе использования социальных медиа, что способствует повышению эффективности канала трансляции ценностей.

В-пятых, важнейшим элементом модели управления цифровым искусством являются вопросы защиты интеллектуальной собственности. С одной стороны, базовые формальные институты в сфере авторского права созданы в национальных экономиках, но современные цифровые технологии: блокчейн, водяные знаки (ватермарки), системы DRM, шифрова-

ние и NFT, используемые для подтверждения подлинности своих произведений, нуждаются в легитимизации и институционализации.

Проведенное исследование показало, что анализ цифрового искусства как междисциплинарной сферы общества является актуальным, но чаще рассматривается в контексте социокультурном и технологическом. Однако большое значение имеет экономико-управленческий аспект развития цифрового искусства.

Активная поддержка государством цифрового искусства может стать механизмом сохранения традиционных ценностей: через оцифровку классических произведений искусства расширяется доступность населению культурных ценностей, что будет способствовать повышению интеллектуального и духовного уровня развития населения; цифровое искусство открывает новые горизонты для творческого самовыражения, что способствует появлению возможностей создавать новые ценности в русле народной культуры; поддержка государством цифрового искусства позволит аккумулировать положительные ценностные тенденции и ограничивать влияние культурной гомогенизации и потери аутентичности.

В этой связи можно выделить ключевые драйверы развития цифрового искусства как канала формирования системы традиционных ценностей. Во-первых, развитие комплекса коммуникационно-образовательных инструментов, направленных на донесение и осознание традиционных ценностей в современном искусстве на основе социальных медиа и обеспечивающих вовлечение широкой аудитории. К подобным инструментам относятся как специализированные каналы социальных медиа, фестивальное движение, грантовая поддержка творчества, развитие арт-пространств для привлечения молодежи, так и формирование ценностно ориентированного отношения к искусству в рамках образовательных учреждений: «создание отдельных медиапроектов в сфере сохранения традиционных ценностей как на государствен-

¹ What are the Impacts of Digital-Based Immersive and Interactive Art on Audiences? // AMT Lab. URL: <https://amt-lab.org/blog/2024/2/what-are-the-impacts-of-digital-based-immersive-and-interactive-art-on-audiences> (дата обращения: 08.11.2025).

² What are the Impacts of Digital-Based Immersive and Interactive Art on Audiences? // AMT Lab. URL: <https://amt-lab.org/blog/2024/2/what-are-the-impacts-of-digital-based-immersive-and-interactive-art-on-audiences> (дата обращения: 08.11.2025).

ном уровне, так и на уровне различных медиаорганизаций, приведет к эффективным результатам в достижении существующих, но до конца не реализованных государственных стратегий по цифровой трансформации искусства» [25, с. 83–92].

Другим существенным драйвером развития цифрового искусства в Российской Федерации является поддержка цифровой трансформации музеев и культурных учреждений. Так, благодаря передовым технологиям, таким как VR и AR, музеи получают возможность привлекать больше посетителей¹. Развитие же онлайн-платформ позволяет культурным учреждениям при продвижении государственно значимых мероприятий охватывать более широкую аудиторию и

повышать вовлеченность посетителей при приобщении к искусству.

Выводы

Очевидно, что задача формирования и сохранения системы традиционных ценностей в условиях цифровизации является одной из важнейших управленческих задач и требует формирования проектного подхода к развитию цифрового искусства. Перспективным развитием данного направления является проработка как общего механизма управления сферой цифрового искусства, так и необходимость поиска новых инструментов управления, соответствующих цифровой реальности.

Список литературы

1. Потапов В. П. Нравственно-воспитательный потенциал искусства в процессе духовного формирования молодежи: социологический аспект // Экономика. Право. Общество. 2016. № 2 (6). С. 20–30.
2. Шайдовская М. М. Социальные функции искусства в традиционных и современных обществах // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 3 (67). С. 100–109. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.8>
3. Казакова М. В. Культурные и креативные индустрии: границы понятий // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 11. С. 2875–2898. <https://doi.org/10.18334/ce.14.11.111156>
4. Тен В. Х. Цифровое искусство в формировании ценностей молодежи: исторические аспекты проблемы // Культурно-антропологические исследования. 2023. № 2. С. 16–21.
5. Рындина А. С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 590–609. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609>
6. Schwartz S. H. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5, is. 2-3. P. 137–182.
7. Яркова Е. Н. Искусство как предмет культурологии (опыт методологической рефлексии) // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 12–19.
8. Королёва Л. А. Цифровая эволюция искусства: социо-культурный анализ в контекстах философии и культуры постмодерна // Культура и технологии. 2018. Т. 3, вып. 1-2. С. 20–28. <https://doi.org/10.17586/2587-800X-2018-3-1-2-20-28>
9. Барабанов Е. Искусство на рынке или рынок искусства? // Художественный журнал. 2002. № 46. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/96/article/2135> (дата обращения: 25.11.2025).
10. Rodner V., Thomson E. The art machine: dynamics of a value generating mechanism for contemporary art // Arts Marketing: An International Journal. 2013. Vol. 3, N 4. P. 58–72. <https://doi.org/10.1108/20442081311327165>

¹Цифровизация в сфере культуры и искусства // Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
Статья:Цифровизация в сфере культуры и искусства (дата обращения: 01.11.2025).

11. Klammer A. The Value of Culture: On the Relationship between Economics and Arts. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1997. 245 p.
12. Popper F. Art of The Electronic Age. New York: Harry N. Abrams, 1993. 192 p.
13. Григорьев А. Д., Захарченко Т. Ю. Развитие концепций цифрового искусства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 5 (180). С. 11–17.
14. Деникин А. А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового искусства // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 36–45.
15. Costa M. Art Inside Technology Italian Philosophy of Technology // Philosophy of Engineering and Technology / ed. by S. Chiodo, V. Schiaffonati. Cham: Springer, 2021. Vol. 35. P. 218–282. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54522-2_14
16. Лаврентьева Е. А. Цифровое искусство как новая художественная система коммуникации // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2020. № 3-2. С. 191–202.
17. Нагорная Л. Н. Коммуникативный потенциал цифрового искусства: культурно-исторические парадигмы и практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 5 (121). С. 76–84. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-5121-76-84>
18. Bramantyo T. Digital Art and the Future of Traditional Arts // Journal of Musicological Research. 2021. Vol. 1. P. 96–110. <https://doi.org/10.33779/2587-6341.2021.1.096-110>
19. Cajulis R., Tuazon J., Cabauatan R. Artificial Intelligence in Digital Art: A Comparative Analysis on Impacts to Artists // International Journal of Arts, Recreation and Sports. 2025. Vol. 4, is. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.47941/ijars.2444>
20. Раш М. Новые медиа в искусстве / пер с англ. Д. Панайотти. М.: Ад Маргинем, 2022. 256 с.
21. Сабуров Е. Синтетическое искусство в игровом общества // Художественный журнал. 2002. № 46. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/96/article/2130> (дата обращения: 25.11.2025).
22. Zhai W. Innovation and Research of Digital Artwork Design Based on Big Data and Integrated Media // Journal of Function Spaces. 2022. N 2. P. 1–10. <https://doi.org/10.1155/2022/6333688>
23. Chen J. The Role of AI: Speculative Design in Redefining Artistic Collaboration // Journal of Ecohumanism. 2024. Vol. 3, N 8. P. 2261–2272. <https://doi.org/10.62754/joe.v3i8.4899>
24. Tillayeva G. The Impact of Digitalization on Cultural Practices and Values // International Journal of Law and Policy. 2025. Vol. 3. P. 1–21. <https://doi.org/10.59022/ijlp.263>
25. Дудкина А. В. Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 83–92. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92>

References

1. Potapov V.P. Moral and Educational Potential of Art in the Process of Spiritual Formation of Youth: Sociological Aspect. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*. 2016;(2):20–30. (In Russ.)
2. Shaidovskaya M.M. Social Functions of Art in Traditional and Modern Societies. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2024;13(3):100–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.8>
3. Kazakova M.V. Cultural and Creative Industries: The Boundaries of the Concepts. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2020;14(11):2875–2898. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.14.11.111156>
4. Ten V.H. Digital Art in the Formation of Youth Values: Historical Aspects of the Problem. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya = Cultural and Anthropological Research*. 2023;(2):16–21. (In Russ.)

5. Ryndina A.S. The origins of the theory of values in sociology and the directions of its development. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2021;21(3):590–609. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609>
6. Schwartz S.H. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*. 2006;5:137–182.
7. Yarkova E.N. Art as a Subject of Cultural Studies (Experience of Methodological Reflection). *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*. 2015;(3):12–19. (In Russ.)
8. Koroleva L.A. Digital Evolution of Art: Socio-Cultural Analysis in the Contexts of Postmodern Philosophy and Culture. *Kul'tura i tekhnologii = Culture and Technology*. 2018;3(1-2):20–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17586/2587-800X-2018-3-1-2-20-28>
9. Barabanov E. Art in the Market or the Market of Art? *Khudozhestvennyi zhurnal = Art Magazine*. 2002;(46). (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/96/article/2135> (accessed 25.11.2025).
10. Rodner V., Thomson E. The art machine: dynamics of a value generating mechanism for contemporary art. *Arts Marketing: An International Journal*. 2013;3(4):58–72. <https://doi.org/10.1108/20442081311327165>
11. Klammer A. The Value of Culture: On the Relationship between Economics and Arts. Amsterdam: Amsterdam University Press; 1997. 245 p.
12. Popper F. Art of The Electronic Age. New York: Harry N. Abrams; 1993. 192 p.
13. Grigoriev A. D., Zakharenko T. Yu. Development of Concepts of Digital Art. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2015;(5):11–17. (In Russ.)
14. Denikin A.A. Post-Digital Aesthetics in Digital Art Practices. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*. 2017;14(1):36–45. (In Russ.)
15. Costa M. Art Inside Technology Italian Philosophy of Technology. In: Chiodo S., Schiaffonati V. (eds.) *Philosophy of Engineering and Technology*. Vol. 35. Cham: Springer; 2021. P. 218–282. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54522-2_14
16. Lavrentyeva E.A. Digital Art as a New Artistic Communication System // Decorative Art and the Object-Spatial Environment. *Vestnik RGGPU im. S. G. Stroganova = Bulletin of the Stroganov Russian State University of Art and Industry*. 2020;(3-2):191–202. (In Russ.)
17. Nagornaya L.N. The Communicative Potential of Digital Art: Cultural and Historical Paradigms and Practices. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2024;(5):76–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-5121-76-84>
18. Bramantyo T. Digital Art and the Future of Traditional Arts. *Journal of Musicological Research*. 2021;1:96–110. <https://doi.org/10.33779/2587-6341.2021.1.096-110>
19. Cajulis R., Tuazon J., Cabauatan R. Artificial Intelligence in Digital Art: A Comparative Analysis on Impacts to Artists. *International Journal of Arts, Recreation and Sports*. 2025;4:1–27. <https://doi.org/10.47941/ijars.2444>
20. Папи М. New Media in Art. Moscow: Ad Marginem; 2022. 256 p. (In Russ.)
21. Saburov E. Synthetic Art in a Gaming Society. *Khudozhestvennyi zhurnal = Art Magazine*. 2002;(46). Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/96/article/2130> (accessed 25.06.2025).
22. Zhai W. Innovation and Research of Digital Artwork Design Based on Big Data and Integrated Media. *Journal of Function Spaces*. 2022;(2):1–10. <https://doi.org/10.1155/2022/6333688>
23. Chen J. The Role of AI: Speculative Design in Redefining Artistic Collaboration. *Journal of Ecohumanism*. 2024;3(8):2261–2272. <https://doi.org/10.62754/joe.v3i8.4899>
24. Tillayeva G. The Impact of Digitalization on Cultural Practices and Values. *International Journal of Law and Policy*. 2025;3:1–21. <https://doi.org/10.59022/ijlp.263>
25. Dudkina A.V. Traditional Values of Russian Society in the Digital Age. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*. 2022;17(4):83–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92>

Информация об авторах / Information about the Authors

Попов Евгений Васильевич, доктор экономических наук, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: epopov@mail.ru, SPIN: 9980-7417, Researcher ID: H-3358-2015, ORCID: 0000-0002-5513-5020, Author ID: 44798

Evgeny V. Popov, Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Sciences (Physico-Mathematical), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Center for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: epopov@mail.ru, SPIN: 9980-7417, Researcher ID: H-3358-2015, ORCID: 0000-0002-5513-5020, Author ID: 44798

Комарова Оксана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: okkomarova@yandex.ru, SPIN: 5879-2115, Researcher ID: AAA-1073-2019, ORCID: 0000-0001-6145-2631, Author ID: 348749

Oxana V. Komarova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economic Theory and Applied Sociology, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: okkomarova@yandex.ru, SPIN: 5879-2115, Researcher ID: AAA-1073-2019, ORCID: 0000-0001-6145-2631, Author ID: 348749

Осипенко Алексей Алексеевич, аспирант философии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, e-mail: AlexiusOsipenko@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-7330-6605

Alexey A. Osipenko, Postgraduate at the Philosophy, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, e-mail: AlexiusOsipenko@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-7330-6605

Способы обеспечения конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности в условиях неопределенности: стратегия и тактика

В. Ю. Забродина¹✉

¹ Российский биотехнологический университет
Волоколамское ш., д. 11, г. Москва 125080, Российская Федерация

✉ e-mail: valentina.u.z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Конкурентоспособность является фундаментальным условием для развития предприятий пищевой промышленности в условиях кризиса и внешних вызовов. В условиях санкционного давления, роста конкуренции иностранных производителей и их активности на российском рынке вопрос обеспечения конкурентоспособности отечественных предприятий пищевой промышленности становится первоочередной и актуальной задачей как на уровне макро-, мезо-, так и микроуровне. Поэтому возникает необходимость в разработке стратегии и тактического инструментария, способствующего увеличению конкурентных позиций отечественных производителей в сфере пищевой промышленности и достижения устойчивого положения таких предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Цель исследования – определить стратегии и разработать универсальный тактический план в формате «дорожная карта», ориентированный на обеспечение конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности Российской Федерации в условиях неопределенности.

Задачи: определить особенности обеспечения конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности; выявить проблематику; провести анализ способов обеспечения конкурентных преимуществ у предприятий пищевой направленности; разработать стратегию и тактический инструментарий, позволяющий в условиях кризиса и внешних вызовов обеспечить конкурентные преимущества предприятий, занятых в сфере производства пищевых продуктов.

Методология. В работе использован теоретический обзор отечественных и зарубежных авторов, занимающихся вопросами обеспечения конкурентоспособности в сфере производства пищевых продуктов. При проведении исследования использовались специальные методы – моделирование и case study.

Результаты. Определена стратегия, разработан универсальный тактический инструмент в формате «дорожная карта», необходимый для обеспечения конкурентоспособности производственных предприятий пищевой промышленности, подходящий как для производителей пищевой продукции с длительным сроком хранения, так и производителей скоропортящейся продукции.

Выводы. При проведении исследования сделан вывод о том, что выбор стратегии и разработка тактического инструментария позволяют повысить конкурентную позицию отечественных производителей пищевой продукции и сохранить их устойчивую позицию на рынке в условиях экономической нестабильности и внешних вызовов.

Ключевые слова: конкурентоспособность; предприятия пищевой промышленности; стратегия; тактика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Поступила в редакцию 19.12.2025

Принята к публикации 18.01.2026

Опубликована 27.02.2026

© Забродина В. Ю., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(1):282–297

Для цитирования: Забродина В. Ю. Способы обеспечения конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности в условиях неопределенности: стратегия и тактика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 282–297. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-282-297>

Ways to ensure the competitiveness of the food industry in the face of uncertainty: strategy and tactics

Valentina Yu. Zabrodina¹ ✉

¹ Russian Biotechnology University
11 Volokolamsk highway, Moscow 125080, Russian Federation

✉ e-mail: valentina.u.z@mail.ru

Abstract

Relevance. Competitiveness is a fundamental condition for the development of food industry enterprises in the context of crisis and external challenges. Because in conditions of uncertainty, the formation of competitive advantages allow to consolidate the position in the market, accelerate the pace of development of enterprises and achieve a sustainable situation. In conditions of sanctions pressure, growing competition from foreign producers and their activity on the Russian market, the issue of ensuring the competitiveness of domestic food industry enterprises becomes a primary and relevant task at both macro-, meso- and micro levels. Therefore, there is a need to develop a strategy and tactical tools that help increase the competitive position of domestic producers in the food industry and achieve the sustainable position of such enterprises both on the domestic and foreign markets.

The purpose of the study is to strategies and develop a universal tactical plan in the form of a roadmap aimed at ensuring the competitiveness of food industry enterprises in the Russian Federation in conditions of uncertainty.

Objectives: the study has set and consistently solved the following tasks: to determine the characteristics of ensuring the competitiveness of enterprises in the food industry, to identify problems, to analyze ways of providing competitive advantages for enterprises in the food sector, develop a strategy and tactical tools to ensure the competitive advantage of enterprises engaged in food production in times of crisis and external challenges.

Methodology. The paper uses a theoretical review of domestic and foreign authors concerned with ensuring competitiveness in food production. Special methods were used in the study: modelling and case studies.

Results. Based on the conducted research, a strategy was defined and a universal tactical tool in the format roadmap was developed is necessary to ensure the competitiveness of food processing enterprises suitable for both producers of food products with a long shelf life and producers of perishable products.

Conclusions. The study concluded that the choice of strategy and development of tactical tools allows to increase the competitive position of domestic food producers and maintain their stable position in the market under conditions of economic instability and external challenges.

Keywords: competitiveness; food industry enterprises; strategy; tactics.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zabrodina V.Yu. Ways to ensure the competitiveness of the food industry in the face of uncertainty: strategy and tactics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(1):282–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-282-297>

Received 19.12.2025

Accepted 18.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

В современном мире конкурентоспособность является необходимым элементом для функционирования предприятий

как коммерческого, так и производственного профиля. Это связано с тем, что ведение хозяйственной деятельности в любой сфере сопровождается высокой кон-

курением, рисками, множественными проблемными моментами. Для того чтобы противостоять им и удержать свою позицию, предприятиям приходится использовать новые технологии, расширять товарную линейку, использовать новые инструментарий для продвижения продукции с целью удержания потенциального потребителя и акцентировать его внимание на произведенный продукт. При этом конкуренция является вектором для развития предприятия и стимулом к его масштабируемости. Поэтому в условиях экономической неопределенности, санкционного давления, потери рынков сбыта, ужесточения тарифных и нетарифных мер со стороны иностранных государств достижение конкурентоспособной позиции на рынке крайне затруднено для отечественных предприятий. И для того, чтобы достичь конкурентной позиции, требуются стратегия и тактический инструментарий, способный обеспечить устойчивое положение на рынке и удержать рыночную позицию в борьбе с конкурентами и внешними вызовами. В качестве объекта анализа была выбрана отрасль производства пищевых продуктов в промышленном секторе Российской Федерации, так как в ней влияние конкуренции особенно сильно выражено вследствие занимаемой доли потребительского рынка.

Материалы и методы

Данное исследование построено на анализе научной литературы и материалов из сборников конференций отечественных и зарубежных авторов, к которым относятся: М. Портер, Дж. Траута, Р. А. Фатхутдинова, Ю. Н. Лапыгина, П. С. Завьялова, М. О. Ермолова, Д. С. Воронова и др. В качестве методов исследования использовались как общенаучные: анализ, синтез, обобщение, моделирование и др., так и специализированные научные методы: экспертной оценки, статистический анализ, кейсы и др.

Результаты и их обсуждение

В современных реалиях развитие производственного комплекса Российской Федерации (далее – РФ) является неотъемлемой частью перехода государства на новый технологический уклад. Поэтому обеспечение конкурентоспособности производителей товаров и продукции на внутреннем рынке является ключевой задачей современной экономической системы. Особенное влияние для поддержания экономической системы РФ оказывают промышленный сектор и аграрно-промышленный комплекс. Развитие данных секторов экономики создаст необходимый фундамент для обеспечения ресурсами и товарами первой необходимости, задействуя таким образом весь промышленный потенциал и ускорив темп развития большинства отраслей, необходимых для удовлетворения нужд государства и его населения. Однако в условиях внешних вызовов, технической зависимости от иностранного оборудования и комплектующих, действий санкционного режима потеря рынка сбыта оказывает высокое деструктивное воздействие на ведение хозяйственной деятельности как на макро-, мезо-, так и микроуровня. Поэтому вопрос о стабилизации и усилении темпов развития производственного комплекса остается открытым. Рассматривая данный факт, автором исследования была выбрана отрасль производства продуктов питания и напитков (пищевая промышленность), так как данная сфера хозяйственной деятельности является фундаментальной для государства. Отсутствие функционирования и выпуска значительного объема пищевой продукции приведет государство к фатальным последствиям. Однако для достижения наилучшего понимания процессов обеспечения конкурентоспособности необходимо обратиться к теоретико-понятийному аппарату.

В современной экономической науке термин «конкурентоспособность» обла-

дает множеством интерпретаций, образуя таким образом плюралистическое понимание со стороны научного сообщества. Например, по мнению американского ученого-экономиста М. Портера, конкурентоспособность понимается как свойство субъекта экономической деятельности осуществлять хозяйственную деятельность и быть объектом рыночных отношений наравне с конкурирующими организациями в борьбе за потребителя и получение дохода (прибыли) [1]. По мнению отечественного ученого-экономиста М. О. Ермолова, конкурентоспособность представляет собой отличительную характеристику субъекта от других участников экономических отношений в процессе развития и коммерческого влияния на рынке¹. А по мнению отечественного ученого-экономиста Ю. Н. Лапыгина, термин «конкурентоспособность» рассматривается как возможность осуществления результативной хозяйственной деятельности, характеризующей максимизацию получения дохода и коммерческой выгоды в условиях рынка [2]. Существуют и альтернативные мнения. Например, отечественный ученый-экономист Р. А. Фатхутдинов считает конкурентоспособность свойством объекта, характеризующим его степенью удовлетворения реальных потребностей и влияния на рынок в сравнении с идентичным ему объектами [3]. А по мнению ученого-экономиста З. А. Васильева, конкурентоспособность понимается как способность удовлетворения потребностей потенциального потребителя при выпуске товаров и услуг в сравнении с действиями конкурентов, основываясь на принципе превосходства над ними [4]. На основе проведенного анализа интерпретаций термина «конкурентоспособность» автор исследования соглашается с мнением З. А. Васильева, так как действия, совершаемые предприятием при воздействии на

него конкурентов, направлены на удовлетворение потребностей ключевого потребителя, и чем выше удовлетворенность, тем больше влияния на рынок будет оказывать предприятие. Таким образом, создавая превосходство перед остальными участниками рыночных отношений (конкурентами), рассматривая теоретико-понятийный аппарат, можно выделить, что достижение конкурентных преимуществ зависит от следующих элементов: адаптивность, самосовершенствование, клиентоориентированность, понимание потребностей и стремление к развитию. Совокупность этих компонентов будет являться фундаментом для достижения поставленной цели – достижения предприятием конкурентных преимуществ.

В качестве объекта исследования была выбрана отрасль промышленного сектора пищевой промышленности Российской Федерации. По мнению автора исследования, данная отрасль является одной из наиболее конкурентных, как по объему выпуска продукции, так и по уровню спроса. Связано это с тем, что продовольственные товары являются социально значимыми и потребительский спрос на них остается наиболее стабильным, в сравнении с другими отраслями промышленного сектора. Предприятиям, осуществляющим производство продуктов питания, приходится использовать различные инструменты и тактические действия для обеспечения конкурентной позицией на рынке и усилить свое положение на нем. Рассматривая данный факт, необходимо определить состояние отрасли с целью выявления наиболее конкурентных сегментов производства продовольственных товаров. В качестве исходных данных для проведения анализа были рассмотрены статистические показатели, представленные в аналитических источниках Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат). Индикатором в исследовании выступает показатель индекса производства, который отражает те-

¹ Ермолов М. О. Конкурентоспособность предприятий: учебник. СПб.: Бизнес-пресса, 2007. 271 с.

кущее состояние уровня производительности отрасли и определения ее фактической устойчивости. Рассмотрим динами-

ку индекса производства пищевой промышленности Российской Федерации за период 2013–2014 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей индекса производства пищевой промышленности Российской Федерации в 2013–2024 гг.¹

Отрасль производства	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Производство пищевых продуктов	86,1	98,4	87,3	99	86,3	99,7	84,5	98,9	87,7	99,2	89,8	100
Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции	89,8	104,6	90,8	105,6	87,4	105,9	86,5	103,1	90,5	103,1	90,2	103,5
Переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков	90,3	92,1	101,4	102,3	90,2	105,8	81,7	93,3	92,4	97,1	105,8	104,1
Переработка и консервирование фруктов и овощей	83,6	93,6	86,3	90,2	87,5	98,5	82	94,5	83,8	99,6	80,3	106,5
Производство растительных и животных масел и жиров	82,1	101,1	88,8	95,9	82,5	97,1	86,5	103,1	89,2	103,8	90	99,2
Производство молочной продукции	99	104,8	98,3	105,1	97,5	102,7	98,8	102,5	100,6	103,5	98,4	100,8
Производство продуктов мукомольной и крупяной промышленности	80,7	100,1	82,5	99,1	82	102,3	82,1	97	87,4	96,7	85,8	100
Производство хлебобулочных и мучных кондитерских изделий	90,1	98,1	89,7	102,3	92,2	101,3	90,2	99,7	91,1	101,4	90,3	100,9
Производство прочих пищевых продуктов	63,4	89,1	64,4	83,7	68,4	83,7	66,7	91,5	70	89,8	76,4	91,2
Производство готовых кормов для животных	90,3	103,6	91,3	102,1	89,6	108,3	91,6	105,5	88,3	100,7	91,4	97,7
Производство напитков	73,6	99,2	66,5	107,3	68,1	99,8	72,1	98,9	78,8	93,4	84,5	97,8

Рассматривая динамику индексов производства, можно выделить, что на текущий момент состояние отраслей находится в стабильном положении, уровень диспропорциональной вариативности находится в состоянии нормы, исключением можно назвать периоды 2017, 2020, 2022–2023 гг., в которых наблюдается резкий уровень снижения

значений индикаторов вследствие влияния внутренних и внешних факторов. В 2017 г. произошла эпидемия свиного гриппа, поэтому наблюдается тенденция спада в отраслях производства молочной и мясной продукции. В 2020 г. пандемия COVID-19 существенно сказывается на индексах производства производственных предприятий пищевой промышленности.

¹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.11.2025).

2022–2023 гг. — введение санкционного режима в условия проведения СВО на Украине, что существенно приводит к снижению показателя индекса производства в результате уменьшения объема экспорта продукции, объема производства. Несмотря на вышеизложенные факты, отрасли пищевой промышленности сохраняют свою устойчивость и продолжают стабильно развиваться, что говорит

о сохранении высокой конкуренции в сегменте продовольственных товаров на рынке. С целью более детального отражения результатов проведенного статистического анализа состояния отраслей пищевой промышленности нами была сформирована диаграмма с отражением линии тренда, отображая графически проведенный анализ (рис. 1).

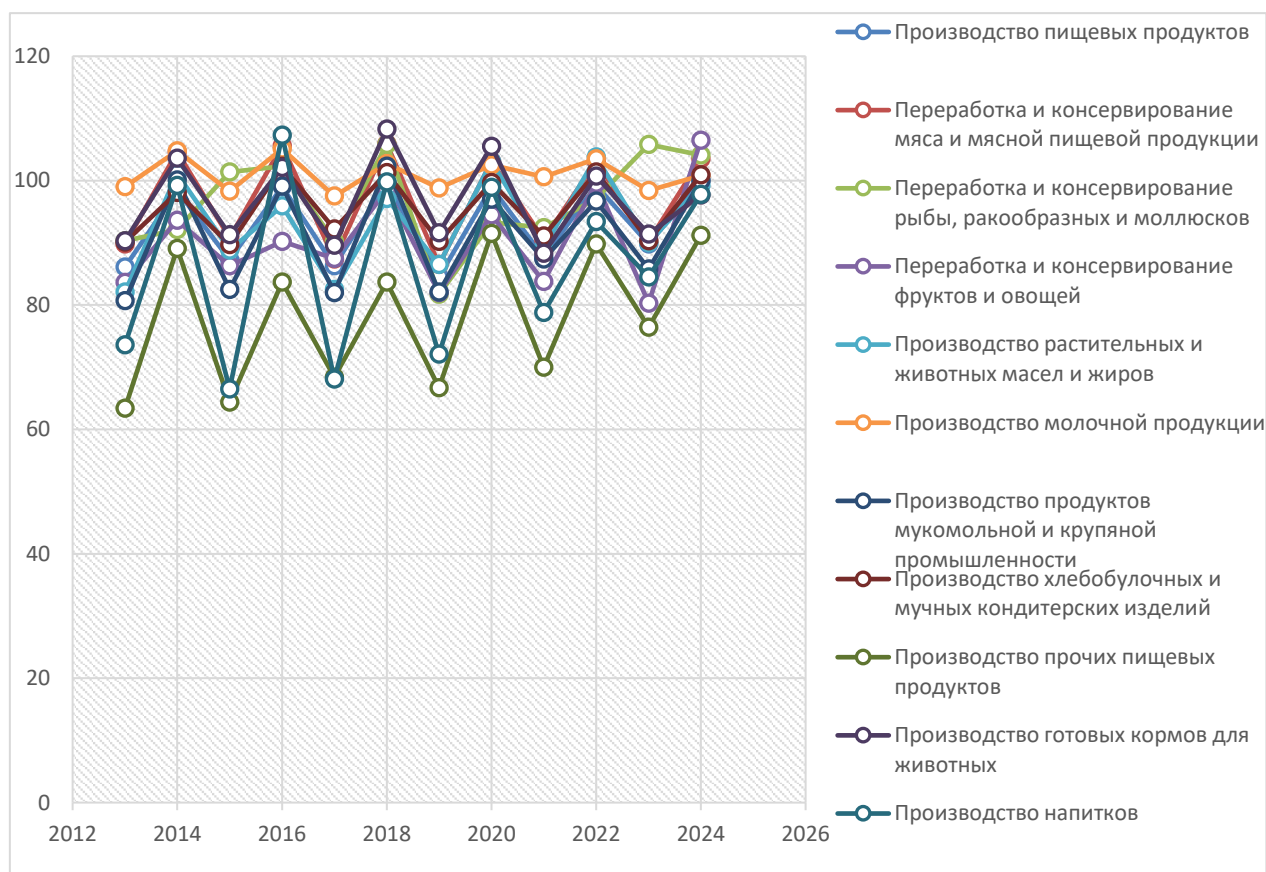

Рис. 1. Динамика тренда индекса производства пищевой промышленности Российской Федерации в 2013–2025 гг.¹

На основе проведенного анализа можно выделить, что сфера пищевой промышленности в Российской Федерации является одной из наиболее стабильно развивающихся, что обуславливает высокий уровень конкуренции в борьбе за потребителя в условиях роста потребительского спроса продукции. Однако для удержания конкурентной позиции на рынке требуется изучить успешный опыт компаний, функционирующих в разных отраслях производства продуктов пита-

ния и напитков. Далее представлен краткий обзор кейсов и успешных практических решений компаниями², функциони-

¹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.11.2025).

² Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах: учебное пособие. М.: ИНФРА – М, 2019. 336 с.

рующими на рынке продовольственных товаров и напитков:

1. Компания *PepsiCo.ru*. По данным рейтинга *INFOLine Food&Drink Rating Russia 2025*¹ занимает первое место по выручке среди всех компаний, которая (359 млрд руб.). Несмотря на то, что большинство иностранных компаний ушли с российского рынка, компания *PepsiCo* адаптировалась к условиям санкций и сменила названия выпускаемых напитков на *Evervess* и *Frustyle*. Таким образом, сохранив конкурентную позицию за счет изменения товарной линейки, активного сотрудничества с крупными сетевыми ретейлерами и представителями сферы общественного питания, компания не только отстояла свое право функционирования на внутреннем рынке Российской Федерации, но и увеличила рыночную долю до 35% от общего объема рынка, став крупнейшим производителем напитков на отечественном рынке.

2. Производственная компания ГК «Эфко». Занимает второе место в рейтинге по объему выручки в 344 млрд руб., является ключевым производителем продуктов питания и переработчиком масличных культур. Компания обрела конкурентное преимущество за счет привлечения потенциальных инвесторов, внедрения новых технологий, включая использование беспилотных систем полива, собственных запасов и объема поставок сырья.

3. Группа компаний «Русагро». Занимает третье место в рейтинге по объему выручки в 340 млрд руб. Является крупнейшим предприятием по выращиванию овощных культур и масложирового промысла. За счет интеграции ГК «НМЖК» в структуру компании приобрела комплекс по переработке масложировой продукции, а структура собственной системы логистики и масштаба производства, а также активное сотрудниче-

ство с представителями крупных сетевых ретейлов способствовали выходу на новый конкурентный рынок и достижению конкурентного преимущества за счет масштаба и объема внутреннего ресурса.

4. Компания «Мираторг» – одно из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий в Российской Федерации. По уровню капитализации на 2025 г. занимает 5 место в рейтинге с объемом в 305 млрд руб. За счет огромных масштабов производства, широкого ассортимента продукции полуфабрикатов и изделий из мяса, а также собственных фермерских хозяйств компания достигла конкурентного преимущества. При этом особенную роль в процессе усиления конкурентной позиции сыграла высокоэффективная стратегическая система бизнес-процессов, основанная на быстрой адаптивности к условиям рынка. Благодаря грамотной системе управления, компания активно развивается и остается лидером в данной отрасли производства.

5. Компания *KDV-Group* – крупнейший производитель в России кондитерских изделий и снеков под такими брендами, как «Яшкино», *Ozera*, «Кириешки», *Calve*, «ЗКорочки» и др. Общий оборот компании составил 305 млрд руб. Благодаря активному использованию стратегического, маркетингового инструментария и собственной системы логистики компания активно продолжает развиваться и представлять новые продуктовые линейки на рынок. При этом продукция компании представлена не только в крупных ретейлах, розничных торговых точках, но и активно размещена на маркетплейсах и собственном интернет-магазине, увеличивая масштаб распространения продукции не только на внутреннем рынке, но и за рубежом.

На основе проведенного анализа можно выделить, что достижение конкурентоспособности в сфере промышленного производства продуктов питания и напитков в большинстве случаев достигается за счет системы грамотного управления оперативного решения операционных задач и налаженных партнерских

¹ Рейтинг INFOLine FOOD&DRINK RATING RUSSIA-2025 // INFOLine. URL: <https://infoline.spb.ru/news/index.php?news=301087> (дата обращения 18.11.2025)

связям [5]. Однако в экономической системе существует множество представителей малого предпринимательства, занятых в сфере пищевой промышленности, у которых отсутствуют большие объемы ресурсной базы и выручка, которые существенно отличаются от представителей агрохолдингов. Для достижения конкурентной позиции в отрасли производства пищевых продуктов требуется инструментарий и стратегические решения, способствующие усилить позицию представителей малого бизнеса в условиях неопределенности и внешних вызовов. Рассматривая данный факт, автором исследования были выявлены стратегии, позволяющие достичь конкурентного преимущества на рынке и продолжить осуществлять хозяйственную деятельность на рынке. Данные стратегии представлены далее в исследовании.

В практической деятельности предприятия пищевой промышленности используют два основных типа стратегий, которые подразделяются на атакующие и оборонительные [6]. Рассмотрим данные типы стратегий более подробно. Атакующий тип стратегий используется в случае, если предприятие только выходит на сегмент нового рынка [7] либо действует против потенциальных конкурентов и планирует захватить рыночную нишу и функционировать на ней. В случае применения оборонительного типа стратегий [8] действия предприятия направлены на защиту и сохранение своей позиции на рынке. В зависимости от поставленной цели предприятие может комбинировать выбор типа и стратегии. В графическом виде классификация стратегий отражена ниже (рис. 1).

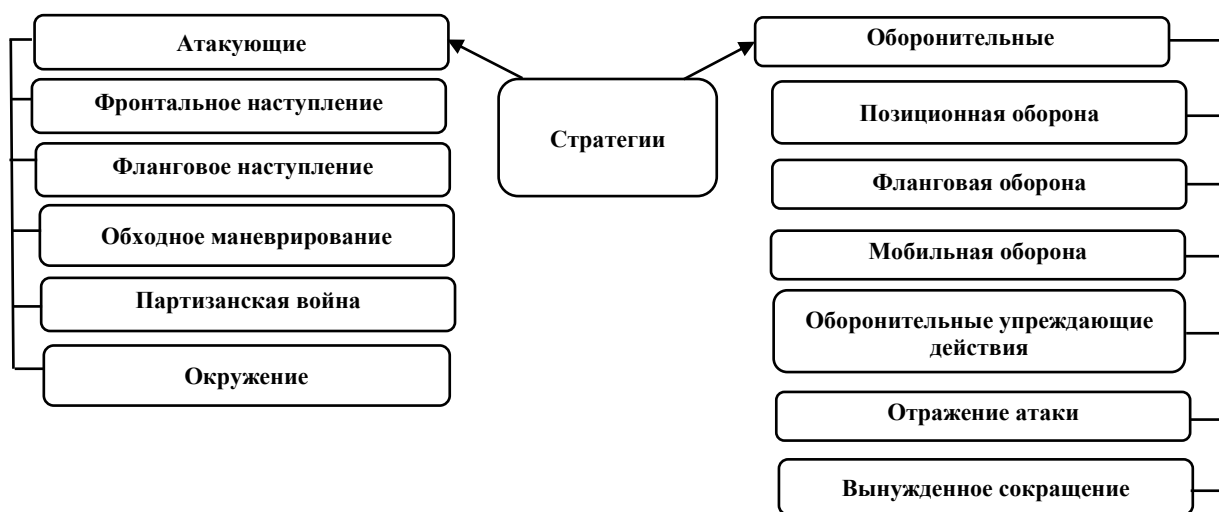

Рис. 2. Классификация стратегий, применяемых предприятиями пищевой промышленности для обеспечения конкурентной позиции на рынке [9]

Рассмотрим представленные на рисунке 2 стратегии более подробно.

1. Атакующие стратегии:

1) фронтальное наступление. Подразумевает собой осуществление прямого нападения на потенциального конкурента, обладающего большей рыночной долей, используя ценовой демпинг и формируя качественные отличительные характеристики представляемого товара. Данная стратегия подходит для крупных

предприятий и агрохолдингов, так как для нападения на лидера отрасли требуется значительный объем ресурсов для обеспечения конкурентной позиции. Одним из таких примеров является выход на рынок продукции КФХ «Богодуховское» – производителя мясных деликатесов. Компания представила себя как экологически чистый продукт с уникальной рецептурой, что позволило занять нишу премиальных продуктов, акцентировав

внимание потребителей на своей уникальности;

2) фланговое нападение. Стратегия предполагает атаку на выраженные недостатки в товарной линейке конкурента и качественных характеристик продукции, таким образом фокусируя внимание потребителя на собственной продуктовой линейке. Данная стратегия подходит для производителей продукции, представляющих малое и среднее предпринимательство. Примером использования данной стратегии является компания *Bonduelle*, которая в 2019 г. планировала выйти на нишу консервированных продуктов и вывести на рынок консервированные оливки и маслины. При помощи грамотной построенной рекламной кампании видеоролик с рекламой переориентировал отечественного потребителя с импортных аналогов продукта на продукцию «Бондюэль», изменив в ролике возраст целевой аудитории на детей, употребляющих оливки и маслины. После выпуска видеоролика за месяц уровень продаж продукции увеличился на 20%, сместив основных конкурентов в данной нише – испанскую компанию *Iberica*;

3) обходное маневрирование. Данная стратегия акцентирована на фактическом изменении рыночного тренда и потребительской потребности в сторону собственной продуктовой линейки путем использования агрессивного маркетинга и уникальности продукции. Стратегия подходит для всех категорий предприятий, относящихся к пищевой промышленности. Успешный пример использования данной стратегии является применением компанией «Черноголовка» по отношению к компании «Добрые напитки» (бывшая *Coca-Cola group*), выпустив аналог ушедшего с отечественного рынка напитка *Coca Cola*, таким образом заняв актуальную нишу и повысив таким образом продажу импортозамещенного напитка на 30% за первый месяц;

4) партизанская война. Стратегия подразумевает атакующие воздействие на

конкурента путем использования сервисных инструментов, направленных на усиление потребительской лояльности к собственной продуктовой линейке. Такая стратегия пользуется наибольшей популярностью среди предприятий, производящих продукты питания, так как не требует высоких затрат. Одним из успешных примеров данной стратегии является маркетинговая война между компанией *ABI-product* и «Останкино», являющихся прямыми конкурентами. Компания *ABI-product* пригласила известного певца *Timati* для рекламы бренда «Горячая штучка», после выпуска видеоролика и промоакции уровень продаж продукции бренда «Горячая штучка» увеличилась на 21%;

5) окружение. Данная стратегия подразумевает сегментарную и ассортиментную атаку на разные продуктовые ниши, где присутствуют товары конкурента, образуя таким образом масштаб присутствия собственной товарной линейки и привлекая внимание потенциального потребителя. Данная стратегия широко применяется производителями кондитерских изделий, мясной продукции и полуфабрикатов, а также молочной продукции и является одной из самых используемых видов стратегий. Примером успешного применения данной стратегии является бренд «Простоквашино» (принадлежит *Danone*) в противостоянии бренда «Домик в деревне» компании «ВимБильДан». Благодаря широкой линейке продукции выпускаемой «Простоквашино» и использованию в маркетинговой кампании персонажей из мультфильма бренд активно вышел на рынок, акцентировал внимание целевой аудитории на собственную продукцию, сменив лидирующую позицию на рынке молочной продукции.

2. Оборонительные стратегии:

1) позиционная оборона. Основывается на пассивном выстраивании оборонительных позиций предприятия по отношению к конкуренту за счет узнавае-

мости бренда и дополнительных форм лояльности по отношению к потребителю. Данная стратегия обуславливается сохранением программы лояльности к потребителю, формируя таким образом барьер для атакующего конкурента. Применяется крупными предприятиями пищевой промышленности с устойчивой рыночной позицией на рынке. Одним из наиболее ярких примеров является оборонительная позиция холдинга («Рот Фронт», «Бабаевский» и «Красный Октябрь»), который отстаивает собственную позицию на рынке за счет устоявшихся традиций, качества и классического ассортимента и успешно защищается в условиях конкурентной борьбы;

2) фланговая оборона. Стратегия направлена на оптимизацию существующего продукта путем увеличения качественных характеристик и условий хранения, таким образом снижая возможность конкурента выявить «слабости» у продукта и ими воспользоваться. Применяется достаточно широко производителями напитков и кондитерских изделий. Стратегия подходит для большинства категорий производителей, однако требует значительного объема ресурсов. Одним из успешных примеров использования данной стратегии является компания «Русский продукт», выпускающая замороженные полуфабрикаты. Основной принцип используется в грамотном построении ассортиментной линейки и вывода ее на рынок, определяются ниши с наименьшим числом конкурентов, либо используют уникальные рецепты, что позволяет обеспечить быструю переориентацию на другую целевую аудиторию и потребителя, удерживая таким образом свою позицию на рынке;

3) оборонительные упреждающие действия. Данная стратегия характеризуется выпуском новой и уникальной продукции либо улучшением существующего продукта, повышая его качественные характеристики, формируя барьер для выхода товаров конкурента на рыночную

нишу. Использование такой стратегии позволяет усилить конкурентную позицию товара и сформировать устойчивое положение предприятия на занимаемой нише и рыночном сегменте. Подходит для большинства производителей [10]. Один из примеров успешного применения данной стратегии – обеспечение оборонительных позиций компании АО «Черемушки». Производитель кондитерских изделий осуществляет защиту конкурентных позиций с помощью юридических барьеров, быстро активизирует патент, организует судебные процессы против конкурентов путем привлечения общественных организаций «Контрольная закупка» и др., а также активно сотрудничает с правоохранительными органами, оказывая помощь в поиске фальсифицированного продукта, обеспечивая защиту своей конкурентной позиции на рынке;

4) отражение атаки. Стратегия используется в случае активной фазы нападения конкурента. Ее основная задача – сформировать ответные действия на конкурента, способствующие ослаблению его позиции. Основными инструментами являются ценовые методы конкурентной борьбы и акцентирование внимания на сервисные действия в виде промоакций и др [11]. Подходит для большинства производителей в сфере пищевой промышленности. В качестве успешного примера применения данной стратегии можно привести компанию «Сибирская ягода» – производителя натуральных напитков, соков и морсов, по уникальным рецептам используя экологически чистое сырье, которая обладает несколькими патентами на разработку собственной технологии ферментации и чистки сырья, что позволяет обеспечить защиту своей позиции на рынке;

5) мобильная оборона. Представленная стратегия характеризуется активной фазой противостояния предприятий в борьбе за потребителя. Основной целью данной стратегии является привлечение

максимального внимания потребителя на слабости конкурента с помощью инструментов пиара и информационной дискредитации, акцентируя внимание потребителя на собственной продукции [12]. Подходит для большинства производителей пищевой продукции, однако требуется высокая квалификация сотрудников отдела маркетинга. Одним из успешных примеров использования данной стратегии является компания «Альянс» – производитель замороженной продукции и полуфабрикатов. В момент выхода новой линейки продукции от компании «Морозко» он подал в суд за использование черного пакета для упаковки пельменей, идентичного с пакетом для упаковки, используемым компанией «Альянс». В ходе судебного разбирательства компания «Альянс» выиграла дело и отстояла свою конкурентную позицию на рынке;

б) вынужденное сокращение. Целями стратегии являются сокращение количества выпуска продукции и перераспределение ресурсов с последующей активизацией внимания на более перспективных рыночных нишах. Применяется в случае более устойчивой позиции конкурента на рыночной нише. Одним из примеров, когда данная стратегия помогла сохранить позицию на рынке, можно назвать сокращение объемов производства пивоваренной компании «Балтика». В 2023 г. вследствие роста издержек и дебиторской задолженности компания приняла решение о замене тары с 0,5 л на объем 0,45 л, что способствовало снижению себестоимости продукции и уменьшению издержек, а также позволило сохранить действующую ценовую политику на рынке, удержать собственную рыночную позицию.

Представленные стратегии применяются в зависимости от условий на рынке и активности конкурентов [13]. Однако для обеспечения результата при их выборе требуется тактический инструментарий, позволяющий достичь конкурентной позиции предприятия и

результата. В зависимости от сферы производства в пищевой промышленности и сроков хранения выпускаемой продукции будет зависеть набор тактических инструментов [8] при формировании плана. Рассматривая данный факт, нами разработан универсальный тактический план повышения конкурентных позиций предприятия пищевой промышленности на рынке в формате «дорожная карта». Преимущества данного формата заключаются в детализации действий, целей, результатов и сроков прохождения каждого этапа выбранной стратегии, а также ответственных лиц, обеспечивающих реализацию стратегии достижения конкурентных преимуществ (рис. 3).

Представленный, тактический план (см. рис. 3) подразумевает пошаговый алгоритм действий предприятия при выходе на новую рыночную нишу. Благодаря своей универсальности его можно адаптировать под любую сферу хозяйственной деятельности. При этом он подходит предприятиям, активно функционирующим на рынке, а также предприятиям, которые только собираются осуществлять вывод продукции на процесс массового производства. Рассмотрим данный тактический план более подробно.

Первый этап связан с проведением детального анализа рыночных условий и поиска потенциальной рыночной ниши, на которую предприятие предполагает осуществить выпуск продукта. В данный этап входит определение целевой аудитории, изучение рыночной конъюнктуры и особенностей их потребительской модели поведения [14]. После проведенного анализа проводится общее собрание, на котором проводится мозговой штурм с целью разработки идеи нового продукта питания или напитка с уникальными свойствами, нацеленного на покупательскую потребность. После этого происходит переход на следующий этап.

Следующий этап связан с анализом потенциальных конкурентов, в ходе которого выявляются уязвимости, на кото-

рые можно среагировать и таким образом усилить собственную конкурентную позицию и привлечь к собственной продуктовой линейке потребителя, а также пе-

реориентировать его в свою пользу. После чего осуществляется выбор основной стратегии и модель поведения на новой рыночной нише.

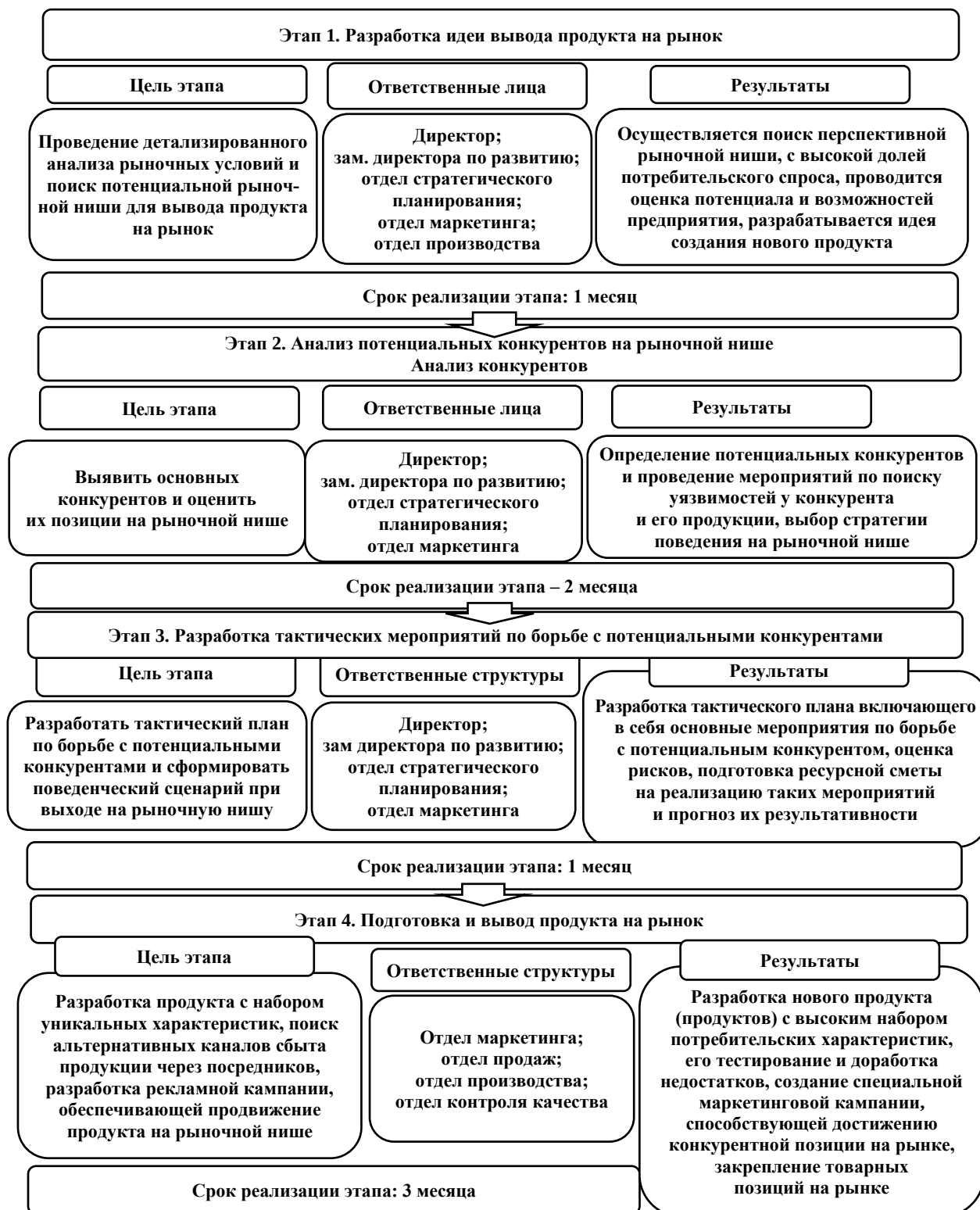

Рис. 3. Тактический план достижения конкурентных преимуществ предприятия пищевой промышленности на рынке

Третий этап основан на разработке тактических мероприятий, позволяющих привлечь нового потребителя, воздействовать на его изменчивость потребительских ожиданий [15]. Особенности этого этапа заключаются в проработке маркетинговой кампании [16] и действий, которые входят в ее состав. В качестве инструментов используются промоакции, системы бонусов и лояльности, пиар, ценовые инструменты, а также мероприятия, применяемые для дискредитации конкурента. В качестве примера можно привести компанию «АБИ-продукт» (крупнейшего в Российской Федерации производителя изделий из мяса и полуфабрикатов) и случай, когда потенциальные конкуренты в социальных сетях произвели информационный взброс о том, что в колбасных изделиях, производящихся на предприятии «АБИ Продукт», используется специальный мясной клей, оказывающий негативное влияние на здоровье потребителя. После публикации и массовой рассылки уровень продаж мясной продукции за неделю упал на 17,5% [9]. Поэтому детализованная и продуманная маркетинговая кампания может сформировать условия для обеспечения конкурентной позиции предприятия на рынке и закрепить ее успех.

Четвертый этап основывается на создании нового продукта с высокими ценностными характеристиками. В рамках прохождения производства производится прототип, проводится его тестирование и в случае успешного тестирования выпускается на рынок [17]. В случае, когда обнаруживаются недостатки, его отправляют на доработку [18] (оптимизация рецептуры, изменение упаковки и тары для продукта, добавление новых компонентов и др.). После проведенных испытаний продукт выводят на рынок и обеспечивают его продвижение с помо-

щью дистанционного сопровождения продукцию.

Следует отметить, что представленные стратегии в комбинации с тактическим инструментарием [19] образуют маркетинговую кампанию, при реализации которой обеспечивается стабильный рост предприятия и его конкурентных позиций в сравнении с конкурентами на рынке. Таким образом, можно выделить, что ключевую роль в условиях обеспечения конкурентоспособности предприятия производящего продукты питания играет наличие оптимальной стратегии, тактического плана и комплекса мероприятий, что в совокупности относится к маркетинговой кампании.

Выводы

На основании вышесказанного можно выделить, что для достижения конкурентоспособности в отрасли пищевой промышленности требуются стратегия и специальный тактический план, включающий в себя различные инструменты, используемые для достижения результата в условиях конкурентной борьбы и экономической неопределенности экономической системы. Разработанный тактический план обладает универсальностью использования как для производителей продукции с длинным сроком хранения, так и производителей скоропортящейся продукции.

Стратегия и тактический план являются одними из ключевых элементов по достижению конкурентной позиции на рынке и формирования производственного потенциала предприятий в отрасли пищевой промышленности. С их помощью можно быстро и оперативно решить возникающие в процессе производства и реализации продукции проблемные моменты и способствовать выходу предприятия на новый этап экономического развития.

Список литературы

1. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 1543 с.
2. Воронов Д. С. Соотношение конкурентоспособности предприятия и конкурентоспособности его продукции // Современная конкуренция. 2015. Т. 9, № 1 (49). С. 39–53.
3. Васильева З. А. Иерархия понятий конкурентоспособности субъектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 83–90.
4. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью предприятия. М.: Маркет-DS, 2008. 203 с.
5. Фасхиев Х. А. Как оценить и управлять качеством и конкурентоспособностью товаров и услуг // Маркетинг в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 88–102.
6. Кудряков Р. И. Использование стратегических приемов организаций в условиях маркетинговых войн (на примере Владимирской области) // Russian Studies in Law and Politics. 2020. Т. 4, № 2. С. 9–15.
7. Бочарова О. Н. К вопросу о повышении конкурентоспособности предприятий АПК // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7. С. 19–23.
8. Урасова А. А. Особенности развития пищевой промышленности в Пермском крае в современных условиях // Ars Administrandi. 2015. № 4. С. 124–138.
9. Траут Дж., Райс Эл. Маркетинговые войны. СПб.: Питер – Москва, 2006. 256 с.
10. Батра Р., Майерс Д. Д., Аакер Д. А. Рекламный менеджмент: [пер. с англ.]. М.; СПб.: Вильямс, 2004. 784 с.
11. Дружникова Е. П., Никитин А. И., Ткаченко Г. И. Формирование и оценка потенциала конкурентоспособности на основе резервов экономического развития предприятия: монография. Белгород: ИП Остащенко А. А., 2011. 190 с.
12. Невматулина З. А. Оценка конкурентоспособности секторов АПК Казахстана в условиях ЕАЭС // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 10-2. С. 31–35.
13. Серегин С. Н., Каширина О. Н. Повышение конкурентоспособности – важнейший фактор экономического роста в пищевой промышленности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 8. С. 11–17.
14. Митяй О. В. Маркетинговые инструменты повышения конкурентоспособности предприятий агропромышленного комплекса // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 8-1. С. 113–120.
15. Бочарова О. Н., Потокина С. А., Ланина О. И. Резервы повышения конкурентоспособности предприятий региональных агропродовольственных систем // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 28–37.
16. Федотова Г. В. Программный бюджет в региональном стратегическом планировании // Дайджест-финансы. 2013. № 12 (228). С. 29–34.
17. Федотова Г. В. Формирование национальной законодательной базы стратегического управления экономикой // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 20–29.
18. Рольбина Е. С. Новые инструменты обоснования стратегии маркетинга и позиционирования товара на рынке // Актуальные проблемы становления рыночных отношений: сборник научных трудов. Казань: Казанский государственный финансово-экономический институт, 2002. С. 130–139.
19. Дохолян С. В., Эмиргамзаев Д. Г. Стратегические направления устойчивого высокоэффективного аграрного производства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3. С. 168–185.

References

1. Porter M. International Competition. Competitive Advantages of Nations. Moscow: Al'pina Publisher; 2016. 1543 p. (In Russ.)
2. Voronov D.S. The Relationship between the Competitiveness of an Enterprise and the Competitiveness of Its Products. *Sovremennaya konkurentsia = Modern Competition*. 2015;9(1):39–53. (In Russ.)
3. Vasilyeva Z.A. The Hierarchy of Concepts of Market Actors' Competitiveness. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*. 2006;(2):83–90. (In Russ.)
4. Fatkhutdinov R.A. Management of Enterprise Competitiveness. Moscow: Market-DS; 2008. 203 p. (In Russ.)
5. Faskhiev Kh.A. How to Assess and Manage the Quality and Competitiveness of Goods and Services. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*. 2014;(3):88–102. (In Russ.)
6. Kudryakov R.I. The Use of Strategic Techniques by Organizations in the Context of Marketing Wars (on the Example of the Vladimir Region). *Russian Studies in Law and Politics*. 2020;4(2):9–15. (In Russ.)
7. Bocharova O.N. On the Issue of Increasing the Competitiveness of Agricultural Enterprises. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*. 2013;(7):19–23. (In Russ.)
8. Urasova A.A. Features of the development of the food industry in the Perm Territory in modern conditions. *Ars Administrandi*. 2015;(4):124–138. (In Russ.)
9. Trout J., Rice Al. Marketing Wars. Saint Petersburg: Peter – Moscow; 2006. 256 p. (In Russ.)
10. Batra R., Myers D.D., Aaker D.A. Advertising management. Moscow; Saint Petersburg; Williams; 2004. 784 p. (In Russ.)
11. Druzhnikova E. P., Nikitin A. I., Tkachenko G. I. Formation and assessment of competitiveness potential based on reserves of economic development of the enterprise. Belgorod: IP Ostashchenko A. A.; 2011. 190 p. (In Russ.)
12. Nevmatulina Z.A. Assessment of the Competitiveness of Kazakhstan's Agro-Industrial Complex Sectors in the EAEU. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh = National Association of Scientists*. 2015;(10-2):31–35. (In Russ.)
13. Seregin S.N., Kashirina O.N. Increasing Competitiveness is a Crucial Factor for Economic Growth in the Food Industry. *Ekonomika sel'skokho-zyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii = Economics of Agricultural and Processing Enterprises*. 2012;(8):11–17. (In Russ.)
14. Mityay O.V. Marketing tools for increasing the competitiveness of enterprises in the agro-industrial complex. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovations*. 2015;(8-1):113–120. (In Russ.)
15. Bocharova O.N., Potokina S.A., Lanina O.I. Reserves for increasing the competitiveness of enterprises in regional agro-food systems. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2012;(2):28–37. (In Russ.)
16. Fedotova G.V. Program Budget in Regional Strategic Planning. *Daidzhest-finansy = Digest-Finance*. 2013;(12):29–34. (In Russ.)
17. Fedotova G.V. Formation of the National Legislative Framework for Strategic Economic Management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2014;(1):20–29. (In Russ.)

18. Rolbina E.S. New tools for substantiating marketing strategy and product positioning in the market. In: *Aktual'nye problemy stanovleniya rynochnykh otnoshenii: sbornik nauchnykh trudov* = *Actual problems of the formation of market relations: Collection of scientific papers*. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi finansovo-ekonomicheskii institut; 2002. P. 130–139. (In Russ.)

19. Doholyan S.V., Emirgamzaev D.G. Strategic directions of sustainable high-efficiency agricultural production. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* = *Regional Problems of Economic Transformation*. 2012;(3):168–185. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Забродина Валентина Юрьевна, аспирант,
Российский биотехнологический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: valentina.u.z@mail.ru,
ORCID: 0009-0005-1436-8732

Valentina Yu. Zabrodina, Postgraduate,
Russian Biotechnology University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: valentina.u.z@mail.ru,
ORCID: 0009-0005-1436-8732

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, ResearcherID и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>.